

3 (26)

2014

ISSN 1811-7465

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**№ 3 (26)
2014**

ISSN 1811-7465

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
д.и.н. А.Н. Багашев

Редакционный совет:
д.и.н., акад. РАН В.И. Молодин (председатель),
д.и.н., чл.-кор. РАН А.П. Бужилова, д.и.н. С.В. Васильев, д.и.н., чл.-кор. РАН А.В. Головнев,
д.и.н. В.Н. Логвин, д.и.н. Н.А. Миненко,
д.и.н. О.М. Рындина, д.и.н. Н.А. Томилов, д.и.н. Т.Н. Троицкая, д.и.н. Л.А. Чиндина,
д.и.н. Ю.К. Чистов, д.и.н. Л.Т. Яблонский

Редакционная коллегия:
д.и.н. М.Г. Агапов, к.и.н. А.Д. Дегтярева (зам. главного редактора), д.и.н. В.А. Зах,
к.и.н. В.П. Клюева, к.и.н. Н.А. Лискевич (ответственный секретарь),
к.г.-м.н. Н.Е. Рябогина, д.и.н. А.А. Ткачев

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и СМК
Свидетельство № 044577 от 09.03.2004

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, E-mail: ipos@tmn.ru

*Электронная версия журнала (ЭЛ № ФС 77-32570; гос. регистрация № 0421100085; ISSN 2071-0437 (online)) —
режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.*

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2014

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Моргунова Н.Л. О характере культурного взаимодействия населения ямной культуры степного Волго-Уралья и афанасьевской культуры Алтае-Саянского региона	4
Дегтярева А.Д., Ковалева В.Т., Кузьминых С.В. Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Приоболья	14
Бондаренко А.В. Практика постингумационного нарушения могил в культурах ранней и развитой бронзы Западной Сибири: археологические факты и этнографические параллели	25
Мухаметдинов В.И. К проблеме срубно-алакульских контактов (по данным изучения орнаментальных традиций керамики поселения Олаир в Зауралье)	34
Кокшаров С.Ф. Литейная форма долота из Старого Кытыша	41
Очир-Горяева М. О двух ареалах пазырыкской культуры Горного Алтая	46
Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье	55
Шмуратко Д.В. Могильники «харинского» типа с территории Северного Приуралья (или еще одна попытка поиска «угорского следа»)	66
Усачева И.В. Дом и домохозяйство в каменном веке Зауралья и Севера Западной Сибири: возможности социально-экономической реконструкции	73

Антропология

Герман П.В., Казакова Е.А. Новые материалы цэпаньской культуры Северного Приангарья (погребение 13 могильника Сергушкин-3)	80
Зубова А.В. Палеоантропологическая серия из могильника Танай-12 и происхождение населения корчажинской культуры Кузнецкой котловины	90
Козлов А.И. Изменение генофонда северных популяций: «закат этносов» или формирование новой адаптивной группы?	99

Этнология

Адаев В.Н. Животноводство в глухих районах южной тайги: опыт переселенцев из Среднего Прииртышья в первой половине XX в.	108
Бакиева Г.Т. Особенности традиционной свадебной обрядности сибирских татар юга Тюменской области	119
Камалеев Э.В. Этнические маркеры в свадебном обряде татар Республики Башкортостан	127
Нам Е.В. Нить, связывающая миры (к проблеме воплощения идеи всеобщей связи в мифоритуальной традиции сибирского шаманизма)	134
Фурсова Е.Ф. Поминальная обрядность переселенцев из Белоруссии — русских старообрядцев и белорусов в XX — начале XXI в.	143
Агапов М.Г., Поплавский Р.О., Черепанов М.С. Социокультурные сообщества в условиях (де)модернизации	150

Палеоэкология

Ершова Е.Г., Кренке Н.А. Изучение природных и культурных ландшафтов железного века в долине Москвы-реки методами палинологии и археологии	159
Вниманию авторов	173
Список сокращений	175

На передней стороне обложки: костяные булавки, могильник Мустаево, курган 9; обряд «су юлы» (показ молодой источника воды) на татарской свадьбе, с. Раевка, Республика Башкортостан, 2012 г.; роговые булавки и медный нож из погребений могильника Герасимовка 2.

Contents

Archaeology

Morgunova N.L. On character of cultural interaction between the population of Yamnaya culture from steppe Volga-and-Urals region and that of Afanasyevskaya culture from Altai-and-Sayans region	4
Degtyareva A.D., Kovaleva V.T., Kuzminykh C.V. Features of non-ferrous metal working of Tashkovo culture tribes of the Low Tobol basin	14
Bondarenko A.V. Practice of posthumous disturbance into graves in cultures of early and developed Bronze Age in West Siberia: archaeological facts and ethnographic parallels	25
Mukhametdinov V.I. On the problem of Srubnaya-and-Alakul contacts (after investigation data of ornamental traditions regarding pottery from Olayir settlement in Trans-Urals).....	34
Koksharov S.F. Finding of a Bronze Age mould from Stary Katysh	41
Ochir-Goryayeva M. On two habitats of the Pazyryk culture from mountain Altai	46
Tsembalyuk S.I., Berlina S.V. A complex of the early Iron Age from Likhachevo settlement in the Low Ishim basin	55
Shmuratko D.V. Burials of «Kharinsky» type from the territory of North Priuralye (or another attempt to search the «Ugrian trace»)	66
Usacheva I.V. A dwelling and household in the Stone Age of Trans-Urals and North of West Siberia: perspectives of socioeconomic reconstruction	73

Anthropology

German P.V., Kazakova Ye.A. New materials on the Tsepanskaya culture of North Priangarye (burial 13 from Sergushkin-3 burial ground)	80
Zubova A.V. Paleoanthropological series from Tanaj-12 burial ground and genesis of the population of the Korchazhkinskaya culture from Kuznetsk basin	90
Kozlov A.I. Changing of a gene pool with northern populations: «the dawn of ethnoses» or formation of a new adaptive group?	99

Ethnology

Adayev V.N. Cattle production in wild areas of south taiga: the experience of new settlers from the Middle Low Irtysh basin in the first half of XX c.	108
Bakiyeva G.T. Particulars of traditional wedding ceremonies with Siberian Tartars from the south of Tyumen Oblast	119
Kamaleyev E.V. Ethnic markers in wedding rites with Tartars from the Republic of Bashkortostan	127
Nam Ye.V. The thread connecting the worlds (on the embodiment of the idea of the universal link in the myth-and-ritual tradition of Siberian shamanism).....	134
Fursova Ye.F. Funeral rites with settlers from Byelorussia — Russian old-believers and Byelorussians in XX — early XXI century	143
Agapov M.G., Poplavsky R.O., Cheryepanov M.S. Sociocultural communities under (de)modernization	150

Paleoecology

Yershova Ye.G., Krenke N.A., Spiridonova Ye.A. Investigation of natural and cultural landscapes of the Iron Age in the valley of the Moskva-river using methods of palynology and archaeology	159
Memo to the Authors	173
Abbreviations	175

АРХЕОЛОГИЯ

О ХАРАКТЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ СТЕПНОГО ВОЛГО-УРАЛЬЯ И АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА¹

Н.Л. Моргунова

Рассматривается одна из дискуссионных проблем археологии Западной Сибири — происхождения афанасьевской культуры. Приводятся разные точки зрения и обращается внимание на материалы ямной культуры Волжско-Уральского междуречья. Делается вывод, что точка зрения о происхождении афанасьевской культуры с территории степей Восточной Европы не потеряла своей актуальности и находит подтверждение в находках последнего времени.

Ранний бронзовый век, афанасьевская культура, ямная культура, факторы взаимодействия.

Одной из наиболее дискуссионных в археологии Южной Сибири остается проблема происхождения афанасьевской культуры (далее АФК). Несмотря на достаточно длительный период исследований, начиная с 30-х гг. XX в., и весьма солидную источниковедческую базу, постоянно активно пополняющуюся, эта проблема остается нерешенной до сих пор. Существуют различные мнения по данному вопросу. Первая группа исследователей связывает формирование АФК с местным неолитом [Киселев, 1938; Молодин, 2002]. С.В. Киселев позднее от своей точки зрения отказался и присоединился к миграционной гипотезе происхождения АФК [1951].

Наибольшее количество сторонников имеет точка зрения о пришлом характере АФК на Алтае. Версия о миграции ямной культуры (далее ЯК), сыгравшей заметную роль в формировании АФК, находит признание многих исследователей и в наше время [Грязнов, Вадецкая, 1968; Грязнов, 1999; Степанова, 2005, 2006, 2008; Погожева, 2006; Погожева и др., 2006; Цыб, 1984].

Оригинальна гипотеза И.Н. Хлопина, который высказал предположение о том, что население АФК и ЯК связано происхождением из общего центра [Степанова, Поляков, 2010]. По его мнению, ЯК и АФК следует рассматривать как происходящие из одного центра — из среднеазиатского региона, но разошедшиеся в противоположные стороны. Позднее в конкретных географических и исторических условиях сложилась их специфика. Гипотезу о едином центре формирования АФК и ЯК поддержал Ю.Ф. Кирюшин [1991, с. 45]. Близость АФК и ЯК он объясняет тем, что те и другие вышли из одного района древних цивилизаций Ближнего Востока.

Данная гипотеза с позиции исследователей ЯК представляется весьма далекой от истины. Для утверждений о миграции представителей ближневосточного населения в южно-русские степи в период формирования ЯК никаких оснований нет, хотя контакты степных культур в этом направлении происходили достаточно регулярно во все эпохи. Начиная с фундаментальных исследований Н.Я. Мерперта и по настоящее время проблема происхождения ЯК связывается с местными энеолитическими культурами [Мерперт, 1974; Васильев, 1981, 2003; Синюк, 1983, 1995; Марина, 2002; Телегин, 1973; Моргунова, 2011, 2014; Моргунова, Кравцов, 1991, 1994]. По мнению автора данной статьи, ЯК сложилась на базе двух крупнейших культур эпохи позднего энеолита — хвалынской и среднестоговской. Именно в них наблюдаются в полной мере все ведущие черты ямного комплекса: появление первых курганов, скорченный обряд труположения, восточная ориентировка, интенсивная посыпка охрой, наиболее характерные признаки технологии гончарства [Моргунова, 2014].

Признавая пришлый характер АФК на Алтае, к позиции о происхождении ЯК и АФК из одного центра в последних работах склоняется Н.Ф. Степанова [2014]. На основании изучения кера-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00127 и «Задания № 33.1471.2014К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного заказа в сфере научной деятельности».

О характере культурного взаимодействия населения ямной культуры...

мики АФК исследователь приходит к выводу об отсутствии ее преемственности с местным неолитом, о чем свидетельствуют также погребальный обряд, каменные изделия, данные антропологии. В то же время она отмечает, что наибольшее сходство в материальной культуре и погребальном обряде АФК имеется не с памятниками Волжско-Уральского междуречья, ближе других расположенными к Горному Алтаю, а с памятниками Нижнего Поднепровья [Степанова, 2008, 2014]. Сходство, по ее мнению, проявляется в использовании каменных конструкций, ориентации скелетов на ЮЗ и З, формах сосудов (остродонные, яйцевидные) и курильниц. Столь далекие связи АФК и ЯК, минуя достаточно обширные пространства Приуралья, Поволжья и Подонья, вызывают, безусловно, возражения. Достаточно спорным выглядит также утверждение Н.Ф. Степановой о том, что наиболее близкие аналогии афанасьевские материалы находят в памятниках исключительно позднего этапа ямной культуры.

В свете определения роли степного населения Восточной Европы в культурогенезе эпохи раннего бронзового века на территории Алтая, прежде всего, необходимо обратиться к материалам по предшествующему сложению АФК периоду энеолита западно-сибирского региона.

В энеолите обширный регион Зауралья — от северо-восточных областей Казахстана в степной зоне до зоны таежных лесов на севере — представлен разнообразными памятниками, как поселениями, так и рядом погребений [Зайберт, 1993; Калиева, Логвин, 1997; Шорин, 1999а, б; Мосин, 2003; Чаиркина, 2005; Потемкина, 1982, 1985, 2001]. В содержание эпохи исследователи вкладывают не только появление первых следов металлургического производства и пока немногочисленных медных изделий, но и весьма существенные изменения, произошедшие в данный период в регионе, включая появление производящего хозяйства в виде скотоводства, трансформации в общественной и духовной сферах [Шорин, 1999б, с. 17–18].

Исследователи практически единодушно отмечают значительное сходство в материалах всех культурных образований западно-сибирского региона: геометризм в орнаментальных композициях с использованием гребенчатых штампов, преобладание техники отщепа в изготовлении орудий труда и другие роднящие их признаки.

По имеющимся радиоуглеродным данным хронологические рамки культур «зауральской общности геометрической керамики» определяются в калиброванном значении в пределах с последней четверти V до начала III тыс. BC (табл.). Начало ее сложения относится ко времени, когда в Волжско-Уральском междуречье (степь-лесостепь) эпоха энеолита уже завершается. Хвалынская культура начинает перерастать в ямную (древнейшие подкурганские погребения), развиваются репинская, алтатинская, токская и турганикская культурные группы. Под влиянием степных и лесостепных культур Волго-Уралья в это время начинается энеолитизация в лесных областях Поволжья и Прикамья, формируются волосово-гаринские древности.

Радиоуглеродное датирование показывает, что большинство наиболее ярких энеолитических памятников с геометрической орнаментацией керамики приходится на первую половину — третью четверть IV тыс. до н.э. (Ботай, Кожай I, Разбойничий Остров и др.). Они синхронны репинскому этапу ямной культуры Волго-Уралья (табл.) [Моргунова, 2011].

Таким образом, в свете современных радиоуглеродных определений достаточно очевидно, что энеолитизация западно-сибирского региона, включая как степные-лесостепные, так и лесные районы, запаздывала в сравнении с волго-уральскими степными и лесостепными районами, где начало энеолита относится к рубежу VI и V тыс. до н.э., а его завершение — к началу IV тыс. до н.э.

В этой связи значительный интерес представляют, хотя и малочисленные, находки металлических изделий на памятниках энеолита Зауралья. Следы меднолитейного дела на поселениях фактически отсутствуют [Чаиркина, 2005, с. 209]. Эпизодическое использование медных изделий энеолитическим населением Зауралья отмечает А.Ф. Шорин [2005, с. 91]. Однако, несмотря на редкость находок металлических орудий труда, зафиксировано частое их использование для изготовления деревянных поделок [Чаиркина, 2005, с. 212–214]. Медное тесло найдено на I Береговой стоянке аятской культуры, нож с листовидной формой лезвия и черенком — на поселении Козлов Мыс I шапкульской культуры [Шорин, 1999б, рис. 5, 14]. По типологии и тесло, и нож близки формам медных ножей ЯК.

Интересные результаты получены по данным проведенного А.Д. Дегтяревой металлографического анализа двух ножей со стоянки Разбойничий Остров липчинской культуры [Чаиркина, 2005, с. 209–211]. По составу металла и технологии производства эти изделия коррелируют с металлом ЯК, хотя есть некоторое своеобразие в их типологии [Там же, с. 211].

Соотношение радиоуглеродных дат хвалынской и ямной культур Волго-Уралья и энеолита — ранней бронзы Западной Сибири²

	Волго-Уральское междуречье		Западная Сибирь
Поздний этап ЯК	Скворцовка КМ 5/4 — 3810±25	Афанасьевская культура	
	Скворцовка КМ 6/1 — 4100±110		
	Изобильное I 3/1 — 3920±90		Ниж. Тюмечин I огр. 9 — 3960±80
	Журавлиха I КМ 1/16 — 3990±40		
Развитой этап ЯК	Мустаево V КМ 1/1 — 4140±25		Теткескень VI к. 95 — 4255±85; 3900±80
	Шумаево II КМ 6/6 — 4080±100		
	Шумаево ОК п. 2 — 4100±40		Красный Яр I к. 7 — 4080±40; к. 9 — 4170±50
	Тамар-Уткуль VIII 4/1 — 4165±35		Красный Яр I к. 12 — 4240±60; к. 15 — 4160±40
	Тамар-Уткуль VIII 4/1 — 4200±90		
	Курманаевка III КМ — 4234±60		Берсюкта I к. 1 — 4020±95; 4380±110
	Болдырево КМ 1/1 — 4080±70		
	Скворцовка КМ 7/1 — 4230±150		Денисова пещера — 4265±30; 4225±30
	Грачевка II КМ 5/2 — 4342±56		
	Мустаево V КМ 9/2 — 4330±100		Нижний Айры — Таш к. 1 — 4480±50; 4225±60
	Шумаево I КМ 3/6 — 4300±150		
	Кутулук I 4/1 — 4400±70		Летник VI огр. 14 — 4380±50; 4410±50
	Полудни КМ 2/7 — 4542±75		
	Репинский этап ЯК		Герасимовка II 4/2 — 4480±35
Лопатино I 31/1 — 4750±70			
Петровка 1/1 — 4730±90			Малиновый Лог 4/1 — 4780±50; 4790±50; 4820±50
Лопатино I КМ 31/1 — 4560±80			Ело I огр. — 4750±50; 4720±25
Хутор Репин пос. — 4830±80			
Турганик. пос. — 4410±80			Кожай I — 4570±40; 4600±320
Кызыл-Хак II пос. — 4730±70			Ботай пос. — 4900±50; 4540±60; 4430±60
Энеолит. Курганы	Кызыл-Хак II пос. — 4550±70		Ботай пос. — 4690±80; 4630±80; 4620±80
	Ревава КМ 3/19 — 5450±80		Бузан п. 3 — 5140±60
	Курсавский КМ 1/15 — 5310±80		Кочечарово I — 5220±80; 5270±80; 5410±90
	Типки I КМ 2/16 — 5910±80		
	Тоннельный КМ 1/6 — 5410±60	Чепкуль 21 п. 2–3 — 5200±55; 5315±55	
Хвалынская культура	Перегрузное КМ 13/7 — 5430±50	Кокшаровский холм — 5250±90; 5440±90	
	Каиршак VI пос. — 5780±80		
	Хвалынк. мог. II п. 34 — 5920±80		
	Хвалынк. мог. II п. 24 — 5840±85		
	Хвалынк. мог. I п. 149 — 5565±40		
	Гундоровское пос. — 5790±80		
		Энеолит	

В плане решения проблемы энеолитизации Зауралья большое значение приобрело исследование металла из могильников Убаган I и Алабуга, энеолитическую принадлежность которых и связь с энеолитом и ЯК Поволжья последовательно доказывает Т.М. Потемкина [1982, 1985, 2001]. В результате анализа металла этих памятников установлена по всем составляющим (типология, источник металла, способы металлообработки) связь производства данных изделий (около 15) с приуральским (Каргалинским) очагом ямной металлургии [Дегтярева, 2010, с. 60–69; Потемкина, Дегтярева, 2007, с. 33].

К сожалению, радиоуглеродное датирование погребений могильников Убаган I и Алабуга не проводилось. Но, соглашаясь с позицией Т.М. Потемкиной относительно ямной атрибуции памятников, можно предположить, что данные погребения займут более позднюю хронологическую позицию, чем энеолитические культуры Зауралья, т.е. время между ботайско-терсекскими памятниками (или синхронно самым поздним из них) и позднеямными. Скорее всего, они по времени должны соответствовать афанасьевским памятникам на Алтае, которые по последним данным датируются в пределах 3300–2500 ВС [Поляков, 2010а; 2010б, с. 160–161; Кирюшин и др., 2010, с. 55–61; Ковалев, Эрдэнэбаатор, 2010] и синхронны ямным памятникам Приуралья развитого периода. Однако известна серия более ранних ¹⁴С-дат для памятников АФК Горного Алтая, находящихся в интервале от 4000 до 3300 лет ВС [Поляков, 2010б, с. 161–162], что соответствует репинскому этапу ямной культуры Волго-Уралья. Имеются также ¹⁴С-даты, по кото-

² Для удобства сравнения все даты приведены в значении ВР без указания шифра лаборатории. Подробные сведения по использованным в данной таблице и другим датам ЯК Волго-Уралья опубликованы в других работах автора [Моргунова, 2011, 2013, 2014; Моргунова и др., 2011; Morgunova, Khokhlova, 2013]. Радиоуглеродные даты по памятникам АФК выборочно взяты из работы А.В. Полякова [2010б].

О характере культурного взаимодействия населения ямной культуры...

рым, наряду с находками курильниц, коррелируется ряд комплексов АФК с поздним этапом ЯК Волго-Уралья, синхронным катакомбной культуре.

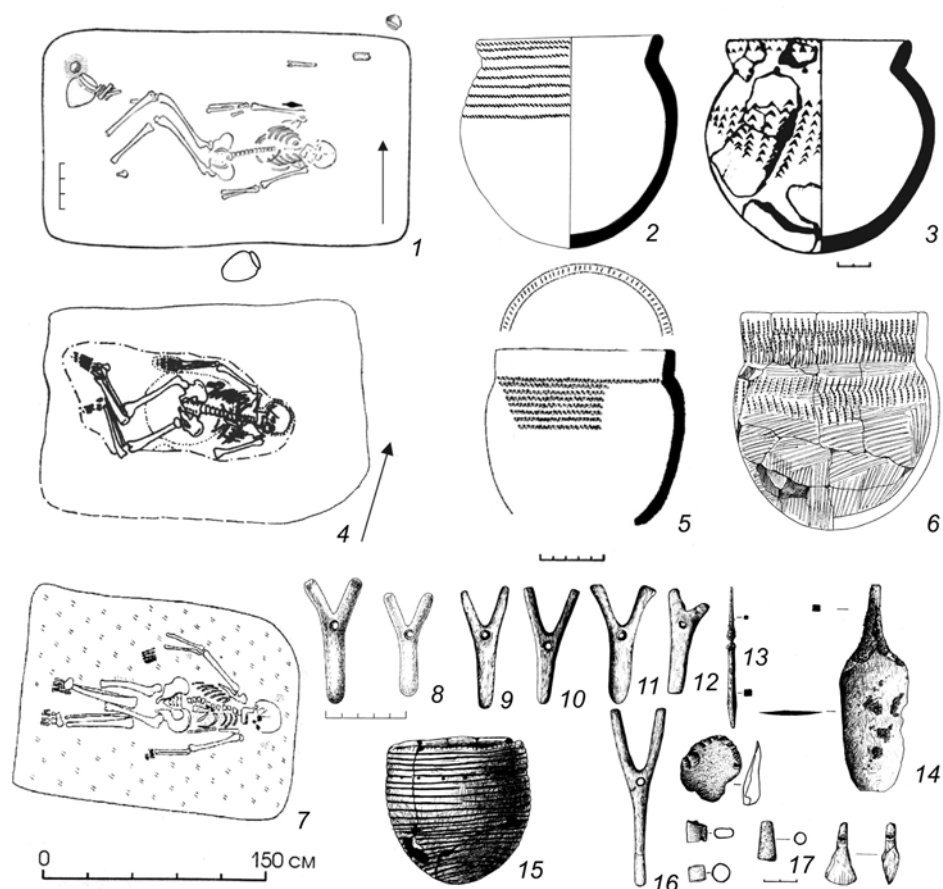

Рис. 1. Материалы ЯК Приуралья и Поволжья раннего (репинского) этапа

Иначе говоря, такие памятники, как Убаган и Алабуга, возможно, являются следом экспансии представителей ЯК Волго-Уралья на восток до Алтая. В последнее десятилетие появились и другие свидетельства в пользу ямной версии происхождения афанасьевской культуры.

Так, территория между Притобольем и Приуральем, соответствующая Челябинской области, также постепенно заполняется памятниками ямного круга [Сальников, 1962; Зданович и др., 2006; Малютина, 2010; Ткачев, Гуцалов, 2000; Бахшиев, 2014]. Материалы ямного типа прослеживаются на территории Восточного и Северо-Восточного Казахстана [Мерц В.К., Мерц И.В., 2010]. Необходимо также подчеркнуть, что как в могильниках Убаган I и Алабуга, так и в других отмеченных памятниках от Ишкиновского кургана в Восточном Оренбуржье до АФК на Алтае отмечается керамика, сочетающая синкретические признаки ямной и местных энеолитических культур гребенчато-геометрической керамики. Эта особенность еще раз подчеркивает хронологическую близость энеолита Западной Сибири и ЯК раннего этапа бронзового века степей Восточной Европы.

В подтверждение версии о связи афанасьевских материалов прежде всего с волго-уральскими ямными памятниками свидетельствует целый ряд общих признаков в тех и других — и в погребальном обряде, и в вещевом комплексе, и в антропологии. Есть и существенные отличия.

В погребальном обряде сходство проявляется в позах скелетов, наличии органических подстилок, посыпке охрой, формах могильных ям (рис. 1–3). Но афанасьевские комплексы отличают каменные ограды и перекрытия, преобладание западной ориентировки (ориентировка скелетов на восток скорее исключение) [Ларин, 2005; Степанова, 2010].

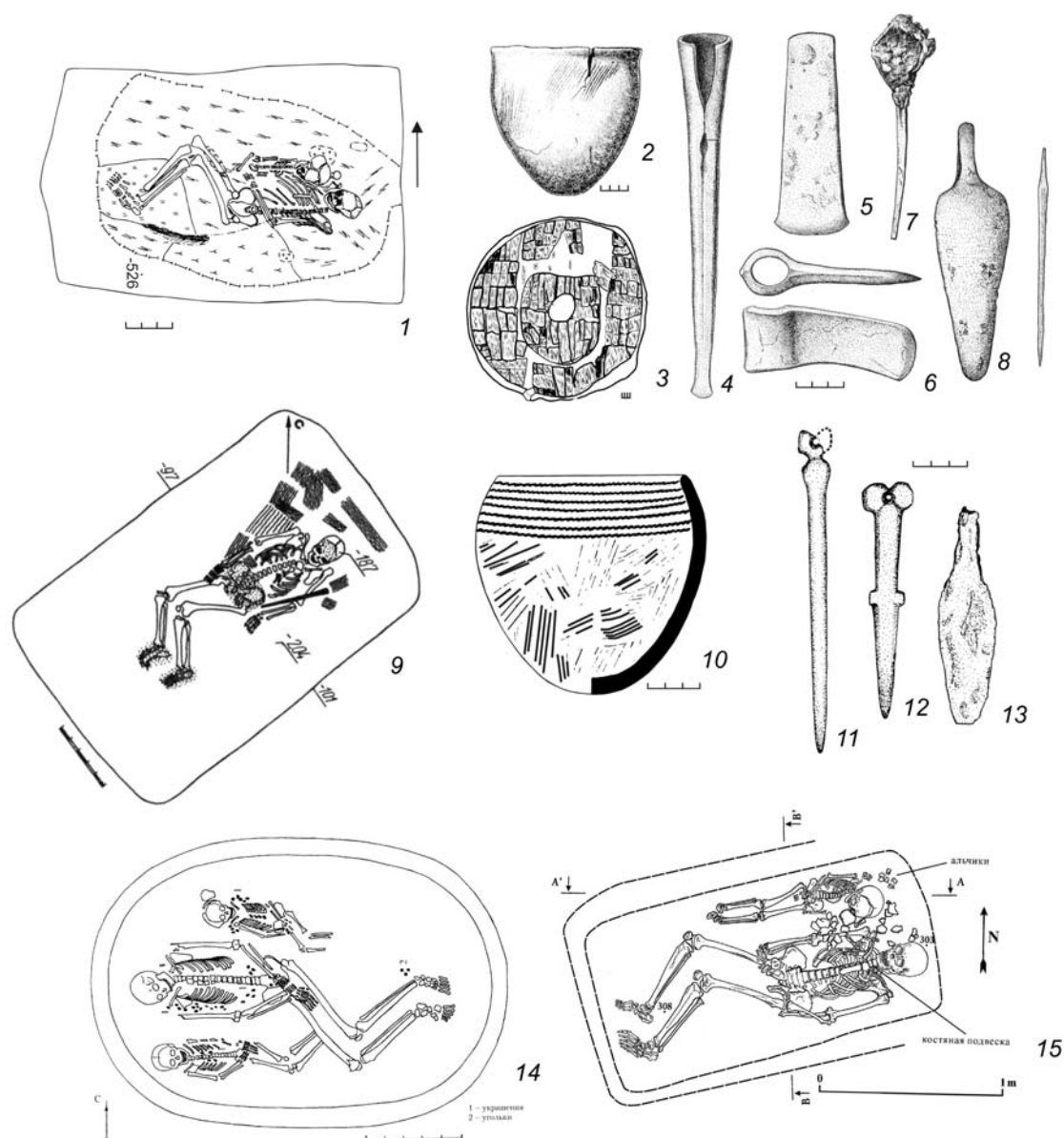

Рис. 2. Погребальный обряд развитого этапа ЯК Приуралья (1–13) и АФК (14, 15) [Ларин, 2005]

Керамика в погребения АФК помещалась чаще, чем в ЯК. К сожалению, специальные работы по созданию типологии керамики АФК отсутствуют, как и представления об ее различиях по этапам. Но все же можно отметить, что афанасьевская керамика типологически неоднородна [Вадецкая, 2012]. В целом она соответствует общим тенденциям развития гончарства в раннем бронзовом веке Восточной Европы, как и керамика ЯК (круглодонность, яйцевидное и высокое тулово, высокий венчик и другие признаки). Однако орнаментальные композиции, выполненные густо нанесенным гребенчатым штампом, свойственные афанасьевским сосудам, для степной зоны Восточной Европы уже не типичны (рис. 4). Подобная орнаментация в Поволжье и в Приуралье была распространена в несколько иных вариантах на более ранних этапах, но особенно типична она для зауральского неолита на позднем этапе. Обращают на себя внимание достаточно многочисленные сосуды с раздутым реповидным туловом и суженным профилированным горлом (рис. 4, 1). Данные особенности, как и высокая профилированная горловина большинства изделий, позволяют предполагать ее близость репинской керамике, с одной стороны, а с другой — формам сосудов майкопской культуры. Кроме того, отмечается такая технологическая особенность гончарства афанасьевцев,

О характере культурного взаимодействия населения ямной культуры...

как примесь шамота в формовочных массах, что характерно для ямной посуды Приуралья [Степанова, 2010]. Иначе говоря, керамика АФК отличается значительным синкретизмом и, видимо, хронологической неоднородностью. Это заключение позволяет предполагать, что в период РБВ из Восточной Европы была, скорее всего, не одна волна миграции ямных групп, а, возможно, две — в репинское время, а затем в конце развитого — начале позднего этапа. Наличие последней волны подтверждают находки сосудов-курильниц, аналоги которым есть в катакомбной культуре (рис. 3, 10; 4, 3, 4) [Ковалева и др., 2010, с. 119; Молодин, Алкин, 2012]. Для определения времени появления сосудов в виде курильниц на территории Алтая имеют значение радиоуглеродные даты в диапазоне от 2600 до 2000 лет ВС [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010; Поляков, 2010б].

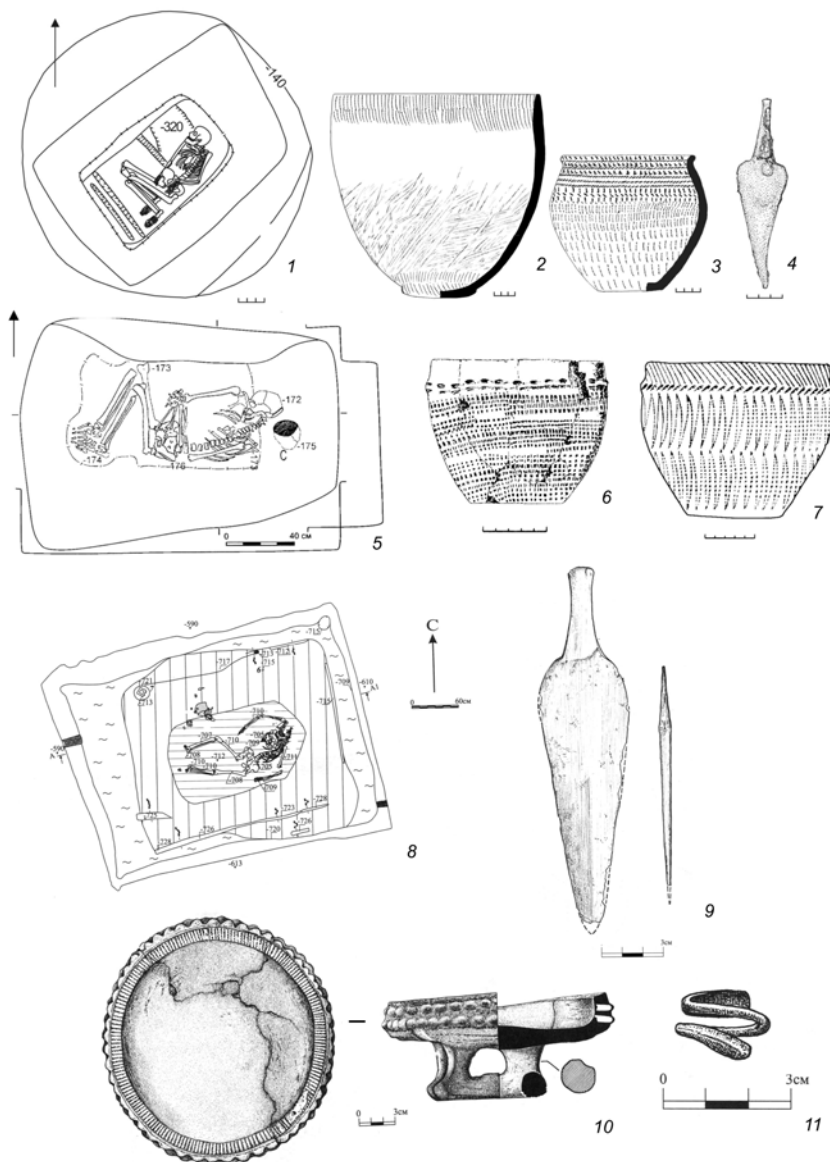

Рис. 3. Материалы позднего (полтавкинского) этапа ЯК Волго-Уралья:
1–4 — Оренбургское Приуралье [Моргунова и др., 2010]; 5–7 — Самарское Поволжье [Васильев и др., 2000];
8–11 — Золотой курган в Нижнем Поволжье [Мимоход, 2009]

Достаточно красноречиво происхождение АФК от ямной демонстрируют антропологические материалы. Так, К.Н. Солодовников провел сравнение алтайских материалов и волго-уральских, в том числе Приуралья, и отметил их сходство не только по средним данным, но и по структуре внутрigrупповой изменчивости [2006, 2010]. Характерно, что в курганах АФК значительно преобладают

погребения мужчин, изучение скелетов которых показало преимущественное питание мясной пищей [Тур, Рыкун, 2006, с. 60–64]. Основным занятием населения было скотоводство, не известное ранее на данной территории [Косинцев, Степанова, 2010]. Состав стада (овца, КРС, лошадь) типичен для степных культур Восточной Европы как в энеолите, так и в раннем бронзовом веке.

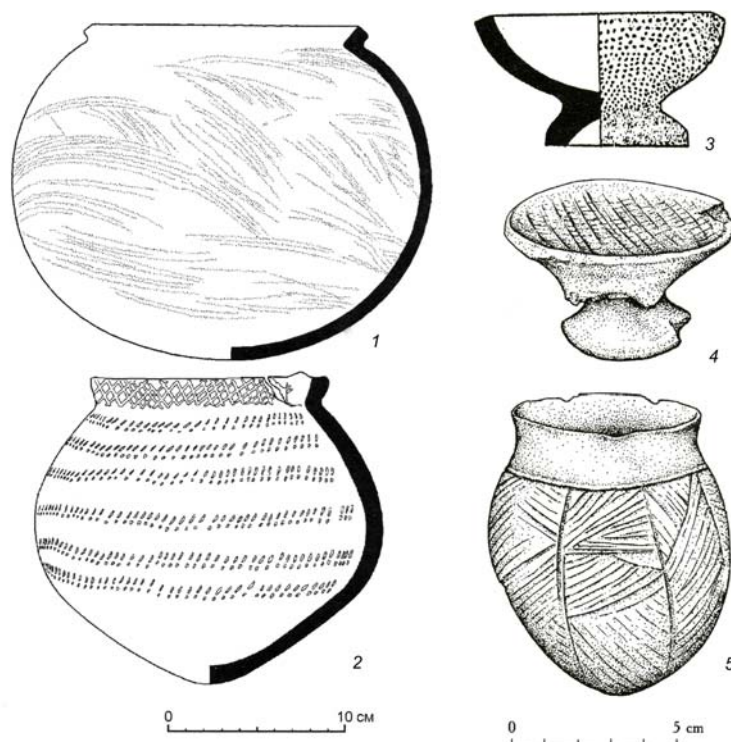

Рис. 4. Керамика АФК [Поляков, 2010а, с. 153; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, с. 106]

Интересно сравнить металлические изделия обеих культур. Металл в памятниках АФК встречается нечасто (рис. 5). Однако все известные предметы вполне сопоставимы с циркум-понтийским горизонтом развития европейского металлургического производства (черенковые ножи, четырехгранные шилья, тесла). С АФК связывают случайные находки медных топоров, одна часть которых близка топорам утевского типа, другая — топорам майкопского типа (рис. 5, 3, 5, 6). Один из топоров относится к типу топориков-тесел, по типологии близок к изделию из КМ Хут. Барышников в Приуралье (рис. 5, 4). Обращает на себя внимание находка медного втульчатого копья в одном из курганов Минусинской котловины [Ковалева и др., 2010, с. 110]. Оно имело длину 21,4 см, несомкнутую свернутую втулку аналогично копьё из кургана 1 I Болдыревского КМ в Приуралье (рис. 5, 1). Интересно также отметить факты встречаемости изделий из метеоритного железа в погребениях афанасьевской культуры, как и в Приуралье [Грушин и др., 2009, с. 23]. В связи с отмеченными выше некоторыми чертами сходства майкопских и афанасьевских форм сосудов, на мой взгляд, имеют значение и результаты спектрального анализа медных изделий. Согласно этим исследованиям, во многих случаях зафиксировано высокое содержание мышьяка [Грушин и др., 2006, с. 20–21].

Исходя из приведенных фактов следует полагать, что в конечном итоге ямный импульс, который представляется достаточно массовым, сыграл не последнюю роль в тех культурогенетических процессах, что привели к формированию одной из самых ярких и заметных культур Южной Сибири, положившей начало бронзовому веку на данной территории. Значимую роль ЯК Волго-Уралья в трансляции новых культурных достижений на территорию Западной Сибири подчеркивает А.В. Шорин [2005, с. 88]. При этом он отмечает «парадоксальную ситуацию», заключающуюся в том, что лесная периферия Зауралья, а также ботайская культура Северного Казахстана практически не воспринимали достижения ЯК в отличие от волосово-гаринской общности (металлургия, производящее хозяйство), что они как бы «обошли» в своем движении на Алтай «мощные» объединения культур гребенчатого геометризма.

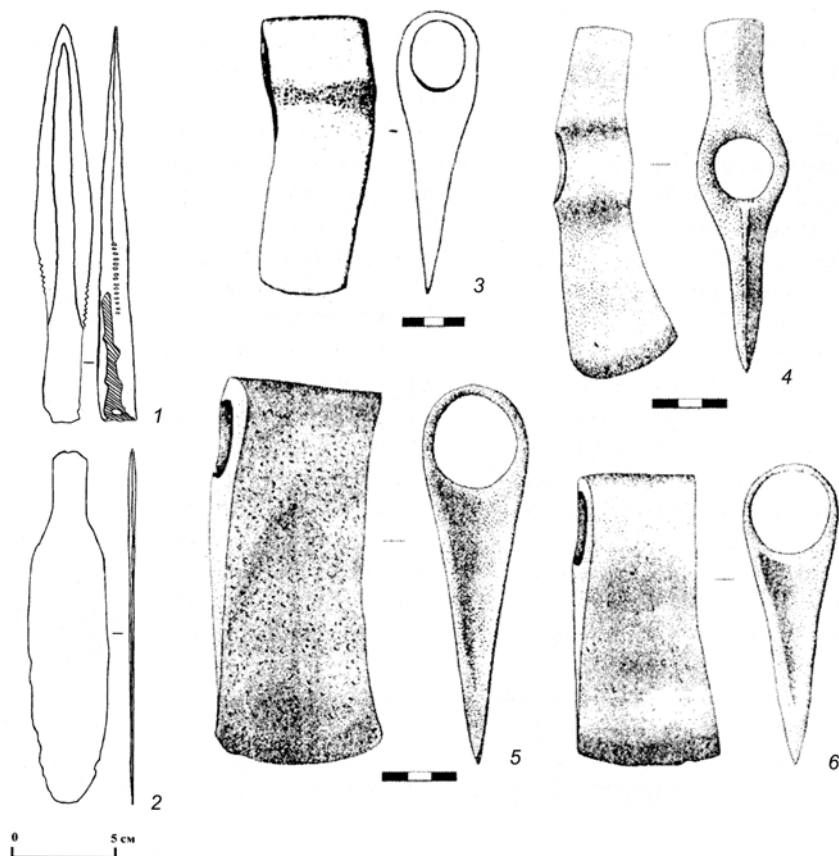

Рис. 5. Медные изделия АФК [Ковалева и др., 2010, с. 120; Грушин и др., 2009]

Данные наблюдения, безусловно, заслуживают внимания, поскольку движение представителей ямной культуры могло происходить исключительно в привычных им степных-лесостепных условиях. Хотя эта миграция, вероятно, была довольно массовой, но не настолько, чтобы потеснить и серьезно повлиять на дальнейший ход развития аборигенного населения Зауралья и полностью изменить традиции местных культур, что и демонстрируют материалы АФК. Данный тезис достаточно обоснован в работах Вл.А. Семенова [2012, с. 164–165].

При этом важно понять, каковы были причины активизации ямного населения Волго-Уралья и устремления его на восток. Представляется, что одним из основных факторов в данном случае являлись интересы металлургов в поиске новых месторождений, что подтверждается находками приуральского металла по всей цепи движения. Другой причиной выступали потребности кочевого скотоводства, для которого природные условия южных районов Западной Сибири и Северного Казахстана были весьма благоприятны, особенно для коневодства. Кроме того, на территории волжско-уральского региона, особенно с появлением в Волго-Донье катакомбной культуры, создавались внутренние экономические и социально-политические причины для вытеснения части населения на другие территории.

Таким образом, устанавливаются активные культурные связи ямной культуры Волжско-Уральского междуречья и ее заметная роль в культурогенезе на юге Зауралья и Западной Сибири. В свете сказанного представляется, что точка зрения исследователей о формировании АФК под влиянием ЯК подтверждается в большей степени, нежели другие версии. Однако по данному вопросу, безусловно, необходимы дальнейшие исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахшиев И.И., Куфтерин В.В., Григорьев Н.Н. Самарский II курганный могильник — новый некрополь ямной культуры в Башкирском Зауралье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2014. Вып. 11. В печати.

- Вадецкая Э.Б.* Афанасьевская керамика: (Классика археологического рисунка) // Афанасьевский сб. 2. Барнаул: АлтГУ, 2012. С. 31–84.
- Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья: Степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ, 1981. 127 с.
- Васильев И.Б.* Хвалынская энеолитическая культура волго-уральской степи и лесостепи: (Некоторые итоги исследования) // Вопр. археологии Поволжья. Самара: СГПУ, 2003. Вып. 3. С. 61–99.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А.* Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. Самара: СЦ РАН, 2000. С. 6–64.
- Грушин С.П., Тюрина Е.А., Хаврин С.В.* Древнейший металл Южной Сибири // Металл в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 18–32.
- Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В.* Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: АлтГУ, 2009. 160 с.
- Грязнов М.П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: ИИМК РАН, 1999. 125 с.
- Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б.* Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. I. С. 159–165.
- Десярева А.Д.* История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Зайберт В.Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, Респ. Казахстан, 1993. 244 с.
- Зданович Г.Б., Гаврилюк А.Г., Малютина Т.С.* Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 41–47.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.* Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: Куст. ун-т, Казахстан, 1997. 180 с.
- Кирюшин Ю.Ф.* Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1991. С. 43–47.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семibrатов В.П., Тюрина Е.А.* Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катунь. Барнаул: АлтГУ, 2010. 80 с.
- Киселев С.В.* Советская археология Сибири периода металла // ВДИ. 1938. № 1. С. 228–243.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д.* Афанасьевско-чумурсекская курганная группа Кургакгови (Хуурайгови) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сб. Барнаул: АлтГУ, 2010. С. 91–108.
- Ковалева О.В., Леонтьев Н.В., Амзараков П.Б.* Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха 1959 г. // Там же. 2010. С. 108–121.
- Косинцев П.А., Степанова Н.Ф.* Фауна афанасьевского поселения Малый Дуган // Там же, 2010. С. 121–129.
- Ларин О.В.* Афанасьевская культура Горного Алтая: Могильник Сальдьяр-1. Барнаул: АлтГУ, 2005. 208 с.
- Малютина Т.С.* Исследования Кизильского комплекса памятников эпохи бронзы на Южном Урале: Перспективы и возможности // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: МГОУ, 2010. С. 221–230.
- Марина З.П.* К вопросу о восточных элементах в ямной культуре левобережной Украины // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2002. С. 96–103.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 166 с.
- Мерц В.К., Мерц И.В.* Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана: (К постановке проблемы) // Афанасьевский сб. Барнаул: АлтГУ, 2010. С. 134–143.
- Мимоход Р.А.* Курганы эпохи бронзы — раннего железного века в Саратовском Поволжье // Материалы охранных археологических исследований. М.: ИА РАН, 2009. Т. 10. 292 с.
- Молодин В.И.* Горный Алтай в эпоху бронзы // История республики Алтай. Т. 1: Древность и средневековье. Горно-Алтайск, 2002. С. 97–142.
- Молодин В.И., Алкин С.В.* Памятники афанасьевского времени на северо-западе Китая (Синьцзян) // Афанасьевский сб. 2. Барнаул: АлтГУ, 2012. С. 149–154.
- Моргунова Н.Л.* Энеолит волжско-уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.
- Моргунова Н.Л.* Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 5–23.
- Моргунова Н.Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Десярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.
- Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2011. Вып. 9. С. 53–75.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Древняя культура Приуралья // СА. 1991. № 2. С. 35–50.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Древняя культура на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 153 с.
- Мосин В.С.* Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: ЮУрГУ, 2003. 220 с.
- Погожева А.П.* Афанасьевская культура // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 18–48.
- Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф.* Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2006. 234 с.

О характере культурного взаимодействия населения ямной культуры...

Поляков А.В. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сб. Барнаул: АлтГУ, 2010а. С. 144–157.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сб. Барнаул: АлтГУ, 2010б. С. 158–171.

Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 159–172.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплоские святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: ИА РАН, 2001. С. 166–256.

Потемкина Т.М., Десятарева А.Д. Металл ямной культуры Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 8. С. 18–39.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Уфа: ИИЯЛ АН СССР, 1962. Т. I. С. 16–58.

Семенов Вл.А. Раннекерамические социумы Тувы и их соотношение с афанасьевской культурой // Афанасьевский сб. 2. Барнаул: АлтГУ, 2012. С. 155–165.

Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона: (Павловский могильник). Воронеж: ВГПУ, 1983. 192 с.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: ВГПУ, 1996. 350 с.

Солодовников К.Н. Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

Солодовников К.Н. Черепа из погребений афанасьевской культуры Средней и Нижней Катуни // Афанасьевский сб. Барнаул: АлтГУ, 2010. С. 233–244.

Степанова Н.Ф. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная Сибирь в древности. Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 121–125.

Степанова Н.Ф. История изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в Горном Алтае // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 10–18.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура и древнейшая КИО: Сходство и различие // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. С. 351–354.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Алтая и Енисея: Погребальный обряд и керамика: (Сходство и различия) // Афанасьевский сб. Барнаул: АлтГУ, 2010. С. 177–187.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская КИО: Современные представления // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2014. Вып. 11. В печати.

Степанова Н.Ф., Поляков А.А. Афанасьевская культура: История ее изучения и современное состояние // Афанасьевский сб. Барнаул: АлтГУ, 2010. С. 4–15.

Телегин Д.Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. Киев: Наук. Думка, 1973. 170 с.

Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Новые погребения энеолита-средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ, 2000. Вып. 4. С. 27–54.

Тур С.С., Рыкун М.П. Палеоэкология населения афанасьевской культуры Горного Алтая // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: АлтГУ, 2006. Ч. I. С. 60–113.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2005. 312 с.

Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: УрГПУ: ИИА УрО РАН, 1999а. 90 с.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1999б. 181 с.

Шорин А.Ф. Культурогенетические процессы и взаимодействия в среде энеолитического населения Урала и сопредельных территорий // Археология Урала и Западной Сибири: (К юбилею В.Ф. Генинга). Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2005. С. 87–92.

Morgunova N., Khokhlova O. Chronology and Periodization of the Pit-Grave Culture in the Area Between the Volga and Ural Rivers Based on 14C Dating and Paleopedological Research // Radiocarbon. 2013. Vol. 55. Nr. 2–3. P. 1286–1296.

*Оренбургский государственный педагогический университет
nina-morgunova@yandex.ru*

The article considers one of debatable questions in the archaeology of West Siberia — the genesis of Afanasyevskaya culture. Subject to consideration being different viewpoints, placing emphasis on materials of Yamnaya culture from Volga-and-Urals interfluvium. The author comes to a conclusion that the viewpoint on genesis of Afanasyevskaya culture from the territory of steppes of East Europe keeps its timeliness and finds justification in the latest discoveries.

Early Bronze Age, Afanasyevskaya culture, Yamnaya culture, factors of interaction.

ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ ПЛЕМЕН ТАШКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ¹

А.Д. Дегтярева*, В.Т. Ковалева**, С.В. Кузьминых***

Проводится обобщение полученных аналитических данных по химическому составу и технологии цветного металла, петрографии плавильных емкостей ташковской культуры Нижнего Притоболья эпохи бронзы. Основная часть цветных изделий в виде слитков, сплесков, небольших орудий и их обломков изготовлена из искусственных сплавов — оловянной и оловянно-мышьяковой бронзы. Наиболее вероятные исходные центры поставки металла — Рудный Алтай, производящие центры которого имели несомненный приоритет в плане транспортировки оловянных и оловянно-мышьяковых бронз, а также зауральские очаги металлургии и металлообработки синташтинской и петровской культур. Ташковский центр металлопроизводства в начале II тыс. до н.э. являлся маломощным. Его металлообработка базировалась на привозном сырье, мастера только начали знакомиться с технологией плавки металла благодаря контактам и связям с более мощными сопредельными производящими центрами.

Ташковская культура, Западная Сибирь, Нижнее Притоболье, эпоха бронзы, обработка цветного металла, металлургические контакты.

Племена ташковской культуры занимали достаточно компактную территорию в пределах Нижнего Притоболья. Ее памятники были открыты в начале 80-х гг. XX в. в процессе исследований коллективов Уральского университета и Нижнетагильского пединститута, Института истории и археологии УрО АН СССР [Ковалева, 1997; Ковалева и др., 2000; Корякова и др., 1991]. В числе исследованных поселений наиболее известны Ташково 2, ЮАО 13, Иска 3, Заводоуковское 10, ЮАО 10, для которых была характерна кольцевая, а также нерегулярная планировка жилых построек; могильники не найдены. Проблемы генезиса ташковской культуры, хронологических рамок, взаимосвязей и исторических судеб ее населения по многим аспектам остаются дискуссионными [Корочкова, 2012]. Один из авторов статьи относит ташково к раннему бронзовому веку, предполагая, что эта культура предшествует сейминско-турбинским (СТ), синташтинским, кротовским комплексам, в целом развивалась в рамках досейминского хронологического горизонта [Ковалева, 1997]. Два других автора, напротив, считают, что ташковская металлообработка осуществлялась на ранней фазе Евразийской металлургической провинции (XXII/XXI–XVIII/XVII вв. до н.э.) [Кузьминых, Дегтярева, 2012, с. 224, 238]. Опубликованные радиоуглеродные даты указывают на калиброванный возраст памятников 2050±200 лет до н.э. (7 дат; при вероятности 95,4 %) [Ковалева, 2005, с. 105].

В достаточно обширном обзоре современного состояния практики радиоуглеродного датирования, хронологической последовательности памятников культур эпохи бронзы Урала и Западной Сибири на основании сопоставления абсолютных дат исследователи пришли к выводу, что хронология ташковской культуры не исключает ее вероятностной синхронности с комплексами, содержащими сейминско-турбинский металл, равно как и использование последнего носителями культуры [Молодин и др., 2014]. При суммировании вероятностей ташковские даты дают достаточно широкий интервал — 2290–1880 (2900–1600) гг. до н.э., что позволяет констатировать общую синхронность с сейминско-турбинским феноменом и синташтинско-абашевским периодом [Черных, 2007, с. 85, рис. 5.10; Молодин и др., 2014, с. 141].

В материалах поселений ЮАО 13, Ташково 2, ЮАО 10, Иска, САО обнаружено более 60 медных и бронзовых изделий с низкой металлоемкостью, обломки тиглей и льячек, которые свидетельствуют о местном, хотя и ограниченном металлопроизводстве. Детальная характеристика технологических аспектов ташковской металлообработки, которая помогла бы пролить свет в том числе на металлургические связи населения Нижнего Притоболья на рубеже III–II тыс. до н.э., до сих пор отсутствует. Настоящая статья восполняет этот пробел. В ней обобщены результаты

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ, проекты № 11-06-00034а, 11-06-00154а.

Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Притоболья

аналитического изучения металлических изделий и плавильных емкостей с целью выяснения химико-металлургических групп использовавшегося металла (рецептур сплавов), основных приемов обработки сплавов, историко-металлургических контактов ташковских кузнецов и литейщиков.

В коллекции цветного металла преобладают слитки, сплески и капли весом 0,3–6 г (45 экз.; 72,6 %). Обнаружено также 14 экз. пластин и прутков, 2 орудия труда, 1 заготовка для украшения (табл. 1, рис. 1–3). Помимо металла в слое поселений найдены мелкие кусочки руды, обломки тиглей, льячек; на поселении ЮАО 10 зафиксирован негатив стержня на глиняной литейной форме.

Таблица 1

Распределение цветных изделий ташковской культуры по памятникам и категориям

Памятник	Слитки, сплески, капли	Пластины, стержни	Орудия труда	Украшения	Всего	Наличие РФА	Наличие металлогр. анализа
ЮАО 13	28	8	1	1	38	15	19
Ташково 2	13 (в том числе 9 капель на тиглях, 1 — на фрагменте кер.)	6	—	—	19	14	—
ЮАО 10	1	—	—	—	1	1	1
САО	—	—	1	—	1	1	1
Иска 3	1	—	—	—	1	1	1
Ук 3	2	—	—	—	2	—	—
Всего	45	14	2	1	62	32	22

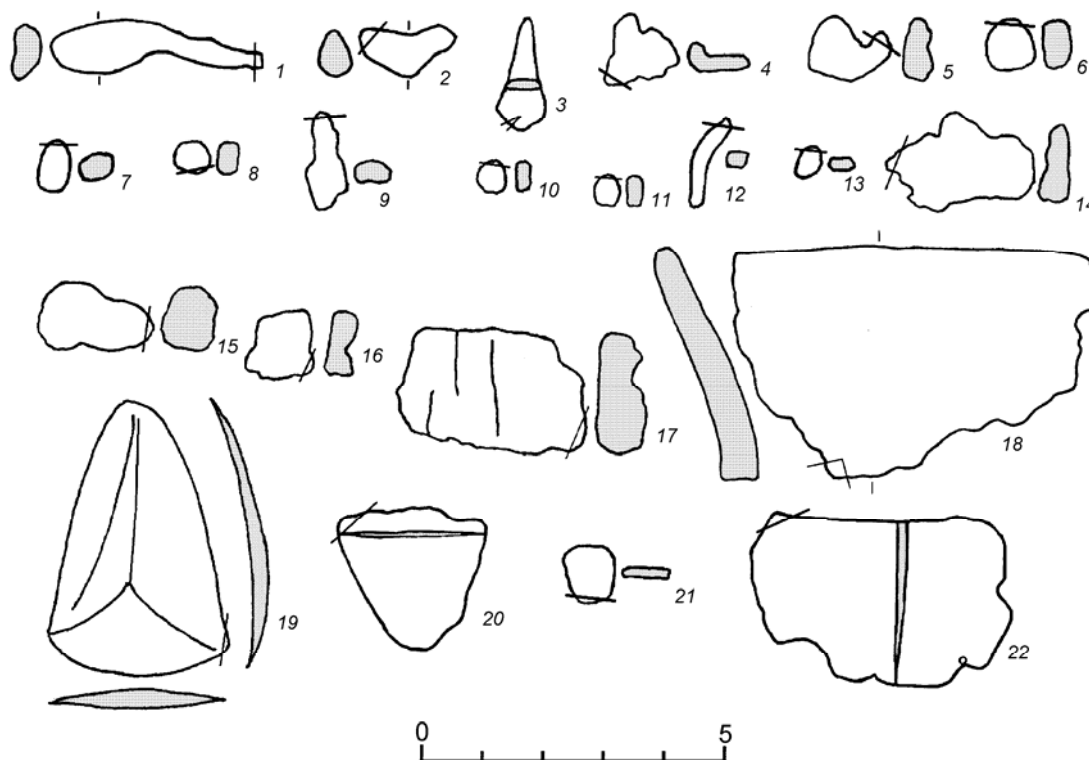

Рис. 1. Металлические изделия ташковской культуры (секущими линиями обозначены срезы на шлифы): 1–18 — слитки, сплески (ан. 877, 878, 1326–1329, 1331–1335, 1330, 1337, 1376–1378, 1375, 880); 19 — скобель (ан. 1374); 20 — обломок ножа (ан. 881); 21 — заготовка для подвески (ан. 1336); 22 — обломок пластины (ан. 882): 1–16, 20–22 — ЮАО 13; 17 — ЮАО 10; 18 — Иска 3; 19 — САО

Большинство слитков, сплесков и капель происходит из очага 1 в жилище 13 пос. ЮАО 13 — 27 экз. общим весом 30 г (рис. 1, 1–16; рис. 2). Самый крупный слиток, весом 16 г, найден в слое пос. ЮАО 10 (рис. 1, 17). Из материалов пос. Иска 3 также известен слиток, ранее атрибутированный авторами раскопок как стенка медного сосуда (рис. 1, 18). Однако данные металлогра-

фического анализа, которые не зафиксировали в микроструктуре изделия отражения следов слома сосуда в виде полос скольжения или волокнистой текстуры, позволяют включить его в разряд слитков. По всей видимости, предмет был отлит в форме, изготовленной по оттиску венчика сосуда в сырой глине.

Рис. 2. Фото слитков, сплесков и капель из слоя поселения ЮАО 13 (очаг жилища 13)

Рис. 3. Фото слитка, скобеля, обломка ножа, пластины из слоя поселений ЮАО 10, САО, ЮАО 13 ташковской культуры

Готовых изделий в коллекции крайне мало (обломок ножа и скобель), равно как и заготовок (украшение?) и полуфабрикатов (пластины и стержни). Среди морфологически определенных типов обращает на себя внимание лишь одно орудие — нож-скобель с дугообразно изогнутым клинком типа НК-24 (рис. 1, 19; по: [Черных, Кузьминых, 1989, с. 106]), обнаруженный в слое с ташковской керамикой пос. САО (разведочные исследования 1960-х гг. В.Т. Ковалевой и В.Е. Стоянова). Этот тип орудий известен в глазковских [Окладников, Конопацкий, 1980, табл. I, 3; Конопацкий, 1982, с. 94] и сейминско-турбинских памятниках — святилище в Канинской пещере (5 экз.), могильники Турбинский (3 экз.), Сейминский (5 экз.) [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 61, 1–11], Сатыга XVI (3 экз.) [Кузьминых, 2011, с. 35], а также в близких с последними в культурном и хронологическом отношении таежном западно-сибирском могильнике Товкуртлор 3 [Стефанов, 2006, рис. 7, 7], культовом месте Шайтанское озеро II [Сериков и др., 2008, рис. 2, 15, 16; Сериков, 2013, рис. 136, 5, 8, 154, 13] и могильнике Сопка 2 (мог. 177; раскопки В.И. Молодина). Орудие из пос. САО отлито из оловянной бронзы с содержанием олова 10 %. Вероятнее всего, скобель является импортным из СТ-среды. Является ли это свидетельством прямых контактов ташковских и сейминско-турбинских племен, сказать пока сложно.

Обломок ножа представлен концевым фрагментом двулезвийного клинка, линзовидным в сечении, длиной 2,4 см (рис. 1, 20), обнаруженным в межжилищном пространстве пос. ЮАО 13. К категории украшений условно отнесена заготовка или поделка каплевидной формы высотой 0,9, шириной 0,7 см, поверхность которой была тщательно до блеска заполирована (пос. ЮАО 13; рис. 1, 21).

Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Притоболья

Комплексное исследование металла ташковской культуры методами атомно-эмиссионного спектрометрического и рентгено-флуоресцентного анализов (32 предмета) показало, что доминирующими являются искусственные бронзы на основе меди — оловянно-мышьяковые (43,8 %), мышьяковые (15,6 %), оловянные (12,5 %) сплавы, в общей массе — 71,9 % от всех аналитически изученных образцов (табл. 2, 3; рис. 4). Концентрации мышьяка в сплавах составляют от десятых долей до 1,9 %, олова — от десятых долей до 11,8 %. Доля предметов, изготовленных из чистой меди, насчитывает примерно треть (28,1 %) изделий, из них только один слиток представлен чистой окисленной медью. Орудия труда — скобель и обломок ножа изготовлены из оловянно-мышьяковой и мышьяковой бронзы, заготовка для украшения — из оловянной бронзы. Примерно две трети слитков, сплесков, капель на сосудах отлиты также из легированной бронзы — оловянно-мышьякового, оловянного и мышьякового сплавов.

Таблица 2

Результаты атомно-эмиссионного спектрометрического, рентгенфлуоресцентного анализов изделий ташковской культуры*

Предмет	Памятник	Номер рисунка	№ спектр. анал.	№ структур. анал.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	CO	Au
Слиток	ЮАО 13	1, 1	0176	877	Осн.	0,14	0,04	0,04	0,004	0,15	<0,01	0,2	0,02	0,005	<0,001	<0,001
Сплеск	ЮАО 13	1, 2	0177	878	Осн.	3,5	0,17	0,008	0,005	0,013	<0,01	0,05	0,006	0,001	<0,001	<0,001
Капля	ЮАО 13	—	0178	—	Осн.	0,15	0,03	0,018	0,003	0,04	<0,01	0,05	0,006	0,002	<0,001	<0,001
Слиток	Иска 3	1, 18	0179	880	Осн.	<0,005	<0,001	0,008	0,007	0,08	<0,01	<0,05	0,015	<0,001	<0,001	<0,001
Обломок ножа	ЮАО 13	1, 20	0180	881	Осн.	<0,005	<0,001	0,007	<0,001	0,015	<0,01	0,44	0,02	<0,001	<0,001	<0,001
Пластина	ЮАО 13	1, 22	0181	882	Осн.	0,35	0,02	0,08	0,008	0,15	<0,01	0,2	0,1	0,005	<0,001	<0,001
Слиток	ЮАО 10	1, 17	34338	1375	Осн.	0,0003	0,01	—	—	0,0001	—	—	0,02	0,001	—	—
Пластина	Ташково 2	—	34339	—	Осн.	0,002	0,0007	—	0,0002	0,2	—	0,055	0,02	0,004	—	—
Пластина	Ташково 2	—	34340	—	Осн.	1,0	0,03	0,008	0,0009	0,2	0,1	0,2	0,02	0,008	—	0,001
Пластина	Ташково 2	—	34341	—	Осн.	0,2	0,002	0,004	0,0005	0,2	0,0012	0,2	0,02	0,009	—	0,001
Пластина	Ташково 2	—	34342	—	Осн.	0,25	0,001	0,004	0,0003	0,2	0,0015	0,12	0,02	0,01	—	0,001
Стержень	Ташково 2	—	34343	—	Осн.	0,03	0,0004	0,004	0,0001	0,2	—	0,15	0,02	0,01	—	0,001
Капля	Ташково 2	—	34344	—	Осн.	0,007	0,001	—	—	0,2	—	—	0,02	0,005	—	—
Слиток	Ташково 2	—	34345	—	Осн.	—	0,001	—	0,0003	0,2	0,002	0,15	0,02	0,0045	—	0,001
Капля	Ташково 2	—	34346	—	Осн.	0,045	0,0008	0,009	—	0,2	0,01	0,15	0,4	0,001	—	0,001
Капля	Ташково 2	—	34347	—	Осн.	0,008	0,001	0,004	0,0001	0,2	0,005	0,07	0,02	0,01	—	0,001
Пластина	Ташково 2	—	36721	—	Осн.	0,007	0,001	0,009	—	0,2	—	—	0,001	0,0015	—	—
Сплеск	Ташково 2	—	36722	—	Осн.	0,02	0,0006	0,009	—	0,2	0,004	0,03	0,001	0,0075	—	0,001
Капля	Ташково 2	—	36723	—	Осн.	0,004	0,0008	0,008	0,0002	0,2	—	0,025	0,18	0,005	—	—
Капля	Ташково 2	—	36724	—	Осн.	0,5	0,001	0,009	0,0002	0,18	0,004	0,2	0,1	0,005	—	0,001
Капля	Ташково 2	—	36725	—	Осн.	0,015	0,001	—	—	0,2	—	0,055	1,0	0,0045	—	0,001
Слиток	ЮАО 13	1, 3	50101	1326	Осн.	7,76	0,43	0,13	0,05	0,05	—	0,21	0,09	0,04	—	—
Слиток	ЮАО 13	1, 4	—	1327	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сплеск	ЮАО 13	1, 5	50102	1328	Осн.	0,19	0,07	0,02	0,03	0,1	0,01	0,59	<0,04	0,02	—	—
Сплеск	ЮАО 13	1, 7	—	1331	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сплеск	ЮАО 13	1, 6	50103	1329	Осн.	0,11	0,07	—	0,04	0,09	0,06	0,56	0,07	0,02	—	—
Пруток	ЮАО 13	1, 12	50104	1330	Осн.	2,1	0,08	—	0,05	0,34	0,07	0,63	0,11	0,04	—	—
Сплеск	ЮАО 13	1, 8	50105	1332	Осн.	0,26	0,08	—	0,05	0,28	0,08	0,72	0,2	0,04	—	—
Слиток	ЮАО 13	1, 9	50106	1333	Осн.	10,43	0,65	—	0,07	0,06	0,04	0,07	0,09	0,01	—	—
Сплеск	ЮАО 13	1, 10	—	1334	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сплеск	ЮАО 13	1, 11	—	1335	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Подвеска	ЮАО 13	1, 21	50107	1336	Осн.	8,91	0,25	—	0,05	0,05	0,02	0,03	0,15	0,11	—	—
Сплеск	ЮАО 13	1, 13	—	1337	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Скобель	САО	1, 19	50139	1374	Осн.	10,23	0,62	0,42	0,05	0,03	—	0,14	<0,02	0,01	—	—
Слиток	ЮАО 13	1, 14	50140	1376	Осн.	11,82	0,19	0,27	0,05	0,07	—	0,24	<0,04	0,01	—	—
Слиток	ЮАО 13	1, 15	50141	1377	Осн.	0,22	0,06	0,06	0,03	0,06	0,04	0,61	0,05	0,01	—	—
Слиток	ЮАО 13	1, 16	50142	1378	Осн.	0,55	0,08	0,29	0,03	0,49	0,07	1,91	0,19	0,06	—	—

* Анализы № 0176–0181 произведены в Институте неорганической химии СО РАН, № 34338–50142 — в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

Таблица 3

Распределение металла ташковской культуры по металлургическим группам

Категория	Cu	Cu+Sn	Cu+Sn+As	Cu+As	Всего
Орудия труда	—	—	1/50	1/50	2/100
Украшения	—	1/100	—	—	1/100
Слитки, сплески	7/31,8	3/13,6	9/41	3/13,6	22/100
Пластины, стержни	2/28,6	—	4/57,1	1/14,3	7/100
Итого	9/28,1	4/12,5	14/43,8	5/15,6	32/100

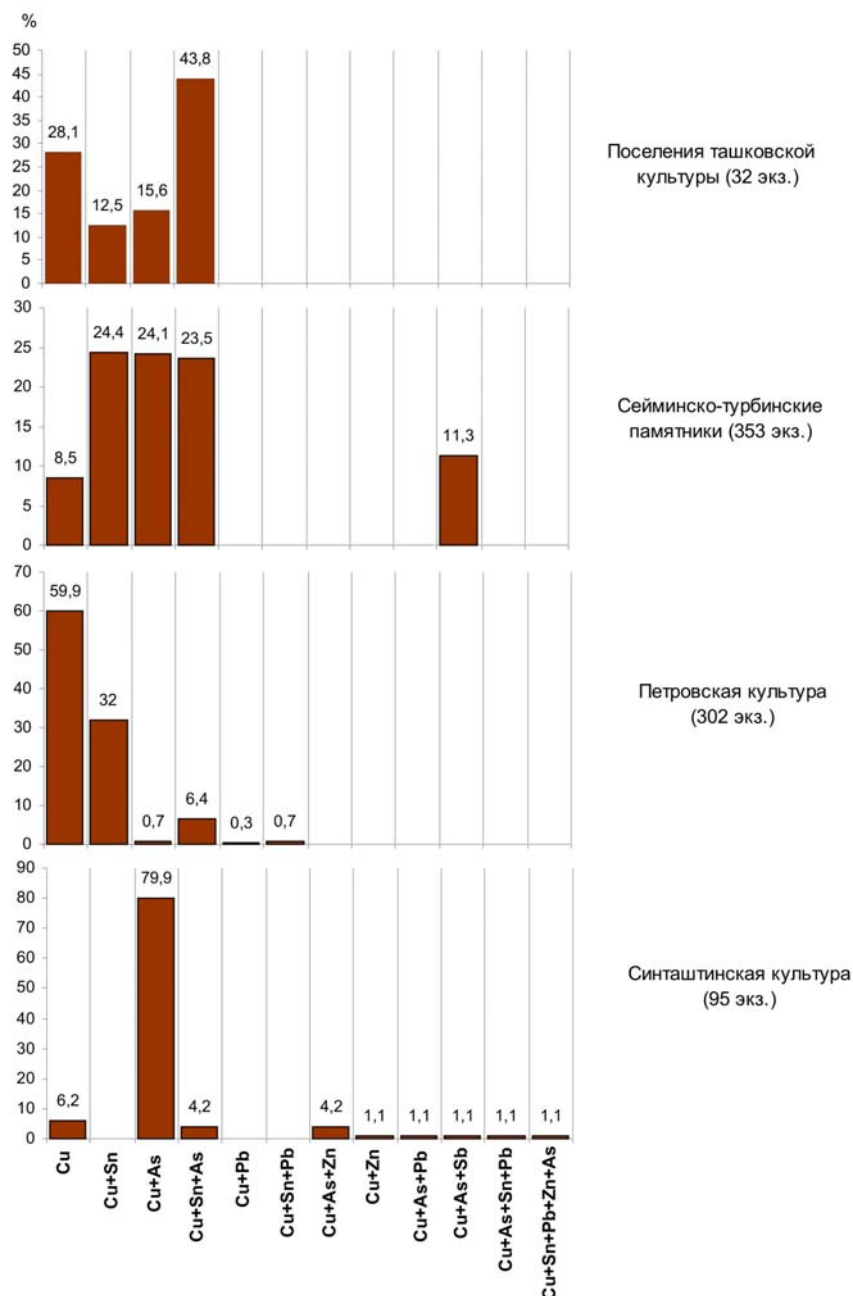

Рис. 4. Распределение цветного металла ташковской, сейминско-турбинской, петровской, синташтинской культур по металлургическим группам (значения в %).
 Данные по сейминско-турбинскому металлопроизводству по: [Черных, Кузьминых, 1989, табл. 9, с. 166].
 В гистограмме не отражены 29 анализов групп Cu+Ag, Ag+Cu, Au

При рассмотрении особенностей металлообработки ташковских племен на фоне распространения химико-металлургических групп металла культур ранней фазы ЕАМП вполне отчетливо устанавливаются определенные черты сходства прежде всего с производством сейминско-турбинских племен по наличию четырех ведущих групп сплавов в выборке металла, хотя и в различных пропорциях (рис. 4). В СТ-центрах также доминируют искусственные бронзы (83,3 %), примерно по пятой части образцов представлены группами сплавов Cu+Sn, Cu+As, Cu+Sn+As [Черных, Кузьминых, 1989, с. 186–192]. Кроме перечисленных сплавов авторами выделена группа Cu+As+Sb (11,3 %). Доля изделий, входящих в группу «металлургически» чистой меди, крайне низка и составляет всего 8,5 %. В металле петровской культуры явно преобладают из-

Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Притоболья

деляя из чистой меди и оловянных бронз (59,9 и 32 % соответственно), в то время как в синташтинском производстве — из мышьяковой меди или бронзы (79,9 %) [Дегтярева, Кузьминых, 2013, с. 229–232; Дегтярева, 2010, с. 83–88].

Е.Н. Черных и один из авторов данной статьи при рассмотрении особенностей металлопроизводства европейской и азиатской зон сейминско-турбинского транскультурного феномена выявили характерные отличия в распределении химико-металлургических групп, обусловленные использованием различных рудных источников [Черных, Кузьминых, 1989, с. 186–192]. Так, если в азиатской зоне резко преобладают оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы с суммарной долей до 96 %, то в западной, европейской, части суммарная доля этих бронз падает до 37,2 %, в то время как возрастает доля изделий, входящих в группы, в которых ведущей примесью является мышьяк, — мышьяковые и мышьяково-сурьмяные бронзы (44 %). Восточно-европейский СТ-металл, по их мнению, был связан своим происхождением с медистыми песчаниками Приуралья и с рудами коренных месторождений Урала, в числе которых рудопроявления Таш-Казган и Никольское. Однако основными источниками олова для громадной совокупности культур, входивших в ареал ЕАМП, являлись древние оловорудные разработки Алтая (Калбинский и Нарымские хребты). Помимо касситеритовых залежей, на Алтае известны достаточно разнообразие по типам меднорудные месторождения. По всей видимости, благодаря той цепочке металлургических связей и контактов, установлению трансевразийского торгового пути, по которому на запад с Алтая осуществлялась транспортировка оловянной и оловянно-мышьяковой бронзы в виде слитков, полуфабрикатов, готовых изделий, в ташковскую среду поступали слитки и полуфабрикаты с введенной лигатурой олова и мышьяка, концентрации которых в единичных случаях достигали 11,8 и 1,9 % соответственно. Конечно, вполне вероятны и контакты с петровскими и синташтинскими центрами, с их мощными медеплавильными комплексами, развитыми металлургией и металлообработкой с достаточно большим объемом производства. Единственный слиток в изученной коллекции, относящийся к группе чистой окисленной меди, вероятнее всего, происходил именно из петровского зауральского центра производства, для которого как раз характерно масштабное использование этого вида сырья [Дегтярева, Кузьминых, 2013].

Методами металлографического анализа исследовано 22 образца, в том числе скобель, обломок ножа, поделка каплевидной формы, пластина и 18 слитков и сплесков. Скобель отлит из оловянной бронзы с содержанием Sn 10,2 % в односторонней литейной форме с плоской крышкой (ан. 1374, рис. 5, 1). Отливка была подвергнута длительному отжигу гомогенизации с целью выравнивания структуры и достижения большей пластичности металла, отражением чего явилось отсутствие в структуре металла следов дендритной ликвации и включений эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$. Затем рабочая часть орудий была прокована с целью растяжки рабочей части, ее изгибания и заострения. Вероятнее всего, судя по характерным вмятинам на поверхности металла, форме и расположению включений,ковка велась по горячему металлу и завершалась практически по остывшему металлу, степени деформации были незначительными, не выше 50 %.

Помимо скобеля, были проанализированы металлографически три предмета из числа орудий, украшений и пластин. Все они изготовлены в процессе холоднойковки. Так, обломок ножа из мышьяковой бронзы с содержанием мышьяка 0,44 % сформованковкой, которая сопровождалась значительными степенями обжатия металла, порядка 70–80 % (ан. 881, рис. 5, 2). Холодная деформация металла с повышенным содержанием сульфидов привела к поломке изделия. Поделка каплевидной формы, по всей видимости, являющаяся заготовкой украшения, отлита из оловянной бронзы (8,9 %), а затем подвергнута доработке холоднойковки с обжатием 40–50 % (ан. 1336, рис. 5, 3). В заключение поверхность подвески была тщательно до блеска отшлифована. Пластина, представлявшая собой, скорее всего, обломок украшения, получена из оловянной бронзы (Sn 0,35 %, примесь As 0,2 %)ковкой из заготовки с приложением больших степеней деформирующего воздействия, порядка 70–80 %. Ковка протекала по холодному металлу и сопровождалась промежуточными отжигами при температуре 600–800 °С (отсутствие трещин краснотомкости в металле, содержащем повышенные концентрации висмута). Наличие большого количества сульфидов при холодной деформации металла явилось причиной растрескивания и поломки изделия.

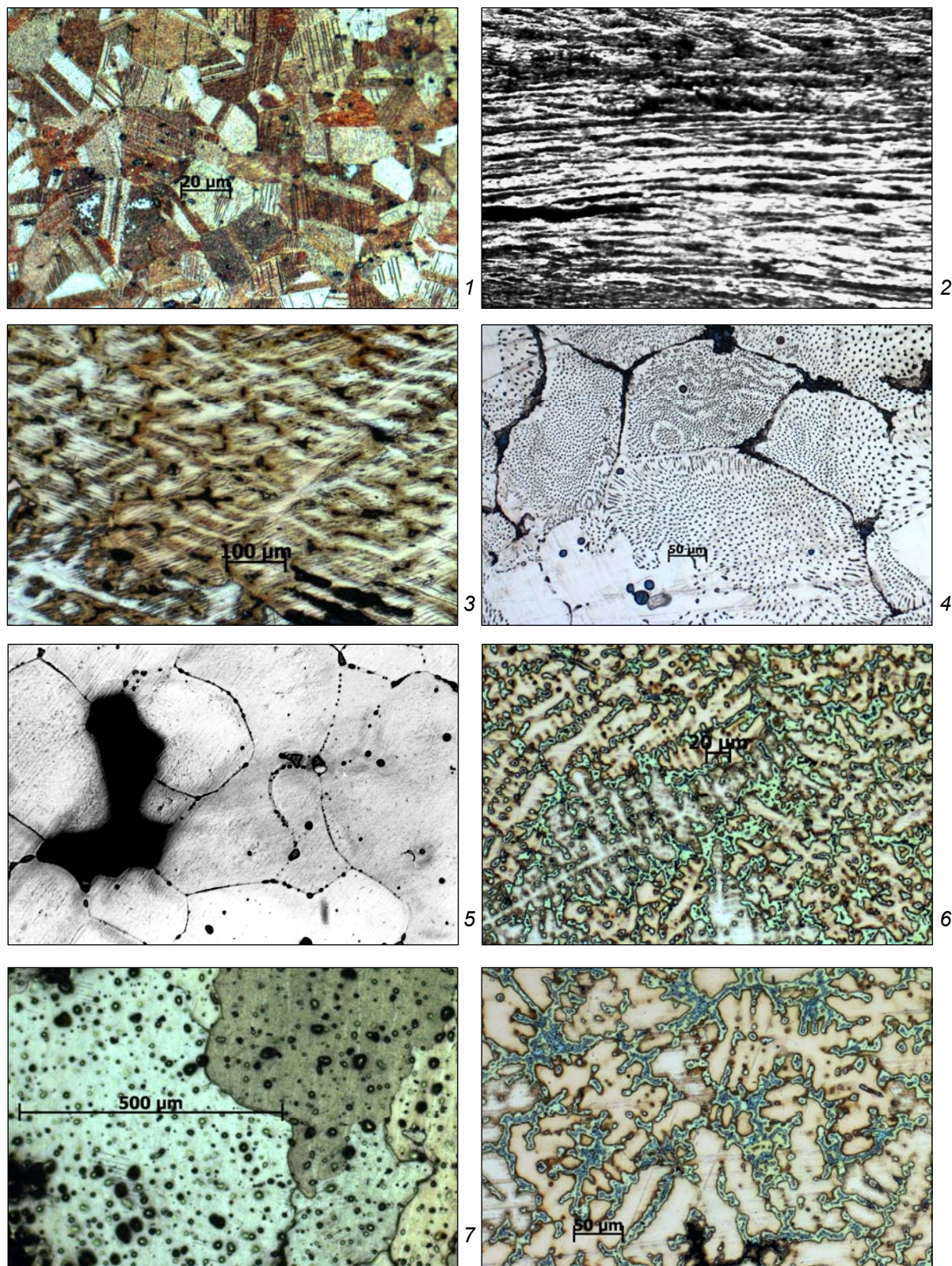

Рис. 5. Фотографии микроструктур изделий ташковской культуры
(1 — увел. 500; 2, 3, 5, 7 — увел. 100; 4, 6, 8 — увел. 200):
1 — скобель (ан. 1374; срез лезвия); 2 — обломок ножа (ан. 881; срез лезвия); 3 — подвеска (ан. 1336; поперечный срез); 4–8 — слитки (ан. 1375, 880, 1326, 1376, 1333; поперечные срезы)

Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Притоболья

подавляющее большинство металлографически исследованных изделий относится к категории слитков и сплесков — 18 экз. Эти изделия имеют незначительный вес, от десятых долей до 16 г. Из 18 слитков 12 входят в группу легированных бронз — оловянно-мышьяковых (9 экз.) и оловянных (3 экз.) сплавов. Концентрации олова в слитках находятся в пределах от десятых долей до 11,8 %, мышьяка — от десятых долей до 2 %. Большинство слитков получено в процессе литья в тигли; кроме того, в коллекции присутствует один полосовой миниатюрный слиток, прямоугольный в сечении. Один экземпляр из слоя пос. Иска напоминает по форме обломки венчика сосуда, однако следов деформирующего воздействия в микроструктуре не обнаружено, поэтому слиток, скорее всего, отлит по оттиску венчика в глине. У всех слитков литая полиэдрическая или же дендритная структура, не измененная последующей ковкой (ан. 877, 878, 880, 1326–1337, 1375–1378; рис. 5, 4–8). В микроструктурах оловянных и оловянно-мышьяковых бронз обнаружено в нескольких случаях большое количество включений эвтектоида α +Cu₃₁Sn₈, подтверждающих данные РФА о концентрациях олова в сплавах до 12 % (рис. 5, 6, 8). Кристаллизация половины слитков протекала замедленно по мере остывания печи, часть из них подверглась воздействию дополнительных высокотемпературных отжигов до 900–1000 °С, что отражено в микроструктурах изделий наличием гигантских полиэдров 0,3–0,5 мм в диаметре, отсутствием дендритной ликвации и включений эвтектоида α +Cu₃₁Sn₈ (рис. 5, 5, 7). Из слитков, относящихся к группе чистой меди, лишь один экземпляр представлен чистой окисленной медью. Судя по площади, занимаемой включениями эвтектики Cu-Cu₂O, содержание кислорода в меди достигает 0,39 % (рис. 5, 4). Местами видны крупные округлые глобулы кислорода. При плавке металл не предохранен от избыточного окисления, содержание кислорода в меди превысило 0,39 %.

Металлографическое исследование выявило особенности ташковской металлообработки, заключающиеся прежде всего в том, что мастера этой культуры не владели всеми способами и методами горячей обработки меди и бронз. Они, по сути, экспериментировали с температурными нагревами до предплавильных режимов, при этом фиксировался и пережог металла с оплавлением границ зерен. Примечателен факт использования преимущественно холоднойковки при доработке ножа, пластин, подвески или же, в меньшей степени, холоднойковки с промежуточными отжигами. Судя по технологии изготовления скобеля типа НК-24 (литье из оловянной бронзы в сочетании с последующей незначительной горячей доработкой лезвийной части), оружие может быть связано только с сейминско-турбинским металлопроизводством. Использование подобных технологий ранее было выявлено по материалам СТ-могильников Сатыга 16 и Товкуртлор [Дегтярева, Кузьминых, 2011], и это приводит к заключению об импортном характере ножа-скобеля из пос. САО.

Тигли и льячки, обнаруженные в ташковских памятниках, часто сформованы на стенках и днищах сосудов с долепленными бортиками (рис. 6). Часть тиглей, декорированных елочным орнаментом, имеет овальную в плане форму.

С целью выяснения температурных режимов использования рабочих емкостей во время плавки металла был проведен петрографический анализ серии глиняных тиглей и льячек (11 экз.) в лаборатории петрографического анализа Института огнеупоров УрО РАН. В большинстве образцов при изучении микроструктур глин в метакаолините не обнаружен замещающий его муллит, а в кварце отсутствуют образования метакристобалита (рис. 7). Это, по мнению специалистов, свидетельствует об использовании в процессе нагревов металла температуры не выше 1000 °С, являющейся нижней пороговой величиной образования муллита и метакристобалита — высокотемпературных полиморфных модификаций [Горшков и др., 1988, с. 207–211, 239–241]. В трех образцах было обнаружено восстановление оксидов железа в закись железа и магнетит с образованием железосодержащих стекловидных включений, что указывает на использование температуры немногим более 1100 °С [Каныгина и др., 2010, с. 117]. При этом происходило соответственно изменение цвета керамики на темно-серый. Эти процессы протекали в восстановительной среде без доступа кислорода, что, вероятнее всего, обеспечивалось покрытием жидкого металла и полости тиглей предохраняющими засыпками. В рабочей зоне трех тиглей обнаружены на фоне метакаолинита микроскопические корольки меди, а в трех образцах — включения закиси меди Cu₂O. В нескольких тиглях найдены также микроскопические вкрапления руды — малахита и хризоколлы.

Рис. 6. Фрагменты глиняных тиглей и льячек ташковской культуры:
1 — Заводоуковское 10; 2–4 — ЮАО 13

Суммируя данные комплексного аналитического исследования цветного металла и плавильных емкостей, вполне логично заключить, что ташковский центр металлопроизводства являлся маломощным; металлообработка базировалась на привозном сырье; мастера только начали знакомиться с технологией плавки и переработки меди и бронз. Судя по пределу температурного нагрева не выше 1100 °С (по данным петрографического анализа тиглей), технология металлургической переработки руд в металл им была не известна. Они не могли достигнуть необходимых пороговых величин высокотемпературных нагревов для выплавки металла из руды (точка плавления меди — 1083 °С, после чего необходимо не менее получаса выдержать жидкий расплав при температуре 1300 °С) [Липницкий, Морозов, 1976, с. 239–251; Гуляев, 1977, с. 603]. По всей видимости, находясь поблизости и в непосредственных контактах с мощными производящими центрами, ташковские кузнецы получали извне очень ограниченный, мизерный объем металла — преимущественно слитки с введенной лигатурой Sn и As. Наметьте эти исходные центры поставки металла, конечно, сложно. Однако предварительно можно предположить, что ташковская металлообработка каким-то образом была связана с трансевразийским торговым путем, по которому из районов Рудного Алтая к ним поступали оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы. Относительно происхождения слитка чистой окисленной меди, технология получения которой и сегодня чрезвычайно сложна (в современных условиях ее плавка

Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Притоболья

протекает в вакуумных установках), можно предположить его импорт из зауральского петровского металлургического очага. Петровские металлурги получали при переработке местной зауральской руды как окисленную, так и обогашенную сульфидами медь [Дегтярева, Кузьминых, 2013, с. 240–243]. Нельзя также исключить и металлургических контактов с синташтинскими зауральскими центрами с целью получения мышьяковой бронзы, тем более что обломки керамики и булавы синташтинского облика присутствуют в материалах ташковских поселений [Ковалева и др., 2000, с. 101–104].

Рис. 7. Фотографии микроструктур глиняных тиглей (увел. 70):
1 — включения кварца; 2 — включения полевого шпата; 3 — стекловещество метакаолинит с оксидами железа FeO, Fe₂O₃; 4 — корольки меди; 5 — включения Cu₂O

Манипулируя с импортной бронзой, ташковские мастера пытались освоить температурные режимы получения жидкого цветного металла. Во всяком случае, микроскопические капельки меди, обнаруженные на стенках тиглей визуальнo и в процессе петрографического анализа, красноречиво свидетельствуют об этом. По всей видимости, литейщики пытались найти температурные интервалы режимов горячей обработки бронз, но эти попытки приводили к пережогу металлу. Единичность образцов литейных форм также указывает на ограниченность использовавшихся схем получения готовых изделий. Аналитические данные фиксируют лишь стадии подражания обработке металла, владение технологическими параметрами получения меди и бронз освоено еще не в полной мере. Литье в тиглях, в особенности декорированных, вполне возможно, носило скорее сакральный характер, нежели бытовой, производственный. При обработке металла использовалась лишь холодная ковка или холодная ковка с промежуточными нагревами, что в принципе укладывается в схему достаточно архаичного металлопроизводства ташковских племен, применявших, однако, не медь, а искусственные сплавы. Сказалось влияние и контакты с достаточно мощными очагами металлургии и металлообработки — сейминско-турбинскими, синташтинскими, петровскими — азиатской зоны Евразийской металлургической провинции на фазе ее сложения.

Ташковское металлопроизводство — металлообработка начала позднего бронзового века — представляется парадоксальным в условиях определенной архаизации присваивающих систем хозяйства, с приобщением к металлургической отрасли не на начальных этапах освоения меди, а сразу с использованием легированных искусственных сплавов, благодаря вовлечению в систему трансевразийской торговли и обмена медью, бронзами и оловом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горшков В.С., Савельев В.Г., Федоров Н.Ф. Физическая химия силикатов и других тугоплавких соединений. М.: Высшая школа, 1988. 400 с.

Гуляев А.П. Металловедение. М.: Металлургия, 1977. 648с.

Дегтярева А.Д. Древнее металлопроизводство Южного Зауралья. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Результаты аналитического исследования металлических изделий могильника Сатыга XVI // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. С. 37–44.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Глава 6. Цветной металл поселения Устье // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 216–253.

Каныгина О.Н., Четверикова А.Г., Лазарев Д.А., Сальникова Е.В. Высокотемпературные фазовые превращения в железосодержащих глинах Оренбуржья // Вестник ОГУ. 2010, № 6. С. 113–118.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 131 с.

Ковалева В.Т. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 102–109.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Адреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 160 с.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о-в Ольхон). Новосибирск: Наука, 1982. 176 с.

Корочкова О.Н. Дискуссионные аспекты изучения ташковской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИППО СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 24–33.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 71 с.

Кузьминых С.В. Металлические изделия // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. С. 32–37.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учеб. / Под ред. акад. В.Л. Янина. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГУ, 2012. С. 219–270.

Липницкий А.М., Морозов И.В. Справочник рабочего-литейщика. Л.: Машиностроение, 1976. 344 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. НГУ. Сер. История и филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Окладников А.П., Конопацкий А.К. Исследования на острове Ольхон в 1975 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск: Наука, 1980. С. 123–137.

Серигов Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Бронзовый век Урала: Новые перспективы // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 341–346.

Серигов Ю.Б. Шайтанское озеро — священное озеро древности. Ниж. Тагил: Нижнетагильская гос. социально-педагогическая академия, 2013. 408 с.

Стефанов В.И. Могильник Товкуртлор-3: Сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. 2006. № 1. С. 44–58.

Черных Е.Н. Каргалы: Феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов // Каргалы. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 5. 200 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.

*Тюмень, ИППО СО РАН

anna126@inbox.ru

**Екатеринбург, Уральский федеральный университет

***Москва, ИА РАН

kuzminykhsv@yandex.ru

In clause generalization of the received analytical data on structure, technologies of non-ferrous metal, petrography of melting capacities Tashkovo cultures Low Tobol basin epoch of bronze. The basic part of fine color products in the form of ingots, fine instruments is made of artificial alloys — tin, tin-arsenic bronze. The most probable initial centers of delivery of metal — Ore Altai, making which centers had a doubtless priority by way of transportation tin and tin-arsenic bronze, and also powerful metallurgical Sintashta and the Petrovka centers of the south High Urals. The center Tashkovo of metal industry was low-power metalcutting, working on imported raw material which masters only have started to get acquainted with technology swimming trunks of metal owing to activity of adjacent tribes.

Tashkovo culture, West Siberia, Low Tobol basin, Bronze Age, processing of non-ferrous metal, metallurgical contacts.

ПРАКТИКА ПОСТИНГУМАЦИОННОГО НАРУШЕНИЯ МОГИЛ В КУЛЬТУРАХ РАННЕЙ И РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

А.В. Бондаренко

Поднимаются проблемы интерпретации могил со следами древнего постингумационного проникновения. Дается обобщенная характеристика основных черт потревоженных захоронений елунинской и федоровской культур. Приводятся примеры этнографических свидетельств вскрытия погребений. Делаются предположения о возможных отличиях следов тех или иных проникновений и массовости применения различных практик, которые можно зафиксировать археологически.

Елунинская культура, федоровская культура, погребальные и постингумационные обряды, нарушенные погребения, древние проникновения в могилу, этнографические параллели.

Погребальная и постпогребальная обрядность является одной из наиболее устойчивых и важных составляющих ритуальной деятельности. Здесь в концентрированном виде выражены представления древних о мире [Потемкина, Грушин, 2012, с. 85]. К постпогребальным (постингумационным) относятся любые обряды, которые подразумевают обращение к погребению и уже захороненным останкам. Ярким примером являются древние проникновения в могилу. Археологами накоплен обширный массив данных, которые могут привлекаться для изучения практик подобного рода.

Погребальный комплекс, в котором фиксируются следы древнего постингумационного проникновения, называется нарушенным. Нарушение может определяться несколькими признаками: изменение по сравнению с закрытыми комплексами контура могилы, наличие пятен в зачистке перед выборкой основного заполнения ямы; разрушение стенок погребальной камеры; визуальная фиксация шурфа в разрезе погребения; разноуровневое положение костей и инвентаря в заполнении; изменение анатомически правильного положения костей и первоначального положения инвентаря в могиле, определенного основным характерным для памятника обрядом.

Целью работы является обоснование при помощи данных этнографии причин и способов древнего взаимодействия с уже захороненными останками. Задачи — обобщенная характеристика основных особенностей проникновений, зафиксированных археологически, поиск мировоззренческих основ и способов обращения к мертвым, анализ предполагаемых следов известных в сибирской этнографии практик.

В целях изучения основных признаков постпогребального проникновения в могилы были проанализированы погребения елунинской культуры ранней бронзы могильника Телеутский Взвоз-I [Кирюшин и др., 2003]. Из 41 захоронения 26 (63 %) были нарушены в древности.

Также проведен предварительный анализ могил федоровской культуры развитой бронзы памятника Еловка-II [Матющенко, 2004] и погребальных комплексов черноозерского типа памятников андроновской культурно-исторической общности могильника Черноозерье I [Генинг, Стефанова, 1994]. Из 234 федоровских могил 56 (24 %) были потревожены. Еще 34 (15 %) комплекса не могут быть с достаточной долей вероятности отнесены ни к нарушенным, ни к закрытым. На памятнике Черноозерье I 66 могил из 166 (40 %) нарушены, еще 35 (21 %) вызывают сомнения. Таким образом, в целом от 30 до 48 % могил андроновской культурно-исторической общности были потревожены древним проникновением. Подробный анализ нарушенных погребений позволил получить ряд выводов.

1. На материалах грунтовых могильников стратиграфические следы проникновения в погребения почти не поддаются стандартизации. Особенности стратиграфии в большой степени определяются цветностью и гранулометрическим составом грунта, сохранность отдельных костей скелета — химическим составом вмещающих пород и особенностями поведения «взломщика» в пределах могилы [Бондаренко, 2012, с. 32–34]. Косвенными признаками проникновения являются отличие от заполнения закрытых комплексов, изменение контура могилы (чаще вы-

зывается разрушением стенок погребальной камеры), расположение костей и погребального инвентаря в заполнении ямы. Авторами раскопок, как правило, оговариваются повреждения, вызванные норной деятельностью животных.

2. На разных памятниках фиксируются случаи особого отношения к черепу, направленное разрушение верхней части останков погребенного. В одних случаях нарушенные погребения демонстрируют отсутствие внимания к посткраниальному скелету [Бондаренко, Грушин, 2013, с. 176], в других — отмечаются различные композиции из ребер, длинных костей, скопления [Бондаренко, 2008, с. 123], предположительное деление останков по индивидуальной принадлежности в коллективных могилах.

3. Некоторые примеры нарушения отличаются особым отношением к погребальному инвентарю. Например, в центре нарушенного федоровского погребения 124 могильника Тартас-1 (Барабинская лесостепь) был оставлен кинжал срубно-андроновского типа длиной 35,3 см [Молодин и др., 2005, с. 414, рис. 1; с. 415, рис. 2.1]. В других случаях сопоставление инвентаря нарушенных и закрытых комплексов показывает примерно одинаковый предметный состав. Вероятно, это прямое указание на отсутствие грабительских целей в ходе проникновения [Бондаренко, 2009, с. 94–95].

4. Очень редко может быть зафиксировано двухактное проникновение. Например, в могилы 11 и 41 елунинской культуры памятника Телеутский Взвоз-I (Алтайский край) были совершены проникновения, останки смещены, сверху положены другие погребенные. В ходе повторного проникновения оказались потревожены и они [Бондаренко, Грушин, 2013, с. 174–175].

5. В планиграфии некоторых могильников могут быть выявлены особенности взаимного расположения закрытых и нарушенных комплексов. Например, на памятнике Телеутский Взвоз-I отмечено наличие непотревоженных и нарушенных комплексов в каждом ряду погребений [Бондаренко, Грушин, 2013, с. 179].

6. Нарушенные погребения могут быть разделены на несколько эмпирических типов. Одни разрушены практически полностью, в яме сохранились разрозненные фрагменты костяка. В других при полном уничтожении анатомической целостности скелета большая часть костей осталась в могиле. У третьих потревожена направленным проникновением верхняя или нижняя часть останков [Бондаренко, Грушин, 2013, с. 176].

Чаще всего нарушенные могилы интерпретируются как ограбленные. Однако в ряде случаев такое объяснение нельзя признать удовлетворительным. Неслучайно в последние десятилетия стали появляться другие интерпретации: осквернение [Молодин, Соловьев, 2004, с. 108–112]; обряды обезвреживания [Аксенов, 2002, с. 98–114; Флеров, 2000, 2007], обряды, не относящиеся к погребальным, но связанные с потусторонним миром, — общение с покойным, инициации [Кузьмин, 1991, с. 149], обряды освобождения души [Нелин, 2001, с. 320–321].

Любая интерпретация археологических материалов с опорой только на сам источник может выглядеть необоснованной и требует развитой системы доказательств. Весомым аргументом в пользу различных гипотез могут быть данные этнографии.

Вопросы корректности этнографических параллелей в изучении археологических материалов Западной Сибири поднимаются довольно часто. Подробный анализ дискуссии в недавнем времени проведен А.В. Кенигом [2010, с. 7–33]. Ранее основные подходы обозначались как этногенетический и экологический. Сегодня они дополняются данными этноархеологии и экспериментальной археологии [Там же, с. 32–33]. Вероятно, самыми результативными можно считать работы, которые опираются на несколько методик сразу. Так, например, находя корни какого-либо обряда в мировоззрении и предполагая его практический результат, можно дополнить и скорректировать экологический подход, обоснованный М.Ф. Косаревым. Тем более практически невозможно поспорить с его основным тезисом: «...погребальный обряд хантов, манси, селькупов, кетов, ненцев, эвенков и других сибирских аборигенных народов... преследовал две главные цели: 1) помочь покойному (вернее, его душе-тени) благополучно достичь Страны Мертвых; не допустить возвращения умершего в Мир Живых... Общесибирский, по существу, глобальный характер перечисленных ритуальных действий свидетельствует об их глубочайшей древности» [Косарев, 1981, с. 120–121].

Для работы анализировались данные по погребальным и поспогребальным обрядам сибирских народов, принадлежащих к разным языковым семьям: уральской (угорская группа языков: ханты, манси; самодийская группа: селькупы, ненцы, энцы, нганасаны); алтайской (тунгусо-

Практика постингумационного нарушения могил в культурах ранней и развитой бронзы...

маньчжурская группа: эвенки; тюркская группа: якуты, тувинцы, алтайцы, кумандинцы, сибирские татары; монгольская группа: буряты); чукотско-камчатской (чукчи); енисейской (кеты).

Для многих народов Сибири характерны представления о нескольких душах человека, различных их ипостасях. По определению М.Ф. Косарева, это две «сложные и динамичные по своему содержанию жизненные силы: душа-тень (призрак), идущая после смерти человека в мир мертвых, и душа-птица — носительница наследования жизни, поднимающаяся после смерти человека вверх, на небо, к солнцу, на вершину мифического родового дерева душ» [2003, с. 113]. Душа-тень пребывает рядом с телом до его разложения (с вариациями — определенное число дней или лет у разных этносов), затем отправляется в нижний мир, где живет столько, сколько провел человек на земле, постепенно уменьшается от взрослого состояния к младенческому, а потом рождается в новом человеке. Некоторые исследователи описывают от четырех до семи душ [Пелих, 1972; Чернецов, 1959]. Подобные представления изучены у обских угров, селькупов, ненцев, энцев, нганасан, кетов [Народы Западной Сибири..., 2005, с. 152, 271, 374–375, 464, 534–535, 611]. Можно предполагать, что схожие воззрения имеют этносы, наделяющие «живыми» свойствами тело умершего человека или приписывающие возможность «изменения» его душе (например, якуты, сибирские татары, кумандинцы, чукчи).

В погребальных практиках сибирских этносов, как и в мировоззрении, выделяются общие черты. К числу ритуальных действий погребально-поминального цикла (в разных вариациях) относятся: закрывание глаз и иных физиологических отверстий; обмывание и переодевание покойного; отделение имени; гадания; кормление умершего перед выносом и отвлечение его духа из жилища; вынос из жилища; дорога до места погребения; ориентировка мертвеца в сторону «нижнего мира»; снабжение умершего различными вещами, нужными для достижения «нижнего мира» и перехода в «иное состояние»; разнообразные ритуалы преграждения обратной дороги мертвому; проводы души умершего; поминовения.

Таким образом, основные действия с телом покойного ограничены омовением, переодеванием, гаданием (выяснение распоряжений умершего по поводу похорон и т.д. [Богораз, 1939, с. 157, 185–186; Народы Западной Сибири..., 2005, с. 156]) и транспортировкой к месту погребения. Остальные составляющие обряда переносятся в словесные формулы и действия с живыми участниками или областью ирреального.

В сибирской этнографии крайне редки нарушения целостности останков, входящие в ряд «основных» и «типичных» практик. Наоборот, якуты, например, верили, что «для нормальной загробной жизни необходимо сохранять относительную психическую и физическую целостность человека. Это близко по содержанию к обычаям сохранения в целостности основных костей зверей, связанных с верой в их возрождение» [Алексеев, 1980, с. 165]. Именно поэтому все контакты с умершими осуществлялись без физического взаимодействия с останками.

Один из немногих примеров регламентированного разрушения трупа связан с особым отношением к шаману. По представлениям якутов, могущественного шамана нужно было перезахоронить три раза: «Родственники по мере обветшания и разрушения могилы шамана должны были трижды “поднимать его кости”». Если обряд не был выполнен до конца, шаман мог и напомнить родственникам об их долге. При повторных похоронах обновлялись арангас и одежда, приносились в жертву кони. Обряд проводился шаманом [Алексеев, 1980, с. 165, 184].

В якутском шаманизме устойчиво мнение о том, что шаман не умирает полностью. С этим связаны упоминания о давно умерших шаманах, которые «по сей день лежат и камлают в своей могиле». Именно поэтому люди, имевшие в роду умершего шамана, могли обратиться за помощью к его духу «в случае, когда кто-нибудь обижал их вблизи его могилы» [Алексеев, 1980, с. 165]. Отметим отдельно, что традиция обращения к рядовым членам общества, не шаманам, у якутов не зафиксирована.

У представителей уральской языковой семьи так же не распространено обращение к умершим. В хантыйском фольклоре есть сказка, в которой мужчина возвращался ночью домой, увидел огни, дошел до кладбища, обратился за помощью к отцу, который там лежал, огни гореть перестали [Семенова, 2008, с. 88]. Однако этот пример является скорее исключением.

У чукчей, напротив, обращение к останкам не было редкостью. Так, если стойбище разбивалось вблизи места чьего-либо погребения, то «главный житель» охранял население, прогонял злых духов. В одном сказании юноша просит помощи у трупа своего отца и тот подсказывает, как получить в жены дочь богатого оленевода. А одна девушка влюбилась в череп, который нашла в тайге. Позже он отыскал свое тело и оказался богатым юношей [Богораз, 1939, с. 182].

Наибольшее число примеров непосредственного взаимодействия с трупом относится именно к этнографии чукчей. Чукчи практиковали оставление тела на поверхности земли или сжигание. На месте погребения устраивали каменную ограду, закалывали оленей — одновременно, с двух боков, четырьмя ножами. Распорядитель похорон садился на труп и погонял оленей, пока они не перестанут агонизировать. Так осуществлялись проводы умершего в мир мертвых [Богораз, 1939, с. 187]. Затем на умершем разрезали одежду, заменяя ее кусками мяса, пока не покроют им все тело. На лицо клали кусок двенадцатиперстной кишки оленя. После этого вскрывалась грудная клетка покойного, разрезались печень и сердце. По внешнему виду этих органов определялись возможные причины смерти: «Печень очень больная, сердце наполнено гноем. С такими внутренностями, конечно, невозможно было прожить хоть немного больше... Печень выглядит совсем сухой, сердце сжалось и стало совсем маленькое, как комочек. Этот человек умер от страха или отчаяния» [Там же, с. 188]. Рядом с умершим оставляли различный инвентарь, перед уходом перерезали ему горло, чтобы «не дать духам болезни следовать за участниками похоронного шествия» [Там же]. Отдельно следует подчеркнуть контакт с телом в ходе проводин.

Представители уральской и алтайской языковых семей осуществляли проводы бесконтактным способом [Косарев, 2003, с. 101; Ромбандеева, 1980, с. 238]. У эвенков проводы выполнялись «через год после разложения трупа» [Хасанова, 2007, с. 145]. Однако не найдено свидетельств того, что могила вскрывалась. Можно предположить, что срок протяженностью в год был установлен когда-то и далее использовался «по умолчанию», без поправок на погодные условия и нюансы сохранности тела.

Исключительным для сибирской этнографии примером физического обращения к умершему являются магические обряды. Описывая религиозные представления чукчей, В.Г. Богораз подробно остановился на злонамеренных заклинаниях, в рецепты которых входят манипуляции с трупом. До вынесения тела в тайгу нужно особым образом отрезать кусочек мяса от левого плеча трупа, по возможности взять его мозг. Полученные фрагменты высушиваются вдали от дома. Частица полученного мяса должна попасть в еду: «Считается, что такое мясо действует как яд. После того, как «обреченный гневу» проглотит это мясо, рот его весь покроется язвами, у него разрывается желудок, и вскоре после того он умирает» [Богораз, 1939, с. 152–153]. Для повышения эффективности порчи нужно оторвать мясо от трупа зубами. Фрагменты тела покойника могли не только навредить. Иногда чукчи изготавливали кожаные мешки, куда помещали кости и сушеное мясо покойника. Такой мешок называли «дедом», к нему относились как к покровителю и помощнику [Там же, с. 181].

Также чукчи использовали человеческий череп как сосуд для приготовления магических отваров. Этот мотив виден как в сказках, так и в недоверии чукчей к антропологам и их работе с черепами. По этой причине участникам экспедиции В.Г. Богораз-Тана было запрещено собирать антропологический материал.

К сожалению, оказалось крайне сложно найти письменные упоминания магического употребления частей тел умерших представителями других языковых групп. Лишь по устному сообщению Е.П. Батьяновой, к.и.н., с.н.с. Института этнологии и антропологии РАН, известно об использовании в шаманизме руки покойника.

Строго регламентированный, «правильный» погребальный обряд имеет решающее значение в упорядочении отношений живых и мертвых. Правильно «отправленные» в мир иной покойники (любые категории, в том числе заведомо «вредные») получают возможность приходить в мир живых только в определенные дни, когда совершаются поминовения. В другое время они существуют отдельно от мира живых. «Опасны не сами по себе связи... опасны неожиданные, нерегламентированные «визиты»... Вот почему в народных представлениях страшны так называемые «непритомники» — нечистые покойники, которые посещают живых в неурочное время» [Байбурин, 1993, с. 118].

Опасность могли представлять разные категории умерших. Если за покойником заранее подозревали возможное неспокойное поведение, то его особым образом хоронили [Косарев, 2003, с. 93]. Например, у хантов вызывали особый страх проклятые матерями и мертворожденные дети. Их хоронили под дуплистым деревом, закапывали в берестяном коробе или даже двойном гробу. На сердце, тело или в рот ребенка могли положить камень [Семенова, 2008, с. 81].

Для погребения погибших от несчастного случая, эпидемии, при родах, в воде и т.д. северные ханты устраивали «ура-хот» [Народы Западной Сибири..., 2005, с. 161]. «Ура-хот» — это

Практика постингумационного нарушения могил в культурах ранней и развитой бронзы...

домик, в котором обитает душа человека, своеобразный кенотаф, в который помещали вещи и одежду умершего.

Якуты боялись людей, умерших насильственной смертью. С ними боролись разными способами: одному в могилу положили пустой колчан, тело другого было завернуто с ног до головы в материю и обмотано волосяными веревками, самоубийц закапывали лицом вниз [Алексеев, 1980, с. 183].

Тувинцы-ламаисты боялись «жадных» людей (их сжигали, если тело не поедали животные, через 49 дней после смерти) и умерших в возрасте 81 года. Такого покойника хоронили утром, до восхода солнца, пробив колом темя. Его укладывали головой на север, положив на затылок молитвы, а в левую руку черный камень [Дьяконова, 1975, с. 112]. Некоторые группы тувинцев хоронили опасных покойников ничком [Кисель, 2009, с. 22].

Буряты могли погребать «вредных» покойников вниз головой [Кисель, 2009, с. 22].

Таким образом, разнообразные примеры указывают на то, что именно направленное изменение общего регламента похорон было призвано обезопасить живых. Однако иногда в ходе похорон бывают допущены ошибки. К ошибкам «отправления» покойного относятся самые разнообразные детали, в том числе забытые вещи. Предметы быта или одежды могли прихоронить в могилу или «передать» со следующим покойником [Косарев, 2003, с. 99, 102–103]. Такие примеры известны в казахском, хантыйском фольклоре, алтайской этнографии. У тувинцев описан случай, когда взрослому человеку положили детскую опояску: «незадолго перед тем умер его маленький сын, которому в гроб забыли положить опояску; теперь ее отправили с отцом, чтобы сын в загробном мире не ощущал в ней недостатка» [Дьяконова, 1975, с. 23].

Иногда вещи подкладывали непосредственно умершему. Например, существует остяцкая былина, в которой богатыри пришли сватать дочь богатыря и узнали, что та умерла: «Пусть... нам дадут 10 людей с лопатами и 10 людей с топорами, чтобы ее вырыть; принесенное для нее золото и серебро, предназначенные для нее шелк и камку мы ей положим» [Косарев, 2003, с. 102].

«Возвращение долга» — это один из немногих случаев, когда могила вскрывалась. У тюркоязычного населения низовьев р. Тары существовали запреты даже на прикосновения к могиле. Надмогильная конструкция изготавливается один раз: «...нельзя выполнять с этим сооружением далее какие-либо действия, нельзя беспокоить умершего» [Корусенко, 2003, с. 65]. Так, при осмотре кладбища у д. Чеплярово (Большереченский р-н Омской обл.) только одна могила из 85 современных имела следы подправки насыпи (в нее прикопали рубаху).

В борьбе с «вредными» покойниками сибирские этносы ограничивались поминанием, жертвоприношениями [Семенова, 2008, с. 96] или иными бесконтактными средствами. У кумандинцев, например, люди, которые были похоронены с ошибками, превращались в турлаг. Их отгоняли выстрелом ружья, искрой из огнива или осиновым прутом (клали его поперек дороги, чтобы турлаг прекратил преследование) [Алексеев, 1980, с. 171].

Якуты, если случались нападки юер (невидимый дух, чаще злой) простого человека, этот юер заключали в берестяной короб. Если же беспокоил юер шамана, вызывали более сильного шамана, который изготавливал деревянную фигурку, одевал ее и внедрял туда дух умершего [Там же, с. 167]. Единственный пример обращения к останкам, который удалось отыскать, — миф о силаче Оноку: «...будто бы раскопал могилу отца, убитого в Якутске за неуплату ясака, сжег его тело, останки привез домой и похоронил» [Там же, с. 188]. Итак, могила была раскопана не для нейтрализации умершего, а для выполнения сыновнего долга.

Вскрытие могилы происходило лишь в исключительных случаях. По устному сообщению М.А. Корусенко, к.и.н., с.н.с. сектора этнографии Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, «сибирские татары считали, что у колдунов телесная душа — душа-тень и душа-птица не разделены. Соответственно такой умерший приходит к живым, вредит им, подпитываясь через них, продлевая свое существование. Живые его принудительно “разделяют” — осиновым колом, железным ломом и другими предметами».

Важной деталью в этом обряде является мотив расчленения тела «вредного» покойного. «Расчленение вселенной, животного, человека, вещи представляет один из наиболее универсальных мотивов мировой мифологии. ...расчленение обозначает умерщвление. ...убить, т.е. лишить сущности, можно лишь, разъяв тело чисто физически на части, клочья, куски... Покойник часто не считался окончательно мертвым до тех пор, пока не был окончательно расчленен, т.е. пока не была нарушена физическая целостность его тела» [Евсюков, 1988, с. 45]. Разделение на части тела «неприятника» широко известно в славянской этнографии [Байбурин, 1993, с. 107; Зеленин, 1995, с. 101, 103–104].

В теме расчленения останков важной деталью является наделение отдельных частей тела определенными свойствами. Мифологическая анатомия северных народов подробно описана в монографии В.И. Семеновой [2008, с. 61–69]. Выделены бессмертные (кости, волосы, ногти, зубы) и смертные части тела (голова, туловище, кожа, пуп, пальцы, внутренние органы).

Наибольшее количество жизненных сил сосредоточено в верхней части тела человека. По мнению хантов, манси, селькупов, в голове живет одна из душ. Г.И. Пелих приводит данные о могильной душе кэдо, «которая после смерти человека вместе с трупом уходит в могилу. Кэдо не может выйти из головы покойного, пока не сгниет труп. За это время она превращается в паука и затем уползает в землю... селькупы верили в старину, что, если душа кэдо покинет труп раньше, чем он сгниет, она превратится не в безобидного паука, а в черта (кава-лоза)» [1972, с. 116]. Отрезание носа и ушей означает безвозвратную гибель героя мифа [Семенова, 2008, с. 65]. Руки — основные инструменты человека. Пальцы осуществляют наиболее тесный контакт с миром. У селькупов в большом пальце живет человеческая душа, а в среднем — мужская.

Таким образом, разрушение анатомической целостности грудной клетки, рук и манипуляции с черепом или головой могут иметь в своей основе желание лишить покойного сил (обезвреживание), его полное и окончательное умерщвление (при осквернении или освобождении души).

Ноги связаны с нижним миром. Отсутствие ног или одноноготь — частый признак хтонических существ (змеи, рыбы) и мифологических персонажей (Баба-яга — костяная нога, русалки). Вероятно, поэтому в нарушенных погребениях часто остается не потревоженной нижняя часть скелета. С этой точки зрения сужается круг интерпретаций могил с нарушенной анатомической целостностью ног — это желание обездвигнуть умершего или намерение полностью уничтожить останки.

С целью смягчения категоричности следует отметить, что жизненными соками и определенной символиккой было наделено все тело человека. Ярким примером этого, а также иллюстрацией ритуального расчленения тела могут быть известные по всему миру культы плодородия: миф об Осирисе, расчленение девушки индейцами пауни [Медникова, 2004, с. 32], расчленение великих правителей и колдунов [Фрэзер, 1983, с. 356], сожжение Масленицы с последующим вывозом ее пепла на поля.

Итак, известные в этнографии постпогребальные проникновения в могилы можно разделить на три основных блока. Перечислим их и попытаемся представить, как могли выглядеть следы, оставленные в ходе того или иного нарушения, а также массовость применения различных практик обращения к уже погребенным останкам.

Первым блоком постингумационных проникновений являются регламентированные погребальными и постпогребальными ритуалами вторжения — освобождение души или одной из душ. Исходя из примеров сибирской этнографии запланированное проникновение в могилу может выглядеть как вторичное погребение (коим по сути своей и является). Так, при поднятии останков шамана и обновлении арангаса костяк не мог сохранить анатомической целостности. Скорее всего, кости должны располагаться скоплением. Возможно, мелкие кости при этом могли теряться или изыматься для создания кукол, оберегов и т.д. Отметим еще раз, что для сибирской этнографии такие случаи единичны, относятся лишь к некоторым членам общества [Алексеев, 1980, с. 165, 184].

Вторым блоком проникновений являются случаи «исправления ошибок». К ним могут быть отнесены возвращение долга [Косарев, 2003, с. 102–103] и обряды обезвреживания. Долг могли положить в насыпь могилы или кургана либо рядом с покойным, в его гроб (если таковой имелся). Если вещь подкладывалась к самому покойному, то в заполнении ямы должны фиксироваться следы проникновения. Возможно, имели место манипуляции с костями, дабы покойный «не ходил» за тем, кто его потревожил, либо принял долг.

Говоря об обезвреживании разных категорий покойников, нужно подчеркнуть «необычность» этих действий. Правильно «отправленный» покойник не требует дополнительных вмешательств. Если обряд перестает «работать», его корректируют: можно положить заведомо «вредного» покойника на особой территории, в не характерной для других позах, дать ему пустой колчан, обернуть его тканью и связать. Таким образом, обезвреживания не могут быть массовыми или должны быть введены новые термины.

Следы большинства обезвреживаний, характерных для сибирских этносов, не могут быть зафиксированы археологически (например, заключение в короб юер покойного [Алексеев, 1980, с. 167]). Большинство обезвреживаний могут быть обозначены как вариации погребальных практик (захоронение ничком, например). Значительно реже обезвреживания могут быть за-

Практика постингумационного нарушения могил в культурах ранней и развитой бронзы...

фиксированы в виде следов постпогребального проникновения. Однако нельзя назвать точные признаки, которые помогли бы отличить обезвреживание от осквернения.

Примечательно, что захоронение должно было быть совершено относительно недавно. Ведь если покойник беспокоит живых, его постараются обезвредить как можно быстрее.

Третий блок причин совершения вскрытия могилы может быть обозначен как вовлечение покойных в социальные отношения. Основой этого блока являются военные осквернения. Значительно меньшая часть приходится на ограбления и магические действия.

Этнографические примеры практики осквернения крайне редки, самый полный их список собран Н.Ю. Кузьминым [1991, с. 150]. Однако идея популярна среди археологов. Ее корни уходят в попытки реконструкции мировоззрения и представлений о душе. Ритуал осквернения подробно описан на материалах средневековых погребений могильника Сопка-2 [Молодин, Соловьев, 2004, с. 108–112]. Для населения этой территории предполагается наличие представлений о связи живущих с духами-предками и желательности сохранения костных останков умершего, ибо «целостность останков погребенного является залогом будущего его возрождения... Люди и животные мистически возрождаются к новой жизни, после того, как их скелеты обретают новую плоть. По представлениям хантов, скелет — это основа, на которую нарастает мясо, и жизнь начинается снова, причем облекаться плотью мог только не разрушенный костяк, который сам по себе обладал способностью к возобновлению и активным проявлениям жизни» [Там же, с. 109]. Предсказуемым следствием подобных представлений должен стать постоянный надзор над кладбищами. Тем самым планомерные проникновения грабителей в могилы должны были быть значительно затруднены. По мысли авторов, в подобной ситуации массовое нарушение возможно только во время военных столкновений или сразу после них.

Археологические следы осквернений могут быть разными. Во-первых, можно предположить полное разрушение погребения. Дабы очистить территорию от духа предков, надо полностью уничтожить все, что этот самый дух или душу содержит. По В.В. Евсюкову, только так и можно убить окончательно [1988, с. 45]. Во-вторых, следует вернуться к мифологической анатомии. Если имеют место представления о том, что душа содержится в какой-то отдельной части тела, то можно изъять или потревожить только ее. И это объяснит частичное нарушение скелета. Тем более, что только военное осквернение в полной мере может быть причиной массовых проникновений, а однотипных, полностью разрушенных могил на памятниках не так много. Теория военного осквернения способна объяснить и разную степень разложения останков на момент проникновения: одновременно нарушалось как можно больше захоронений, без особого деления на свежие и старые могилы.

Остается открытым вопрос об однотипности подобных проникновений. Если на работу выделялось несколько людей, то предсказуемо наличие сходных следов проникновения в разных ямах. С другой стороны, занятие это крайне важное: завоеватель не может вести нормальную деятельность и чувствовать себя безопасно на территории, которую охраняют духи-предки враждебного населения [Молодин, Соловьев, 2004, с. 112]. С этой точки зрения неоспорим высокий приоритет «очистки» жизненного пространства над другими делами и выделение на работу большого или даже большего, чем на что-либо, количества людей.

Говоря о древних ограблениях, необходимо отметить, что кладбища традиционно рассматриваются как своеобразные «поселения мертвых». Мельчайшей структурной единицей кладбищ является могила — «дом», «жилище» усопшего [Корусенко, 2003, с. 102]. Кроме того, могила воспринимается как вход в подземный мир и место взаимодействия мира живых и мира мертвых [Байбурин, 1993, с. 115]. Сам же покойник мог символизировать собой не только предка, но и смерть [Там же, с. 103]. Исходя из этого ограбление могло сопровождаться определенными обрядами, направленными на защиту фигуранта. Вероятно, могли использоваться охраняемые заклинания или даже требовалось присутствие служителя культа [Молодин, Соловьев, 2004, с. 111]. С этой точки зрения грабеж могил становится не прагматичным действием, а своеобразным ритуалом.

Сложно сказать, как должны выглядеть следы типичного ограбления эпохи бронзы. Это могут быть и повторяющиеся смещения определенных костей, как при изъятии поясного набора из скифских могил [Кузьмин, 1991, с. 147], и полные разрушения костяка в попытках найти что-то ценное.

При непосредственном обращении к уже захороненным останкам в магических или гадательных целях (так же и при упоминаемых некоторыми исследователями обрядах инициации [Кузьмин, 1991, с. 149]) в заполнении могилы должны фиксироваться следы проникновения.

Однозначного ответа на вопрос о том, что произойдет в таком случае с останками, не существует. Чтобы зафиксировать гадания или изъятия отдельных костей археологически, необходима большая выборка разных памятников с целенаправленной обработкой антропологических материалов соответствующими специалистами. На большинстве могильников, которые исследованы сейчас, возможно проследить только манипуляции с черепом. Чаще это даже не фиксация особого обращения с ним — разрушения, переворачивания и т.д., а ответ на прямой вопрос: есть он в могиле или его по какой-то причине нет. К сожалению, без изучения шейных позвонков антропологами и трасологами нельзя утверждать, была ли голова отчленена от тела либо перед исследователем следы смещения черепа после разложения трупа. В любом случае, нарушения в подобных целях не могут быть массовыми.

Таким образом, большинство попыток объяснения причин постингумационного нарушения могил и анатомической целостности останков так или иначе связаны с представлениями разных этносов о душе. Это позволяет с достаточной долей вероятности предполагать, что основная, хотя и не единственная, цель практик проникновения в могилу и манипуляций с телом умершего имеет отношение к обрядам освобождения или изоляции души умершего, в зависимости от принадлежности последнего к той или иной категории покойников.

В целом этнографические примеры проникновения в погребальные комплексы могут быть разделены на три крупных блока: одна из заранее запланированных и известных завершающих стадий переведения человека в «иное состояние» (освобождение души); исправление «ошибок», допущенных в проведении погребальных ритуалов (возвращение долга, обезвреживание); вовлечение предка или его останков в социальные отношения (осквернения, ограбления, магия). Относительную массовость проникновений, характерную для некоторых некрополей, сложно объяснить только осквернение могил в ходе или сразу после военных действий.

Одной из основных сложностей изучения нарушенных могил является многообразие возможных вариантов интерпретаций схожих внешне следов постпогребальных практик. Возможно, определенную ясность помогут внести серийные наблюдения подобных комплексов на разных могильниках и привлечение к работе специалистов смежных с археологией областей: антропологов и трасологов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аксенов В.С.* Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3. С. 98–114.
- Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
- Богораз В.Г.* Чукчи. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. Т. 2: Религия. 195 с.
- Бондаренко А.В.* Нарушенные погребальные комплексы грунтового могильника Тартас-1 // Этнокультурная история Евразии: Современные исследования и опыт реконструкции: Материалы XLVIII Регион. (IV Всерос. с междунар. участием) археол.-этногр. студ. конф. Барнаул: Азбука, 2008. С. 123.
- Бондаренко А.В.* Сравнительный анализ набора инвентаря в закрытых и нарушенных в древности комплексах андронидных групп на могильнике Тартас-1 // Археология и этнография азиатской части России: (Новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): Материалы XLIX Регион. археол.-этногр. студ. конф. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. С. 93–95.
- Бондаренко А.В.* Проблемы фиксации и анализа могил со следами древнего проникновения // VIII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Амфора, 2012. С. 31–35.
- Бондаренко А.В., Грушин С.П.* Нарушенные погребения елуининской культуры эпохи бронзы: (По материалам могильника Телеутский Взвоз I) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 170–181.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К.* Черноозерье I — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Препр. Екатеринбург: УрГУ, 1994. 67 с.
- Дьяконова В.П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
- Евсюков В.В.* Мифология китайского неолита: По материалам росписей на керамике культуры яншао. Новосибирск: Наука, 1988. 128 с.
- Зеленин Д.К.* Избр. труды: Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
- Кениг А.В.* Этноархеология как метод археологических реконструкций: (На примере тазовских селькупов). Екатеринбург; Ханты-Мансийск: АМБ, 2010. 128 с.

Практика постингумационного нарушения могил в культурах ранней и развитой бронзы...

Кисель В.А. Поездка за красной солью: Погребальные обряды Тувы: XVIII — начало XXI в. СПб.: Наука, 2009. 142 с.

Киришин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья: (По материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: АлтГУ, 2003. 333 с.

Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с. (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума; Т. 7).

Косарев М.Ф. К вопросу о методике археолого-этнографических сопоставлений // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1981. С. 119–123.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

Кузьмин Н.Ю. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: Источники, метод, цель. СПб: Гос. музей истории религии, 1991. С. 146–155.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник: Дорименские комплексы. Омск: ОмГУ, 2004. 468 с.

Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетейа, 2004. 208 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пиецонка Х., Марченко Ж.В., Новикова О.И., Гаркуша Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Рыбина Е.В., Чемякина М.А., Шатов А.Г. Полевые исследования на могильнике Тартас-1 в 2005 году (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. 1. С. 412–417.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 182 с.

Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М.: Наука, 2005. 805 с. (Народы и культуры).

Нелин Д.В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: Проблемы интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: ООО «НТЦ», 2001. С. 317–321.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.

Потемкина Т.М., Грушин С.П. Методика археоастрономических исследований культово-погребального комплекса елунинской культуры Телеутский Взвоз-1 // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул: ООО «Пять плюс», 2012. С. 85–95.

Ромбандеева Е.И. Погребальный обряд сыгвинских манси // Семейная обрядность Народов Сибири: (Опыт сравнительного изучения). М.: Наука, 1980. С. 232–238.

Семенова В.И. Мифология мира мертвых: (По мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. 213 с.

Флеров В.С. Аланы центрального Предкавказья V–VIII веков: Обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа, 2000. 164 с.

Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. — IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. — XIV в. н.э. М.: ТАУС, 2007. 372 с.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 703 с.

Хасанова М.М. Путь души в «мир мертвых» по представлениям народов Амура // Мифология смерти: Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этногр. очерки. СПб.: Наука, 2007. С. 134–154.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. 1959. С. 114–156. (ТИЭ; Т. 51).

Москва, ИА РАН
89151193087@yandex.ru

The article raises interpretation problems relating graves with traces of ancient posthumous penetration, giving a general description of basic features as to the disturbed burials of the Yelunino and Fyodorovo culture. The paper gives examples of ethnographic evidences of penetration into burials, assuming possible differences in the traces of one or the other penetration and mass character of using different practices which could be fixed archaeologically.

The Yelunino culture, the Fyodorovo culture, burial and posthumous rites, disturbed burials, ancient penetrations into a grave, ethnographic parallels.

К ПРОБЛЕМЕ СРУБНО-АЛАКУЛЬСКИХ КОНТАКТОВ (по данным изучения орнаментальных традиций керамики поселения Олаир в Зауралье)

В.И. Мухаметдинов

Статья посвящена проблеме срубно-алакульских контактов в Южном Зауралье. Предложен опыт подхода к данному вопросу с применением анализа стилистических орнаментальных традиций. Методика апробирована на керамическом материале срубной, алакульской и срубно-алакульской групп населения, проживавших на поселении Олаир. Было проведено описание орнаментальных традиций, их количественный анализ и вычисление коэффициента их сходства у выделенных на памятнике культурных групп. В результате анализа были установлены раннее начало процессов взаимодействия и их высокая активность на данной территории в развитый период существования срубной и алакульской культурно-исторических общностей.

Южный Урал, эпоха поздней бронзы, орнаментальные традиции, культурные контакты, срубная культурно-историческая общность, алакульская культурно-историческая общность.

Введение

Поселение Олаир открыто в 1995 г. во время охранных исследований в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан и параллельных разведочных работ в степной части Башкирского Зауралья. В 2005 г. совместной археологической экспедицией ГУК НПЦ МК РБ и БашГУ проведены его охранные раскопки [Сунгатов, Бахшиев, 2008].

Авторы публикации выделяют на памятнике 13 культурных групп керамики. Из них посуда пяти культурных групп, характерная для срубно-алакульского круга памятников Южного Урала, составляет 83 % всего керамического комплекса. Это керамика алакульской и срубной историко-культурных общностей как раннего, так и развитого этапов. Сюда же относится и комплекс смешанной срубно-алакульской керамики, составляющий 28 % общей выборки [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 46]. Таким образом, керамический комплекс поселения Олаир является важным источником для изучения срубно-алакульских контактов на Южном Урале.

В данной статье будет представлен опыт изучения культурных контактов алакульского и срубного населения на данном поселении на основе реконструкции традиций декорирования глиняных сосудов.

Специальному изучению были подвергнуты обломки верхних частей 121 разного сосуда, культурную принадлежность которых можно было достоверно определить, используя критерии, предложенные авторами раскопок [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 34–46]. Среди изученных сосудов 19 (15 %) относятся к раннему, 24 (19 %) — к развитому этапу алакульской КИО, 6 (6 %) — к раннему и 28 (23 %) — к развитому этапу срубной КИО, а также 44 (37 %) сосудов имеют признаки смешения срубных и алакульских гончарных традиций.

Анализ орнаментальных традиций

Непосредственным объектом изучения была орнаментальная стилистика на сосудах, которая анализировалась по методике Ю.Б. Цетлина¹, включающей описание орнаментальных традиций на 5 иерархически связанных уровнях: элемент, узор, мотив, образ и композиция. Под *элементом* орнамента понимается отпечаток или динамический след, созданный за один трудовой акт; *узор* — это локализованное изображение, состоящее из одинаковых или разных элементов, созданное за несколько трудовых актов; *мотив* представляет собой определенный способ тиражирования элементов и узоров; *образ* — сочетание двух или трех соседних мотивов, а *композиция* орнамента — это сочетание всех мотивов на сосуде, включая неорнаментированные зоны [Цетлин, 2008, с. 18–28]. Однако, из-за сильной фрагментированности керамического материала, анализ орнамента был проведен только на первых трех уровнях (элемент, узор, мотив).

Элементы. На изученной керамике были выявлены следующие виды элементов графического орнамента: гладкий статичный, гладкий динамичный, ребенчатый, ребристый, накольча-

¹ Хочу выразить искреннюю благодарность Ю.Б. Цетлину за неоднократные консультации в ходе работы.

К проблеме срубно-алакульских контактов...

тый, пальцевые вдавления, проташенная гребенка, веревочный, ямочный, ямчатый и желобчатый. Далее даны подробные описания элементов.

Гладкий статичный (ГлС) — оттиск либо прокатывание рабочей поверхности инструмента с гладкой (т.е. без рельефной структуры) рабочей поверхностью, оставившей линзовидные по форме отпечатки (рис. 1, 1).

Гладкий динамичный (ГлД) — протачивался узким рабочим краем инструмента, оставляя гладкий след (рис. 1, 2).

Желобчатый (Ж) элемент близок к гладкому, но характеризуется значительной шириной (10–30 мм). Элемент выполнялся, вероятно, проглаживанием пальцами (рис. 1, 3).

Гребенчатый (Гр) — прямые, в основном линзовидные, следы с перемычками, оставленными пропилами на рабочей части орнамента. Ширина зубцов большинства гребенчатых инструментов на поселении колебалась от 1,5 до 3 мм (рис. 1, 4).

Ребристый (Р) элемент известен в археологической литературе под названием «слепая» гребенка [Рутто, 2003, с. 32] или «ребристый» штамп. А.В. Матвеев описывает рабочую поверхность этого вида инструментов следующим образом: она «должна была выглядеть как узкая грань, поверхность которой была не идеально ровной и не зубчатой, а слабо рифленой» [1998, с. 226] (рис. 1, 5).

Накольчатый — отпечатки небольшой глубины, треугольной формы, наносимые под острым углом к поверхности сосуда. Выявлены два подвида этого элемента: *НУ* — выполненный углом гладкого орнамента, оставляющим след в виде треугольника с разной длиной сторон (рис. 1, 6); *НТ* — выполненный орнаментом с узкой торцевой рабочей частью, создающей отпечаток в виде равнобедренного треугольника, у которого высота больше основания (рис. 1, 7).

Проташенная гребенка (ПГ) — ряд динамических гладких элементов, выполненных протачиванием гребенчатым инструментом. На поселении для изготовления данного элемента использовались орнаменты длиной от 7 до 15 мм с количеством зубцов от 4 до 7 (рис. 1, 8).

Ямочный (Ямчн) — вдавления, выполненные орнаментом с круглой или овальной рабочей частью (рис. 1, 9).

Ямчатый (Ямчт) — отличается от ямочного формой рабочей части орнамента. На поселении выделены ямчатые элементы, выполненные полый трубкой (рис. 1, 10).

Пальцевые вдавления (ПВ) — ряды отпечатков подушечек пальцев человека, орнаментировавшего сосуд (рис. 1, 11).

Веревочный (В) элемент наносился шнуром, навитым на твердую основу. Представляет собой имитацию гребенчатого отпечатка (рис. 1, 12).

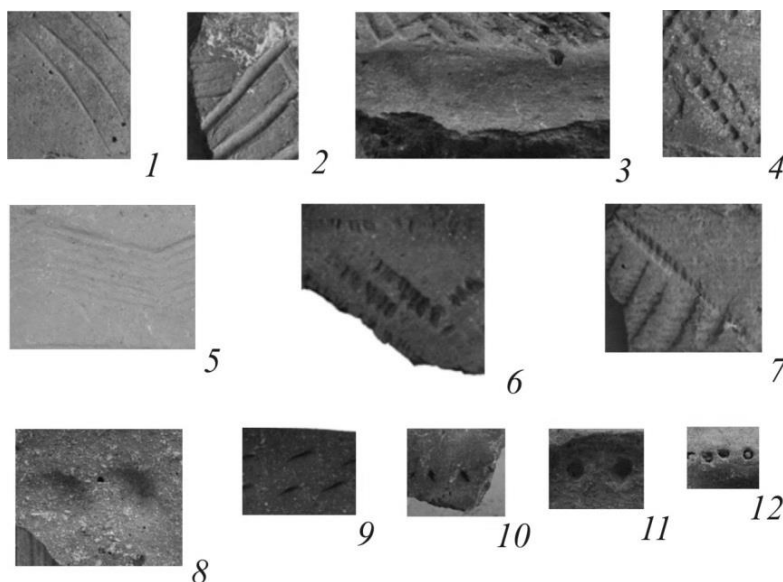

Рис. 1. Фотографии элементов на керамике поселения Олаир:

- 1 — гладкий статичный; 2 — гладкий динамичный; 3 — желобчатый; 4 — гребенчатый; 5 — проташенная гребенка; 6 — веревочный; 7 — ребристый; 8 — пальцевые вдавления; 9 — накольчатый углом инструмента; 10 — накольчатый торцом инструмента; 11 — ямочный; 12 — ямчатый

В табл. 1 приведена информация о частоте встречаемости выделенных элементов орнамента на сосудах разных культурных групп. Приняв значение > 10 % как показатель массовости элемента, мы можем сделать выводы о доминирующих культурных традициях в орнаментации посуды на уровне элементов орнамента.

Таблица 1

Частота встречаемости элементов на сосудах культурных групп

	Ранний этап алакульской КИО		Ранний этап срубной КИО		Развитый этап алакульской КИО		Развитый этап срубной КИО		Срубно-алакульская керамика	
	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент	Число	Процент
ГлС	6	27 %			9	35 %	14	45 %	25	48 %
ГлД	1	5 %					4	13 %	2	3 %
Гр	4	18 %			7	27 %	4	13 %	8	15 %
Р	9	40 %	2	32 %					5	10 %
НУ	1	5 %					2	6 %	5	10 %
НТ					1	3 %			3	6 %
ПГ					9	35 %			3	6 %
Ямчн							4	13 %	1	2 %
Ямчт			1	17 %						
ПВ			1	17 %			3	10 %		
В			1	17 %						
Ж	1	5 %	1	17 %						
<i>Всего</i>	22	100 %	6	100 %	26	100 %	31	100 %	52	100 %

Примечание. ГлС — гладкий статичный; ГлД — гладкий динамичный; Гр — гребенчатый; Р — ребристый; НУ — накольчатый углом; НТ — накольчатый торцом; ПГ — протраченная гребенка; Ямчн — ямочный; Ямчт — ямчатый; ПВ — пальцевые вдавления; В — веревочный; Ж — желоб.

Сосуды раннеалакульской группы орнаментировались преимущественно ребристым элементом (40 %). Менее часто использовались гладкий статичный (27 %) и гребенчатый (18 %) элементы. Алакульские сосуды развитого этапа в основном орнаментированы гладким статичным (35 %) и гребенчатым (27 %) элементами, а также протраченной гребенкой (35 %). Для сосудов раннесрубной группы так же, как и для раннеалакульской, характерно частое использование ребристого элемента (32 %). Другие, выявленные в данной группе: ямчатый, пальцевые вдавления, веревочный и желобчатый, встречаются по одному разу (17 %). В срубной культурной группе широко представлены гладкий статичный (45 %), гребенчатый (13 %) и гладкий динамичный (13 %) элементы. Наиболее часто встречающиеся на сосудах смешанной срубно-алакульской группы — гладкий статичный (48 %) и гребенчатый (15 %) элементы.

Узоры. Всего на поселении выявлен 21 вид орнаментальных узоров. Схематичные изображения узоров на сосудах представлены в табл. 2 в разделе *простые мотивы из узоров*. Узоры на керамике поселения Олаир представляют собой традиционные для большинства культурных групп данной территории в эпоху бронзы геометрические фигуры. Большинство из них (15) — различного вида заполненные треугольники.

Мотивы. На изученных сосудах располагались горизонтальными зонами. Всего выделено четыре группы мотивов. Две группы — простые, выполненных из элементов и узоров соответственно. Сложные «объединяющиеся» мотивы получены в основном в результате объединения двух разнонаправленных линейных элементов, образующих зигзаг. Сложные «пересекающиеся» образованы в двух случаях пересечением простого мотива из элементов в виде парных горизонтальных линий и мотива из элементов, расположенных в ряд. В одном случае «пересекающийся» мотив образован наложением на объединяющийся мотив в виде зигзага простого мотива из узора. В табл. 2 приведены данные о частоте встречаемости выделенных видов мотивов на керамике поселения.

Количественный анализ видов мотивов на керамике поселения позволяет заключить, что на раннем этапе алакульской КИО наиболее распространенной группой мотивов были простые из элементов (37 %), причем основная доля приходится на «длинную горизонтальную линию» (31 %). Вторая по массовости группа — простые мотивы из узоров (34 %). Доминирующий вид мотива в ней — «равнобедренный заштрихованный треугольник вершиной вверх» (15 %). Объединяющиеся мотивы в данной культурной группе менее представительны (14 %), а пересекающиеся не представлены совсем. Для алакульской культурной группы развитого этапа также характерна высокая доля простых мотивов из элементов, при этом вся данная группа представлена только видом «длинная горизонтальная линия» (34 %). Однако объединяющиеся мотивы, в основном зигзаги (37 %), встречаются на алакульской керамике развитого периода более

К проблеме срубно-алакульских контактов...

часто (42 %). Доля простых мотивов из узоров менее представительна (21 %), при этом среди них нет преобладающего.

Таблица 2

Частота встречаемости видов мотивов на сосудах культурных групп

	Ранний этап алакульской КИО		Ранний этап срубной КИО		Развитый этап алакульской КИО		Развитый этап срубной КИО		Срубно-алакульская керамика	
Простые мотивы из элементов										
	14	31 %	2	20 %	14	34 %	6	17 %	23	32 %
	1	2 %					3	8 %	9	13 %
							1	3 %		
			1	10 %			6	17 %	3	4 %
Желоб	1	2 %	1	10 %						
Ряд НУ	1	2 %							3	4 %
Ряд НТ									2	3 %
Ряд Ямчн							3	8 %	2	3 %
Ряд Ямчт			1	10 %						
Ряд ПВ			1	10 %			2	5 %		
Всего ПЭ	17	37 %	6	60 %	14	34 %	21	58 %	32	59 %
Простые мотивы из узоров										
	3	6 %	1	10 %	1	3 %	3	8 %	10	14 %
	7	15 %	1	10 %	3	7 %	4	11 %	4	5 %
	2	5 %								
					1	3 %				
					2	5 %				
									1	1 %
	2	5 %								
	2	5 %								
	1	2 %								
							1	3 %		
			1	10 %	1	3 %			1	1 %
			1	10 %					1	1 %
							5	14 %	4	5 %
	3	6 %								
							1	3 %		
									1	1 %
									1	1 %
									1	1 %
							1	3 %		
									1	1 %
Всего ПУ	20	34 %	4	40 %	8	21 %	15	42 %	25	31 %
	4	9 %			15	37 %			6	8 %
	2	5 %			2	5 %				
Всего СО	6	14 %			17	42 %			6	8 %
Сложные пересекающиеся мотивы										
									1	1 %
					1	3 %			1	1 %
Всего СП					1	3 %			2	3 %

Примечание: НУ — накольчатый углом; НТ — накольчатый торцом; Ямчн — ямочный; Ямчт — ямчатый; ПВ — пальцевые вдавления; ПЭ — простые из элементов; ПУ — простые из узоров; СО — сложный объединяющийся; СП — сложный пересекающийся.

Поскольку раннесрубная керамика на поселении составляет всего 3 % [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 46], количество выделенных мотивов получилось настолько невелико (10), что единич-

ная встречаемость мотива дает 10 %. Такая нерепрезентативность выборки раннесрубной керамики заставляет относиться с осторожностью к данным, полученным при количественном и статистическом анализе. Тем не менее можно отметить преобладание простых мотивов из элементов (60 %) над простыми мотивами из узоров (40 %) при полном отсутствии объединяющихся и пересекающихся мотивов. Та же ситуация сохраняется и на развитом этапе срубной КИО (58 против 42 %). При этом здесь можно выделить доминирующие мотивы: «длинная горизонтальная линия» (17 %), «ряд наклонных коротких линий» (17 %), «равнобедренный заштрихованный треугольник вершиной вверх» (11 %) и «треугольник, составленный из несомкнутых элементов вершиной вниз» (14 %).

Для срубно-алакульской керамики характерно большое видовое разнообразие мотивов. Наиболее представительная группа — простые мотивы из элементов (59 %), в которой доминируют «длинная горизонтальная линия» (32 %) и «ряд вертикальных коротких линий» (13 %). Менее часто встречаются простые мотивы из узоров (31 %), в частности «равнобедренный заштрихованный треугольник вершиной вниз» (14 %). Объединяющиеся мотивы составляют 8 %, а пересекающиеся — 3 %.

Обсуждение результатов

В результате анализа стилистических орнаментальных традиций мы получили формализованные данные, которые позволяют уточнить характер срубно-алакульских контактов на поселении Олаир.

Были рассчитаны коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования элементов, узоров и мотивов в культурных группах по формуле, использованной Ю.Б. Цетлиным в работе «Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур» [2008, с. 16]:

$$КС = \sum K_{min} + M_{min} + \dots + N_{min},$$

где, при сравнении двух культурных групп на поселении, K_{min} , M_{min} , ... N_{min} — наименьшие доли всех зафиксированных элементов (узоров, мотивов) орнамента (табл. 3–5).

Таблица 3

Коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования элементов в культурных группах (%)

	Ранний этап срубной КИО	Развитый этап алакульской КИО	Развитый этап срубной КИО	Срубно-алакульская керамика
Ранний этап алакульской КИО	37	45	50	60
Ранний этап срубной КИО	x	0	10	10
Развитый этап алакульской КИО		x	48	62
Развитый этап срубной КИО			x	69

Таблица 4

Коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования узоров в культурных группах (%)

	Ранний этап срубной КИО	Развитый этап алакульской КИО	Развитый этап срубной КИО	Срубно-алакульская керамика
Ранний этап алакульской КИО	40	47	41	31
Ранний этап срубной КИО	x	49	45	49
Развитый этап алакульской КИО		x	38	32
Развитый этап срубной КИО			x	52

Таблица 5

Коэффициенты сходства между орнаментальными традициями использования мотивов в культурных группах (%)

	Ранний этап срубной КИО	Развитый этап алакульской КИО	Развитый этап срубной КИО	Срубно-алакульская керамика
Ранний этап алакульской КИО	43	58	36	53
Ранний этап срубной КИО	x	33	40	41
Развитый этап алакульской КИО		x	27	49
Развитый этап срубной КИО			x	50

К проблеме срубно-алакульских контактов...

Наиболее сильная степень сходства на уровне элементов прослеживается между традициями срубной группы развитого этапа и срубно-алакульской группы (69 %), алакульской группы развитого этапа и срубно-алакульской группы (62 %), что отражает процесс активных контактов между «срубниками» и «алакульцами». При этом сильная степень сходства между традициями алакульской группы раннего этапа и срубно-алакульской группы (60 %) может быть обусловлена тем, что фрагментированный поселенческий материал не позволяет разделить последнюю на этапы. Поэтому какая-то доля смешанной срубно-алакульской керамики могла быть изготовлена на раннем этапе бытования данных КИО. Сравнительно слабая степень сходства между традициями групп алакульской КИО разных этапов (45 %) объясняется частым использованием на раннем этапе ребристого элемента, который на позднем этапе был полностью вытеснен гладким статичным и гребенчатым.

На уровне узоров сила связей колеблется от 31 до 52 %. Этот сравнительно небольшой диапазон обусловлен тем, что во всех культурных группах основные доли приходились на равнобедренные заштрихованные треугольники вершинами вверх или вниз (табл. 2).

Более подробную картину можно проследить при анализе сходства орнаментальных традиций на уровне мотивов. Здесь отмечаются сильные связи между традициями раннеалакульской и алакульской групп (58 %), а также раннеалакульской и срубно-алакульской групп (53 %). В меньшей степени, чем на уровне элементов, прослеживается сходство между традициями срубно-алакульской и срубной групп (50 %) и между традициями срубно-алакульской и алакульской групп (49 %). Из связей средней степени сходства также можно отметить раннеалакульско-раннесрубную (43 %), раннесрубно-срубно-алакульскую (41 %) и раннесрубно-срубную (40 %). Наиболее слабая степень сходства наблюдается между традициями алакульской и срубной групп развитого этапа (27 %).

Заключение

Полученные данные позволяют сделать вывод о сложности этнокультурных процессов на поселении Олаир. Уже количественный подсчет сосудов разных культурных групп показывает, что на раннем этапе доминирующим населением здесь были алакульские племена [Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 46]. Однако большие степени сходства между орнаментальными традициями раннеалакульской и срубно-алакульской групп на уровне элементов (60 %) и мотивов (53 %) указывают, что контактные процессы начались уже на раннем этапе. В то же время очень слабая степень сходства раннесрубных традиций со срубно-алакульскими на уровне элементов (10 %), а также сам факт малочисленности срубной керамики раннего этапа наводит на мысль, что, вероятно, часть населения, участвовавшего в заселении Олаира, уже была смешанной.

Обращает на себя внимание сравнительно невысокая степень сходства между раннеалакульскими и алакульскими орнаментальными традициями на уровне элементов (45 %). В то же время на уровне мотивов сходство более высокое (58 %). Связано это с частым использованием раннеалакульскими племенами ребристого элемента, который совершенно пропадает на развитом этапе. Такое резкое прекращение использования элемента позволяет заключить, что население, оставившее посуду, относимую к алакульской культурной группе развитого этапа, не является прямым потомком населения, изготавливавшего раннеалакульскую керамику. Вероятно, между данными этапами был хронологический разрыв. Один из аргументов в пользу данного вывода — отсутствие на поселении промежуточных кулевчинской фазы и чистоалебязского этапа [Матвеев, 1998, с. 326–327], определяемых как переходный период между петровским этапом, к которому можно отнести раннеалакульскую керамику Олаира, и собственно алакульским.

Слабая степень сходства между срубными и алакульскими орнаментальными традициями развитого этапа как на уровне элементов (48 %), так и на уровне мотивов (27 %) при высокой степени их сходства со срубно-алакульскими традициями (69 % — срубная КИО и 62 % — алакульская КИО на уровне элементов; 50 % — срубная КИО и 49 % — алакульская КИО на уровне мотивов) позволяет сделать вывод об активном процессе контактов в данный период. Высокие показатели сходства традиций несмешанных культурных групп с традициями смешанной срубно-алакульской группы указывают, что контакты проходили на данной территории. Близкие значения показателей свидетельствует о равной роли участвующих в процессе общностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.
Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа: Уфим. полиграфкомбинат, 2008. 200 с.
Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 352 с.

Уфа, Башкирский государственный университет
vadimufa4@rambler.ru

The article is devoted to problems of Srubnaya-and-Alakul contacts in South Trans-Urals. The author suggests an approach to this question, using the analysis of stylistic ornamental traditions. The method has been tried on the pottery material of Srubnaya, Alakul and Srubnaya-and-Alakul groups of the population residing at Olayir settlement. The author undertook a description of ornamental traditions, their quantitative analysis and calculation of the coefficient of their similarity with cultural groups identified at that site. Resulting from the analysis, subject to identification was early beginning of interaction processes and their high activity on that territory during a developed period of existence of Srubnaya and Alakul cultural-and-historical communities.

South Urals, late Bronze Age, ornamental traditions, cultural contacts, Srubnaya cultural-and-historical community, Alakul cultural-and-historical community.

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ДОЛОТА ИЗ СТАРОГО КАТЫША

С.Ф. Кокшаров

Публикуется литейная форма для изготовления втульчатого долота, найденная у с. Старый Катыйш в бассейне р. Конды (приток Нижнего Иртыша). Выясняется возможная принадлежность предмета к известным керамическим комплексам бронзового века. Акцентируется внимание на преемственности в металлопроизводстве у литейщиков Кондинского бассейна, а также на связи, установившиеся между общностью культур валиковой керамики, населением андронидных образований Западной Сибири и таежными рыбаками и охотниками на завершающем этапе бронзового века в Западно-азиатской (Евразийской) металлургической провинции.

Бархатовская культура, втульчатое долото, литейная форма, общность культур валиковой керамики, Старый Катыйш, сузгунская культура, сузгунско-позьвинские (лучкинские) комплексы.

Введение

В 1983 г. экспедиция Тобольского педагогического института под руководством А.В. Расторопова проводила раскопки у с. Старый Катыйш на р. Конде в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области (рис. 1). На возвышенности протяженностью 200 м, расположенной между современными постройками и р. Катыйшинкой, заложены два раскопа — западный и восточный — площадью 100 и 324 м² соответственно, из которых происходят разновременные археологические материалы. В первом выявлен ранний поселенческий слой мощностью ~0,4 м с плоскодонной посудой, орнаментированной «мелкозубым штампом, образующим узор-зигзаг, и пояском строенных ямок», во втором исследованы остатки двух жилищ IV–III вв. до н.э., городище и два погребения, датированные рубежом эр [Расторопов, 1985, с. 238].

Автор исследований не смог атрибутировать керамику из западного раскопа. Между тем известно, что переход к лепке плоскодонных емкостей в бассейне р. Конды происходит в начале бронзового века [Кокшаров, 2006, с. 50]. По данной морфологической особенности и декору в виде гребенчатых зигзагов и поясков из строенных ямок коллекция может быть соотнесена предварительно с посудой варпаульского типа [Там же, рис. 3, 25, 35, 40, 45], связанной с памятниками сейминского времени, или, что более вероятно, с лозьвинской керамикой завершающего этапа бронзового века [Сладкова, 1991, рис. 2; 2007, рис. 1, 29, 31]. В один комплекс с последней может входить литейная форма для изготовления втульчатого долота. Ввиду единичности находка может представлять интерес для специалистов, изучающих древнее металлопроизводство, поскольку отражает особенности литейного дела у населения севера Западной Сибири.

Источник и его обсуждение

Со слов А.В. Расторопова, обломки матрицы не связаны с каким-либо объектом, а были извлечены из культурного слоя и подобраны уже в городской лаборатории. В 1980-х гг. во время пребывания в г. Тобольске исследователь разрешил мне осмотреть и зарисовать предмет¹. Створки, сердечник и предполагаемая реконструкция отливки публиковались в книге научно-популярного содержания и в учебнике по региональной истории для старшеклассников, но подробное описание находки не приводилось [Югорск..., 1995, рис. на с. 30; История Ханты-Мансийского автономного округа..., 1999, рис. на с. 25].

Для литейной формы подготовлена глина с примесью песка и мелких кальцинированных косточек. Небольшие каверны в теле сердечника указывают на присутствие органики, выгоревшей при обжиге.

Форма состоит из двух створок (рис. 2, А, Б), толщина стенок которых варьируется в интервале 15–20 мм. Торцевая часть или основание, где помещался сердечник, в плане овальная, размером 5,8×4,7 мм (рис. 2, В). Противоположная сторона формы, в которой предположитель-

¹ Выражаю искреннюю благодарность А.В. Расторопову за разрешение ознакомиться с находкой и предоставленную возможность ее публикации.

но размещался литник, сильно разрушена, поэтому ее полный размер не установлен. С учетом утраченной части общая длина изделия составляла не менее 198 мм.

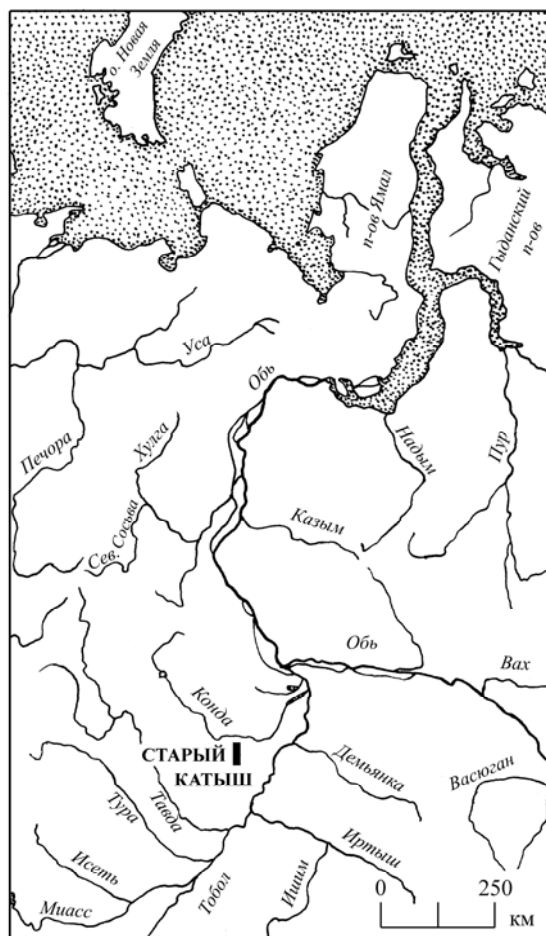

Рис. 1. Расположение поселения Старый Катыш на р. Конде

Представление о морфологических особенностях отливаемого предмета дают поперечные и продольные профили (рис. 2, А, Б, Д). Выемка правой створки плавно сужается от основания, где помещался сердечник, в сторону литника с 13 до 4 мм. Полость левой створки имеет более сложную конфигурацию. На отрезке ~47 мм она почти параллельна продольной оси (расширение от сохранившегося торца минимально — с 10 до 12 мм). В 60 мм от основания начинается коленчатый уступ и полость увеличивается до 17 мм. На 80 мм выемка достигает максимального значения — 18 мм. Затем наблюдается ее пологое сужение в противоположную сторону.

Сердечник (рис. 2, Г) представляет собой конический стержень, в основании которого смоделирована широкая округлая шляпка диаметром 33–36 мм. Судя по всему, она была слегка смещена относительно продольной оси сердечника. Сторона шляпки, обращенная в сторону стержня, — плоская, а противоположная — слегка выпуклая. Благодаря широкому основанию сердечник надежно фиксировался в вертикальном положении внутри полости. Общая длина предмета ~83 мм. Он круглого сечения, диаметр в средней части 12 мм.

Длина долота составляла ~188 мм, оно имело коленчатый уступ, придававший изделию асимметричность и смещенный центр тяжести. У предмета была обтекаемая клиновидная форма и округло-овальное поперечное сечение. Длина втулки достигала 75 мм, ее диаметр на входе ~12 мм. Толщина стенок втулки существенно варьировалась, что обусловлено овальной конфигурацией полости, заливавшейся металлом, и круглым сечением сердечника. По-видимому, прямое лезвие и конфигурация самого предмета (за исключением втулки) окончательно оформлялись в процессековки.

Литейная форма долота из Старого Катъша

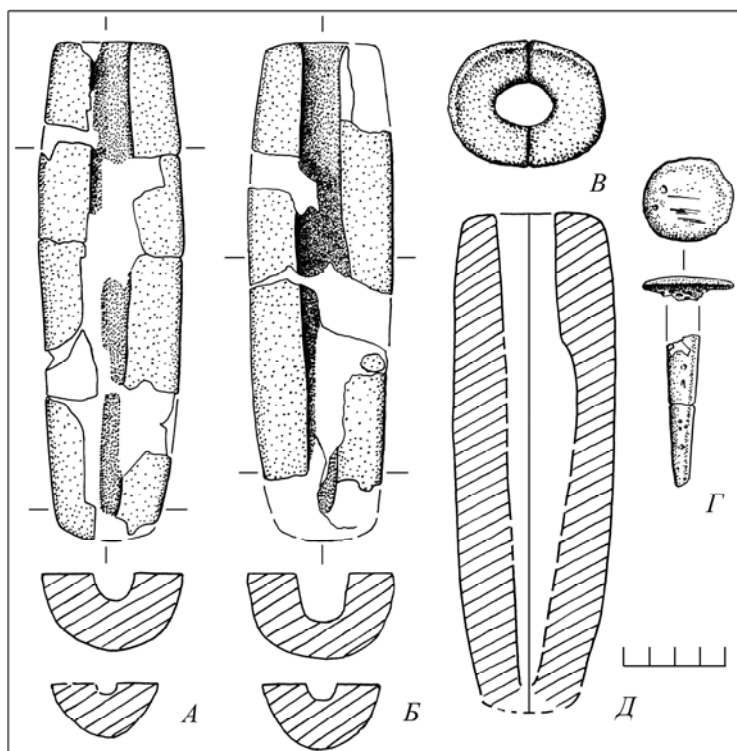

Рис. 2. Литейная форма втульчатого долота из Старого Катъша

Наличие в формовочной массе песка и кальцинированных косточек сближает находку с технологической керамикой, происходящей с кондинских памятников полымьятского типа предшествующего времени [Стефанова, Кокшаров, 1988, с. 170; Кокшаров, Стефанова, 1993, с. 65; Кокшаров, 2011, с. 125], т.е. можно вести речь о сохранении определенной традиции. Другая архаичная черта, указывающая на преемственность металлопроизводства, проявляется в обращении мастеров-литейщиков к кузнечной доработке лезвий. Она применялась в Кондинском бассейне с начала бронзового века, когда было освоено литье заготовок пластинчатых орудий в открытых формах [Кокшаров, 2011, с. 129], и продолжала существовать в сейминское время, о чем свидетельствуют материалы могильника Сатыга XVI [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 44].

Полные аналоги форме из Старого Катъша и орудью, отливавшемуся в ней, не известны. Вместе с тем втульчатые долота представляют достаточно многочисленную и разнообразную категорию металлического инвентаря эпохи бронзы. В нее входят предметы с желобчатым и прямым лезвием, с уступом при переходе от втулки к лезвию и без такового, с валиком по краю втулки и без валика, орудия копьевидной формы.

Изготовление втульчатых долот, правда, с желобчатым лезвием велось в сейминское время, о чем свидетельствуют материалы погребения 21 могильника Ростовка в Среднем Прииртыше [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 30–31, рис. 38]. Вместе с тем Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отмечают, что сами втульчатые долота не встречены в сейминско-турбинских некрополях, но характерны для объектов более позднего времени [1989, с. 129–130, рис. 23, 3–5]. Речь идет об археологических памятниках третьего этапа бронзового века Европейской, Центрально-азиатской и поздней фазы Евразийской металлургической провинции, включавших такие металлургические и металлообрабатывающие очаги, как ингуло-красномаяцкий, завадово-лобойковский, кардашинский, приказанский [Черных, 1978, с. 75–77; рис. 11, 7, 20, 32, 44], казахстанский [Рындина, Дегтярева, 2002, с. 204] или сары-аркинский [Агапов и др., 2012, с. 54], алтайский, семиреченский [Там же, с. 55–56], саргаринско-алексеевский [Грушин и др., 2009, с. 130, рис. 5, 1, 5, 6] и др.

Прежде Е.Н. Черных определял данный период как предананьинский [1970, табл. Г, с. 93–94, 103] или постсейминский [1983, с. 95], ограничивая его XIII (XII) — XI/X (IX) вв. до н.э. Правда, исследователь допускал, что нижний рубеж может быть удревнен вплоть до XV–XIV вв. до

н.э. [Там же]. Кроме того, было предложено связать обозначенный хронологический горизонт с существованием общности культур валиковой керамики (ОКВК), занимавшей обширную территорию от Алтая на востоке до северо-востока Балкан, Нижнего Дуная и Восточных Карпат на западе; от восточно-европейской и западно-сибирской лесостепи на севере вплоть до Крыма и низовьев Дона, среднеазиатских пустынь и предгорий, Северного Афганистана и, видимо, северо-восточного Ирана [Там же, с. 82, 95, рис. 1]. В последующих работах исследователь неоднократно возвращался к проблеме формирования ОКВК, выясняя причины возникновения «моды» на изготовление валиковой керамики в степном коридоре Евразии, а отсчет третьей, заключительной стадии Евразийской металлургической провинции ведется с XIV–XIII вв. до н.э. [Черных, 2009, с. 259–261; 2013, с. 395–396]. Устойчивый интерес к обозначенной теме проявляют и другие специалисты, изучающие особенности древнего металлопроизводства [Черных и др., 1990, с. 36–37; Рындина, Дегтярева, 2002, с. 203; Кузьминых, Дегтярева, 2006, с. 264, 267; Агапов и др., 2012, с. 44–46].

Группы населения, оставившие памятники ОКВК, поддерживали прямые и опосредованные связи с соседями. Особенно отчетливо это проявляется в распространении металла и ведущих типов металлического инвентаря. Примечательно, что в третьем периоде в азиатской зоне ЕАМП отмечается падение металлопроизводства в степи и его плавное нарастание в лесостепи и лесной зоне [Черных и др., 1990, с. 37]. В этом ракурсе следует рассматривать, вероятно, и литейную форму на Старом Катыше, являющуюся на сегодняшний день самой северной находкой подобного рода. Однако вряд ли население ОКВК и рыболовы/охотники Кондинского бассейна контактировали непосредственно. Свообразными ретрансляторами новаций степных народов и стереотипов производившейся ими продукции могли выступать носители андронидных сузгунской и бархатовской культур, памятники которых расположены в подтаежной зоне Тоболо-Иртышья [Потемкина и др., 1995, с. 129–132; Матвеев, Аношко, 2009, с. 356; Корочкова, 2011, с. 19–20, 30–31]. При этом ареал, занимаемый сузгунскими древностями, лежит к северу от бархатовского. Сузгунские объекты отнесены к XII/XI–VIII вв. до н.э. [Потемкина и др., 1995, с. 133], а бархатовские датируются XI/X–VIII/VII вв. до н.э. [Корочкова и др., 1991, с. 87] или последней четвертью II — началом I тыс. до н.э. [Матвеев, Аношко, 2009, с. 354–357, рис. 126]. На синхронность обеих культур могут указывать памятники синкретичного облика (Кучум-Гора, Чупинское селище) [Там же, с. 355].

Заключение

Находка со Старого Катыша свидетельствует о вовлечении части таежного населения в систему евразийских связей заключительного этапа бронзового века (ПБВ-3). Дополнительное тому подтверждение — появление синкретичных сузгунско-лозьвинских [Галкин, 1987, с. 28] или лучкинских, по И.Г. Глушкову [1991, с. 101], комплексов на территории Тобольского Прииртышья. Предложение И.Г. Глушкова о синхронизации лучкинских объектов на Иртыше и лозьвинских на Конде представляется правомерным и вполне взвешенным. Они образуют «один культурно-типологический горизонт, вытянутый в широтном направлении... южнее которого (выделено мной. — С. К.) расположен еловско-сузгунский типологический горизонт, синхронный по времени таежному» [1991, с. 101–102]. Связывая литейную форму с Конды с лозьвинской керамикой, следует иметь в виду, что хронология этих древностей разработана недостаточно. Если же принять во внимание отсутствие валика на втулке отливавшегося долота, то можно предполагать относительно ранний возраст изделия и его принадлежность к ранним лозьвинским комплексам, относящимся предварительно к последней четверти II тыс. до н.э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (3). С. 44–59.

Галкин В.Т. Этапы миграции населения Нижнего Приоболья в эпоху поздней бронзы // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 27–29.

Глушков И.Г. Поселение Лучкино I — памятник поздней бронзы низовий Иртыша // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 93–103.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 160 с.

Литейная форма долота из Старого Катыша

- Десярева А.Д., Кузьминых С.В. Результаты аналитического изучения орудий // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. С. 37–44.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учеб. для старшеклассников / Н.Н. Баранов, С.В. Горшков, А.П. Зыков, С.Ф. Кокшаров, Н.А. Миненко, Н.Б. Патрикеев, Н.Н. Попов, Д.А. Редин, Г.В. Черкашин, А.Т. Шашков. Екатеринбург: Волот, 1999. 467 с.
- Кокшаров С.Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды // УИВ. 2011. № 1 (30). С. 122–130.
- Кокшаров С.Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. Пленар. докл. II Сев. археол. конгр. 24–30 сент. 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 41–67.
- Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 54–67.
- Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: Факторы, механизмы, динамика: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 38 с.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья: (По материалам работ УАЭ) // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. С. 70–92.
- Кузьминых С.В., Десярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учеб. / Под ред. акад. РАН В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 219–270.
- Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев. Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. 416 с.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовки вблизи Омска. Омск: Изд-во ТГУ, 1988. 136 с.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М.: ПАИМС, 1995. 208 с.
- Сладкова Л.Н. Модель культурной стратиграфии поселения Талья: (Поздний бронзовый век) // Экспериментальная археология. Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1991. Вып. 1. С. 29–33.
- Сладкова Л.Н. Лозьвинская культура эпохи поздней бронзы таежного Зауралья — Западной Сибири // XVII Урал. археол. совещ.: Материалы науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 164–167.
- Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3. С. 161–174.
- Растропов А.В. Исследования в Кондинском районе Тюменской области // АО 1983. М.: Наука, 1985. С. 237–238.
- Рындина Н.В., Десярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2002. 226 с.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. 180 с.
- Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.
- Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во БашГУ, 1983. С. 81–99.
- Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
- Черных Е.Н. Феномен Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 386–400.
- Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 34–37.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии: (Сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Югорск: От легенды до точки на карте / Н.Н. Баранов, С.В. Горшков, А.П. Зыков, В.В. Каплюков, С.Ф. Кокшаров, Н.А. Миненко, В.М. Морозов, А.Т. Шашков. Екатеринбург: Волот, 1997. 160 с.

Екатеринбург, ИИА УрО РАН
uniz@mail.ru

The article presents a mould for making a plug bit found by the settlement of Stary Katysh in the basin of the Konda river (a tributary of the Low Irtysh). Subject to clarification being a possible belonging of this object to famous pottery complexes of the Bronze Age. The paper being focused on continuity of metal production with foundry workers from the Konda basin and relations formed between the community of roll pottery cultures, the population of Andronoid conglomerations in West Siberia, and the taiga fishermen and hunters during the final stage of the Bronze Age in the West Asian (Eurasian) metallurgical province.

The Barkhatovo culture, plug bit, mould, the continuity of roll pottery cultures, Stary Katysh, the Suzgun culture, Suzgun-Loz'va (Luchkino) complexes.

О ДВУХ АРЕАЛАХ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

М. Очир-Горяева

Предложено разделение памятников пазырыкской культуры степных долин Горного Алтая по ландшафтно-географическому принципу — по линии Катунско-Чуйской гряды на западный и восточный ареалы. Обзор основных памятников в пределах двух ареалов выявил различия в количестве, расположении памятников и в погребальном инвентаре, подтверждающие существование этих ареалов.

Горный Алтай, пазырыкская культура, ареал памятников, ландшафтно-географический принцип.

Введение

Традиционно археологические памятники скифской эпохи Горного Алтая рассматриваются как составная часть древностей степного пояса Евразии. Таковыми они и являются и в природно-географическом отношении, и в культурно-историческом аспекте. Более того, материалы пазырыкской культуры Горного Алтая играют роль символа скифской эпохи, его визитной карточки. Такое восприятие древних памятников Горного Алтая объясняется прежде всего уникальной сохранностью в погребениях пазырыкской культуры мумифицированных останков погребенных людей, сопровождавших их коней, а также многочисленных предметов из дерева, кожи, шерсти и других органических материалов.

Погребальные памятники пазырыкской культуры представлены курганами с каменной насыпью. Эпонимным памятником послужили царские курганы, раскопанные около с. Бальтыюль Улаганского района Республики Горный Алтай на пограничье с Республикой Тыва. Они были названы Пазырыкскими, по наименованию ложбины, где были раскопаны пять больших курганов с каменными насыпями. «Пазырык» переводится с тувинского языка как «куча — навал» в данном случае камней, что в целом правильно для алтайских курганов. Этим же словом «пазырык» называют по-тувински хозяйственный инвентарь, сложенный около юрты в кучу и прикрытый кошмой. По-алтайски курганы с каменной насыпью называются «курум». Местное население воспринимало «пазырыги» и «курумы» как древние погребальные сооружения и до недавнего прошлого зачастую устраивало в них собственные могилы.

Пазырыкская культура является одной из наиболее изученных в скифо-сарматской археологии. По последним данным, в целом по Горному Алтаю насчитывается 569 погребений пазырыкской культуры со 135 могильников [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 144].

Географические условия. В географическом отношении Алтай — крупный горный регион, образованный многочисленными хребтами, основные из которых вытянулись в широтном направлении. Горный Алтай занимает район между Северной Монголией и Западно-Сибирской низменностью. Высота горных хребтов Алтая увеличивается с северо-запада на юго-восток. Основной осью Горного Алтая является Катунско-Чуйская гряда. В то же время в западной, а особенно в центральной и юго-восточной частях Алтая значительное место занимают степи, приуроченные к днищам сухих котловин и древним террасам речных долин и окаймляющих их южных склонов гор. Степные пространства Алтая определяют географически как островные: они не образуют сплошного пояса, как остальная часть евразийской степи, а располагаются в виде обширных участков в глубине гор. Эти степи занимают средне- и высокогорные котловины, которые зачастую соединяются друг с другом различной ширины речными долинами [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 93–98].

Горные долины. Для адекватного понимания памятников Горного Алтая важными являются особенности распределения их по горным долинам. Горно-алтайские степные участки разделяются труднопроходимыми таежными горными хребтами, поэтому, надо полагать, древние племена, так же как и население доиндустриальной эпохи Горного Алтая, распределялись по отдельным замкнутым степным долинам. Даже в настоящее время каждая горная долина отличается от остальных как в географическом, так и в этнокультурном плане. Долины, расположенные по западным притокам Катуня, находятся на средних отметках относительно уровня

О двух ареалах пазырыкской культуры Горного Алтая

Мирового океана, отличаются более мягким климатом. Просторные, хорошо прогреваемые солнцем долины, окаймленные невысокими горами: Онгудайская долина, Усть-канская и Уймонская степи, позволяют разводить сады и огороды и заниматься земледелием. Улаганская долина и долина Чуи находятся на отметках более 1,5–2 тыс. м над уровнем Мирового океана. Климат здесь суров, лето короче и холоднее, таежные участки вплотную подступают к долинам рек, которые занимают сравнительно небольшие пространства. Наиболее просторная Чуйская степь отличается каменистой почвой. Плоскогорье Укок находится на высотах, превышающих двухтысячный рубеж, служит в качестве зимних пастбищ в силу малого снежного покрова, сносимого ледяными ветрами, господствующими в горах. В этнокультурном отношении имеются следующие различия. В книге «Докапиталистические пережитки в Ойротии» С.А. Токарев отмечал, что юго-восточные районы Алтая — долины р. Чуи, Башкауса, Чулышмана традиционно были заселены теленгитами; алтайцы-кижи расселились по течению р. Катунь и ее притоков: Урсул, Кок-су; по среднему течению Бии проживали кумандинцы, а вокруг Телецкого озера в лесистых горах — тубалары [1936, с. 10]. В настоящее время, несмотря на некоторую смешанность населения, большинство алтайцев проживает в своих исконных местах, сохраняя этническую идентичность. В.В. Радлов, посещавший Горный Алтай в 1860–1870 гг., отмечал, что алтайцы называют себя по названиям рек: урусул-кижи (люди с Урусула), чуй-кижи (люди с Чуи), башкаускижи, чолышман-кижи и т.д. [1989, с. 128]. Что касается середины I тыс. до н.э., то данные различия, несомненно, были более выраженными и значимыми. К тому же горные перевалы и большие расстояния, легко преодолимые с помощью современных асфальтированных дорог и скоростных машин, хоть и не являлись непреодолимыми препятствиями, но все же не способствовали массовому смешению населения различных долин.

Регионы. В исчерпывающей сводке памятников пазырыкской культуры, подготовленной коллективом авторов, объекты пазырыкской культуры рассматриваются в пределах двух крупных регионов: Юго-Восточного и Центрального Алтая. К Юго-Восточному Алтаю отнесены пазырыкские памятники из Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Горный Алтай; к Центральному Алтаю — памятники из Онгудайского, Усть-Канского, Усть-Коксинского, Чемальского и Майминского районов [Кирюшин и др., 2003, с. 15–26]. Такое разделение сделано в рамках исторически сложившегося административного районирования современной Республики Горный Алтай. На два региона подразделял памятники пазырыкской культуры С.И. Руденко. Это прослеживается по названиям его книг. Одна из них — «Культура населения Горного Алтая в скифское время» — посвящена публикации Пазырыкских курганов из Улаганской долины [1953], во второй — «Культура населения Центрального Алтая в скифское время» [1960] — публикуются Башадарские и Туэктинские курганы из Онгудайской долины. В ней же приведены сведения о раскопках Больших Катадинского и Берельского курганов из высокогорных долин юго-западного Алтая. Становится понятным, что памятники пазырыкской культуры так или иначе разделяются на два ареала, что нашло отражение в отмеченных выше археологических исследованиях. При этом линия разделения между ареалами подразумевалась, но не оговаривалась специально.

Граница. Между тем, согласно ландшафтно-географической характеристике, осью Горного Алтая является Катунско-Чуйская гряда, которая тянется с севера-запада на юго-восток. В этом же направлении увеличивается высота горных хребтов Алтая. Особенности ландшафта и течение наиболее крупных рек служили в древнюю и доиндустриальную эпохи естественными границами. Памятники пазырыкской культуры расположены по обеим сторонам Катунско-Чуйской гряды. Учитывая сложившуюся традицию разделения пазырыкской культуры на два региона, предлагается рассматривать памятники пазырыкской культуры в рамках двух ареалов: западного и восточного.

Восточный ареал пазырыкской культуры

В восточном ареале пазырыкской культуры выделяются три наиболее значимые группы памятников — Пазырыкские курганы в Улаганской долине (пять княжеских курганов), курганные группы долины р. Чуи, Уландрык, Барбугазы, Ташанта, а также курганы долины р. Ак-Алахи или платформы Укок. Описание этих групп ведется с юга на север.

Наиболее малочисленной является группа курганов из долины р. Ак-Алахи. Исследование высокогорного и труднодоступного региона было начато только в последнее десятилетие прошлого столетия [Полосьмак, 1994, 2001; Молодин, Мильников, 1994; Молодин, Соловьев, 1994], что, несомненно, сказывается на количестве изученных памятников. Кроме того, курганные

группы долины Ак-Алахи, содержат, как правило, всего несколько объектов. Надо полагать, что ограниченность пастбищ и сложные природно-климатические условия высокогорного плато Укок и Бертекской котловины естественным путем сдерживали освоение этих мест древним населением. По данным этнографов, в начале 1990-х гг. на плато Укок проводили зимовку около 30 чабанских семей с поговьем скота по 800 голов. Постоянным местом жительства этих семей были поселки Джазатор и Кызыл Аргут, расположенные внизу, в долине [Октябрьская, 1994, с. 203–204]. Немногочисленность древнего населения, вероятно, отразилась в плотности и количестве оставленных ими могильников. В курганной группе Бертек-1 насчитывалось пять курганов, в группе Бертек-10 — восемь, в группе Бертек-27 — семь, в группах Кутургунтас и Верхний Кальджин и Ак-Алаха-5 — по пять курганов, в группе Ак-Алаха-3 — всего два кургана и т.д.

Ак-алахинские курганы были небольших размеров. Наиболее крупный среди них — Кутургунтас. Его диаметр — 27 м, а высота — 0,95 м. Глубина могилы значительно превышала глубину остальных погребений и составляла 330 см. Диаметр остальных курганов в южном ареале варьируется от 14 до 8 м, высота курганов — от 0,80 до 0,32 м, глубина могил — от 1,76 до 2,40 м. В кургане Кутургунтас был погребен мужчина средних лет (30–40 лет) в сопровождении 10 коней. Следующим по величине насыпи, глубине могилы и количеству сопровождавших коней был курган 1 из группы Ак-Алаха-1 с коллективным захоронением мужчины 50 лет и женщины 16 лет. Диаметр кургана — 18 м, высота — 0,70 м, глубина могилы — 2,90 м. Погребение содержало 9 сопровождавших коней. Третьим по тем же параметрам был курган с погребением знаменитой «укокской принцессы» — молодой женщины 25 лет — из группы Ак-Алаха-3. Диаметр кургана — 18 м, глубина могилы — 2,82 м. Погребение содержало 6 сопровождавших коней. Обзор показывает, что перечисленные объекты по данным критериям могут рассматриваться как погребальные памятники средней категории.

Однако этому противоречит количество сопровождавших коней в упомянутых выше трех курганах, которое можно рассматривать как характерное для княжеских погребальных сооружений, таких как курган 1 Пазырык, в котором были сопогребены 10 коней, курган 5 Пазырык с захоронением 9 коней, первый и второй Туэктинские курганы с захоронением 8 коней, первый Башадарский курган с захоронением 10 коней. Количество сопровождавших коней, как и размеры погребального сооружения, является бесспорным показателем высокого социального статуса погребенных людей. Получается, что наиболее крупные курганы: Кутургунтас, Ак-Алаха-1 и Ак-Алаха-3 — по количеству коней вполне сравнимы с погребениями княжеского ранга.

Курганы долины Ак-Алахи, за исключением Кутургунтаса, не были подвергнуты разграблению. В последние годы все большее число исследователей склоняется к интерпретации древних ограблений курганов как следов постпогребальных ритуалов или обрядов, подобных уничтожению тула или свержению и разбитию каменных изваяний на поминках умершего, после чего наследник мог вступить в законное правление [Кузьмин, 1991; Мозолевский, Полин, 2005, с. 427–445; Яблонский, Мещеряков, 2006]. На верования, связанные с ограблением курганов, обращал внимание П.И. Шульга [2003, с. 102–105]. Приведены аргументы о последующем посещении погребальных камер верховных владетелей для проведения обрядов и использовании их как своеобразных «часовен» [Савинов, 1995–1997; Наглер, 2003]. В ненарушенности ак-алахинских погребений заключается существенное отличие в обряде от аналогичных погребений знати Пазырыкских курганов и курганов Центрального Алтая (Башадар, Туэкта, Катанда). Ведь за ритуальным ограблением курганов скрывается представление о передаче власти политической и религиозной. Таким образом, ограбленность курганов можно рассматривать как признак погребений правящей верхушки.

В конских уборах Укока не встречены маски с рогами оленя или горного барана, т.е. отсутствует маскировка коней под диких животных, так называемых «головных коней». Это еще один признак, отличающий укокские курганы от больших Пазырыкских курганов.

Среди большого количества образцов звериного стиля в курганах Ак-Алахи имеется всего два весьма невыразительных изображения сцен терзания — на гривне и колчанной пластине из парного погребения кургана 1 Ак-Алахи-1 [Полосьмак, 2001, рис. 58, 110]. Изображения отличаются отсутствием экспрессии, животные как бы приложены друг к другу. Получается, что, при наличии богатых, многочисленных конских захоронений, соответствующих княжескому рангу, остальные показатели этого ранга, такие как размеры погребальных сооружений, конские маски, сцены терзания животных, следы ритуальных ограблений, в укокской группе мало представлены. Уздечные бляшки коней из долины Ак-Алахи отличаются заметным однообразием, по-

О двух ареалах пазырыкской культуры Горного Алтая

вторением декоративных элементов в виде розеток и образов птицы. Мотив хищной птицы является преобладающим в зверином стиле ак-алахинских курганов. Перечисленное как будто не может объясняться хронологическими различиями. Для курганов Кутургунтас, Ак-Алаха-1 и 3 были получены радиоуглеродные даты, на основании которых их объединили в одну хронологическую группу с первым и вторым курганами Пазырыкского могильника [Евразия в скифскую эпоху..., 2005, с. 165–169; Степанова, 2006, табл. 1]. Кроме того, выявлены факты, обнаруживающие прямые родственные контакты между погребенной из кургана 1 Ак-Алахи-3 («укокской принцессой») и погребенными (семейная пара?) из второго Пазырыкского кургана. Татуировки пазырыкского «вождя» и «укокской принцессы» стилистически едины и отличаются от татуировки супруги вождя, что и было подтверждено последними исследованиями с помощью инфракрасного излучения [Barkova, Pankova, 2005]. Н.В. Полосьмак высказывала предположение, что большое деревянное блюдо-столлик без ножек из кургана 1 Ак-Алахи-3, вполне вероятно, является крышкой одного из четырех столиков из второго Пазырыкского кургана [2001, с. 187]. Из четырех поставленных в погребальную камеру столиков целым сохранился только один, с трех других были сорваны крышки, одна из которых в кургане так и не обнаружена, ножки же от всех четырех столиков найдены вмерзшими в лед на дне склепа [Руденко, 1953, с. 82–83]. Мною же замечено, что на одной из немногих сохранившихся седельных покрывшек из погребения «принцессы» повторяется сцена с седельной покрывшкой седла 4 из первого Пазырыкского кургана [Грязнов, 1950, рис. 36; Полосьмак, 2001, рис. 141], а также, что единственный уздечный набор с псалиями в виде голов горного козла — аргали — в Ак-Алахе-3 принадлежал коню, положенному выше всех, т.е. наиболее важному. Все остальные уздечные наборы из долины Ак-Алахи имели псалии с окончаниями в виде декоративных розеток или головок водоплавающих или хищных птиц. Между тем псалии с изображениями копытных, и особенно аргали, характерны для Пазырыкских курганов. Псалии с окончаниями в виде голов аргали имеются и в первом и во втором кургане [Руденко, 1953, табл. XLVI, 4]. Ак-алахинский псалий отличается от аналогичных пазырыкских несколько более примитивной техникой исполнения. Таким образом, прослеживаются прямые родственные контакты. Возвращаясь к преобладанию образа хищной птицы в украшении уздечных наборов и отсутствию сцен терзания на изображениях из курганов долины Ак-Алахи, можно считать наиболее вероятным, что в этом проявились локальные племенные особенности и статус родовитого, но не правящего клана.

Следующая значительная по количеству группа погребений происходит из долины р. Чуй. Для Чуйской долины характерны цепочки из десятков курганов, тянущиеся в меридиональном направлении. Максимальное количество коней в погребении — три. Погребальные комплексы из Чуйской долины в основном имеют весьма скромные размеры. Диаметры курганов варьируются от нескольких метров до 10–12 м, высоты — от 10 до 50 см. В основном курганы выделяются на поверхности как скопление камней. Некоторые из них имеют диаметр чуть больше 2 м, т.е. являются скорее могильными холмиками.

Все кони из Чуйской долины были взнузданы и оседланы. Об этом свидетельствуют железные удила и костяные или деревянные подпружные пряжки, найденные с лошадьми. У ряда лошадей деревянные украшения узды и сбруи не сохранились, но, как правило, был замечен тлен от этих украшений. Курганы Чуйской долины практически ни разу не были ограблены, хотя В.Д. Кубарев отмечал, что многие из них имеют в центре легко разбираемое каменное заполнение, которое создавало возможность проникнуть в камеру погребения. Но явных следов использования этой возможности не наблюдалось. Есть случай (Уландрык-I, кург. 8), когда, по всей видимости, был внесен третий погребенный без ущерба первоначальному захоронению [Кубарев, 1987, табл. XVII, XVIII].

В погребениях из Чуйской долины были найдены сотни предметов из дерева, кожи и т.д., сохранившихся благодаря мерзлотным грунтам. Многие из этих предметов украшены в зверином стиле, но сцены терзания также не встречались. Деревянная диадема из кургана 1 могильника Уландрык-IV — единственный образец со сценой терзания из курганов Чуйской долины. «Сцена дана условно, и хищники здесь являются просто дополнительным изобразительным элементом. Их оскаленные пасти только приставлены к оленям», — так описывал изображения на деревянной диадеме автор раскопок [Кубарев, 1987, с. 144. рис. 45]. Таким образом, погребения из Чуйской долины демонстрируют все черты погребального обряда рядового населения пазырыкской культуры.

Наиболее яркими памятниками восточного ареала пазырыкской культуры являются знаменитые Пазырыкские княжеские курганы из Улаганской долины. Вокруг пяти больших, согласно плану, снятому С.И. Руденко, находились 14 малых курганов. С.И. Руденко отмечал, что всего там около 40 сооружений, включая поминальные сооружения и ограды различных эпох. Таким образом, курганы вождей представляли немногочисленную группу и занимали доминирующие возвышенности на своем курганном поле (ил. 1). На восток от четырех курганов отходили ряды балбалов. Количество балбалов в тексте не указано, но они отмечены на плане курганов в виде черточек. Курганы 1–3 имели по пять балбалов, курган 4 — четыре балбала, а по окружности кургана 5, «отступя 2, 5–3 м от края насыпи, на некотором расстоянии один от другого были вертикально врыты каменные плиты. Вокруг кургана имеются примыкающие к нему радиально расположенные каменные кладки» [Руденко, 1953, с. 27].

Самым большим в группе был второй курган, ненамного меньше — пятый, примерно одинаковыми были курганы первый и третий. Самым маленьким оказался четвертый курган. Диаметры пяти насыпей варьируются между 47 м (кург. 1) и 24 м (кург. 4). Высота насыпей — между 3,78 м (кург. 2) и 1,5 м (кург. 4). Глубины могил во всех курганах достигали 4 м, и только в третьем глубина могилы была 5 м. Во всех курганах, кроме первого, были погребены мужчина и женщина в одном саркофаге-колоде. Останки погребенных, в том числе сохранившиеся мумии из второго и пятого курганов, позволяют считать этот факт твердо установленным. При раскопках первого кургана не было уделено должного внимания погребениям, разрушенным грабителями [Грязнов, 1950]. Но имеются косвенные данные, что в камере были найдены «шесть (войлочных и травяных) колец-подставок под сосуды» [Руденко, 1953, с. 363]. Согласно материалам последующих раскопок, для каждого умершего в больших курганах были поставлены три сосуда: керамический, деревянный и роговой. В ряде сооружений прослежено, что сосуды эти ставились на подставки в виде колец. Три такие войлочные подставки под сосуды, сшитые друг с другом, обнаружены в кургане 3 могильника Верхний Кальджин-2 [Полосьмак, 2001, рис. 132], или же подставки были пришиты к войлочному ковру, постеленному на полу камеры [Руденко, 1953, рис. 43]. Судя по количеству подставок-колец, в первом кургане были похоронены два человека. Поскольку в камере находился только один саркофаг-колода, то, по аналогии с остальными большими курганами, вероятнее всего, что в первом, так же как и во всех остальных больших Пазырыкских курганах, были похоронены мужчина и женщина. Таким образом, все пять сооружений служили усыпальницами, скорее всего, супружеских пар. Сопровождающие эти семейные усыпальницы захоронения коней, однако, сильно различаются. Больше всех коней было в третьем и в четвертом курганах — по 14. В первом кургане — 10, в пятом — 9 лошадей. Наименьшее количество коней сопровождало, как ни странно, второй курган (самый большой по размерам) — всего 7 особей. Все большие Пазырыкские курганы ограблены. Но конские захоронения ни в одном из них не были нарушены. Поэтому наиболее многочисленные находки из больших княжеских курганов происходят из конских могил, т.е. они представлены предметами конского снаряжения. Несмотря на это, имеется всего один головной убор-маска с ветвистыми рогами оленя в натуральную величину из первого Пазырыкского кургана.

Большие курганы, подобные Пазырыкским, в восточном ареале пока не открыты. На сегодняшний день это единственный некрополь княжеского ранга для восточного высокогорного ареала пазырыкской культуры.

Для восточного ареала характерным является то, что конские захоронения не были подвергнуты разрушению «грабителями». Связано это, скорее всего, с тем, что конское снаряжение этого региона было изготовлено в основном из дерева и только иногда украшено тонкой золотой фольгой низкого качества. Даже клыки кабана заменялись деревянными имитациями. Единственными металлическими изделиями в погребениях были удила: железные или бронзовые. Отличие наблюдается также в ременной гарнитуре. Е.В. Степанова провела тщательное исследование конструктивных деталей седельных пряжек пазырыкской культуры и установила наличие двух систем подпружных застёжек — двухчастной и более простой одночастной [2005]¹. По преобладанию в конском снаряжении восточного ареала пряжек с носиком-выступом или крючком, отогнутым наружу, без парной к ним пряжки, можно заключить, что здесь была распространена одночастная система подпружных застёжек. С правой стороны коня при этой

¹ П.И. Шульге удалось установить, что в предложенной реконструкции положение пряжки и блока было обратным, т.е. пряжки-застежки находились на верхнем ремне [Кубарев, Шульга, 2007, с. 120]. Но факт наличия двух- и одночастной системы подпружных пряжек остается в силе.

О двух ареалах пазырыкской культуры Горного Алтая

системе приструга пристегивалась к подпруге с помощью застежек-палочек или ременных узлов. У двух седел из первого Пазырыкского кургана сохранились кожаные петли на левых пристругах, которые могут указывать, что в них была использована двухчастная система застежки. Но пряжки, необходимые для этой системы, отсутствуют [Степанова, 2006, с. 125].

В неграбленных погребениях, таких как ак-алахинские, в камерах с погребенными были найдены также только единичные предметы из металла, будь то бронза, серебро или железо. Ряд предметов были покрыты золотой фольгой. Как показал металлографический анализ, тонкая и непрочная фольга пазырыкцев Горного Алтая получалась путем амальгирования [Шульга, 2003, с. 58–59, 137, прил. II]. Почти все детали одежды, включая декоративные детали серег и гривен, были изготовлены из дерева. Оружие, доспехи были представлены моделями реальных предметов, исполненными в дереве.

Подводя итоги, перечислим особенности восточного ареала. Пока здесь не открыты памятники раннего этапа пазырыкской культуры, такие как Туэктинские и Башадарские курганы. Памятники княжеского ранга представлены только пятью курганами из Пазырыкского могильника. Конские сопроводительные захоронения восточного ареала не были подвергнуты ограблению. Большинство предметов погребального инвентаря изготовлены из дерева, иногда были покрыты золотой фольгой довольно низкого качества. В сбруйной гарнитуре использовалась более простые одночастные пряжки. Все перечисленные особенности прямо и косвенно отражают трудные условия проживания в высокогорных долинах и скудость жизнеобеспечивающих ресурсов.

Западный ареал пазырыкской культуры

В западном ареале пазырыкской культуры насчитывается большее количество погребальных памятников княжеского ранга, чем в восточном ареале. Кроме того, они не сосредоточены в одном могильнике, как Пазырыкские, а происходят из различных долин, разделенных десятками километров. Крайними южными среди княжеских являются Большой Берельский курган и курган 11 этого же могильника в долине р. Бухтармы. По карте Берельский могильник находится ближе к долине р. Ак-Алахи, но в силу особенностей горного ландшафта долина Бухтармы более связана с верховьями Катуня, обходящей с западной стороны Катунские белки. Этот момент специально подчеркивал С.С. Сорокин [1969, с. 209]. Группа Берель насчитывала 31 курган, из которых все пять (два — княжеских, три — рядовых) раскопанных курганов пазырыкской культуры содержали сопровождающие захоронения коней. Насыпь Большого Берельского кургана была самой высокой среди насыпей усыпальниц царского ранга Горного Алтая: достигала 6 м при относительно малом диаметре в 30 м. Курган разграблен, погребения в саркофаге-колоде были разрушены. На саркофаге найдены четыре бронзовые фигурки грифов. Конские захоронения не были потревожены. В конском отсеке обнаружены останки 16 коней, положенных по четыре в ряд. Судя по истлевшим останкам, кони первых (к востоку) двух рядов были особенно богато украшены.

В кургане 11 могильника Берель представлены все признаки курганов княжеского ранга. Погребенные были положены в саркофаг из цельной колоды, украшенный четырьмя бронзовыми фигурками грифов и деревянными: одной — грифоньего сфинкса и четырьмя — львиных сфинксов. Среди образцов звериного стиля представлены несколько видов сцен терзания. В конском отсеке находились останки 13 коней с богато украшенной уздой. Три коня (один из нижнего и два из верхнего слоя) имели конские маски с деревянными рогами аргали. Насыпь кургана 11 имела диаметр 34,8 м и высоту 2 м, могильная яма также в значительной степени превышала по размерам могильные ямы в рядовых курганах. Авторы раскопок полагают, что погребение не было подвергнуто ограблению, а пролом в крыше камеры с северной стороны образовался в результате давления камней [Samashev et al., 2002]. Останки погребенных не были нарушены. Однако разлом в деревянном срубе имеет правильную округлую форму с ровными краями, что, на мой взгляд, может указывать на проникновение в камеру.

Далее на север, по течению р. Катуня, располагался следующий курган княжеского ранга — Большой Катадинский, в котором было обнаружено сопровождающее захоронение 22 коней, положенных в три слоя. Большой Катадинский курган находился в центре курганного поля из 63 усыпальниц. Курган диаметром 40 м и высотой 2 м. Могильная яма внушительных размеров — 4,7×5,2 м, глубиной 5 м. Погребальная камера с двумя погребенными ограблена. Конские захо-

ронения не были потревожены. Предметы узды в конском отсеке в подавляющем большинстве истлели.

Пять курганов княжеского ранга из трех местонахождений были исследованы в Онгудайской долине: два Башадарских, два Туэктинских и Шибе. Все они происходят из так называемых курганных полей. Туэктинское курганное поле расположено на левом берегу р. Урсул, у с. Туэкта. На площади 110 га в 1954 г. было учтено 197 курганов различных эпох и отмечены наиболее значительные ряды вертикально поставленных камней и каменные выкладки [Руденко, 1960, с. 96–106]. Большинство курганов было расположено цепочками в меридиональном направлении — верный признак пазырыкских курганов. У *восточного края* могильного поля была расположена цепочка из четырех больших курганов. Раскопаны были два кургана с северного конца, получившие название первого и второго Туэктинских. На Башадарском могильном поле зарегистрировано несколько курганных групп из 57 курганов. *Самыми восточными* были три больших кургана, расположенных цепочкой с севера на юг с небольшим отклонением. Крайний северный имел чисто земляную насыпь. Два из них — центральный и южный были раскопаны и названы первым и вторым Башадарскими. Могильник Шибе расположен на левом берегу р. Урсула в 1–2 км выше впадения в нее речки Талды. Могильник состоял из 124 могильных сооружений, образующих четыре большие группы. *Восточная группа* включала 66 сооружений, среди которых выделялась цепочка из шести больших курганов, вокруг которых группируются все остальные. Самый северный из них был самым малым по диаметру. Он был раскопан и получил название Большого Шибинского кургана или просто Шибе [Баркова, 1978]. Таким образом, все большие курганы располагались с восточного края курганных полей. При ориентации лицом на восток они оказывались «впереди» остальных. Точно так же два наиболее крупных кургана могильника Берель были расположены несколько поодаль на восток от основной цепи курганов, в створе друг с другом: Большой Берельский на юге, на краю крутого берега р. Бухтармы, а курган 11, меньших размеров, — на севере, у самого подножия гор [Samashev et al., 2002, Abb.1].

Важным является также то, что на курганных полях остались нераскопанными часть больших сооружений. На Туэктинском курганном поле были раскопаны два кургана из четырех больших, на Башадарском поле — два кургана из трех больших, на Шибинском курганном поле — один из шести больших. Итого насчитывается восемь больших курганов в Онгудайском районе. Авторы сводки «Скифская эпоха Горного Алтая» приводят данные о нераскопанных «элитных» курганах скифской эпохи из курганной группы Нижняя Соору в 3,5 км от с. Куланда Онгудайского района, а также о более чем десяти «огромных» курганах «с глубокими воронками в центре каменных насыпей» в 3–4 км от с. Ело Онгудайского района. Из чего сделан вывод: «По имеющимся данным уже сейчас ясно, что основной район, где хоронили людей высокого социального положения пазырыкского общества, находится в Центральном Алтае, в долине Урсула и его притока р. Каракол. Такая ситуация, на наш взгляд, не случайна, требует более пристального внимания и объяснения» [Кирюшин и др., 2003, с. 15]. Ключ к объяснению, на мой взгляд, лежит в ландшафтно-географических особенностях западного ареала, и особенно Онгудайской долины. Размеры и количество погребальных сооружений на вышеописанных курганных полях наглядно показывают интенсивную заселенность этого региона в древности в силу более благоприятных климатических условий и более богатых экономических ресурсов.

Особенностью памятников западного ареала пазырыкской культуры является большее количество, чем в восточном ареале, предметов из металла: кинжалов, клевцов, предметов конской узды, золотых украшений, каменных бус в рядовых погребениях, последующее ограбление которых не планировалось. Например, в кургане 27 могильника Тыткескень-VI был найден полный уздечный набор, изготовленный из бронзы: удила, псалии, уздечные бляшки и подпружная пряжка [Кирюшин и др., 2003, с. 200–202].

В трех наиболее ранних погребениях знати западного ареала (во втором Башадарском, первом и втором Туэктинских курганах) конские захоронения были потревожены во время ограбления. Конские погребения из более поздних курганов как западного, так и восточного ареала грабителями не нарушались. Возможно, связано это с тем, что в ранних курганах, особенно во втором Башадарском, конское снаряжение содержало целый ряд ценных предметов из бронзы: псалии, удила, уздечные и сбруйные бляшки, подпружные пряжки и десятки кабаньих клыков. Часть предметов была обложена массивными золотыми пластинками. В более поздних погребениях бронзовые предметы узды и сбруи и даже кабаньи клыки были заменены на деревянные имитации, покрытые тонкой золотой фольгой низкого качества.

О двух ареалах пазырыкской культуры Горного Алтая

Географическая разбросанность некрополей знати свидетельствует о многочисленности населения, рассредоточенного по разным долинам, концентрация вокруг погребений знати сотен погребений — о более плотной, чем в восточном ареале, заселенности западного ареала. Наличие многочисленных бронзовых предметов узды и целых наборов узды и сбруи из бронзы позволило выявить двухчастную систему соединения подпруги и пристуги. Эта технически более сложная система предполагала использование бронзовой пряжки и застежки. Система двух бронзовых деталей встречена в сбруе коней как знати, так и рядовых [Степанова, 2005], что, кроме прочего, было показателем материальных возможностей населения западного ареала. Показательно также, что во время ограбления Башадарских и Тузктинских курганов грабители снимали только листовое золото; бронзовые псалии и часть массивных бронзовых украшений узды и седел были оставлены вместе с деревянными частями.

В западном ареале конские головные уборы-маски с рогами в натуральную величину были представлены в кургане 11 Берель (три коня с масками горного барана-аргали), во втором Башадарском кургане (убор коня 2 с рогами горного барана-аргали) и в кургане 2 Туэкта (рога горного барана-аргали от 8 масок). Итого в западном ареале 12 коней были «головными», т.е. урассены уборами-масками с рогами в натуральную величину.

Особенностью западного ареала является то, что, наряду с образами зверей, здесь широко использованы декоративные элементы: асимметричные розетки, а также «каплевидные» или «в виде запятой» подвески. В целом от самых ранних курганов Туэкта и до поздних — Шибе — преобладающим для западного ареала звериным образом является образ кошачьего хищника, иногда с рогами. Сцены терзания не встречены ни в одном из больших княжеских курганов западного ареала, они имеются только на нескольких предметах из кургана 11 Берель.

Таким образом, предпринятый обзор подтверждает предложенное разделение памятников пазырыкской культуры на западный и восточный ареалы. Памятники, расположенные на западе или востоке Катунско-Чуйской горной гряды, имеют ряд общих черт, позволяющих рассматривать их как отдельные культурные явления. Различия между ареалами касаются материала, конструкции конского снаряжения и репертуара звериных образов в уздечных наборах и в конских головных уборах-масках. Географическое расположение памятников, и прежде всего больших курганов, а также планиграфия курганных полей западного ареала свидетельствуют о более высоком социально-экономическом развитии по сравнению с высокогорным восточным ареалом. В то же время погребальный обряд обоих ареалов пазырыкской культуры отличается единообразием, что является показателем этнической родственности пазырыкцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баркова Л.Л.* Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 37–44.
- Грязнов М.П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 81 с.
- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология.* СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1997. 233 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: АлтГУ, 2003. 234 с.
- Кузьмин Н.Ю.* Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: Источники, метод, цель. Л.: ГМИР, 1991. С. 146–155.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И.* Пазырыкская культура: (Курганы Чуй и Урсула). Барнаул: АлтГУ, 2007. 281 с.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV века до н.э.: Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев: Сталос, 2005. 599 с.
- Молодин В.И., Мильников В.П.* Могильник Бертек-10 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 76–88.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.* Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 94–104.
- Наглер А.* Курган 1 могильника Байкара — святилище скифского времени // Г. Парцингер, В. Зайберт, А. Наглер, А. Плешаков. Большой курган Байкара: Исследования скифского святилища. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2003. С. 219–230. (Archäologie in Eurasien; Bd. 16).
- Октябрьская В.И.* Этнографические исследования на плоскогорье Укок // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 199–207.
- Полосьмак Н.В.* «Стережущие золото грифы»: (Ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
- Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

М. Очир-Горяева

- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 401 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 359 с.
- Савинов Д.Г. О ритуальном назначении погребальных камер Больших Пазырыкских курганов // Сакральное в культуре. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 6–8.
- Савинов Д.Г. Об обряде погребения Больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Вичи, 1996. С. 107–111.
- Савинов Д.Г. Погребальные камеры-«часовни» Больших Пазырыкских курганов // Сакральное в истории культуры. СПб.: ГМИР, 1997. С. 30–40.
- Степанова Е.В. Эволюция подпружных застежек по материалам курганов Алтая скифского времени // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 109–115.
- Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археол. вести. СПб.: ИИМК РАН, 2006. № 13. С. 102–149.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган: (Полное издание материалов раскопок 1965 и 1959 гг.) // Культура и искусство народов Востока. Л.: Гос. Эрмитаж, 1969. С. 208–236. (Тр. ГЭ; Вып. 7).
- Тишкин А.А., Дашиковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: АлтГУ, 2003. 429 с.
- Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1936.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: АлтГУ, 2003. 203 с.
- Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Загадка тринадцатого Филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: К 70-летию А.Х. Пшеничного. Уфа: Гилем, 2006. С. 38–45.
- Barkova L.L., Pankova S.V. Tattooed mummies from large Pazyryk mounds: New findings // АЕАЕ. 2005. № 2 (22). P. 48–59.
- Samashev Z.S., Basarbaeva G.A., Zumabekova G.S. Die «goldhütendenGreife» des Herodot und die archäologische Kultur der Früheren Nomaden im Kazachischen Altai. Skythenzeitliche Kurgane von Berel und Tar-Asu // Eurasia Antiqua. 2002. Bd. 8. S. 237–277.

Элуста, КИГИ РАН
mariaochir@rambler.ru

The article proposes a division of the Pazyryk culture sites from steppe valleys of mountain Altai according to landscape-and-geographical principle — along the Katun'-and-Chuya ridge into west and east habitats. A review of basic sites within the limits of the two habitats revealed differences in their number, location and burial inventory, confirming the existence of the two habitats.

Mountain Altai, the Pazyryk culture, habitat of sites, landscape-and-geographical principle.

КОМПЛЕКС РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ГОРОДИЩА ЛИХАЧЕВСКОЕ В ПРИИШИМЬЕ

С.И. Цембалюк, С.В. Берлина

Публикуются материалы раскопок, проведенных Уральской археологической экспедицией в 1964 и 1966 гг. на Лихачевском городище, единственном полностью изученном памятнике начала раннего железного века в Приишимье. На поселении полностью исследованы фортификации и жилые сооружения, получен представительный керамический материал.

Начало раннего железного века Западной Сибири, Нижнее Приишимье, баитовская культура, реконструкция, городище, фортификации, жилища.

В результате изучения комплексов начала раннего железного века Тоболо-Ишимского междуречья в конце 1960-х гг. В.Е. Стоянов включил Приишимье в ареал баитовских памятников [1969]. Вслед за ним исследователи традиционно продолжали рассматривать эту территорию в составе ареала баитовских древностей [Матвеева, 1989; Могильников, 1992; Хабдулина, 1993; и др.]. Действительно, в Приишимье на Лихачевском городище [Генинг, 1964, 1966], поселениях Карлуга 1 и Борки 1 [Хабдулина, 1994] были получены материалы, атрибутированные как баитовские и долгое время считавшиеся таковыми. На наш взгляд, сегодня проблема идентификации баитовских комплексов на территории Приишимья представляется более сложной. Н.П. Матвеева, анализируя керамические коллекции баитовских памятников Притоболья и Приишимья, отмечала некоторое своеобразие последних, а именно преобладание на сосудах ямочных узоров, что, по ее мнению, связано с влиянием на этой территории традиций сузгунской культуры [1994, с. 8–9]. Сложность анализа заключается не только в меньшей изученности памятников раскопками, но и в том, что в основном материалы не опубликованы. Частично восполнить этот пробел призвана данная работа.

В 1964 и 1966 гг. отрядом УАЭ под руководством В.Ф. Генинга проводились раскопки городища начала раннего железного века Лихачевское [Генинг, 1964, 1966]. К сожалению, материалы практически не изданы, хотя имеют большую научную значимость: на сегодняшний день это единственное полностью раскопанное поселение этого времени. Известны тезисы доклада Г.Б. Здановича [1967], городище упоминается в работах В.А. Могильникова [1992, с. 276, 279], Н.П. Матвеевой [1989, с. 79, 99], фортификации опубликованы В.А. Борзуновым [2002, с. 86], керамический комплекс обработан и использован в диссертационной работе С.В. Шараповой [2000].

Городище открыто в 1964 г. разведочной группой УАЭ при обследовании правого берега р. Ишима. Расположено в урочище Ерзовка, в 0,5 км к западу от д. Лихачева Абатского района Тюменской области, на гриве, вытянутой вдоль восточного берега старичного оз. Медвежье (старица Ишима) (рис. 1, 1). Восточный склон гривы очень крутой, у поселения даже с осыпью, в остальных местах задернованный. Западная сторона спускается в ложок глубиной до 3–4 м, являющийся, видимо, остатком древней протоки или русла Ишима, протекающего в настоящее время в 1 км к северу [Генинг, 1964].

На дневной поверхности прослеживались следы площадки, ограниченные канавкой диаметром около 45 м. В западной части поселения канавка и часть жилищ осыпались. Площадь городища составляла около 1200 м² (рис. 1, 2). При раскопках были зафиксированы слой и находки неолитического поселения (в данной работе не публикуются).

Общая стратиграфия памятника несложная. Дерновый и поддерновый песчано-землистый культурный слой перекрывает всю площадь поселения. Толщина этих двух слоев колеблется от 0,2 до 0,4 м. В этом слое изредка встречались фрагменты керамики эпохи железа.

Под песчано-землистым слоем в местах, не занятых какими-либо сооружениями, прослеживалась древняя погребенная почва несколько более светлого цвета, чем вышележащие слои. Толщина погребенной почвы не превышает 10–15 см. На участках расположения жилищ она насыщена углистыми включениями, органическими остатками и по цвету темнее окружающих слоев. Под погребенной почвой залегал светлый песчаный суглинок. В нижних частях по-

селения под очень слабой прослойкой погребенной почвы фиксировался светло-серый, перемешанный суглинок — культурный слой эпохи неолита [Генинг, 1964, 1966].

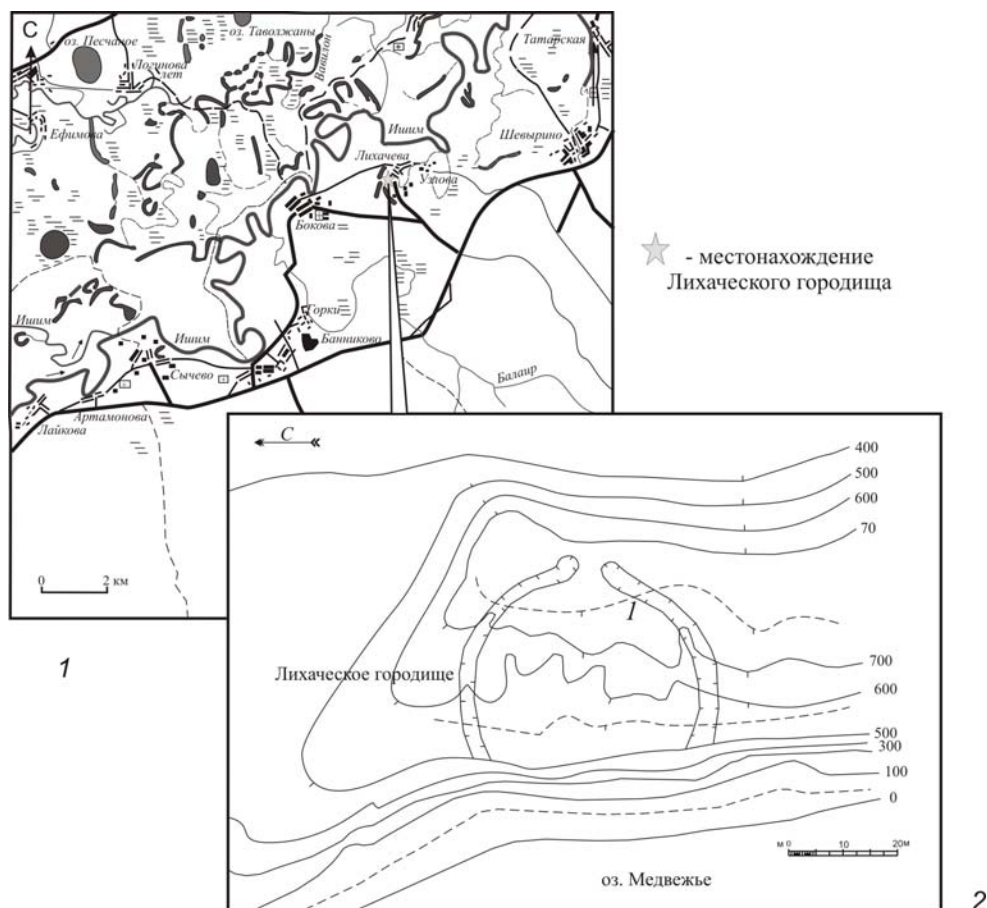

Рис. 1. Расположение (1) и план (2) Лихачевского городища (план по: [Генинг, 1964, 1966])

Фортификации

Поселение раннего железного века окружала кольцевая канавка. На современной поверхности она сохранилась как очень слабое углубление шириной до 1,0-1,5 м и только благодаря более темной растительности, покрывающей ее, была хорошо видна почти по всей окружности. С восточной стороны на наиболее высокой части площадки канавка прерывается с небольшим изгибом концов к наружной стороне, образуя проход (рис. 1, 2).

Кольцевая канавка имеет форму совершенно правильной окружности с внутренним диаметром в 43 м. Центр окружности находится в середине границы участков Г-Д/6. Исследователи отмечали, что проведение такой большой и правильной окружности на местности невозможно без знания принципа работы циркуля.

Канавка имела довольно стабильные размеры на всем протяжении — ширину в верхней части 1,0–1,2 м при глубине от 0,5 до 0,8 м. Боковые стенки и дно образуют овальное углубление, дно ровное. Канавка была заполнена темным гумусированным слоем почти без находок, врезалась на 20–30 см в подстилающий светлый песчаный суглинок, но ни с внутренней, ни с наружной стороны ее не обнаружен выкид — за исключением участка Ж-З/02 и И/1. На этом участке вдоль внутреннего края канавки уже на поверхности было заметно валообразное возвышение и при раскопках обнаружена глиняная насыпь шириной около 2 м при толщине до 25–30 см. Глина сильно расплылась, и развал ее находится как в кольцевой канавке, окружающей площадку городища, так и в канавке вокруг жилища 7. Под глиной залегал слой погребенной почвы без культурных остатков. Это единственный участок на городище, где сохранилась земляная насыпь вдоль внутренней стороны кольцевой канавки, окружавшей поселение.

Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье

Кольцевая канавка ограничивала все поселение и является, видимо, остатками некогда существовавших укреплений. Мы согласны с авторами раскопок, предположивших, что, по всей вероятности, в канаву были поставлены вертикально бревна, образуя стену типа частокола (рис. 2, 2). Никаких дополнительных земляных укреплений (вал, ров) поселение не имело. Канавка слишком мала, чтобы видеть в ней остатки рва. Частокол был, вероятно, не очень высоким. При глубине ямы в 0,8 м едва ли удерживались бревна более 2–3 м, впрочем, этой высоты вполне хватало для того, чтобы укрыться от обстрела.

Раскопками изучены два въезда на городище. Один, восточный, по мнению авторов раскопок, был укреплен сторожевыми башнями, второй — южный представлял собой ворота — калитку.

Восточный вход представлен разрывом кольцевой канавки, окружавшей поселение, на концах зафиксированы ступенчатые ямы-углубления. У дна, начиная от второй углубленной части, повсюду залегал почти сплошной слой углей и под ним сильно прокаленные прослойки глины, затем сильно перемешанная земля с глиной и вверху поздний заплыв культурного слоя. В юго-западной стороне по краю ямы на поверхности погребенной почвы сохранился нижний венец обугленных бревен толщиной 25–30 см. Бревна образовывали прямой угол.

Северная башня. По мнению исследователей, бревна представляли собой остатки наземного сооружения типа прямоугольной башни, в то время как зафиксированная яма — ее углубленную внутреннюю часть. Авторы раскопок определяли общие размеры башни, включая уже расширенную и углубленную часть канавки, в пределах 6,6×4 м. Полагаем, что ее размеры были меньше (около 4×4 м): определенной ранее длине башни противоречит расположение задней части жилища 4, остатки которого зафиксированы близко к стене, так что конструкция башни не поместилась бы. Бревна частокола могли вплотную подходить к башне, а расширение канавки на участке у въезда может объясняться усилением частокола (например, установка бревен в два ряда) или же, вероятнее, следами ремонта и подновления. Непонятно, для чего древние строители выкопали яму под башней, ее можно было установить и на дневную поверхность либо на специально подготовленную глиняную вымостку для предотвращения частого намокания и гниения. Кроме того, по обе стороны от остатков деревянной конструкции зафиксированы столбовые ямки, и если ямки за пределами башни можно интерпретировать как остатки конструкции ворот, то внутри они располагались у края сруба, края ямы и в самой яме, назначение их неизвестно. Полагаем, что первоначально на этом участке были установлены обычные ворота в частоколе, а позднее построены предвратные укрепления.

Если сама башня была сложена из бревен, то сверху она имела, скорее всего, бревенчатое перекрытие. Возможно, изнутри она была засыпана землей и глиной, о чем свидетельствуют прослойки угля на дне ямы, перекрытые прокаленными слоями грунта. С другой стороны, если сверху деревянных конструкций была значительная прослойка грунта, то деревянные остатки под ними не сгорели бы из-за отсутствия кислорода. Полагаем, что углистая прослойка образовалась вследствие разрушения (сгорания?) ранних ворот, на месте которых позднее были построены предвратные укрепления. Надо полагать, что башня имела и значительную высоту.

Южная башня. На участках Л–М/7–8 также зафиксировано овальное углубление нечетких очертаний, сходное с ямой под северной башней. Общие размеры ямы 3,2×2,3 при глубине до 120 см от древней поверхности. Дно углубления также неровное, со ступеньками, но сохранность их хуже, чем в яме северной башни. В северной стороне яма овально расширяется и здесь достигает глубины 160 см от древней поверхности. Судя по расположению и большей глубине, эта часть представляла собой когда-то самостоятельную яму, вероятно, для крупного столба диаметром около 50 см. Этот столб мог служить для крепления ворот, закрывавших вход между сторожевыми башнями.

К юго-западу от ямы большого размера к канавке примыкает еще одна яма, подчетыреугольной формы, размером 2,8×2,8 м, со скругленными углами, глубиной около 70 см от древней поверхности, с плоским дном. Канава с противоположной от ямы стороны также немного расширяется. Общую конструкцию и размеры южной башни реконструировать значительно труднее, поскольку сохранность углубленных частей хуже и нет остатков наземного сооружения.

Исследователи памятника предполагали, что южная сторожевая башня была меньше, чем северная, размером 3×4 м, и внутри ее также находилась яма, а вторая, примыкающая к канавке, представляет собой остатки небольшого, размером 3×3 м, пристроя к внутренней стене частокола. Дно канавки у второй ямы глубже, чем дно пола, и это позволяет предполагать, что и здесь стоял частокол.

Въезд-ворота имел ширину около 2,5 м и, как уже указывалось, в южной стороне был ограничен крупным столбом, а в северной — стенкой башни. Здесь рядом с предполагаемой стеной на уровне подстилающего грунта были обнаружены часть черепа и длинная кость животного. Другая часть черепа и две длинные кости по бокам от него залежали у самого края северной ямы, по-видимому, под стеной. По мнению исследователей, эти кости представляют собой остатки особого ритуала, связанного с входом (строительная жертва?).

Южный вход расположен в южной части поселения (рис. 2). В этом месте имеется повышение канавки и небольшой изгиб линии оси: канавки расположены не напротив друг друга, а расходятся на 2 м. Ширина входа составляла около 2,5 м. С внутренней стороны канавки обнаружены остатки столбовых ям, вероятно, это следы конструкции калитки — ворот.

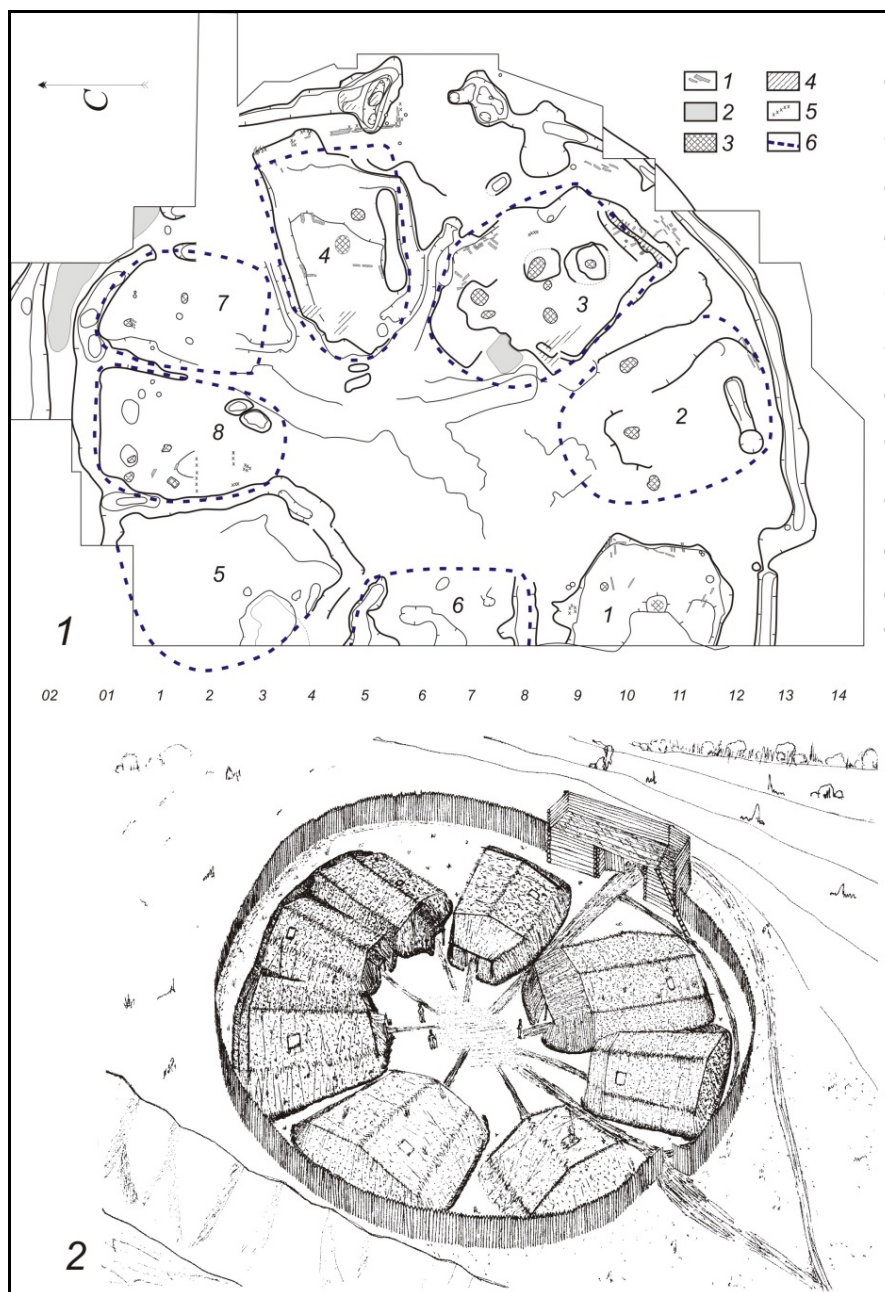

Рис. 2. План сооружений (1) и графическая реконструкция внешнего вида (2) Лихачевского городища: Условные обозначения: 1 — фрагменты дерева; 2 — глина; 3 — провал, очаг; 4 — прокаленная почва; 5 — угли; 6 — предполагаемые контуры жилищ

Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Пришимье

Таким образом, городище представляло собой предварительно спроектированный поселок округлой формы, с двумя входами, с расположенными по кругу восемью жилищами. В центре имелась свободная площадка, вероятно, для собраний, какой-то хозяйственной деятельности, загона скота (рис. 2, 2).

Жилища

При раскопках жилой площадки поселения изучены наземные жилища, не углубленные в материк. Основания стен были установлены в специально выкопанные канавы. В центре поселения находилась довольно ровная, свободная от застройки площадка, ограниченная с востока и юга небольшими уступами (рис. 2, 1). Всего на городище было изучено восемь жилищ: семь наземных и одно углубленное (рис. 2, 1) [Генинг, 1964, 1966].

Поселение прекратило существование в результате пожара, благодаря чему сохранились остатки сооружений в виде скоплений углей, полос прокаленной почвы, анализ которых позволяет реконструировать жилища.

Жилище 1 расположено в юго-западной части поселения (рис. 2, 1). Это полуземлянка, котлован которой выкопан в углублении, оставшемся от раннего неолитического сооружения. Постройка подквадратных очертаний, размерами около 8,5×8,5 (?) м (западный край осыпался, размеры точно не установлены). Котлован полуземлянки углублен на 0,65 м от уровня древней поверхности. Вдоль восточной и южной сторон стенок котлована сохранились небольшие куски обугленных жердей диаметром до 8–10 см. Судя по плану, фрагменты жердей лежали вдоль стенок и перпендикулярно им, в северо-восточном углу остатки жердей располагались под углом. Жилище погибло, видимо, от пожара, и после того, как обвалилась кровля, отдельные конструкции ее еще долго тлели под землей [Генинг, 1964].

В центре котлована находился очаг, устроенный на небольшой возвышенной округлой площадке диаметром 130 см. Площадка очага была насыщена золой, мелкими кусками спекшейся обгорелой глины с углем. В постройке найдены фрагменты керамики и целые сосуды, каменная плита — зернотерка (?).

Расположение находок и небольшое возвышение западнее очага позволяют предположить следующую планировку пространства. Вероятно, вдоль западной и восточной стенок жилища были спальные места, а у южной стенки, напротив входа, — хозяйственная часть.

Остальные жилища, изученные на территории городища, были наземными, выделялись пятнами более темной супеси с угольками. Основание жилой площадки и ее элементы (ямки, очаги, канавки) врезались в подстилающий слой (отмечаются на стратиграфии) и поэтому не всегда фиксировались на материке. Стены были установлены в канавы-углубления по сторонам построек, но, так как последние не всегда доходили до материка, их очертания зафиксированы не везде.

Жилище 2 располагалось в южной части поселка, восточнее жилища 1, между ними оставалось свободное место: коридор шириной около 3 м — участок прохода на городище через южные ворота (рис. 2, 1). Четко отмечалась юго-восточная граница постройки — по зафиксированному в материке уступу и остаткам сгоревших жердей (длиной до 1 м, диаметром 6–8 см). Жилище, по всей видимости, имело трапециевидную форму, размеры около 11,5×6–7 м. Выход размещался в середине северной стенки и вел в центр поселка. Очаг располагался на небольшом возвышении, имел овальную форму, размеры 90×60 см. Рядом были найдены остатки сосуда. Еще один провал, округлой формы (диаметром 0,8 м), зафиксирован в западной части жилища.

Жилище 3 располагалось в юго-восточной части поселка (рис. 2, 1). Так как поселение находилось на наклонной поверхности, то перед строительством жилища площадка, вероятно, была выровнена — при этом восточный угол жилища был углублен в материк, а вдоль северной, западной и южной сторон устроены углубления-канавы для основания стен. В целом жилище имело подквадратные очертания, размеры около 9,5×8,5 м.

В юго-восточной стороне жилища сохранилось большое количество обугленных жердей и бересты, как у его края, так и за пределами, залежавших в основном вдоль стены. Авторы раскопок эти остатки конструкций связали со сгоревшей кровлей. Граница жилища четко обозначена ровной полосой сильного красного прокала, на внутренней стороне которого на расстоянии 15–30 см друг от друга находились обугленные торцы шести вбитых кольев. Колья, как и жерди, имели сравнительно небольшой диаметр — 6–9 см. В западном и северном углах жилища также фиксировались полосы прокала с остатками обугленных жердей, лежавших вдоль стен.

Таким образом, канавообразные углубления, обугленные жерди и прокаленные полосы позволили выявить довольно правильную четырехугольную площадку размером 8,5×9,5 м. Менее четко прослеживается лишь северо-западный край площадки. У входа находилась глиняная вымостка четырехугольной формы размером 1,2×1,6 м, по мнению исследователей, представлявшая собой порог. Рядом, вероятно, были устроены сени, пристройка к основной камере (?) (прослеживалась по небольшому углублению внутренней площадки канавы). На площадке жилища обнаружены остатки четырех прокалов (возможно, образовались во время пожара). Постоянными очагами были, видимо, кострища, сооруженные в неглубоких (до 20 см) ямах; рядом найдены развалы сосудов. У входа в жилище обнаружен бронзовый кельт (рис. 3, 10).

Жилище 4 расположено в восточной части поселка, за главным входом на поселение (рис. 2, 1). Жилище имело прямоугольные очертания, размеры около 6,5×9,5 м. С северной и южной сторон оно было ограничено канавкой. Первоначально здесь фиксировалось широкое, до 3 м, канавообразное углубление, разделявшее жилища 3 и 4. При раскопках установлено, что в восточной части канава разветвлялась в соответствии с направлениями стен жилищ. Ранняя канавка быстро заплывала грунтом и позднее, вероятно в связи с перестройкой жилища, была вырыта новая, более узкая (от 0,5 до 1,2 м) от центральной площадки к северному углу жилища 3. В западной стороне эта канавка находилась перед краем жилища 4, который, однако, прослеживается недостаточно четко. Видимо, как и в жилище 3, здесь находилась стена с выходом, у порога которого были устроены широкие ступеньки для спуска к центральной площадке.

Вдоль северного края жилища и внутри его обнаружено несколько кусков жердей. В центре жилищной площадки находился мощный очаг в виде овального пятна прокала размером 120×90 см.

Жилище 5 изучено не полностью, расположено в северо-западной части поселения, западный угол его осыпался (рис. 2, 1). Границы постройки хорошо фиксировались с северо-восточной, восточной, южной и частично юго-западной стороны в виде канавы шириной 1,2–1,8 м при глубине до 0,6 м от древней поверхности. Несколько позднее внутри заплывшей ранней канавки была выкопана узкая (0,4 м), но глубокая (до 0,5 м) канавка, в которую, вероятно, были поставлены столбы. В юго-восточной стороне находился выход к центральной площадке. Размеры жилищной площадки около 10×9 м.

Жилище 6 (рис. 2, 1) расположено в западной части поселения. Сохранились лишь остатки восточной части постройки, основная ее часть осыпалась. Канавки ограничивали жилищную площадку севера и юга. Выход находился на восточной стороне.

Жилище 7 расположено в северной части поселения (рис. 2, 1). Границы постройки были зафиксированы по насыщенному слою погребенной почвы, оконтуренному канавкой. С восточного края сооружения канавка прерывается, как предполагали исследователи, образуя вход в жилище [Генинг, 1964], однако этому противоречит общая планировка поселения и других жилищ, выход которых был направлен в центр поселка. На жилищной площадке у северо-западного угла и в середине обнаружено два пятна прокала от небольших кострищ, а у северного края — остатки двух раздавленных сосудов. Постройка имела трапециевидную форму, размеры около 8,5×6 м.

Жилище 8 расположено в северной части поселка, западнее жилища 7 (рис. 2, 1). Фиксировалось в виде ровной площадки, ограниченной с востока и запада канавками, общими для него и жилищ 7 и 5, и с севера — также общей для этих жилищ большой канавой. Размеры постройки составляли около 10×6–6,5 м. В западной части жилищной площадки на поверхности насыщенного слоя погребенной почвы зафиксировано три небольших очажных пятна от кострищ. Вдоль северной стенки располагались две овальные ямы размером 160×100 см, глубиной 40 см от уровня пола. В обеих ямах обнаружены остатки раздавленных сосудов, а в западной — большое пятно прокала. На жилищной площадке было много углей и отдельных кусков обугленных жердей. В заполнении жилища найдены обломки сосудов и небольшое количество костей [Генинг, 1964, 1966].

Таким образом, жилища в поселке располагались по кругу, выходы их были ориентированы в центр площадки, где оставлено свободное место размером около 10×14 м. На городище зафиксировано два входа — один укрепленный, с башнями (?) по бокам, расположен с востока, второй — с южной стороны площадки, там существовали ворота. Однако широкий проход в центр площадки фиксируется именно от менее укрепленного входа, здесь расстояние между жилищами около 2–3 м, в остальных местах жилища находились близко друг к другу, а в северной части поселка стены соседних построек были установлены в общие канавы-углубления. У

Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье

«главного» входа было оставлено свободное пространство для передвижений — участок размерами около 3×6 м, однако в центр площадки проход осуществлялся либо по узкому «коридору» (менее 1 м) между жилищами 3 и 4, либо вдоль крепостной стены на юг, до жилища 2 и входа-калитки. Исключая жилище 1, все постройки были наземные (рис. 2, 2). Авторами отмечено, что до раскопок поверхность памятника, помимо общего наклона в 2 м, имела неровности — за них были приняты, видимо, следы наземных жилищ, внешне фиксирующихся как бугры с ямками — канавками по краям и в центре. Так как жилища были сооружены на дневной поверхности, основная часть следов конструкций не отпечаталась в материке. При анализе стратиграфии отмечены локальные понижения насыщенного угольками черного слоя, маркирующие жилищные площадки, канавки — ямки в подстилающем грунте, однако в основном очертания не фиксировались.

В целом, оценивая устройство жилищ, можно предположить, что основу конструкции составлял каркас из вертикально установленных бревен, жердей (имеются следы отдельных ямок, зафиксированы сгоревшие основания жердей в слое), скрепленных поверх балками перекрытия. Стены и кровля состояли из жердей толщиной 6–8 см, укрытых поверх слоем бересты и утепленных грунтом. Интересной особенностью жилищ Лихачевского городища следует считать установку основания стены (каркаса (?) и жердей) в специально выкопанную канаву по периметру жилища. В некоторых случаях зафиксировано даже использование общих канав для соседних стен построек: жилища 7, 8, 5 и, возможно, 6 имели общие канавы для крепления боковых стен, в одной общей траншее были установлены и задние стены построек.

Круговая планировка поселения, взаиморасположение жилищ, отсутствие следов перекрытия постройками друг друга, наличие общих элементов конструкции для разных построек — все эти факты говорят о том, что поселок строился единовременно и по заранее определенному плану. Отмеченные исследователями следы перестроек и ремонтов на участках жилищ 4 и 5 не противоречат этому — локальные ремонты могли быть текущими, отдельные участки построек могли подновляться после нескольких лет эксплуатации. Жилище 1 выбивается из общей картины — оно углублено в грунт на 0,65 м. Однако, судя по наличию ямок и фрагментов жердей, конструкция также была каркасно-столбовой, стены ее состояли из наклонно установленных жердей, покрытых берестой и грунтом.

Описанным жилищам близки постройки саргатского городища Ак-Тау на Ишиме [Хабдулина, 1993], расположенного южнее; наземные постройки изучены также на поселениях иткульской [Зимина, Зах, 2009] и баитовской культур в Притоболье (Дачное 1, Чепкуль 86, гор. Боровушка 2 и др.) [Шилов, 1997; Цембалюк, 2009]. Обособленные наземные однокамерные четырехугольные жилища с канавками по периметру, небольшим котлованчиком в центре или без него также сходны с сооружениями культур раннего железного века Сургутского Приобья (калинкинская, белоярская) [Чемякин, 2008, с. 67, с. 74–75, 168–169, рис. 62, 63]. Каркасно-столбовые постройки с углубленным котлованом были широко распространены в культурах лесостепи раннего железного века (гороховской, баитовской, саргатской).

Демография городища

В связи с тем что поселение исследовано полностью, мы предприняли попытку рассчитать демографическую емкость городка. Поскольку известно точное количество жилищ и их приблизительная площадь, то можно произвести расчеты численности проживавшего в поселке населения. Подобные данные гипотетичны и условны, однако их можно учитывать при изучении динамики численности населения западно-сибирской лесостепи, уровня производительных сил и т.д.

Один из традиционных способов определения количества проживающих в постройках людей основан на учете жилой площади на человека. Для эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири исследователи предлагают различные нормы площади: от 2,8 до 6 м² на человека (4 м² [Зах, 1995, с. 73]; 4,95–5,65 м² [Евдокимов, 1984, с. 17]; 4–6 м² [Козынцева, 1998]; 5,5 м² [Ковалева, Штадлер, 1989]; 2,8–5 м² [Хлобыстин, 1976, с. 46]; 4–5 м² [Матвеев, 1995; Матвеев, Аношко, 2009]; 3,5–4 м² [Корякова, Сергеев, 1989; Матвеева, 2000, с. 114]).

В среднем на одного человека приходится 4–5 м². Суммарная площадь жилищ Лихачевского городища составляет около 520 м². Разделив ее на 4 и 5 м², получаем 104–130 чел. Примерно такова численность обитателей поселка. Учитывая, что в поселке 8 жилищ, получаем, что в каждом могло проживать 13–16 чел.

Керамический комплекс городища

Сосуды представляют собой слабопрофилированные горшки (85 %) и банки (15 %) (табл.) яйцевидных форм с округлым или несколько приостренным дном. Сосуды довольно крупные, диаметром по шейке от 17 до 30 см и стенками толщиной от 4 до 6 мм (75 %), довольно часто встречаются и более толстостенные — до 10 и 12 мм (25 %).

Горловины горшков представлены двумя формами — выгнутые (56 %) и прямые (29 %). Венчики в большинстве случаев плоские (93,5 %), встречаются округлые (4,7 %) и скошенные внутрь (1,8 %).

Характеристика шеек сосудов Лихачевского городища (107 экз.)

№	Признак	Кол.	%
Форма шейки			
1	Прямая	31	29
2	Дуговидно выгнутая	60	56
3	Банки	16	15
Форма венчика			
4	Плоский	100	93,5
5	Округлый	5	4,7
6	Скошенный внутрь	2	1,8
Орнаментация венчика			
7	Гребенчатый штамп	3	2,8
8	Насечки	70	65,4
9	Без орнамента	34	31,8
Техника нанесения узора			
10	Гребенчатый штамп	12	11,2
11	Круглая ямка	62	57,9
12	Жемчужина	44	41,1
13	Угловый штамп	22	20,6
14	Гладкий штамп	40	37,4
15	Защипы	13	12,1
16	Прочие (ногтевые вдавления, наколы и т.д.)	3	2,8
Элементы орнамента			
17	Наклонные линии	10	9,3
18	Ряд углового штампа	22	20,6
19	Горизонтальная елочка	23	21,5
20	Один ряд ямок	50	46,7
21	Чередование ямок и жемчужин	12	11,2
22	Один ряд жемчужин	32	29,9
23	Горизонтальный зигзаг	4	3,7
24	Вертикальный зигзаг	4	3,7
25	Неорнаментированный	21	19,6

Орнаментация керамики Лихачевского городища довольно бедная. Декорировались, как правило, шейка сосудов (80,4 %) и венчик (68,2 %), в некоторых случаях — плечико. Кроме того, 21 % составляют сосуды, тулово и днище которых орнаментированы горизонтальными рядами глубоких ямочных вдавлений. Чаще всего использовался жемчужно-ямочный узор (99 %). Им покрыта, как правило, шейка. На 12 сосудах ямка выступает как разделитель, образуя схему «жемчужина — ямка — жемчужина». Велика доля узоров, выполненных гладким (37,4 %) и угловым (20,6 %) штампами. Применение гребенчатого штампа и защипов довольно незначительно (11,2 и 12,1 % соответственно).

Элементов орнамента также насчитывается незначительное количество. Большинство сосудов орнаментировано по шейке одним рядом ямок или жемчужин или их чередованием, иногда в сочетании с рядом углового штампа, который наносился исключительно по линии перехода от шейки к плечу. Гребенчатым и гладким штампом выполнены узоры в виде наклонных линий или елочек. Изредка встречаются горизонтальный и вертикальный зигзаги (рис. 3).

Керамический комплекс Лихачевского городища был атрибутирован автором раскопок как баитовский [Генинг, 1964].

Исследование в конце 1990-х — начале 2000-х гг. на территории Приишимья таких своеобразных комплексов, как поселения Озеро Ченчерь 6, Марай 1, городища Марай 5, на наш взгляд, ставит перед исследователями вопрос об их культурной идентификации и соотношении

Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Пришимье

с притобольскими баитовскими памятниками. Своеобразие керамических коллекций вышеперечисленных памятников в сравнении с притобольскими материалами связано, по всей видимости, с другой линией культуругенеза. На построенной в результате кластерного анализа дендрограмме видно, что пришимские памятники Марай 5 и Озеро Ченчерь 6 группируются вместе, хотя и не образуют кластера с Лихачевским городищем (рис. 4).

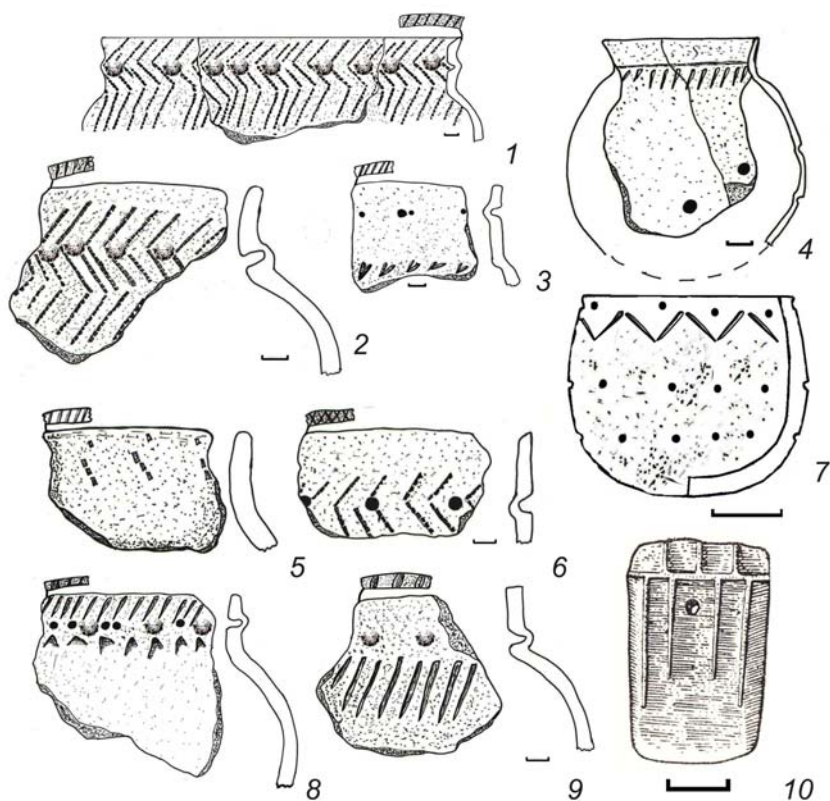

Рис. 3. Керамика и инвентарь Лихачевского городища (по [Могильников, 1992]):
1–9 — керамика; 10 — кельт (бронза)

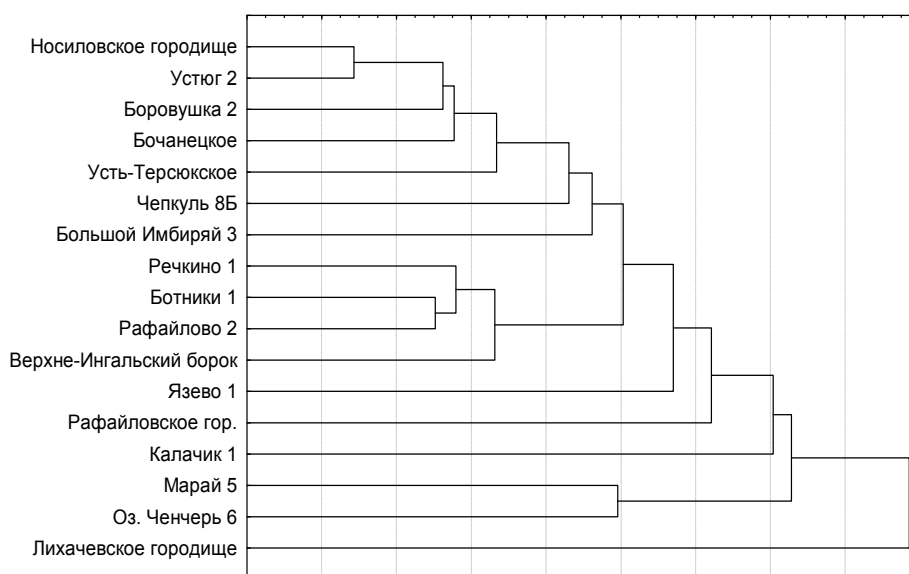

Рис. 4. Дендрограмма керамических баитовских комплексов притобольских и пришимских памятников

Пока мы располагаем ограниченной информацией о памятниках начала раннего железного века в Приишимье и не можем дать их полноценную характеристику. Отметим лишь некоторые особенности приишимских комплексов.

На поселении Озеро Ченчерь 6 исследовано трехкамерное полуземляночное сооружение 3 [Волков, 2001, с. 228], подобные отсутствуют в домостроительной традиции носителей байтовской культуры Притоболья. Насыщенность находками (в том числе палеозоологическими) культурного слоя приишимских памятников, интенсивность окраски свидетельствует о длительной эксплуатации поселков. На 1 м² приходится от 100 ед. находок, в отличие от притобольских, где на 100 м² — от 3,6 (Большой Имбиряй 3) до 5,8 (Боровушка) ед. находок.

Керамика приишимских памятников морфологически и орнаментально очень схожа с байтовской Притоболья. Это круглодонные, толстостенные сосуды, с раздутым, иногда шаровидным туловом, высокой, до 5 см, горловиной. Шейка так же украшена пояском ямок или жемчужин в сочетании с рядами наклонных линий, горизонтальной елочкой или зигзагом. Единственным и довольно существенным отличием приишимских горшков являются ряды круглых ямок, горизонтально расположенные по тулову. На основании данного признака исследователи относили древности начала раннего железного века Приишимья к бархатовско-сузгунской линии генерации [Корякова, 1991, с. 30; Матвеева, 1994, с. 8–9; Волков, 2001, с. 228–229]. На наш взгляд, на территории Приишимья происходили отличавшиеся от имевших место в Притоболье культурогенетические процессы. В первую очередь это связано со своеобразием данного района как контактной зоны, на что неоднократно обращал внимание М.Ф. Косарев [1981, с. 167]. Территорию Приишимья в позднем бронзовом веке в основном занимало население сузгунской культуры. Здесь не фиксируются чистые бархатовские комплексы и вместе с тем в материалах поселений Чупино и Кучум-гора присутствует смешанного облика сузгунско-бархатовская керамика [Матвеев, Аношко, 2009, с. 201–203]. В конце бронзового века в среду местного сузгунского населения начинают проникать таежные группы с крестовой керамикой. В результате образуются комплексы типа городища Ефимово 1 [Матвеев, Горелов, 1991] и Старо-Маслянского поселения [Генинг, Евдокимов, 1969], отражающие сосуществование еще не в смешанном виде местного сузгунского и пришлого таежного населения. Данный период по материалам памятника Хутор Бор 1 выделен А.Я. Труфановым как ранний, хуторборский этап красноозерской культуры [1983, с. 74]. Дальнейшее развитие красноозерской культуры приводит к формированию журавлевских комплексов, известных и на территории Приишимья (Ласточкино Гнездо, Боровлянка 2, Борки 2 и др.). На основе журавлевских комплексов в южно-таежном Прииртышье и Приишимье складывается богочановская культура [Данченко, 1996], а в лесостепном Приишимье, по всей видимости, — своеобразные комплексы начала раннего железного века, близкие к байтовским Притоболья.

Предложенный вариант развития историко-культурных процессов на территории Приишимья гипотетичен и требует разработки на более широком круге источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.

Волков Е.Н. Археологические исследования в Казанском районе Тюменской области в 1998–1999 гг. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. № 3. С. 226–231.

Генинг В.Ф. Отчет о раскопках Лихачевского городища (д. Лихачева Абатского района Тюменской области), произведенных Уральской археологической экспедицией летом 1966 г. Свердловск, 1966 // Архив ИА РАН. Р-1, № 3382.

Генинг В.Ф. Отчет о раскопках Лихачевского поселения в 1964 г. М., 1964 // Архив ИА РАН, Р-1, № 2865.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Старо-Маслянское поселение // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 57–64.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Евдокимов В.В. Народонаселение Степного Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984. 21 с.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.

Зданович Г.Б. Лихачевское городище на р. Ишим // 5-е Урал. археол. совещ.: Тез. докл. и сообщ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. С. 136–137.

Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье

Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Ковалева В.В., Штадлер М.Ю. Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 153–164.

Козынцева Н.Н. Палеодемографический аспект изучения ташковской культуры // ВАУ. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. С. 184–195.

Корякова Л.Н., Сергеев А.С. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры: (Опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское II) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 165–177.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири: (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препр. Екатеринбург: Изд-во УрО АН: УрГУ, 1991. 53 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.

Матвеев А.В. Семья в ирменском обществе: Некоторые аспекты палеодемографического изучения: (По материалам поселений) // Археология: Вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень, 2009. 416 с.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Основные итоги исследования городища Ефимово 1 // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа: БашГУ, 1991. С. 52–54.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 77–102.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке: (Лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 274–312.

Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. М.: Наука, 1969. Вып. 119. С. 52–61.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-1: (О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТомГУ, 1983. С. 63–76.

Хабдулина М.К. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 112–143.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая курья в Южном Зауралье. Л., 1976.

Цембалюк С.И. Характеристика поселений и жилищ байтовской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 10. С. 57–65.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 222 с.

Шарапова С.В. Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья: (Опыт статистического анализа): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000 // Лаборатория археологического источниковедения и музеефикации ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 5, 5а.

Шилов С.Н. Отчет об археологических исследованиях 1996 г. Курганского государственного университета на территории Курганской области, проведенных по открытому листу № 164 (форма 1), выданному на имя Шилова Степана Николаевича. Курган, 1997.

Тюмень, ИПОС СО РАН
svetac80@mail.ru
svb82@mail.ru

Subject to publication being materials of excavations undertaken by UAE in 1964 and in 1966 at Likhachevo settlement — the only fully investigated site of the early Iron Age in the Low Ishim basin. The investigation of the settlement resulted in total studying of fortifications and dwellings, obtaining a representative pottery material.

The beginning of the early Iron Age in West Siberia, Low Ishim basin, the Baitovo culture, reconstruction, fortified settlement, fortifications, dwellings.

МОГИЛЬНИКИ «ХАРИНСКОГО» ТИПА С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ (или еще одна попытка поиска «угорского следа»)¹

Д.В. Шмуратко

Представлена очередная попытка поиска «угорского следа» в археологических культурах Приуралья. Использовав инструментарий математической статистики (иерархический кластерный анализ), автор осуществил верификацию гипотезы о наличии саргатского, зауральского культурного влияния в материалах курганных могильников харинского типа Верхнего Прикамья и Северного Приуралья. В результате статистической проверки гипотеза не получила подтверждения. Памятники харинского типа продемонстрировали стабильную близость с позднесаргатскими некрополями Южной Башкирии.

Великое переселение народов, курганы харинского типа, кластерный анализ, угры.

«Угорская проблема» — так в археологии Прикамья принято называть давний спор исследователей, суть которого сводится к решению вопроса о присутствии в археологических культурах Приуралья угорского (зауральского) культурного компонента. Данный спор имеет обширную историографию (см. работы А.М. Белавина [2003, 2007, 2009], Н.Б. Крыласовой [2007, 2012], В.А. Иванова [1999, 2007], А.Ф. Мельничука [Мельничук и др., 2009], В.В. Напольских [2007] и др.).

В силу «происхождения» и принадлежности к археологической школе Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета автору работы пришлось присоединиться к данной острой дискуссии. Поскольку хронологический пласт, входящий в сферу научных интересов автора, ограничен эпохой Великого переселения народов, то именно в этих рамках были предприняты попытки поиска «угорского следа». О том, что таковой может быть, есть указания в работах О.Н. Бадера, В.А. Оборина [Бадер, Обороин, 1958], В.Ф. Генинга [1959, 1972], Р.Д. Голдиной [2003]. Так, О.Н. Бадер и В.А. Обороин подчеркивали, что угорское население составило основную массу переселенцев, пришедших в Прикамье в эпоху раннего средневековья [1958, с. 140], и что именно с этой волной миграции связано появление на Каме курганов «харинского» типа. Развивая данный тезис, В.Ф. Генинг ближайшие аналогии погребального обряда харинцев видел на юго-востоке Южного Зауралья в среде угорских племен [1959, с. 185]. Позже Р.Д. Голдина уже однозначно назвала переселенцев представителями племен саргатской археологической культуры [2003, с. 59].

Первоначально свою задачу автор видел в верификации заявленной «угорской гипотезы» инструментарием математической статистики. Было выдвинуто предположение, что если взаимосвязь между харинскими курганами и племенами саргатской культуры действительно существует, то сравнение погребального обряда указанных групп населения по массовым статистическим признакам должно позволить объективно зафиксировать эту близость и выразить ее численно. Однако расчеты, проведенные на выборке в 1815 погребений, включающей помимо харинских и саргатских древностей комплексы «местных» (мазунинская, бахмутинская, азелинская) и территориально близких (турбаслинская, позднесаргатская, именинковская) археологических культур, близости харинских комплексов к саргатским не показали. Наибольшее сходство харинские курганы в культурном плане продемонстрировали с позднесаргатскими комплексами с территории Башкирии (Дербеневские, Ахмеровские и Салиховские курганы) [Шмуратко, 2012] (рис. 1). Сама гипотеза о взаимосвязи харинских древностей с миграцией познесаргатских племен не нова. Впервые она была озвучена А.П. Смирновым [1952], а не так давно вновь актуализирована Ф.В. Овчинниковым [2004], А.Ф. Мельничуком, М.Л. Перескоковым [2009]. Математические расчеты еще раз ее доказали.

Однако в рамках обозначенного исследования из анализа совершенно выпали курганные некрополи эпохи переселения народов с территории Республики Коми, из-за чего картина, несомненно, представлялась неполной. Это обстоятельство побудило автора прислушаться к кон-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ проект № 13-11-59007 «Проблема “прародины” угров-мадьяр и угорский компонент археологических средневековых культур Предуралья».

Могильники «харинского» типа с территории Северного Приуралья

структивной критике и расширить анализируемую выборку, включив в нее памятники с территории Республики Коми (могильники Борганъель [Ашихмина, 1985а, б; 1987; 1988б], Ювана-яг [Ашихмина, 1988а], Веслянский I [Савельева, 1962а, б; Савельева, Малышев, 1975, 1976], Вомяньяг [Ашихмина, 1990], Шойна-яг [Васкул, 1987а, б]), в результате число анализируемых погребений возросло на 119 пунктов. Знакомясь с отчетами о раскопках памятников Северного Приуралья, автор предположил, что «угорский след» может дать о себе знать именно в материалах вновь введенных в выборку памятников.

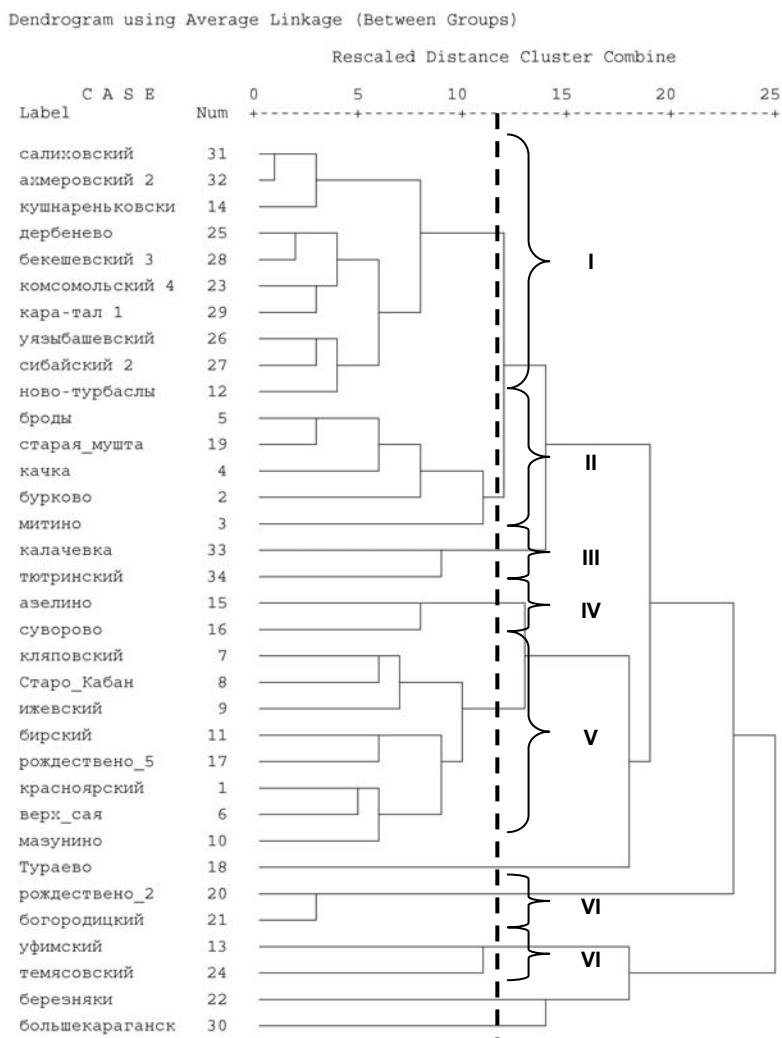

Рис. 1. Дендрограмма кластерного анализа:

Кластеры: I — «позднесарматский»; II — «харинский»; III — «саргатский»; IV — «азелинский»; V — «постпьяноборский»; VI — «именьковский»; VII — «уфимско-темясовский»

Предположение основывалось на том, что именно в материалах северных некрополей обнаружили признаки, относимые Н.Б. Крыласовой к «угорским этномаркерам» [2007]: погребальные маски², помещение в погребения «транспорта» для умершего (саней, лодки, нарт)³. Ничего подобного в материалах «харинских» некрополей Верхней Камы зафиксировано не было. Помимо прочего, в материалах памятников Северного Приуралья была обнаружена еще одна черта, характерная для саргатских погребений и нетипичная для харинских,— остатки де-

² См. материалы могильников Борганъель, к. 15, п. 1; к. 23, п. 1; к. 24, п. 3 (северное); Веслянский I, к. 2, п. 9, 13, 14, грунтовое п. 25; Вомяньяг, к. 2, п. 1.

³ В могильнике Борганъель в к. 14, п. 2 обнаружены остатки лодки с обрезанными кормой и носом [Ашихмина, 1988б, с. 8].

ревянных надмогильных сооружений. Наличие последних на Тютринском могильнике саргатской культуры отмечают А.В. Матвеев и Н.П. Матвеева: «скорее всего надмогильные сооружения представляли собой невысокие плоские бревенчатые платформы, многоугольной в плане формы» [1985, с. 71]. Следы подобных или очень похожих «построек» можно обнаружить на курганных могильниках с территории Республики Коми. В отчете о раскопках могильника Боргангъель читаем: «зафиксированное обугленное дерево может являться остатками погребальной камеры, скорее ее перекрытия. Но возможен и другой вариант, который кажется более вероятным: отмеченное дерево является остатками какого-то надмогильного сооружения, воздвигнутого еще до насыпки кургана» [Ашихмина, 1985б, с. 8]. На могильнике Ювана-яг выявлены надмогильные конструкции, имитирующие собой жилище [Ашихмина, 1988а, с. 4]. На Вомынягском могильнике отмечено «перекрытие конструкции какого-то сооружения типа юрты» [Ашихмина, 1990, с. 21]. Обнаруженное сходство между курганными могильниками с территории Республики Коми и зауральскими некрополями наталкивает на мысль о существовании контактов между вычегодскими и зауральскими группами населения. Возможность взаимодействия племен Северного Приуралья с группами нижнеобского населения допускал еще В.Н. Чернецов [1957, с. 137]. Недавно эту мысль еще раз озвучили А.Ф. Мельничук и М.Л. Перескоков: «следует признать, что в Северное Прикамье в период раннего средневековья проникали небольшие группы средневекового карымского и зеленогорского населения Нижнего Приобья, которые взаимодействовали с охотниками ванвиздинского и печерского кругов» [2013, с. 253].

Таким образом, перед нами встала новая задача — статистически проверить высказанную гипотезу. Однако присутствующий в базе данных «зауральский» материал был крайне скуден и представлен лишь двумя десятками поздних саргатских погребений (могильники Тютринский и Калачевка) — количеством явно недостаточным для того, чтобы провести обоснованные сравнения. Поэтому было принято решение ввести в выборку еще один, новый памятник — единственный полно исследованный некрополь эпохи Великого переселения народов с территории Зауралья — могильник Козлов Мыс, иллюстрирующий карымский этап Приобского средневековья [Матвеева, 2012]. В результате анализируемая выборка возросла еще на 83 погребения; таким образом, статистическому анализу были подвергнуты материалы 2017 погребений (40 памятников эпохи раннего средневековья).

Анализ проводился по алгоритму, предложенному коллективом исследователей, работавшим над проектом «Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии» [Бородкин, Гарскова, 1994], и подробно описан автором в предыдущих работах (см. [Шмуратко, 2011]).

Появление в выборке новых данных ожидаемо вызвало естественное возмущение в характере распределения признаков. С одной стороны, существовавший ранее список пополнился четырьмя новыми позициями, такими как «перекрытие»⁴; «береста»⁵; «обувная пряжка»; «пронизка в области пояса»⁶. С другой стороны, из перечня «информативных» выпали признаки «настил, подстилка»⁷; «пряслице» (табл.). Ситуация включения/исключения признаков, вызванная вводом в выборку новых данных, говорит о том, что добавленные объекты несут в себе определенные черты индивидуальности (уникальности), настолько значимые, что их присутствие вносит коррективы в характер распределения признаков. Добавленные признаки могут быть интерпретированы как статистически наиболее типичные для вновь введенных памятников, т.е. необходимые для осуществления адекватной процедуры узнавания на общем фоне выборки. Исключенные же признаки — те, что были важны для идентификации объектов в изначальной выборке, но утратили свою актуальность во вновь сформированной вследствие потери информативности (в данном конкретном случае относительной частоты присутствия).

⁴ Признак отражает наличие в комплексе надмогильных сооружений в виде продольно или поперечно уложенных поверх могильной ямы деревянных плах.

⁵ Признак фиксирует наличие в погребении коры дерева, используемой в том числе для заворачивания умершего.

⁶ Признак отражает наличие в комплексе, как правило, металлического предмета, имеющего сквозное отверстие для нанизывания на ремешок и являющегося составным элементом пронизи, прикрепляемой к поясу.

⁷ Признак отражает наличие в комплексе следов органической подстилки или настила из веток, досок, травы и др.

Могильники «харинского» типа с территории Северного Приуралья

Список признаков с указанием коэффициента энтропии*

№	До введения новых данных		После введения новых данных	
	Признак	Коэф. энтропии	Признак	Коэф. энтропии
1	Наличие курганной насыпи	0,97	Наличие курганной насыпи	0,98
Ориентировка умершего в погребении				
2	С	0,54	С	0,56
3	ССВ	0,32	ССВ	0,30
4	СВ	0,32	СВ	0,31
5	В	0,40	В	0,37
6	Ю	0,28	Ю	0,27
7	ЮЮЗ	0,21	ЮЮЗ	0,21
8	ЮЗ	0,21	ЮЗ	0,21
9	З	0,37	З	0,41
10	ЗСЗ	0,41	ЗСЗ	0,43
11	СЗ	0,61	СЗ	0,60
12	ССЗ	0,29	ССЗ	0,28
Размеры погребальной ямы				
13	Малая	0,62	Малая	0,60
14	Средняя	0,99	Средняя	0,98
15	Большая	0,44	Большая	0,44
Глубина погребальной ямы				
16	Неглубокая	0,75	Неглубокая	0,77
17	Средняя	0,64	Средняя	0,60
Внутримогильные и надмогильные сооружения				
18	Ниша	0,21	Ниша	0,20
19	Настил, подстилка	0,21	Настил, подстилка	0,19
20	Перекрытие	0,17	Перекрытие	0,20
21	Сруб	0,20	Сруб	0,22
22	Гробовище	0,33	Гробовище	0,37
Поза умершего				
23	Вытянут на спине	0,89	Вытянут на спине	0,87
Следы обрядовых действий				
24	Береста	0,18	Береста	0,27
25	Угли (огонь)	0,48	Угли (огонь)	0,54
26	Кости животных	0,50	Кости животных	0,47
27	Кремация	0,42	Кремация	0,40
28	Жертвенный комплекс	0,34	Жертвенный комплекс	0,34
Состав жертвенного комплекса				
29	Височное кольцо	0,24	Височное кольцо	0,23
30	Бусы	0,27	Бусы	0,27
Сосуды				
31	Керамический сосуд	0,67	Керамический сосуд	0,69
32	Фрагменты керамики	0,45	Фрагменты керамики	0,46
Элементы костюма				
33	Поясная пряжка	0,89	Поясная пряжка	0,89
34	Обувная пряжка	0,17	Обувная пряжка	0,22
35	Наконечник ремня	0,55	Наконечник ремня	0,53
36	Накладка	0,57	Накладка	0,57
37	Пронизка в области пояса	0,19	Пронизка в области пояса	0,20
38	Подвеска в области груди	0,34	Подвеска в области груди	0,32
39	Височное кольцо	0,36	Височное кольцо	0,35
40	Браслет	0,30	Браслет	0,30
41	Гривна	0,20	Гривна	0,22
42	Перстень	0,21	Перстень	0,20
43	Стеклянные бусы	0,79	Стеклянные бусы	0,77
44	Янтарные бусы	0,20	Янтарь	0,20
45	фибула	0,23	фибула	0,21
46	Бляшка	0,29	Бляшка	0,28
Оружие				
47	Наконечник стрелы	0,38	Наконечник стрелы	0,36
48	Наконечник копья	0,27	Наконечник копья	0,25
49	Топор	0,23	Топор	0,21
Упряжь				
50	Удила	0,32	Удила	0,30
Бытовые орудия труда				
51	Нож	0,90	Нож	0,91
52	Пряслице	0,20	Пряслице	0,18

* Признак считается информативным, если его коэффициент энтропии больше или равен 0,20 [Мошкова, 2009, с. 100].

Д.В. Шмуратко

Dendrogram using Average Linkage (Between Groups)

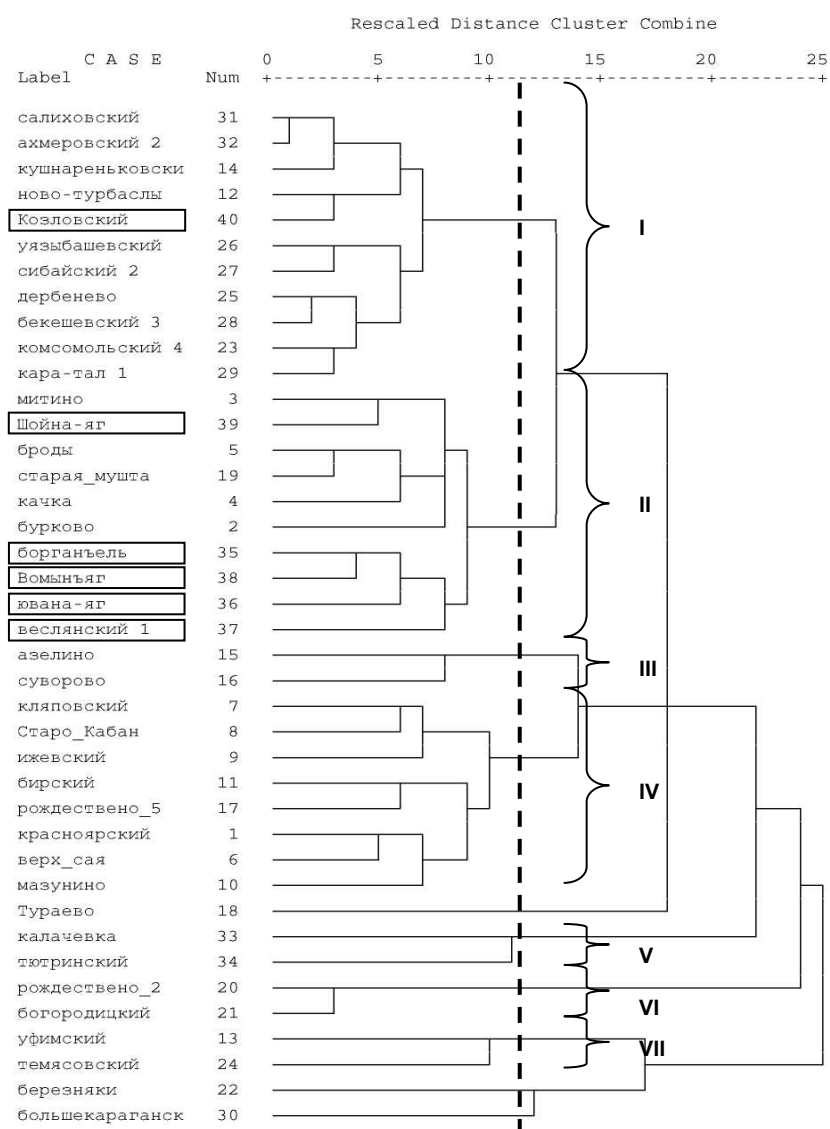

Рис. 2. Дендрограмма кластерного анализа:

Кластеры: I — «позднесарматский»; II — «харинский»; III — «азелинский»; IV — «постпьяноборский»; V — «саргатский»; VI — «именьковский»; VII — «уфимско-темясовский»

По результатам кластерного анализа рассматриваемая выборка была разбита на 7 кластеров (рис. 2):

I — «позднесарматский»: могильники Салиховский, Ахмеровский II, Кушнареньковский, Ново-Турбаслинский, *Козловский*, Уязыбашевский, Сибайский II, Дербенево, Бекешевский III, Комсомольский IV, Кара-Тал.

II — «харинский»: Митинский, *Шойна-яг*, Бродовский, Старо-Муштинский, Качкинский, Бурковский, *Борганъель*, *Вомынъяг*, *Ювана-яг*, *Веслянский I*.

III — «азелинский»: Азелино и Суворово.

IV — «постпьяноборский»: Кляповский, Старо-Кабановский, Ижевский, Бирский, Рождественский V, Красноярский, Верх-Саинский, Мазунинский.

V — «саргатский»: Калачевка, Тютринский.

VI — «именьковский»: Рождественский II, Богородицкий.

VII — «уфимско-темясовский»: Уфимский, Темясовский.

Могильники «харинского» типа с территории Северного Приуралья

В целом, как видно, первоначальная схема не претерпела принципиальных изменений, подобная ее устойчивость лишь раз свидетельствует, что изначальный вектор построения был выбран верно.

Курганные могильники с территории Северного Прикамья вошли в один кластер с верхнекамскими памятниками «харинского» типа, что, несомненно, свидетельствует об общем культурном поле, объединяющем погребальные традиции Северного и Верхнего Прикамья. При этом важно отметить, что северные могильники образовали внутри харинского кластера самостоятельную группу (Борганъель, Вомянъяг, Ювана-яг, Веслянский I); подобное их расположение на дендрограмме позволяет говорить, что северные курганы очень близки, но не тождественны верхнекамским. В принципе, подобное прочтение курганов с территории Республики Коми на данный момент общепринято в археологической науке и не вызывает серьезных возражений.

Что касается могильника Козлов Мыс, как ни странно, не обнаружилось близости его к саргатским некрополям, он вошел в общий «позднесарматский» кластер, продемонстрировав высокое типологическое сходство с Ново-Турбаслинским могильником (в данном случае мы, видимо, должны говорить о сходстве с наиболее ранними ново-турбаслинскими погребениями). Обращают на себя внимание орнаментация и формы керамических сосудов из Козлова Мыса и Ново-Турбаслинского могильника, которые действительно сходны, в коллекциях обоих памятников представлены сосуды «кушнаренковского типа», чье зауральское (угорское) происхождение также не вызывает сомнений у исследователей. К сожалению, положение могильника Козлов Мыс на дендрограмме не позволяет говорить ни о его близости с памятниками Республики Коми, ни о сходстве с саргатскими древностями.

Таким образом, версия о возможном проникновении в Северное Прикамье зауральского населения не получила статистического подтверждения на материалах выборки. Курганы с территории Республики Коми продемонстрировали близость с харинскими некрополями Прикамья, сформировав при этом внутри «харинского» кластера локальную группу. Сам же «харинский» кластер, как и прежде, близок к «позднесарматскому». Попытка отыскать «угорский след» на Севере Прикамья, увы, не увенчалась успехом. Однако отрицательный результат — не окончательный приговор и, возможно, вызван отсутствием в выборке «эталонного» угорского материала; не исключено, что более скрупулезный поиск материала для сравнения позволит в дальнейшем скорректировать выводы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского археологического отряда в 1984 году. Сыктывкар, 1985а // Архив ИА РАН. Р-1 10589.
- Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1985 году. Сыктывкар, 1985б // Архив ИА РАН. Р-1 10806.
- Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1986 году. Сыктывкар, 1987 // Архив ИА РАН. Р-1 11550.
- Ашихмина Л.И.* Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1987 г., Сыктывкар 1988а // Архив ИА РАН. Р-1 12236.
- Ашихмина Л.И.* Погребальный обряд курганного могильника Борганъель. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1988б.
- Ашихмина Л.И.* Отчет о полевых исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1990 г. Сыктывкар, 1990 // Архив ИА РАН. Р-1 26530.
- Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. 244 с.
- Белавин А.М.* Опыт использования статистического анализа в определении этнической принадлежности археологических культур Приуралья эпохи средневековья // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003. С. 143–147.
- Белавин А.М.* Этнокультурная ситуация в Пермском Предуралье периода средневековья и нового времени // Пермские финны: Археологические культуры и этносы. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 8–12.
- Белавин А.М.* Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. Пермь: ПГПУ, 2009. Вып. VI. С. 7–16.
- Бородкин Л.И., Гарскова И.М.* Методика анализа многомерных иерархических данных // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М.: ИА РАН, 1994. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). С. 87–126.
- Васкул И.О.* Курганное погребение эпохи переселения народов у с. Иб в Коми АССР // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск: УдГУ, 1987а.

Д.В. Шмуратко

Васкул И.О. Отчет о полевых исследованиях Сысольского археологического отряда 1986 г. Сыктывкар, 1987б // Архив ИА РАН. Р-1 12131.

Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. Казан. филиала АН СССР. Сер. гуманитар. наук. 1959. № 2. С. 182–219.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э.: (Проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

Голдина Р.Д. Миграции угров в Европу в I тыс. н.э. // Угры. Тобольск: Тобольск-Нефтехим, 2003. С. 57–63.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.

Иванов В.А. Проблема участия угров в формировании этнической карты Прикамья и Приуралья в I тыс. н.э. // XVII Урал. археол. совещ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 245–247.

Крыласова Н.Б. Маркирующие элементы материальной культуры угров эпохи средневековья // Пермские финны: Археологические культуры и этносы. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 166–172.

Крыласова Н.Б. Об «угорской эпохе Прикамья» говорить нужно // Вестн. Удм. ун-та. Ижевск: УдГУ, 2012. Вып. 1: История и филология. С. 168–175.

Матвеев А.В. Матвеева Н.П. Саргатский могильник у д. Тютрина // КСИА. М.: Наука, 1985. Вып. 184. С. 69–76.

Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: ТюмГУ, 2012. 178 с.

Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Шнуровой орнамент — этнический индикатор в культурах железного века Среднего Приуралья? // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2009. Вып. VI. С. 109–118.

Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Бродовские (харинские) погребальные комплексы в Среднем Приуралье — результат экспансии западных саргатских общин? // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Из-во ЮУрГУ, 2009. С. 142–145.

Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Средневековая керамика нижнеобского облика на памятниках Северного Прикамья // Вестн. ТГУ. История. № 3 (23). 2013. С. 249–253.

Мошкова М.Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М.: ИА РАН, 2009. Вып. IV: Позднесарматская культура. С. 21–162.

Напольских В.В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // XVII Урал. археол. совещ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 41–42.

Овчинников Ф.В. О происхождении харинской полихромной поясной гарнитуры: (К вопросу об истоках культуры харинского типа) // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. 2004. Вып. 17 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.archaeology.ru/ONLINE/Ovchinnikov/harino.html>.

Савельева Э.А. Научный отчет Вымского археологического отряда за 1962. Сыктывкар, 1962а // Архив ИА РАН. Р-1 2473.

Савельева Э.А. Научный отчет о результатах работ 1961 года Вымского археологического отряда. Сыктывкар, 1962б // Архив ИА РАН. Р-1 2315.

Савельева Э.А., Малышев Н.П. Отчет об археологических исследованиях Северо-Двинской экспедиции в 1974 году: Отчет об археологических исследованиях Вымского отряда в 1974 г. Сыктывкар. 1975 // Архив ИА РАН. Р-1 5825.

Савельева Э.А., Малышев Н.П. Отчет об археологических исследованиях Северо-Двинской экспедиции в 1975 году. Сыктывкар, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1 5859.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. № 28.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. М., 1957. № 58. С. 136–245.

Шмуратко Д.В. Территория Среднего Прикамья в раннем средневековье: (Статистический анализ погребальных комплексов) // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. 2011. С. 209–218.

Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов: (Статистический анализ погребальных комплексов): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. 232 с.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
dshmuratko@mail.ru

The article represents another attempt to search the «Ugrian trace» in archaeological cultures of Priuralye. Using instruments of mathematical statistics (hierarchical cluster analysis), the author undertook verification of a hypothesis on the availability of Sargatka and Trans-Urals cultural influence in materials of mound burials of Kharinsky type in the Upper Prikamye and North Priuralye. According to results of statistic checking, the hypothesis did not get its confirmation. The sites of Kharinsky type demonstrated stable proximity to late Sarmatian necropolises from South Bashkiria.

The Great migration, mounds of Kharinsky type, cluster analysis, Ugrians.

ДОМ И ДОМОХОЗЯЙСТВО В КАМЕННОМ ВЕКЕ ЗАУРАЛЬЯ И СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

И.В. Усачева

Рассматриваются информативные возможности ранних жилищ лесной зоны Зауралья и Севера Западной Сибири для проведения социально-экономических реконструкций с использованием микроэкономического понятия «домохозяйство». Продолжается работа над методикой соответствующих исследований, ориентированная на более широкое использование сопутствующего жилищам археологического, природно-климатического и топографического контекста.

Жилище, домохозяйство, производственный коллектив, семья, община, социально-экономическая реконструкция, неолит Зауралья и Севера Западной Сибири.

Тема реконструкции социально-экономических отношений в разные хронологические периоды остается одной из наиболее актуальных в современной археологии. Однако не все территории одинаково обеспечены необходимыми для проведения такого рода исследований источниками. Зауралье и Север Западной Сибири эпохи камня в этом отношении особенно показательны. С одной стороны, здесь из-за широкого распространения кислых почв с хорошим промывным режимом не сохраняется органика и изделия из нее, что создает серьезные препятствия для реконструкции спектра хозяйственных занятий населения и особенностей их комбинации в разном природном контексте. С другой стороны, в силу ряда причин отсутствуют столь необходимые для изучения половозрастной структуры и стратификации социумов древности могильники с массовыми захоронениями. А единичность полностью исследованных поселений делает практически недоступной возможность применения методов пространственной и поселенческой археологии. Поэтому важнейшим источником данных для реконструкции социально-экономических отношений остается жилище.

В археологической литературе всегда отмечался высокий информативный потенциал жилища. В.М. Массон в работе «Экономика и социальный строй древних обществ» рассмотрел жилище в системе общественной эволюции человека и показал, что в принципах домостроительства находят отражение три основных фактора: социальный (структура общества), экономический (тип хозяйственной деятельности) и экологический (природная среда). Отдельно было упомянуто влияние культурного традиционализма [1976, с. 110]. То есть, как следует из теории, наблюдая особенности жилищной конструкции, его размер, количество и состав находок в нем, можно получить важные данные о социальном устройстве общества и его хозяйстве. Однако, когда В.Ф. Старков попытался на практике применить выделенные В.М. Массоном факторы к жилищам лесного Зауралья периода мезолита и неолита, оказалось, что они раскрываются далеко не равноценно [1980, с. 182]. Труднее всего выявляется фактор социальный, причину чего исследователь видит в отсутствии стандартных форм жилищ при единообразии конструктивных особенностей (общий экологический и культурный фактор) и одноочажности (общий хозяйственный фактор). Пытаясь объяснить значительный диапазон вариаций размеров жилищ, в рамках той источниковой и методологической базы, которая тогда была доступна, В.Ф. Старков предложил решение с позиций эволюционизма: в период развитого неолита преобладали жилища мелких размеров (площадью до 30 м²), в позднем — средних (от 30 до 50 м²) и крупных (от 50 до 272 м²) [Там же]. Попытка рассчитать примерное число обитателей домов привела его к выводу, что коллективы небольших жилищ развитого неолита в 4–7 чел. возможно соотнести с «малой семьей», тогда как характер коллективов, занимавших большие и средние жилища, остается не ясен. По-видимому, считает исследователь, при планировке дома (размеры, количество очагов и т.д.) первостепенное значение отводилось экономическому фактору, поскольку население его составляла хозяйственная ячейка, построенная на базе родства. Это могла быть одна семья или несколько брачных пар наиболее близких родственников, объединенных общим

хозяйством и очагом, что полностью согласуется с данными В.Н. Чернецова о социальной организации обских угров [Там же, с. 184–185]. Так или иначе, полученные результаты оказались меньше ожидаемых, сказалось отсутствие соответствующей методики. Необходимо было ее разработать, так же как и соответствующий ей категорийный аппарат. Но прежде требовалось ответить на вопрос, каков характер коллективов, оставивших разные по площади жилища? Действительно ли это семья, как традиционно принято считать в археологической среде, или хозяйственная ячейка? Актуальность такой работы оказалась тем выше, что не все из предложенных В.Ф. Старковым гипотез прошли испытание временем. В частности, не подтвердилась идея объяснить увеличение размеров жилищ эволюцией домостроения. Жилища площадью 100 м² и более выявлены на памятниках первой половины — середины атлантика как в Приишимье (Мергень 6) [Еньшин, 2014, с. 18], так и в Нижнем Притоболье (Юртобор 3, ЮАО 15, Исток 4, VIII Пункт и т.д.) [Зах, 1995, с. 13; Дрябина, Хухорова, 2001, с. 89; Стефанова, 1991, с. 134; Усачева, 2001, рис. 1, жил. 3; и др.].

Новый ракурс в изучении социально-экономической подосновы жилища в значительной мере мотивирован выходом книг В.Р. Кабо «Тасманийцы и тасманийская проблема» [1975] и особенно «Первобытная доземледельческая община» [1986]. На обширных этнографических материалах из всех регионов мира автор доказывает универсальность общины для обществ с присваивающими формами хозяйства и обосновывает ее роль как ведущего производственного и социального института. Тема заинтересовала археологов и стимулировала появление ряда интересных работ, посвященных определению численности неолитической общины охотников и рыболовов таежной зоны, рассчитанной по площади жилищ на поселениях [Бузин, 1990; Буров, 1993; Никитин, Соловьев, 2002; и т.д.]. Эти работы, несмотря на их преимущественное внимание к неолитическим материалам Северо-Востока Европы, а не Зауралья и Севера Западной Сибири, где есть свои нюансы природно-климатического окружения, стали важной вехой в исследованиях социально-экономического пространства. Помимо подсчетов численности, важное внимание было уделено динамике размеров семьи и общины в пределах эпохи и вариативности проявлений, выраженной через многообразие жилищ. В большинстве работ вновь постулирована взаимозависимость природных и социальных факторов, когда численность общины всецело регулируется способностью контролируемой территории создать необходимый ресурс жизнеобеспечения. Итоговые реконструкции разнообразны и убедительны, но, выполненные вне контекста конкретных природно-климатических условий и без детализации способа производства, имеют очень большие границы допуска.

Своеобразным прорывом в исследовании социально-экономических характеристик обитавшего в жилище коллектива становятся две работы екатеринбургских ученых, вышедшие в 2006 г. [Косинская, 2006; Поселение Быстрый Кульёган 66..., 2006]. В этих работах жилище позиционируется как вместительное производственное коллектива (домохозяйства) и прослеживаются аспекты его существования, доступные для реконструкции. Одна из работ рассматривает домохозяйство в контексте взаимодействия с природной средой (особенности природопользования в рамках конкретного ХКТ, размеры и особенности промысловых территорий с соответствующим набором пищевых и сырьевых ресурсов, сезонность хозяйственного цикла, количество и срок эксплуатации жилых построек и т.д.), вторая акцентирует внимание на специфике его внутреннего (домашнего) функционирования и внешних связей с другими поселениями культуры, основа которых (семейно-брачные отношения, совместные хозяйственные мероприятия и т.д.) не всегда очевидна. Оба исследования базируются на материалах быстринской неолитической культуры таежной зоны Севера Западной Сибири. И что особенно важно: в работах не только предложен новый подход к реконструкции социально-экономических отношений, ориентированный на жилище, но выработана методика соответствующих исследований. В качестве единицы анализа выступает жилищный комплекс: отдельное жилище с околожилищным пространством и все находки, относящиеся к периоду его функционирования. Именно жилищный комплекс является результатом и отражением жизнедеятельности конкретного социума (домохозяйства), объединенного деятельностью производственного и бытового характера [Поселение Быстрый Кульёган 66..., 2006, с. 57–58]. В основу методики положен поиск закономерностей как в границах постройки, для чего разработана и апробирована специальная методика анализа структуры жилищного пространства, так и в фоновом окружении (топография поселений, экосистемное разнообразие и т.д.). Сколь плодотворным может быть такой анализ, показывают результаты изучения пос. Быстрый Кульёган 66, где не только удалось реконструировать слож-

ную, максимально адаптированную для северных природно-климатических условий конструкцию жилища для большого (60–90 чел.) коллектива, но и определить примерную модель его природопользования (рыболовы), охарактеризовать хозяйственный цикл и даже выявить следы половозрастной дифференциации занятий и проживания (мужская и женская половины). Таким образом, следует признать, что изучение жилища через призму домохозяйства является одним из наиболее разработанных и перспективных направлений для выполнения социологических реконструкций.

В упорядоченном виде с некоторыми дополнениями эту методику можно представить как трехэтапную схему, известную со времен В.М. Массона, но теперь наполненную конкретным содержанием, эффективность применения которой будет тем выше, чем более однородными будут изучаемые комплексы (принадлежность к одной культуре; разным культурам в пределах одной экосистемы и т.д.). 1. Экологический фактор: а) учитывает географию находки; б) предполагает реконструкцию палеоклиматического и ландшафтного окружения на основе радиоуглеродного датирования постройки, позволяющего определить ее место в палеоклиматической колонке региона и охарактеризовать в соответствии с ней возможные изменения экосистемы (появление остепненных участков, усиление залесенности, регрессии и трансгрессии водоемов и т.д.) [Ландшафты..., 2008; Таиров, 2003; и др.]. Совокупная характеристика по подпунктам позволяет соотнести комплекс с одной из известных моделей природопользования (хозяйственно-культурный тип, хозяйственный комплекс). 2. Экономический фактор: а) исходит из изучения топографии объекта и поиска закономерностей в условиях расположения однокультурных ему памятников (в глубине леса, на песках, переях, приустьевых мысах, озерных протоках и т.д.). Здесь необходимо учитывать, что археологи, как правило, имеют дело с поселениями, расположенными около рыбных угодий, поскольку промысловые охотничьи дома в глубине леса редко оказываются в поле их зрения; б) поиск закономерностей в распределении и количестве материала на поселении (только в жилищах, в жилищах и на межжилищном пространстве, иные особенности) выводит на реконструкцию длительности и условий его обитания (сезонный летний/зимний, круглогодичный, кратковременный); в) анализ орудийного набора; г) анализ остеологических материалов (там, где они имеются). Совокупность характеристик первых трех подпунктов ориентирует на сезонность хозяйственного цикла и возможные способы природопользования (охота на таежного зверя, развитые формы рыболовства и т.д.). 3. Социальный фактор: а) количество домов на поселении — показатель, важный для характеристики территориальной (локальной) общины. На деле бывает труднодостижим: с одной стороны, не все постройки даже на однослойных памятниках явлены на поверхности, с другой — практически невозможно до раскопок говорить о синхронности жилищ, даже если их немного (например, факт регулярной смены жилища с периодичностью 5–15 лет из-за оскудения запасов дров в окрестностях или пищевых ресурсов [Косинская, 2006, с. 21]; б) выявление размеров жилищ и количественного состава их обитателей (домохозяйство в форме малой семьи, большой семьи); в) поиск закономерностей в распределении материала по площади постройки для реконструкции элементов хозяйственно-бытовых занятий в условиях дома, их гендерного анализа с выявлением, где это возможно, соответствующей структурированности пространства дома; г) изучение посуды на предмет ее размерности как возможного показателя структурированности коллектива (патриархальная семья — в случае выявления сосудов особо крупной емкости; совокупность относительно независимых малых семей — при отсутствии таковых). Методика ориентирована на реконструкцию социально-экономических отношений, специфичных для каменного века лесной зоны Зауралья и Севера Западной Сибири, но в адаптированном виде она доступна и для более поздних эпох.

Поскольку для археологии ранних периодов термин «домохозяйство», широко используемый в сфере гуманитарных наук, является заимствованным и относительно новым, имеется необходимость остановиться на его содержании подробнее. Важно также разграничить его с понятиями «семья», «община», «хозяйственное объединение», «производственный коллектив», тем более что все они так или иначе связаны с жилищем. Термин «домохозяйство» (household) в финно-угроведении известен уже по крайней мере с 1926 г., когда в одной из работ финского языковеда и этнолога Х. Паасонена он был использован для обозначения большого домового

коллектива¹ [Чернецов, 1971, с. 81]. Однако лишь в 70–80-х гг. прошлого века его начинают активно использовать первоначально в культурной антропологии и этнографии (Н. Габсер, П. Гарднер, Л. Гемпл, Р. Гоулд, В.Р. Кабо, И.И. Крупник, З.П. Соколова, В.Н. Чернецов и др.), а с начала 90-х гг. — в экономике и социологии. В разное время и в разных контекстах в силу сложности объекта и его изменчивости понятие «домохозяйство» неоднократно меняло смысл и толкование. Сегодня его определяют как обособленную ячейку общества, в рамках которой происходит производство общественного продукта, его потребление, а также воспроизводство рабочей силы, т.е. самого человека [Аберкромби и др., 2004, с. 128; Можайкина, 2008а, б; Нугуманова, 2012; и т.д.]. Входящая в его состав группа лиц чаще всего объединена отношениями родства или брака, но не обязательно, что является одним из главных структурных отличий домохозяйства от семьи. Важно, что все его члены проживают под одной крышей и принимают совместное участие в производственной деятельности, обеспечивающей его жизнедеятельность, а также внешнее взаимодействие с другими субъектами в интересах домохозяйства. С формальной точки зрения главным отличием домохозяйства от семьи является то, что первое характеризует обитателей жилища как социально-экономический организм, второе — с позиций института семейно-брачных отношений. В отличие от семьи, как одного из весьма консервативных социальных институтов, домохозяйство как субъект экономических отношений, напротив, широко вариативно, подвижно и легко поддается социально-экономическим модификациям [Сергеев, 2003]. Учитывая сложность и динамичность понятия, основное внимание в работах специалистов уделяется его современным состояниям и особенностям. Сегодня домохозяйство относят к фундаментальным микроэкономическим понятиям, однако, несмотря на востребованность, оно продолжает оставаться одним из наименее исследованных экономических институтов, в силу того, что относительно недавно привлекло внимание ученых. Тем более это касается его древнейших форм, общепринятой характеристики которых еще не выработано, а именно они представляют для археологов наибольший интерес. Что можно сказать о них? Попробуем суммировать имеющуюся в научной литературе информацию.

В представлении современных демографов: социогенез изначально представлял собой сочетание двух равнопорядковых процессов: становление социального управления демографическим воспроизводством и становление социальной структуры общества, основанной на разделении труда [Авдеев, 2003, с. 72]. Поскольку первоначальное разделение труда было по полу и возрасту, процесс формирования демографических и производственных отношений фактически был единым. Социальная структура общества совпадала с его демографической структурой, и это обусловило бифункциональность социальных институтов древности [Там же, с. 88]. Важнейшим и универсальным социальным институтом первобытности и ведущим производственным коллективом социума являлась община [Кабо, 1986]. Со временем семья в своем институциональном качестве социально-экономического единства, а значит, и в структурном своеобразии ведения и организации домохозяйства (именно как хозяйственной единицы) все более позиционирует себя. По данным В.Р. Кабо, тенденция к хозяйственно-бытовому обособлению семьи начинает проследиваться с верхнего палеолита и связана с появлением специализации как следующего (после половозрастного) этапа в развитии внутриобщинного разделения труда [1986, с. 63]. Составить некоторое представление о ранних формах домохозяйства позволяет предметный анализ домовых коллективов в этнографии охотников, рыболовов, собирателей. В результате удастся выявить некоторые общие (универсальные) черты, позволяющие охарактеризовать раннее домохозяйство, несмотря на многообразие его конкретных проявлений и разницу в представлениях о нем у разных авторов. Известны две точки зрения. Одна близка позиции экономистов и определяет домохозяйство как минимальную социально-экономическую ячейку, в качестве которой может выступать как малая, так и большая или расширенная семья [Gardner, 1969; Кабо, 1986; Крупник, 1989; и т.д.]. Вторая традиционно понима-

¹ В.Н. Чернецов сообщал, что при описании домового коллектива, состоящего из некоторого количества брачных пар, «умышленно избегают слова “семья”, так как в угорских языках отсутствует соответствующий термин, так же как нет и соответствующей ему общественной единицы. Мансийское kol-tayel букв. “наполнение дома” и хант. хòтəŋ хàтəх (Paasonen, 1926, № 526, familie, houshalt) означает то, что описательно можно назвать “расширенной семьей”, т.е. коллектив, состоящий из нескольких брачных пар наиболее близких родственников включая и зятьев, в случаях матрилокальных браков,— ведущих совместное хозяйство, что было отмечено Паасоненом, давшим параллельный перевод “домохозяйство”. В настоящее время такой домовый коллектив редко превышает две-три брачные пары, но в XIX в. его средний размер был пять-семь брачных пар, а в XVIII в. число их в одном доме доходило до 30. В настоящее время для парнобрачной семьи употребляется и русский заимствованный термин — М. Х. Š'emja» [1971, с. 81].

ет в качестве такового прежде всего расширенную семью [Gubser, 1965; Лебедев, 1980, с. 83; Чернецов, 1971; и др.], по отношению к которой в качестве синонима часто употребляется термин «домовая община» или «домовой коллектив» [Тан-Богораз, 1936; Паасонен, 1926 (цит. по [Чернецов, 1971, с. 81]); и т.д.]. С позиций социально-экономического исследования первое толкование кажется предпочтительнее, на него в дальнейшем и будем ориентироваться.

Главной особенностью ранних типов домохозяйств оказывается существование в рамках общины, где они обладают определенной автономией в индивидуальных занятиях, но при этом всецело подчинены общественному производству, основанному на коллективном труде (коллективные формы охоты, рыболовства, собирательства) и общественной собственности на землю и уголья [Кабо, 1986, с. 63]. Степень автономности варьируется. Наибольшей самостоятельности домохозяйства достигают в условиях оседлого рыболовства, обеспечивающего наиболее стабильный достаток в сравнении с другими присваивающими формами хозяйства. Распределение получаемого продукта осуществляется под контролем общества, хотя далеко не всегда уравнительно. Как и в современном домохозяйстве, на ранних стадиях коллектив чаще всего объединен отношениями родства или брака, но не обязательно. Многочисленные примеры демонстрируют разнообразие вариантов. Так, Л. Гемпл сообщает, что домохозяйство в большинстве районов Арктики — это простая семья, но в нее могут входить единокровные или усыновленные родственники, родственники жены или мужа, их дети. Обычно она размещается в одном жилище (цит. по [Кабо, 1986, с. 45]). Г.Ф. Миллер, исходя из данных В.Ф. Зуева, говорит об обско-угорской большой семье XVIII в., что она состоит из группы кровных родичей, обрастающей «товарищами». З.П. Соколова видит в товарищах подворников — обычно это малые семьи, нередко семьи вдов, носящие иные фамилии, нежели основные семьи. Они объединяли свой труд с более обеспеченной семьей, жили и кормились около нее. Число семей с подворниками достигало 13 % [Общественный строй..., 1970, с. 135–136]. Подворники отмечены и в селькупских семьях, причем как связанные, так и не связанные родством с основной семьей. Обычно, как свидетельствуют материалы переписей, в подворники шли одинокие трудоспособные мужчины и женщины. Отмечены случаи, когда несколько одиноких мужчин и женщин объединялись для ведения совместного хозяйства [Лебедев, 1980, с. 84]. У тунгусов в XVIII в. наряду с малой семьей существовало многоженство (до 5 и более жен), что сочеталось с поддержкой малоимущих сородичей, вдов, инвалидов, сирот. В семьях помимо родственников упоминаются воспитанницы [Там же, с. 221–223]. И так далее.

Зародившись в составе общины, домохозяйство становится ее первичной социально-экономической ячейкой. А поскольку «основной функцией общины всегда является ее деятельность в качестве ведущего производственного коллектива, стремящегося привести структуру², состав и относительную величину прежде всего в соответствие с требованиями производства» [Кабо, 1986, с. 60], домохозяйства обретают многообразие размеров и форм. При этом их развитие не имеет ничего общего с линейной эволюцией, допуская наряду с прогрессивными регрессивные явления и формы [Там же, с. 62]. Важно также учитывать, что развитие традиционных обществ характеризуется высокой динамичностью, причем в широком смысле, включая экономику, систему природопользования, демографию и социальное устройство [Крупник, 1989]. И действительно, обращение к этнографии народов Сибири показывает многообразие форм и размеров домохозяйств: патриимии, разновидности большой и малая семьи [Общественный строй..., 1970; Соколова, 1983, прил.]. Их выбор, обусловленный адаптивной стратегией коллективов, определяется «не только особенностями среды, но и уровнем технологического развития, традициями, культурными ценностями группы, внешним воздействием и множеством других социальных факторов» [Крупник, 1989, с. 16]. Важное значение придается фактору жестких связей между численностью человеческих коллективов и ресурсами среды обитания [Там же, с. 17]. Однако следует признать, что даже применительно к этнографии коренных народов Западной Сибири конкретные формы домохозяйств, так же как и причины, влияющие на их размеры, пока мало изучены. При том, что размеры и состав временных хозяйственных объединений промысловой направленности (производственных коллективов, хозяйственных групп, артелей) исследован у разных народов достаточно хорошо [Общественный строй..., 1970, с. 384–

² Обязательными элементами структуры общины помимо семьи-домохозяйства являются целевые и хозяйственные группы, которые, по словам В.Р. Кабо, есть уже у тасманийцев, наиболее архаичного из известных этнографии обществ [1986, с. 60]. Домохозяйство может выделять их из своего состава; может формировать хозяйственные группы, объединяясь с другими домохозяйствами; может само выступать в качестве хозяйственной группы.

417; Головнев, 1995, с. 52–61; Лебедев, 1980]. Пока же можно ориентироваться только на зафиксированные тенденции: малочисленная группа не в состоянии выполнить стоящие перед ней хозяйственные и социальные задачи. А для поддержания существования чрезмерно большой группы требуются большие затраты труда и ресурсов. Развитые формы рыболовства дают в этом отношении больше возможностей, чем промысел таежной дичи, потому домохозяйства охотников в глубинных частях тайги были мельче, чем у оседлых рыболовов, и их локальные группы селились более разбросанно [Чернецов, 1971, с. 75; *Общественный строй...*, 1970; и др.]. Что отчетливо проявляется в размерах общины: «в общинах охотников и собирателей разных зон земного шара — в среднем 35–50 человек, тогда как у оседлых рыболовов и ранних земледельцев средняя численность общин составляет 100–150 человек (верхний предел — около 350–400 человек)» [Кабо, 1986, с. 57].

Напоследок вернемся к поставленному в начале статьи вопросу: что представлял собой коллектив, обитавший в жилище? Ответ неоднозначный, зависит от целей, задач и возможностей исследования. Малые жилища наиболее вероятно можно связать с малой (парной) семьей и того же размера домохозяйством; средние — с одним из вариантов большой или расширенной семьи и домохозяйством; крупные — с одним из вариантов большой или расширенной семьи, общиной и опять же домохозяйством. В зависимости от модели природопользования под крышей жилища временно могут размещаться целевые хозяйственные объединения (поколка оленей, загонные охоты и т.д.) или из его состава формироваться сезонные хозяйственные группы. Поскольку в археологических материалах все нюансы формообразующей структуры домашнего коллектива зафиксировать невозможно, в социально-экономических реконструкциях уместным кажется придерживаться такого микроэкономического понятия, как домохозяйство (домовой производственный коллектив), тем более что в угорских языках изначально отсутствует соответствующий семье термин, так же как нет и соответствующей ему общественной единицы. Как показывает анализ содержания его ранних форм, домохозяйство охотников и рыболовов можно охарактеризовать как относительно устойчивую форму хозяйственного (производственного) коллектива в рамках общины, обитающего в одном доме и в отличие от промысловых хозяйственных объединений или групп главной функцией имеющего систематическое жизнеобеспечение и воспроизводство его членов преимущественно на семейной основе. Накопленный к сегодняшнему дню опыт подтверждает высокий информативный потенциал жилища, который напрямую зависит от совершенства используемых методик. Теоретические выкладки апробированы на материалах сосновоостровской культуры, информацию о чем планируется представить в ближайшее время. В работе вводятся новые методические установки, ориентированные на более активное использование палеоклиматических и топографических характеристик, составляющих окружение анализируемых объектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. М.: Экономика, 2004. 620 с.
- Авдеев А.А.* Исторические типы народонаселения в докапиталистических формациях. М.: МАКС Пресс, 2003. 158 с.
- Бузин В.С.* Поселения и жилища волосовской культуры как источник социологической реконструкции // СА. 1990. № 3. С. 32–43.
- Буров Г.М.* Нео-энеолитические полуземлянки Крайнего Северо-Востока Европы в аспекте социальной организации его древнего населения // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 23–40.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 608 с.
- Дрябина Л.А., Хухорова Н.В.* Динамика развития неолитического поселения на XV участке Андреевского озера // Словцовские чтения-2001: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. С. 88–90.
- Еньшин Д.Н.* Неолитические жилища поселений озера Мургень // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 14–23.
- Зах В.А.* Боборыкинский комплекс поселения Юртобор III в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 12–28.
- Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://aboriginals.narod.ru/primitive_preagricultural_community.htm.
- Косинская Л.Л.* Взгляд археолога на западно-сибирскую этнографию: Некоторые аспекты археологических реконструкций // Твер. археол. сб. Вып. 6. Т. 1. Тверь, 2006. С. 19–25.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.

Дом и домохозяйство в каменном веке Зауралья и Севера Западной Сибири...

- Ландшафты* голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье / В.А. Зах, О.Ю. Зими́на, Н.Е. Рябогина, С.Н. Скочина, И.В. Усачева. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Лебедев В.В.* Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX в. // СЭ. 1980. № 2. С. 82–91.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976. 192 с.
- Можайкина Н.В.* Методологическая основа исследования домохозяйств // Вісн. Харків. націон. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. 2008а. № 802. С. 33–39.
- Можайкина Н.В.* Социально-экономическая сущность категории домохозяйства // Вестн. Междунар. слав. ун-та. 2008б. Т. XI, № 1. С. 54–60.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья: (Эпоха камня и бронзы). Йошкар-Ола, 2002. 162 с. (Тр. Марийской археол. экспедиции; Т. VII).
- Нугуманова Л.Ф.* Институциональная трансформация домашних хозяйств в современной экономике: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Казань, 2012. 43 с.
- Общественный строй у народов Северной Сибири: XVII — начало XX в.* / Под ред. И.С. Гурвича, Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970. 453 с.
- Поселение Быстрый Кульёган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья* / Кол. моногр. под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. 192 с.
- Сергеев Д.В.* Институциональные особенности домохозяйств в постперестроечной России. М., 2003 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://bookfi.org/book/991199>.
- Соколова З.П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 328 с.
- Старков В.Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.
- Стефанова Н.К.* Исток IV — Неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 132–143.
- Таиров А.Д.* Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей, 2003. 68 с.
- Тан-Богораз В.Г.* Социальный строй американских эскимосов // Вопросы истории доклассового общества. М.; Л.: Наука, 1936. С. 55–90. (Тр. Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР; Т. 4).
- Усачева И.В.* Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Притоболья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 116–133.
- Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. М.: Наука, 1971. Вып. В4-12 (2). 120 с.
- Gardner P.M.* Paliyan Social Structure // Contribution to Anthropology: Band Societies. Nation. Museums of Canada. Ottawa, 1969. Bull. 228.
- Gubser N.J.* The Nunamiut Eskimos: Hunters of Caribou. New Haven. 1965.

Тюмень, ИПОС СО РАН
i.usachova@gmail.com

The article considers an informative potential of early dwellings from forest zone of Trans-Urals and North of West Siberia aiming to undertake socioeconomic reconstructions, using a microeconomic notion of «household». Subject to proceeding, being methods of corresponding investigations oriented at broader application of archaeological, natural-climatic and topographical contexts accompanying the dwellings.

Dwelling, household, production group, family, community, socioeconomic reconstruction, the Neolithic of Trans-Urals and North of West Siberia.

АНТРОПОЛОГИЯ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЦЭПАНЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (погребение 13 могильника Сергушкин-3)

П.В. Герман*, Е.А. Казакова**

Приведены результаты исследования захоронения раннего железного века из Северного Приангарья (погребение 13 могильника Сергушкин-3). Дана подробная характеристика археологического и антропологического материала. Краниометрическим анализом определен монголоидный антропологический тип погребенного. По аналогии с известными североангарскими комплексами захоронение отнесено к цэпаньской культуре. Для наиболее устойчивого компонента цэпаньских погребений — роговых обойм — отмечен широкий круг аналогов из Северо-Восточной Сибири. На основании радиоуглеродной даты и находки в могиле изделия из железа погребение 13 могильника Сергушкин-3 отнесено к IV–II вв. до н.э.

Северное Приангарье, ранний железный век, цэпаньская культура, погребение.

Введение

Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья была выделена В.И. Привалихиным по материалам погребений и стоянок, исследованных им на участке р. Ангары от с. Кежма (стоянка и могильник Капонир) до о. Соснового-Катского (могильник Сосновый Мыс-2), а также эпонимного погребения, раскопанного А.П. Окладниковым недалеко от впадения в Ангару ручья Цэпань [Привалихин, 1993]. Кроме ангарских комплексов к цэпаньской культуре были отнесены типологически близкие погребения на р. Лене — Покровское, Ичилляхское, Куллатинское и Бугачанское [Привалихин, 2011, с. 169–170]. На основании различий в погребальной практике В.И. Привалихин выделил два этапа в развитии цэпаньской культуры: VIII–V вв. до н.э. (ингумация) и IV–II вв. до н.э. (кремация на стороне) [Там же, с. 170].

До недавнего времени количество исследованных погребений цэпаньской культуры было невелико (11 комплексов, из которых четыре разрушено). Спасательные археологические работы Богучанской экспедиции в 2008–2012 гг. позволили увеличить число источников по меньшей мере в два раза. Кроме этого было получено большое количество поселенческого материала. Все это дает основание говорить о начале нового этапа в изучении раннего железного века Северного Приангарья. Особое внимание необходимо уделить проблемам абсолютной хронологии погребальных комплексов, происхождения и трансформации материальной культуры, природы биригуальности в погребальном обряде, антропологического состава носителей цэпаньской культуры.

Большое количество материалов цэпаньской культуры было обнаружено на памятнике Сергушкин-3, расположенном на одноименном острове в нижнем течении р. Ангары, на границе Кежемского района Красноярского края и Усть-Илимского района Иркутской области. Стоянка и могильник Сергушкин-3 открыты в 1974 г. В.И. Привалихиным и позднее неоднократно им исследовались [Привалихин, 1987, 2009]. Всего на памятнике исследовано 24 погребения различного времени могильника, шесть из которых (№ 1, 4, 7–9, 13) относятся к раннему железному веку [Привалихин, 1987; Герман, Леонтьев, 2010, 2011; Герман и др., 2011]. В данной статье рассматриваются материалы погребения 13, исследованного нами в 2010 г. в ходе спасательных работ Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН.

Описание погребения

Погребение находилось на юго-восточной периферии памятника на глубине 0,6 м от уровня современной поверхности. Каких-либо внешних признаков — надмогильной кладки из камней или выраженного пятна могильной ямы — в процессе выборки слоя не зафиксировано. При зачистке сектора было обнаружено аморфное пятно заполнения серого цвета с включениями

Новые материалы цэпаньской культуры Северного Приангарья...

угольков, вытянутое по линии северо-восток — юго-запад, размером 0,6×0,23 м. В результате выборки заполнения и прилегающего пространства был расчищен скелет человека с инвентарем (рис. 1). Большая часть заполнения могилы не отличалась по цвету и структуре от вмещающего слоя, поэтому границы могильной ямы выделены условно.

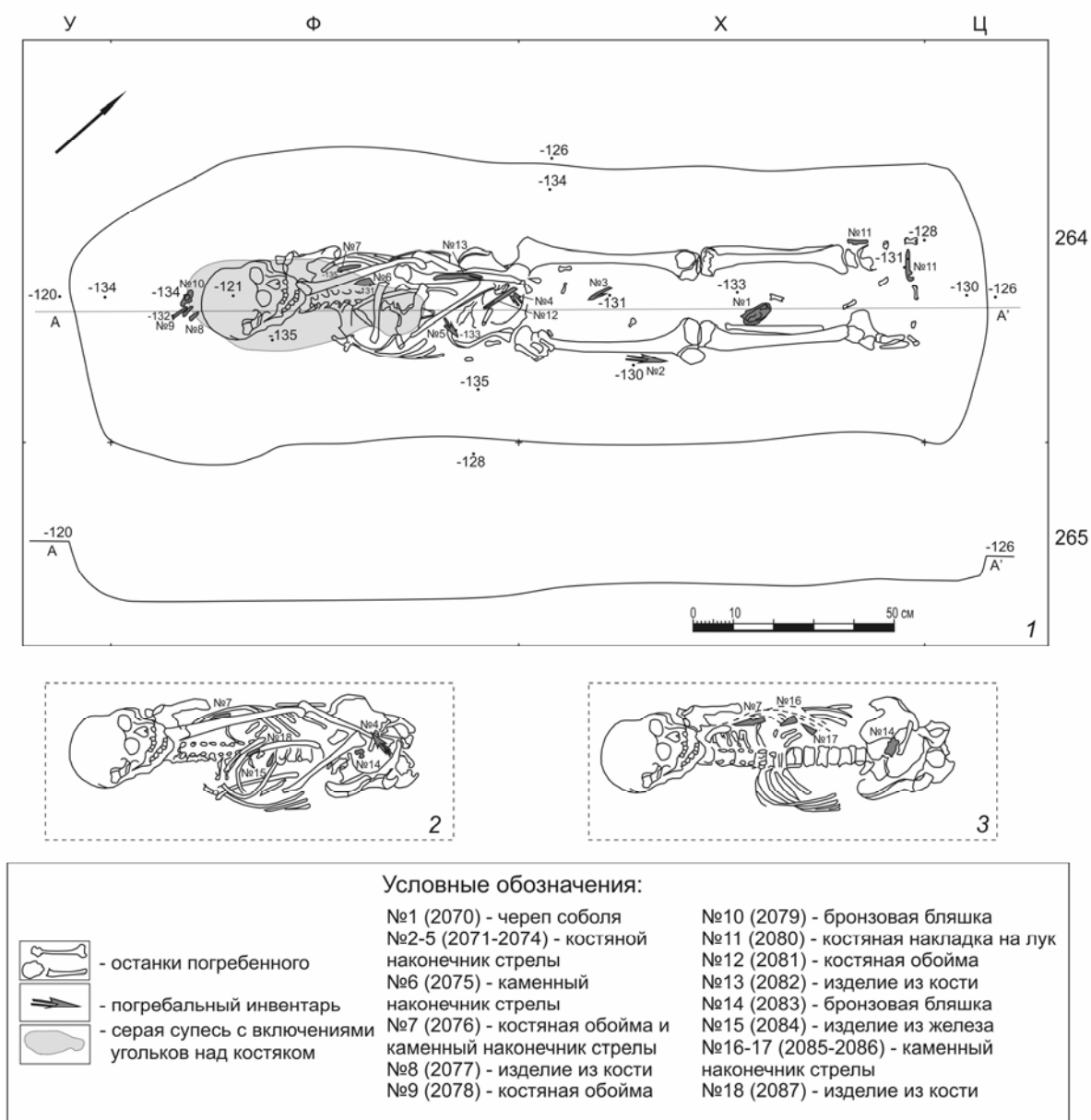

Рис. 1. Сергушкин-3. Погребение 13:

1 — общий план погребения и разрез ямы; 2, 3 — расположение инвентаря в верхней части костяка

Могильная яма имела форму вытянутого перпендикулярно реке по линии северо-восток — юго-запад прямоугольника. Размер ямы — 2,2×0,7 м, глубина — до 0,14 м. Погребение совершено по обряду ингумации, вытянуто на спине, головой на юго-запад (к реке). Череп, позвоночник, ребра с левой стороны, таз и кости ног находились в анатомическом порядке. Череп покоился на затылочной части. Кости левой руки лежали на туловище. Правая рука вместе с плечевым поясом также располагались на туловище, но были сдвинуты вниз на уровень третьего грудного позвонка. Туда же смещены ребра правой стороны. Кости таза сложены вовнутрь. Лучевая кость правой руки располагалась вертикально между крыльями таза, пястные кости об-

наружены в запирающем отверстии левого крыла таза. Кости кистей рук находились на тазу и вблизи него.

Судя по расположению костей, между моментом смерти и погребением прошло достаточно времени для разложения мягких тканей верхней части скелета [Зайцева, 2005, с. 10–11]. Данное обстоятельство можно объяснить необходимостью доставки трупа на определенное место для погребения или выставлением его на некоторое время до совершения захоронения.

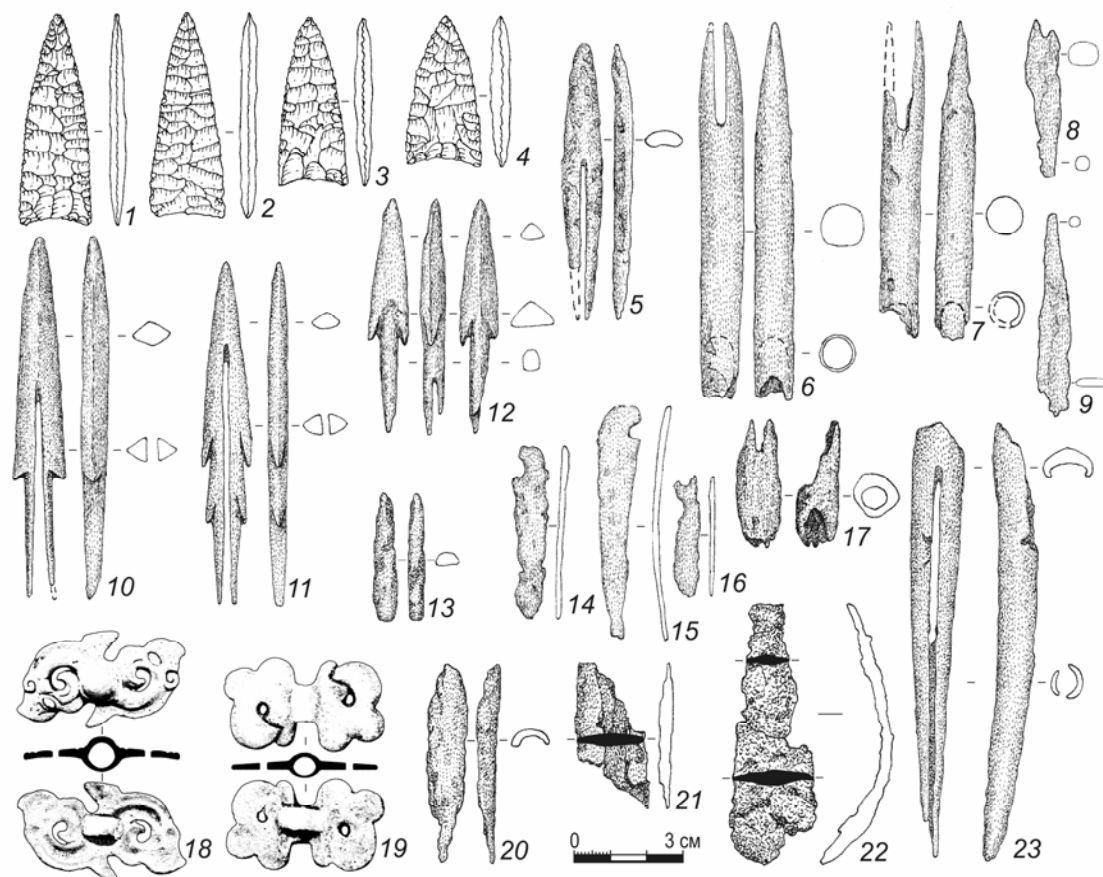

Рис. 2. Сергушкин-3. Погребение 13. Погребальный инвентарь:

1–5, 10–12 — наконечники стрел; 6–8, 17 — обоймы; 9, 13, 20–22 — фрагменты изделий; 14–16 — концевые обкладки лука; 18, 19 — бляшки; 23 — остов вкладышевого орудия: 1–4 — камень; 5–17, 20, 23 — рог, кость; 18, 19 — бронза; 21, 22 — железо

Среди костей погребенного и рядом с ними обнаружено большое количество сопроводительного инвентаря из бронзы, железа, рога, кости и камня (рис. 2):

1. Концевые накладки на лук из кости (№ 11) (рис. 2, 14–16), 4 фрагмента. Размеры наиболее полно сохранившейся пластинки 82×12 мм. Толщина пластинок 2 мм. Три фрагмента имеют вырезы для тетивы. Фрагменты обнаружены возле костей левой стопы.

2. Наконечники стрел из рога: а) черешковый с раздвоенным насадом и пером треугольной формы с двумя симметричными шипами (№ 2) (рис. 2, 10). Длина пера — 65 мм, черешка — 36 мм; б) ланцетовидный с глубоким расщепленным насадом (№ 3) (рис. 2, 5). Длина наконечника — 75 мм; в) гарпуновидный с черешком и глубоким расщепленным насадом (№ 4) (рис. 2, 11). Длина наконечника — 96 мм; г) трехгранный, черешковый с раздвоенным на конце насадом и треугольным пером (№ 5) (рис. 2, 12). Длина пера — 42 мм, черешка 27 — мм.

3. Наконечники стрел из камня (№ 6, 7, 16, 17) (рис. 2, 1–4). Все подтреугольной формы с полукруглой симметричной базой, образующей два шипа. Поверхность оформлена покрывающей бифасиальной ретушью, края подработаны зубчатой ретушью. Размеры изделий: 40–

56×19×4 мм. Все каменные наконечники были обнаружены между ребер погребенного. Один из наконечников был вставлен в паз роговой обоймы (№ 7).

4. Обоймы из рога (№ 7, 12) (рис. 2, 6, 7). Изделия морфологически идентичны: на одном конце обоймы вырезан паз для установки наконечника стрелы, на другом расположена втулка для насада на древко. Размеры изделий: 88×11; 105×13 мм.

5. Остов вкладышевого орудия из трубчатой кости (№ 13) (рис. 2, 23). Пинцетовидной формы, со слабоизогнутым профилем, округлое в сечении. Длина — 120 мм, ширина основания — 15 мм. Посередине изделия проходит сквозной продольный паз шириной 2–4 мм.

6. Изделие из кости (№ 8) (рис. 2, 13). Ланцетовидной формы, сегментовидное в сечении. Длина — 35 мм, ширина — до 7 мм, толщина — до 5 мм.

7. Фрагмент изделия из продольного среза трубчатой кости (№ 18) (рис. 2, 20) размером 54×11 мм.

8. Компактное скопление трех фрагментированных изделий из кости за черепом, рядом с № 8: — обойма с черешковым насадом (№ 9) (рис. 2, 8). Сломаны крылья паза для наконечника, на большей части изделия отсутствует надкостница. Длина сохранившейся части изделия — 41 мм, длина черешка — 36 мм;

— обойма из трубчатой кости (№ 9) (рис. 2, 17). Повреждены крылья паза для наконечника. Втулка для насада на древко сквозная, в основании асимметричная. Длина сохранившейся части — 35 мм, ширина — 12 мм;

— фрагмент изделия подтреугольной формы из кости (№ 9) (рис. 2, 9). Длина — 56 мм, ширина — до 9 мм. Обломан уплощенный конец предмета.

9. Поясные бронзовые бляшки: а) s-видная (№ 10) (рис. 2, 18). Длина 50 мм, ширина посередине — 26 мм. В месте перехода между лопастями — сферический выступ диаметром 12 мм, с обратной стороны которого продольно припаяна прямоугольная выпуклая в профиле петелька 5×11 мм. Лопастни бляшки представляют собой изображения «хохлатого» грифона. Рельефно выделены клюв, глаз, ухо и шея грифона. Клюв сильно изогнут, ухо передано в виде завитка, глаз овальной формы. По диагонали друг напротив друга выделены хохолок и хвост (крыло?). Бляшка лежала лицевой стороной вверх, за черепом, рядом со скоплением № 9; б) бабочковидная бляшка (№ 14) (рис. 2, 19). Длина 41 мм, ширина лопастей 24–25 мм. В центральной части между лопастями выступающий валик размером 6×10 мм, с обратной стороны которого перпендикулярно валику припаяна прямоугольная выпуклая петелька 6×13 мм. Фигурные лопасти передают силуэт двух голов грифона. Бляшка находилась между крыльев таза, на крестце, петелькой в сторону стоп.

10. Фрагменты плоских (до 3 мм) пластин аморфной формы одного или двух изделий из железа (№ 15) (рис. 2, 21, 22). Сохранность фрагментов плохая, поверхность сильно корродирована. Несколько пластинок склеены в один блок (длина 75 мм, ширина — от 7 до 23 мм), имеющий сильно изогнутый (деформированный) профиль. Широкий конец выпуклой закругленной формы. Предположительно склеенный фрагмент является наконечником стрелы или лезвием ножа. Фрагменты изделия обнаружены между ребер с правой стороны, на поясничных позвонках и под ними.

11. Череп и обе ветви нижней челюсти соболя (ad.¹) в сочленении (№ 1).

Характеристика антропологического материала

Исследован скелет мужчины, умершего в возрасте 24–30 лет. Сохранность костного материала удовлетворительная. На черепе посмертные повреждения лицевого отдела, утеряны носовые косточки, верхняя челюсть фрагментарна. Мозговая коробка повреждена с правой стороны, чешуя правой височной кости представлена неполно фрагментами, утерян скуловой отросток. Ключицы, лопатки, позвонки, ребра, крестец фрагментарны, отсутствуют грудина и некоторые мелкие кости кистей и стоп. Тазовые кости сохранились сравнительно полно, что, наряду с выраженными признаками полового диморфизма на черепе, позволяет с уверенностью определить мужской пол индивида.

Посткраниальный скелет умеренно массивный, с хорошо развитыми зонами прикрепления мышц на костях верхних и нижних конечностей. Мужчина имел довольно высокий рост — 169–170 см (по формулам Пирсона и Дебеца). На костях черепа, позвонках шейного отдела и пра-

¹ Определение с.н.с. ИАЭТ СО РАН к.б.н. С.К. Васильева.

вой ключице обнаружены следы, маркирующие серьезные патологические процессы, которые должны были влиять на качество жизни индивида. Прежде всего, обращает на себя внимание сильная асимметрия мозговой коробки в теменной и затылочной областях, а также деформированная, неравномерно суженная форма большого затылочного отверстия и позвоночного канала в шейном отделе. Плохая сохранность шейных позвонков не позволяет в полной мере оценить степень повреждения шейного отдела, но можно выделить частичный атлanto-окипитальный синостоз с образованием за правым затылочным мышцелком участка окостенения околоуставных тканей, что означает существенное ограничение подвижности при наклоне головы вперед и назад [Анатомия человека, 1993, с. 170]. На правой ключице зафиксирован след прижизненной травмы акромиально-ключичного сустава — акромиальный конец ключицы значительно утолщен, овальный в сечении, с крупной костной мозолью неправильной формы и увеличенной полостью тела.

Деформация большого затылочного отверстия у индивида либо имеет врожденное происхождение (результат родовой травмы), либо появилась в ходе неправильного развития костей черепа. Вероятно, данный индивид в течение большей части жизни испытывал серьезные проблемы со здоровьем — головные боли, потери сознания [Рейнберг, 1955, с. 421]. Деформация шейного отдела и правой ключицы должны были ограничивать подвижность головы и плечевого пояса и причинять сильные боли. Слабовыраженный рельеф затылка говорит о том, что нагрузка на мышцы спины была минимальной, при этом мышечный рельеф костей верхних и нижних конечностей развит вполне нормально. Так или иначе, вряд ли человек из погребения 13 могильника Сергушкин-3 мог заниматься тяжелым физическим трудом.

Краниологическая и одонтологическая характеристика. Череп восстановлен из фрагментов, особенно лицевая часть. Череп крупный, но не массивный, с отчетливо выраженным рельефом, хорошо развиты надбровные дуги и сосцевидные отростки. Затылок широкий, выступает слабо, затылочный бугор и выйные линии не развиты.

В вертикальной норме череп овоидный, в латеральной — крышевидный, в окципитальной — крышевидный, с вертикальными боковыми стенками. Черепная коробка брахикранная, характеризуется средней величиной продольного диаметра, очень большой — поперечного и малыми величинами высотных диаметров. Высотно-продольный указатель характеризует череп как ортокранный, высотно-поперечный — как метриокранный.

Лицо высокое и широкое, мезопрозопное по указателю, отличается предельной горизонтальной уплощенностью и довольно сильной вертикальной профилировкой на всех уровнях. Лоб узкий, слабо выступающий и средне изогнутый, с большим углом поперечного изгиба. Орбиты высокие и узкие, гипсиконхные по указателю, округлой формы. Нос очень высокий и среднеширокий, лепторинный по указателю. Носовые косточки утрачены, но можно заметить, что степень их выступления была крайне мала. Нижний край грушевидного отверстия представлен предносовыми ямками. Верхняя челюсть крупная, длинная и широкая, поверхность небных костей неровная, с выступами и валиками различной формы. Глубина клыковой ямки очень мала. Нижняя челюсть массивная, с длинными и широкими восходящими ветвями, развернутыми углами и среднеразвитым подбородочным выступом.

Зубы хорошей сохранности, их стертость не превышает 2–3 баллов. Из патологий зубной системы можно отметить незначительные следы зубного камня, нет ни кариозных поражений зубов, ни дефектов формирования эмали. Форма нижней челюсти параболоидная, прикус псалидонтный. Коронки зубов имеют большие мезиодистальные и вестибулолингвальные диаметры. Средний модуль ряда верхних моляров (M_{1-3} — 10,7; M_{1-2} — 11,25) характеризует индивида как представителя макродонтной группы. К особенностям морфологии зубной системы относятся: выраженная лопатообразность резцов (балл 2 и 3), отсутствие редукции M^1 и M^2 , значительная редукция M^3 , затек эмали моляров (балл 4), шестибугорковая форма M_1 (У6), tam_1 на правом M_1 , пятибугорковые вторые моляры (Х5 и +5), срастание корней M_2 , гиподонтия M^3 с левой стороны челюсти и нижних третьих моляров, дистальный гребень тригониды и коленчатая складка метаконида отсутствуют. Кроме того, на нижних молярах отмечены следы протостилида (баллы развития 2 и 3) и ямка протостилида на левом M_2 . Наблюдаемый комплекс одонтоскопических признаков типичен для представителей континентальных монголоидов (синодонтной группы по Тернеру). Макродонтизм среди представителей восточного одонтологического ствола характерен для групп арктических монголоидов и североамериканских индейцев [Зубов, 1968]. В рассматриваемом случае крупные размеры коронок зубов могут свидетельствовать о

Новые материалы цэпаньской культуры Северного Приангарья...

родстве индивида с арктическими монголоидами либо являться архаической особенностью, сохранившейся в условиях изоляции.

Морфометрические характеристики мужского черепа из погребения 13 могильника Сергушкин-3

Признак	мм	Признак	мм
<i>Мозговой отдел</i>		<i>Лицевой отдел</i>	
1. Продольный диаметр	184	40. Длина основания лица	106
8. Поперечный диаметр	155	43. Верхняя ширина лица	109
8:1. Черепной указатель	84,2	45. Скуловой диаметр	142
17. Высотный диаметр от базиона	130	46. Средняя ширина лица	110
20. Высотный диаметр от порионов	116	47. Полная высота лица	123,5
17:1. Высотно-продольный указатель	70,6	48. Верхняя высота лица	75,5
17:8. Высотно-поперечный указатель	83,9	43(1). Бималлярная ширина	96
20:1. Высотно-продольный указатель (от порионов)	63	Высота назиона над бималлярной шириной	9
20:8. Высотно-поперечный указатель (от порионов)	74,8	Зигомаксиллярная ширина	107
11. Ширина основания черепа	136	Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	16,5
12. Ширина затылка	122,5	MC. Максиллофронтальная ширина	22
5. Длина основания черепа	99	MS. Максиллофронтальная высота	7,5
9. Наименьшая ширина лба	92	MS:MC. Максиллофронтальный указатель	34,1
10. Наибольшая ширина лба	125	DC. Дакриальная ширина	—
23а. Горизонтальная окружность	535	DS. Дакриальная высота	—
24. Поперечная дуга	320	SC. Симотическая ширина	—
25. Сагиттальная дуга	369	SS. Симотическая высота	—
26. Лобная дуга	134	51. Ширина орбиты (от mf)	38,5
27. Теменная дуга	123	52. Высота орбиты	38
28. Затылочная дуга	112	52:51. Орбитный указатель (от mf)	98,7
29. Лобная хорда	117	54. Ширина носа	26
30. Теменная хорда	109	55. Высота носа	57,5
31. Затылочная хорда	98	54:55. Носовой указатель	45,2
Sub.Nb. Высота продольного изгиба лба	23,5	FC. Глубина клыковой ямки	2
Высота поперечного изгиба лба	12	Высота изгиба скуловой кости	13
Высота изгиба затылка	23	Ширина скуловой кости	53,5
32. Угол профиля лба (от назиона)	75	60. Длина альвеолярной дуги	56
Угол профиля лба (от глабеллы)	66	61. Ширина альвеолярной дуги	66
Форма черепа (вертикальная норма)	Овоид	62. Длина неба	—
<i>Нижняя челюсть</i>		63. Ширина неба	42,5
68(1). Длина от мышцелков	113	72. Общий угол профиля лица	79
68. Длина от углов	89	73. Средний угол профиля лица	85
65. Мыщелковая ширина	129	74. Угол профиля альвеолярной части	62
66. Угловая ширина	108,5	75. Угол наклона носовых костей	—
67. Передняя ширина	48	75(1). Угол выступания носа	—
70. Высота ветви	66,5	77. Назомаллярный угол	158,8
71а. Наименьшая ширина ветви	43,5	<zm'. Зигомаксиллярный угол	145,7
79. Угол ветви	125	Надпереносье (1–6)	3
69. Высота симфиза	35,5	Надбровные дуги (1–3)	2
69(1). Высота тела	32	Наружный затылочный бугор (0–5 по Брока)	0
69(3). Толщина тела	15	Сосцевидный отросток (1–3)	3
69(3):69(1). Указатель массивности	46,9	Форма нижнего края грушевидного отверстия	f. prae-nasalis
c'. Угол выступания подбородка	72	Предносовая ость (1–5 по Брока)	2

Типологическая характеристика отдельного индивида неизбежно влечет ряд допущений, но в данном случае наблюдаемый комплекс краниологических признаков в целом типичен для представителей байкальской группы типов в составе североазиатской расы [Дебец, 1951]. К определяющим признакам относятся большие размеры лицевого скелета, его сильная горизонтальная уплощенность, очень слабое выступание носовых костей, низкий брахикранный череп. При сравнительном анализе обнаруживается значительное сходство с серией черепов из плиточных могил Забайкалья (I тыс. до н.э.). Черепа из плиточных могил характеризуются выраженной брахикранией, низкой черепной коробкой, высоким, широким и очень плоским лицом и

переносом [Алексеев, Гохман, 1984]. Почти по всем абсолютным размерам и указателям черепа из погребения 13 могильника Сергушкин-3 наблюдается совпадение со средними данными для серии черепов культуры плиточных могил. Своеобразие краниологического типа изучаемого черепа заключается прежде всего в значительном прогнатизме лицевой части. Среди групп северных азиатских монголоидов мезогнатия и прогнатизм характерны только для представителей арктической расы, причем подобное сочетание прогнатизма, брахикрании и малых высотных диаметров черепа отмечается у алеутов [Дебец, 1986, с. 15]. Проблема формирования краниологического типа алеутов дискуссионна, но считается, что их своеобразие среди групп высокоголовых арктических монголоидов является следствием изоляции. С другой стороны, данных по древним монголоидным группам Восточной Сибири не так уж много и своеобразное сочетание краниологических признаков на черепе из погребения 13 может быть типичным для какого-то древнего варианта байкальской расы. К сожалению, на основании обследования единичного черепа невозможно сделать достоверных предположений о процессе формирования конкретного краниологического типа. Наблюдаемое своеобразие, которое заключается в большем прогнатизме, большей высоте носа и меньшей ширине орбит у черепа с Ангары, вполне может быть индивидуальным, свойственным данному черепу. Таким образом, пока мы можем констатировать только определенное сходство антропологических типов индивида, погребенного на о. Сергушкин, и населения, оставившего культуру плиточных могил в Забайкалье.

Культурно-хронологическая атрибуция погребения

По характеру труположения и набору инвентаря погребение 13 обнаруживает множественные аналогии с цэпаньскими комплексами Северного Приангарья. В погребальной практике это сходство заключается во вторичности захоронения и наличии следов огня в могиле [Привалихин, 1993, с. 10–17; 2011, с. 166; 2013, с. 81]. Кости животных ранее были обнаружены лишь в трех цэпаньских погребениях [Привалихин, 1993, с. 12, 16]. В одном из них (погр. 6 могильника Отика) находились кости соболя без черепа, которые, по мнению В.И. Привалихина, являлись остатками жертвоприношения [2011, с. 166].

Костяные накладки на лук, схожие с найденными в погребении 13, зафиксированы в следующих комплексах: погребение на р. Цэпань [Окладников, 1940, рис. 37, 1–3]; Отика, погр. 6 [Привалихин, 1989, рис. 2, 2]; Пашина, погр. 3 (раск. 1976 г.) [Привалихин, 2011, рис. 3, 11], Сосновый Мыс-2, погр. 2 [Там же, рис. 5, 3–6]. Все изделия представляют собой пластинки с выемкой для тетивы.

Каменные наконечники стрел встречены во всех неразрушенных цэпаньских погребениях по обряду ингумации. Единственное исключение составляет эпонимное погребение на р. Цэпань. Подавляющее большинство наконечников двухлопастные треугольной формы с вогнутой базой, образующей два шипа. Следует обратить внимание на то, что все каменные наконечники стрел из погребения 13 были обнаружены относительно компактно — между ребер с левой стороны. Это позволяет предположить, что они находились непосредственно в теле погребенного.

Костяные наконечники встречаются в цэпаньских погребениях реже, чем каменные. Общее сходство экземпляров из погребения 13 заключается в специфике насада, который выполнен в виде расщеп на черешке (№ 5), вдоль всего черешка и части пера (№ 2, 4) или только вдоль пера (№ 3). Наконечники треугольной формы (№ 2, 5), с учетом формы насада, имеют близкие аналоги среди материалов цэпаньских погребений Приангарья (р. Цэпань [Окладников, 1940, рис. 38, 2]; Отика, погр. 6 [Привалихин, 1989, рис. 3, 3, 6]; Сосновый Мыс-2, погр. 2 [Привалихин, 2011, рис. 5, 18]; Сергушкин-3, погр. 9 [Герман и др., 2011, табл. 1, 40]). Ланцетовидный наконечник (№ 3) сходен с обнаруженными на Лене (1-е и 2-е Покровские погребения [Окладников, 1950, рис. 2, 4; Степанов, Жирков, 2006, рис. 1, 11, 12]). У гарпуновидного наконечника (№ 4) аналогов среди цэпаньских материалов нет.

Две обоймы из рога (№ 7, 12) — с втульчатым насадом и пинцетовидным пазом — однотипны и близки по габаритам. Другое изделие, из трубчатой кости, имеет тот же принцип насада на древко, но по размеру в три раза меньше изделий из рога. Известные цэпаньские обоймы со втульчатым насадом (Сосновый Мыс-2, погр. 2 [Привалихин, 2011, рис. 4, 8, 14]; Пашино, погр. 3 [Там же, рис. 3, 9]; Окуневка [Панюхин, 2010, рис. 1, 4]) по своей бочонковидной форме и величине близки экземпляру из кости. Также отметим, что подавляющее большинство археологических аналогов цэпаньским обоймам, датируемых I тыс. до н.э., обнаружены на северо-востоке от ареала культуры (Чукотка) [Диков, 1979, с. 151; Кирьяк, 1993, с. 68]. Кроме этого, известно большое количество этнографических материалов, указывающих на использование сложнос-

ставных наконечников чукчами, юагирами, коряками, атапасками [Вдовин, 1971, с. 290, табл. V; Глинский, 1986, с. 12; Нефедкин, 2003, с. 79, 80; Шишелов, 2011]. Как отмечает Б.Ф. Адлер, «...у чукчей, эскимосов и их соседей — алеутов, у айнов и вообще народов, живущих на побережье Великого океана, замечается укрепление острия посредством промежуточного звена» [1903, с. 184]. Тема возникновения, типологического разнообразия и территориально-хронологический диапазон бытования этих предметов выходят за рамки данной статьи. Отметим только, что обоймы-посредники представляют собой наиболее устойчивый компонент в погребальной практике цэпаньской культуры. Поэтому их изучение является важным моментом в понимании генетических связей культуры раннего железного века Северного Приангарья.

Изделий, аналогичных остову вкладышевого орудия (№ 13), в ангарских памятниках неизвестно. Близкий по морфологии предмет, лезвиями которого являлись каменные пластины, происходит из 1-го Покровского погребения [Окладников, 1950, табл. II]. Возможно, в случае с находкой из погребения 13 в качестве вкладыша использовалось обнаруженное здесь же пластинчатое изделие из железа. Железные изделия в цэпаньских погребениях с труположением ранее не встречались. А.В. Гладилин на основании радиоуглеродных дат относит ранние сыродутные горны и соответственно начальный этап обработки железа в Северном Приангарье к IV–II вв. до н.э. [1985]. По мнению других исследователей, начало применения железа в Северном Приангарье датируется II в. до н.э. [Привалихин, Фокин, 2003, с. 116; Гревцов, Лысенко, 2013, с. 188].

Бляшки с изображением грифонов являются самым распространенным изделием скифской торовтики в Северном Приангарье. В погребениях цэпаньской культуры бабочковидные бляшки обнаружены на памятниках Кода-3 (погр. 1 — труположение) [Славинский и др., 2012, рис. 1, 1, 2] и Сергушкин-3 (погр. 4 — кремация на стороне) [Привалихин, 1993, с. 16]. Большое количество бляшек с реалистичными и стилизованными головками грифонов найдено на Усть-Тасеевском культовом комплексе [Гревцов, 2013], стоянке Сергушкин-3 и других многослойных стоянках Северного Приангарья. По мнению В.И. Привалихина, проникновение «степного компонента» в Северное Приангарье относится к VIII–VI вв. до н.э. и связано с формированием цэпаньской культуры [1993, с. 20; 2011, с. 168]. Ю.А. Гревцов определяет время функционирования Усть-Тасеевского культового комплекса второй половиной I тыс. до н.э. [2013, с. 104]. На наш взгляд, «скифские» бронзы появляются в Северном Приангарье не ранее VI–V вв. до н.э. [Герман и др., 2012, с. 442].

Итак, принадлежность погребения 13 к кругу цэпаньских памятников не вызывает сомнений. Это подтверждается инвентарем, спецификой обряда погребения и радиоуглеродной датой² — 2278 ± 100 л.н. (SPb_384) (калиброванный календарный интервал 2σ — 590–87 до н.э.³).

Заключение

Материалы погребения 13 стоянки и могильника Сергушкин-3 дают возможность затронуть ряд из указанных во введении проблем изучения раннего железного века Северного Приангарья. Отметим некоторые результаты и перспективы исследования цэпаньской культуры.

1. Полученная радиоуглеродная дата укладывается в хронологический диапазон цэпаньской культуры, выделенный В.И. Привалихиным. Среди найденного в погребении инвентаря наиболее существенным хронологическим маркером является изделие из железа. С учетом дискуссионности вопроса о начале использования железа в Северном Приангарье погребение 13 памятника Сергушкин-3 следует датировать в пределах IV–II вв. до н.э. Такая датировка говорит о более длительном периоде бытования практики ингумации в цэпаньской культуре, чем отмечалось ранее [Привалихин, 2011, с. 170]. Введение в научный оборот новых материалов и радиоуглеродных дат цэпаньских погребений, исследованных в ходе работы Богучанской экспедиции ИАЭТ СО РАН, позволит скорректировать или подтвердить предложенную датировку;

2. Результаты антропологического анализа, в целом, подтверждают монголоидный облик носителей цэпаньской культуры [Дроздов и др., 2005; Привалихин, 2011, с. 166]. Накопление антропологических данных по древнему населению Приангарья позволит более детально определить место их морфологического типа в систематике североазиатских монголоидов, а

² Материалом для датирования погребения 13 послужил фрагмент горелого дерева из заполнения в районе черепа.

³ Калибровка даты осуществлена с помощью программы OxCal v. 4.2.3 Bronk Ramsey (2013).

также оценить уровень адаптивного стресса, воздействовавшего на популяции насельников Северного Приангарья в раннем железном веке;

3. Захоронения цэпаньской культуры, наряду с биритуальностью обряда и разнообразием погребального инвентаря, содержат в себе устойчивый компонент — роговые и костяные обоймы-посредники. Расширенный круг аналогов для данной категории находок актуализирует более детальное сопоставление антропологических и вещественных источников цэпаньской культуры с археологическими и этнографическими материалами Средней и Нижней Лены, Чукотки, Аляски и западного побережья Северной Америки. Дальнейшие исследования позволят установить природу сходства ангарских находок с материальной культурой народов Северо-Восточной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адлер Б.Ф. Луки и стрелы Северной Азии // Рус. антропол. журн. 1903. № 3 и 4. С. 178–194.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Анатомия человека: В 2 т. М.: Медицина, 1993. Т. 1. 544 с.
- Вдовин И.С. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Л.: Наука, 1971. С. 275–299. (Сб. Музея антропологии и этнографии; Т. 27).
- Герман П.В., Леонтьев С.Н. Результаты полевых исследований на памятниках Сергушкин 3 и Взвоз в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 500–505.
- Герман П.В., Леонтьев С.Н. Работы на острове Сергушкин в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 381–385.
- Герман П.В., Леонтьев С.Н., Савельева А.С., Герман В.В. Предварительные результаты исследований на памятнике Сергушкин 3 в Северном Приангарье (2009–2011 гг.) // Материалы науч. сессии ИЭЧ СО РАН. 2011. Вып. 3. С. 87–91.
- Герман П.В., Савин А.Н., Рыбин Е.П. Бронзовый нож с острова Сергушкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 440–444.
- Гладилин А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 167–180.
- Глинский Е.А. Лук и стрелы народов крайнего Северо-Востока Сибири как историко-культурное явление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 23 с.
- Гревцов Ю.А. Воинские пояса скифской эпохи Северного Приангарья по материалам Усть-Тасеевского культового комплекса // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2013. С. 92–106.
- Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н. Новые материалы о древнем металлургическом производстве Северного Приангарья // Там же. 2013. С. 187–196.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 264 с.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология древних эскимосов // Этнические связи народов севера Азии и Америки. М.: Наука, 1986. 224 с.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 353 с.
- Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Привалихин В.И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашина в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: РИО ГОУ КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. Вып. 4. С. 50–57.
- Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: Методика исследования и возможности интерпретации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 29 с.
- Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.
- Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Нефедкин А.К. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб.: Петерб. Востоковедение, 2003. 352 с. (Ethnographica Petropolitana, X).
- Окладников А.П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 106–112.
- Окладников А.П. Ленские древности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 3. 195 с.
- Панюхин М.В. Погребение раннего железного века на археологическом памятнике Окуневка // Евразийское культурное пространство: Археология, этнология, антропология: Материалы докл. V (L) РАЭС. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 255–257.
- Привалихин В.И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин-3 // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. С. 90–95.

Новые материалы цэпаньской культуры Северного Приангарья...

Привалихин В.И. В поисках научной истины // Век подвижничества. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1989. С. 189–198.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья: (Цэпаньская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 24 с.

Привалихин В.И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) // Енисейская провинция. Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2009. Вып. 4. С. 300–310.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья: История открытия, результаты и перспективы исследования // Второй век подвижничества. Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2011. С. 163–185.

Привалихин В.И. Исследование погребений стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2013. С. 73–91.

Привалихин В.И., Фокин С.М. Новые материалы по раннему железному веку Северного Приангарья и Среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири. Красноярск, 2003. С. 14–20.

Рейнберг С.А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Медгиз, 1955. 640 с.

Славинский В.С., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Казакова Е.А., Милютин К.И. Археологические комплексы стоянки Кода-3 (Северное Приангарье) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 194–205.

Степанов А.Д., Жирков Э.К. Покровское погребение 2 раннего железного века // Изв. Лаб. древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. Вып. 4. С. 309–313.

Шишелов Н.С. Луки, стрелы и колчаны северных атапасков. 2011 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://beaverlodge.wmsite.ru/etnografija/luki-strely-kolchany-severnyh-atapaskov/strely/>.

*Кемерово, ИЭЧ СО РАН
lithos@mail.ru

**Новосибирск, ИАЭТ СО РАН
katrin1609@mail.ru

The article cites investigation results regarding a burial of the early Iron Age from North Priangarye (burial 13 from Sergushkin-3 burial ground). The authors give a detailed description of archaeological and anthropological material. Using a craniometric analysis, they determined a Mongoloid anthropological type of the buried person. By analogy with famous North Angara complexes, the burial was attributed to the Tsepanskaya culture. Regarding the most stable component of the Tsepanskaya burials — i.e. horn clips — they registered a broad range of analogies from North-West Siberia. Basing on the obtained radiocarbon date together with an iron finding in the grave, burial 13 from Sergushkin-3 burial ground was dated by IV–II cc. B.C.

North Priangarye, early Iron Age, the Tsepanskaya culture, burial.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА ТАНАЙ-12 И ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КОРЧАЖКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

А.В. Зубова

Статья посвящена изучению происхождения населения корчажкинской культуры Кузнецкой котловины на основании краниологических и одонтологических характеристик серии из могильника Танай-12. Сделан вывод о возможности участия в его формировании андронидного населения Томского Приобья, мигрировавшего на территорию Кузнецкой котловины под давлением неблагоприятной демографической ситуации.

Корчажкинская культура, эпоха поздней бронзы, краниология, одонтология.

Введение

Корчажкинская культура датируется концом II — началом I тыс. до н.э. [Шамшин, 2004, с. 163]. Основной массив ее памятников сконцентрирован в правобережной части Верхнего Приобья и в Кузнецкой котловине. В Верхнем Приобье они приурочены к ленточным борам правобережья, где располагаются в устьях небольших рек или по берегам озер [Шамшин, Цивцина, 2001, с. 213]. В Кузнецкой котловине большая часть поселений и могильников расположены в предтаежных районах, прилегающих к Салаиру. В лесостепной и степной части котловины они практически не встречаются [Ковалевский, 2009, с. 92].

Вопросы, связанные с формированием корчажкинской культуры, дискуссионны. У большинства исследователей не возникает сомнения в том, что оно связано с трансформацией андроновских комплексов, но единого мнения по поводу механизма этого процесса нет. Ю.Ф. Кирюшин считает, что корчажкинская культура могла появиться в результате смешения андроновского и елунинского населения [1985, с. 51–52]. В.А. Могильников предполагал, что корчажкинская культура сформировалась при участии еловского компонента [1988, с. 153]. Близкой точки зрения придерживаются А.Б. Шамшин, В.А. Борисов и С.А. Ковалевский [2008].

Как правило, для того чтобы аргументированно обсуждать происхождение какой-либо археологической культуры, необходимо использовать представительные базы палеоантропологических данных, включающие в себя значительное число краниологических или одонтологических наблюдений, желательны полученные для населения всего ареала культуры. Однако бывает и так, что материалы одного некрополя позволяют реконструировать ключевые сюжеты, повлиявшие на состав носителей культуры в целом. Результаты изучения палеоантропологической коллекции из некрополя Танай-12 являются наглядным примером такой ситуации.

Могильник Танай-12 находится в Тогучинском районе Новосибирской области, на западном берегу оз. Танай [Бобров и др., 2002, с. 229]. При его раскопках были получены палеоантропологические материалы андроновского времени и единственная пока серия корчажкинской культуры¹. Ее изучение позволило в первом приближении определить направление процессов, изменивших состав населения Кузнецкой котловины в постандроновское время, обсуждению которых и посвящена данная статья.

Краниологическая коллекция корчажкинской культуры насчитывает восемь мужских черепов и три женских. Одонтологические характеристики удалось получить для девяти мужчин, десяти женщин и одного ребенка. Материалы были обследованы по стандартным программам [Алексеев, Дебеч, 1964; Зубов, 1968, 2006]. Сопоставление полученных данных с краниологическими и одонтологическими характеристиками носителей других западно-сибирских культур эпохи неолита — позднего бронзового века выполнялось при помощи программы Statistica for windows 6.0 методом кластерного анализа на основе евклидовых расстояний. Для краниологических расчетов были использованы размеры продольного диаметра черепа, поперечного диаметра черепа, высотного диаметра черепа от базиона, наименьшей ширины лба, скулового диа-

¹ Фрагментарные антропологические материалы корчажкинской культуры ранее были обнаружены при раскопках могильника Танай-1, но их плохое состояние не позволило получить какие-либо данные.

Палеоантропологическая серия из могильника Танай-12 и происхождение населения...

метра лица, верхней высоты лица, высоты и ширины орбиты, высоты и ширины носового отверстия, дакриального и симотического указателя, угла профиля лба от назиона, назомаллярного угла, зигомаксиллярного угла, общего угла вертикального профиля лица, угла выступания носа.

Таблица 1

Краниологические серии, использованные для сравнительного анализа

Название серии	Дата	Источник данных
Усть-тартасская культура Барабинской лесостепи	IV — первая половина III тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
Одиновская культура Барабинской лесостепи	Первая половина III тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
Кротовская культура Барабинской лесостепи	Конец III — начало II тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
Позднекротовская культура Барабинской лесостепи	Первая половина II тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
Каракольская культура горного Алтая	Первая половина II тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
Окуневская культура Хакасии сборная серия	XVII–XIII вв. до н.э.	Громов, 1997
Еловская культура Томского Приобья	Вторая половина II тыс. до н.э.	Дремов, 1997
Население Томского Приобья андроновского времени	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Дремов, 1997
Федоровская культура Северного, Восточного и Центрального Казахстана	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Гинзбург, 1956; Исмагулов, 1963
Андроновское население лесостепного Алтая	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Кирюшин, Солодовников, 2010
Федоровская культура Новосибирского Приобья	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Дремов, 1997; Чикишева, 2012; данные автора
Федоровская культура Барабинской лесостепи	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Чикишева, 2012; данные автора
Федоровская культура Кузнецкой котловины (Чудиновка-1)	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Чикишева, 2012
Федоровская культура Кузнецкой котловины (Титово-2)	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Дремов, 1997; Чикишева, 2012
Федоровская культура Кузнецкой котловины (Танай-12)	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Зубова, 2013б
Федоровская культура Минусинской котловины	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Рыкушина, 1977
Пахомовская культура Барабинской лесостепи (Старый Сад, Гришкина заимка)	XIV–XIII вв. до н.э.	Чикишева, 2012; данные автора
Ирменская культура Кузнецкой котловины	Вторая половина II тыс. до н.э.	Бобров и др., 1993; Зубова, 2005; данные автора
Ирменская культура Новосибирского Приобья	Вторая половина II тыс. до н.э.	Дремов, 1997; данные автора
Ирменская культура Томского Приобья	Вторая половина II тыс. до н.э.	Дремов, 1997
Ирменская культура лесостепного Алтая	Вторая половина II тыс. до н.э.	Дремов, 1997
Ирменская культура Барабинской лесостепи	Вторая половина II тыс. до н.э.	Молодин, Чикишева, 1988

Межгрупповое сравнение одонтологических серий проводилось на основе восьми признаков — лопатообразности верхних медиальных резцов (баллы 2 и 3 суммарно), бугорка Карабелли верхних первых моляров (баллы 2–5 суммарно), редукции гипоконуса вторых верхних моляров (баллы 3, 3+ суммарно), 6-бугорковых нижних первых моляров, 4-бугорковых нижних первых моляров, 4-бугорковых нижних вторых моляров, дистального гребня тригониды на нижних первых молярах и коленчатой складки метакониды на нижних первых молярах. Расчеты выполнялись на основе тригонометрически преобразованных частот каждого признака. Серии, использованные для краниологического и одонтологического сопоставления, указаны в табл. 1 и 2.

Для подробного рассмотрения динамики антропологического состава популяции из Таная-12 при переходе от андроновских традиций к корчажкинским использовались также материалы андроновской культуры из этого могильника, характеристики которых опубликованы [Зубова, 2013а].

Краниологическая характеристика корчажжинской серии

Мужская часть корчажжинского населения из могильника Танай-12 (табл. 3) характеризуется малой высотой черепа и средними размерами продольного и поперечного диаметров мозговой капсулы. Ей свойственна наклонная постановка широкой лобной кости, высокое ортогнатное лицо, средние размеры скулового диаметра. На верхнем уровне лицо мезопное, назомаллярный угол средних размеров, на границе с малыми. На среднем уровне лицевой скелет профилирован относительно сильно. Переносье высокое на дакриальном уровне, средней высоты

А.В. Зубова

на симотическом, средней ширины. Носовое отверстие средней высоты и средней ширины. Угол выступания носа маленький. Орбиты широкие и низкие.

Таблица 2

Одонтологические серии, использованные для сравнительного анализа

Название серии	Дата	Источник данных
Елуинская культура		Данные автора
Усть-тартасская культура Барабинской лесостепи	IV — первая половина III тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
Одиновская культура Барабинской лесостепи	Первая половина III тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
Кротовская культура Барабинской лесостепи	Конец III — начало II тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
Позднекротовская культура Барабинской лесостепи	Первая половина II тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
Каракольская культура Горного Алтая	Первая половина II тыс. до н.э.	Чикишева, 2012
Окуневская культура	XVII–XIII вв. до н.э.	Рыкушина, 2007
Окуневская культура (Верх-Аскиз-1)	XVII–XIII вв. до н.э.	Данные автора
Окуневская культура (Уйбат-5)	XVII–XIII вв. до н.э.	Данные автора
Еловская культура Томского Приобья	Вторая половина II тыс. до н.э.	Данные автора
Пахомовская культура Барабинской лесостепи	XIV–XIII вв. до н.э.	Данные автора
Ирменская культура Кузнецкой котловины	Вторая половина II тыс. до н.э.	Зубова, 2013б
Ирменская культура Новосибирского Приобья	Вторая половина II тыс. до н.э.	Зубова, 2013б
Ирменская культура Томского Приобья	Вторая половина II тыс. до н.э.	Зубова, 2013б
Ирменская культура лесостепного Алтая	Вторая половина II тыс. до н.э.	Зубова, 2013б
Ирменская культура Барабинской лесостепи	Вторая половина II тыс. до н.э.	Зубова, 2013б
Население Томского Приобья андроновского времени	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Данные автора
Постандроновское население лесостепного Алтая (Рублево-VIII)		Данные автора
Население лесостепного Алтая андроновского времени	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Зубова, 2012
Федоровская культура Новосибирского Приобья	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Зубова, 2012
Федоровская культура Барабинской лесостепи	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Зубова, 2012
Федоровская культура Кузнецкой котловины (Титово-2)	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Зубова, 2013а
Федоровская культура Кузнецкой котловины (Чудиновка-1)	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Зубова, 2013а
Федоровская культура Кузнецкой котловины (Танай-12)	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Зубова, 2013а
Федоровская культура Минусинской котловины	В пределах XX–XIV вв. до н.э. [Черных, 2008]	Рыкушина, 1977

Таблица 3

**Краниологическая характеристика населения корчажжинской культуры
Кузнецкой котловины. Могильники Танай-1, Танай-12
(*n* — число наблюдений, *s* — стандартное отклонение)**

	Мужчины			Женщины		
	<i>N</i>	<i>x</i>	<i>s</i>	<i>n</i>	<i>x</i>	<i>s</i>
1. Продольный диаметр	7	176,83	—	3	176	5,57
8. Поперечный диаметр	5	144	—	1	158	—
17. Высотный диаметр от ba	4	127,25	—	1	122	—
5. Длина основания черепа	5	102,2	—	1	92	—
9. Наименьшая ширина лба	6	98,25	—	3	95,83	4,31
40. Длина основания лица	2	101	—	1	99,5	—
45. Скуловой диаметр	3	133,33	—	1	129	—
48. Верхняя высота лица	3	74	—	1	67	—
51. Ширина орбиты от mf	3	44,17	—	1	35	—
52. Высота орбиты	3	33	—	1	31	—
54. Ширина носа	4	24,7	—	2	23,5	2,12
55. Высота носа	3	52,5	—	1	52	—
DS. Дакриальная высота	4	12,57	—	1	16	—
DC. Дакриальная ширина	4	22,67	—	1	25	—
SS. Симотическая высота	4	3,5	—	1	3	—
SC. Симотическая ширина	4	7,93	—	1	11	—
32. Угол профиля лба от па	3	79,33	—	1	90	—
77. Назомаллярный угол	5	140,45	—	3	138,43	7,17
zm. Зигмаксиллярный угол	3	130,2	—	2	123,05	1,77
72. Общий угол профиля лица	3	88,33	—	1	81	—
75(1). Угол выступания носа	3	22	—	1	24	—

Сохранность женских черепов в серии очень плохая, соответственно их средние характеристики не очень надежно отражают антропологическую специфику всего корчажжинского насе-

Палеоантропологическая серия из могильника Танай-12 и происхождение населения...

ления. Обследованные индивиды (табл. 3) отличаются большими размерами продольного и поперечного диаметров при маленькой высоте свода черепа. Им свойственно средневысокое лицо с широким скуловым диаметром, мезогнатное, хорошо профилированное в горизонтальном плане на обоих уровнях. Орбиты очень низкие и узкие, носовое отверстие среднеширокое, высокое. Переносье очень широкое и очень высокое в дакриальном плане и несколько хуже моделировано в симотическом. Угол выступления носа среднего размера.

Однотологическая характеристика серии (табл. 4)

У корчажкинского населения наблюдается средняя частота лопатообразности верхних медиальных резцов и повышенная — латеральных. Относительно часто встречаются бугорок Карабелли и дополнительные дистальные бугорки на верхних первых молярах. Интересной особенностью серии является наличие нескольких случаев начальной стадии редукции гипоконуса на этих зубах. Вторые верхние моляры в серии сильно редуцированы. Более чем у половины индивидов отмечены формы 3, 3+, у остальных — 4-.

Таблица 4

Однотологическая характеристика населения корчажкинской культуры Кузнецкой котловины

	Мужчины		Женщины		Суммарно*	
	n/N	%	n/N	%	n/N	%
Лопатообразность (2+3) I ¹	2(4)	50,00	1(5)	20,00	5(11)	45,50
Лопатообразность (2+3) I ²	3(3)	100,00	2(3)	66,70	6(7)	85,70
Дополнительный дистальный бугорок M ¹	0(6)	0,00	0(7)	0,00	3(22)	13,60
Бугорок Карабелли (2–5) M ¹	2(6)	33,30	1(7)	14,30	8(23)	34,80
Редукция гипоконуса (4-) M ¹	1(7)	14,30	0(6)	0,00	3(25)	12,00
Редукция гипоконуса (3, 3+) M ¹	0(7)	0,00	0(6)	0,00	0(25)	0,00
Редукция гипоконуса (4-) M ²	5(7)	71,40	2(6)	33,30	8(17)	47,10
Редукция гипоконуса (3, 3+) M ²	2(7)	28,60	4(6)	66,70	9(17)	52,90
Затек эмали (4–6) M ₂	4(7)	57,10	6(8)	75,00	12(20)	60,00
Форма P1 (1–2)	5(5)	100,00	8(8)	100,00	15(16)	93,80
Форма P1 (4–5)	0(5)	0,00	0(8)	0,00	0(16)	0,00
Форма P2 (1–2)	1(4)	25,00	3(7)	42,90	4(14)	28,60
Форма P2 (4–5)	3(4)	75,00	5(8)	62,50	10(14)	71,40
6M ₁	0(6)	0,00	1(8)	12,50	2(25)	8,00
4M ₁	2(6)	33,30	2(8)	25,00	5(25)	20,00
(+)M ₁ (4–6)	1(6)	16,70	1(6)	16,70	5(25)	20,00
(X)M ₁ (4–6)	0(6)	0,00	1(8)	12,50	3(25)	12,00
4M ₂	7(8)	87,50	8(8)	100,00	19(20)	95,00
5M ₂	1(8)	12,50	0(8)	0,00	1(20)	5,00
(Y)M ₂	3(7)	42,90	4(8)	50,00	7(20)	35,00
3UM ₂	0(7)	0,00	0(8)	0,00	0(20)	0,00
(+)M ₂	2(7)	28,60	5(8)	62,50	11(20)	55,00
(X)M ₂	2(7)	28,60	0(8)	0,00	3(20)	15,00
Протостилид (2–5) M ₁	0(6)	0,00	0(8)	0,00	0(25)	0,00
tami M ₁	0(6)	0,00	1(8)	12,50	1(25)	4,00
Дистальный гребень тригониды M ₁	0(6)	0,00	1(8)	12,50	1(25)	4,00
Коленчатая складка метаконида M ₁	0(2)	0,00	0(7)	0,00	0(20)	0,00

* В состав серии вошли мужчины, женщины, дети и индивиды с неопределенной половой принадлежностью.

Первые премоляры нижней челюсти в основном однобугорковые. Встречено лишь три случая двухбугоркового их строения, причем все они представлены формой 3, когда лингвальный бугорок еще не имеет собственной вершины. На вторых зубах данного класса преобладают сложные формы, однако процент вариантов 1 и 2 достаточно высок и здесь.

В строении моляров нижней челюсти повышена частота грацильных форм и относительно редко встречаются сложные варианты. Частота t6 на первых молярах всего 8 %, tami — 4 %. На первых молярах преобладает узор «Y», на вторых — «+» и «X». Протостилид и коленчатая складка метаконида в серии не зафиксированы. Дистальный гребень тригониды встречается с очень умеренной частотой. Повышена частота затека эмали на нижних вторых молярах.

Хорошая сохранность одонтологического материала позволила рассмотреть одонтологические характеристики корчажкинского населения не только суммарно, но и разделить их в соответ-

ствии с половой принадлежностью погребенных. Нужно отметить, что между женщинами и мужчинами в серии наблюдаются серьезные расхождения по частотам важнейших признаков. У женщин понижена частота лопатообразности верхних резцов, выше уровень редукции верхних моляров, но при этом только у них встречены *tam1* и дистальный гребень тригониды нижних моляров.

Обсуждение результатов

Принципиальное значение при рассмотрении вопросов генезиса населения корчажкинской культуры имеет характер отличия динамики краниологического и одонтологического состава населения Кузнецкой котловины по сравнению с андроновским временем. В краниологическом отношении наблюдаемые здесь изменения вполне однозначны. У корчажкинских мужчин увеличивается поперечный диаметр черепа при понижении его высоты, увеличивается высота лица и ширина лобной кости. Здесь сильнее, чем у федоровцев, наклонена лобная кость, больше размеры углов горизонтального и вертикального профиля лица, меньше его ширина, крупнее орбиты и носовое отверстие. Резко уменьшен размер угла выступания носа, но при этом высота переносья мало изменяется по сравнению с андроновскими группами. Эти изменения указывают на участие в генезисе корчажкинской популяции антропологического компонента не андроновского происхождения, вероятно связанного с автохтонными западно-сибирскими популяциями.

Тем не менее на дендрограмме, иллюстрирующей результаты сравнения корчажкинской краниологической серии с другим населением Западной Сибири, мужчины из некрополя Танай-12 объединяются с федоровцами Кузнецкой котловины из Чудиновки-1 и Титово-2, а также с андроновской группой из Минусинской котловины, оставившей захоронения в могильнике Сухое озеро (рис. 1).

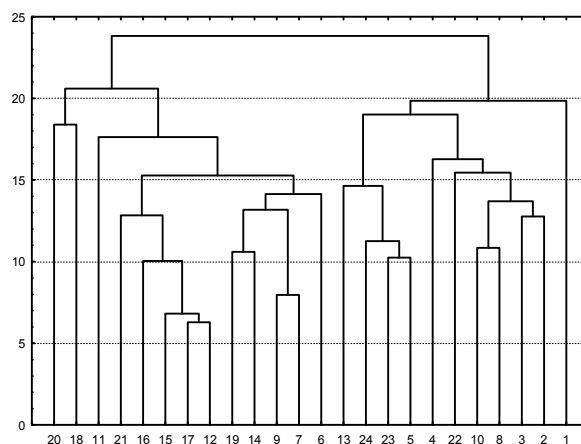

Рис. 1. Результаты сопоставления краниологических характеристик корчажкинского населения Кузнецкой котловины с населением Западной Сибири:

- 1 — федоровская культура Восточного, Центрального и Северного Казахстана; 2 — федоровская культура Барабинской лесостепи; 3 — андроновское население лесостепного Алтая; 4 — федоровская культура Новосибирского Приобья; 5 — федоровская культура Минусинской котловины; 6 — ирменская культура Новосибирского Приобья; 7 — ирменская культура Кузнецкой котловины; 8 — ирменская культура Томского Приобья; 9 — ирменская культура лесостепного Алтая; 10 — ирменская культура Барабинской лесостепи; 11 — одинавская культура Новосибирского Приобья; 12 — усть-тартасская культура Барабинской лесостепи; 13 — **корчажкинская культура Кузнецкой котловины**; 14 — еловская культура Томского Приобья; 15 — кротовская культура Барабинской лесостепи; 16 — позднекротовская культура Барабинской лесостепи; 17 — одинавская культура Барабинской лесостепи; 18 — каракольская культура; 19 — окуневская культура; 20 — пахомовская культура Барабинской лесостепи; 21 — андроновское население Томского Приобья; 22 — федоровская культура Кузнецкой котловины (Танай-12); 23 — федоровская культура Кузнецкой котловины (Чудиновка-1); 24 — федоровская культура Кузнецкой котловины (Титово-2)

Андроновская группа из Таная-12 ближайшее сходство демонстрирует не с населением Кузнецкой котловины, а с федоровцами Барабинской лесостепи, Новосибирского Приобья и лесостепного Алтая и ирменцами Барабинской лесостепи и Томского Приобья.

Динамика частот одонтологических признаков в серии более интересна. Одонтологический состав федоровской группы из Таная-12 отличался от других андроновских серий Кузнецкой котловины. Здесь были сильно повышены частоты лопатообразности верхних резцов и дистального гребня тригониды на нижних первых молярах. Эти два признака являются маркерами восточного

Палеоантропологическая серия из могильника Танай-12 и происхождение населения...

одонтологического ствола, и их повышение свидетельствуют о присутствии в составе популяции антропологического компонента не андроновского происхождения [Зубова, 2013а]. По всей вероятности, его появление было связано с мужской частью серии. При близких частотах лопатообразности верхних резцов у мужчин и женщин все случаи дистального гребня тригониды отмечены именно в мужской выборке, а на дендрограмме федоровские мужчины из Таная-12 обнаруживают сходство не с другими андроновскими группами, а с андронидными сериями, в которых ощутимо представлен автохтонный западно-сибирский компонент (рис. 2). Максимально они сближаются с андроновцами и еловцами Томского Приобья, что является весомым аргументом в пользу предположения об участии еловского населения в формировании корчажкинской культуры.

Женская часть андроновской серии при этом попадает в совокупность групп с преобладанием андроновского субстрата, отделяясь от мужчин (рис. 2).

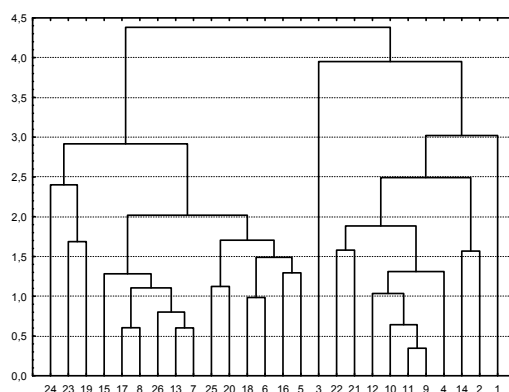

Рис. 2. Результаты сравнения одонтологических характеристик андроновской серии из могильника Танай-12 с населением Западной Сибири:

1 — федоровская культура Минусинской котловины; 2 — елуинская культура; 3 — каракольская культура; 4 — окуневская культура (сборная серия); 5 — андроновское население лесостепного Алтая; 6 — федоровская культура Барабинской лесостепи; 7 — андроновское население Томского Приобья; 8 — федоровская культура Новосибирского Приобья; 9 — кротовская культура Барабинской лесостепи; 10 — позднекротовская культура; 11 — одиновская культура Барабинской лесостепи; 12 — усть-тартасская культура Барабинской лесостепи; 13 — еловская культура; 14 — ирменская культура Кузнецкой котловины; 15 — ирменская культура лесостепного Алтая; 16 — постандроновское население лесостепного Алтая (Рублево-VIII); 17 — пахомовская культура Барабинской лесостепи; 18 — ирменская культура Барабинской лесостепи; 19 — ирменская культура Томского Приобья; 20 — ирменская культура Новосибирского Приобья; 21 — окуневская культура (Верх-Аскиз); 22 — окуневская культура (Уйбат-5); 23 — федоровская культура Кузнецкой котловины (Титово-2); 24 — федоровская культура Кузнецкой котловины (Чудиновка-1); 25 — федоровская культура Кузнецкой котловины (Танай-12, женщины); 26 — федоровская культура Кузнецкой котловины (Танай-12, мужчины)

В корчажкинской среде наблюдается общее снижение частоты лопатообразности верхних резцов и дистального гребня тригониды, а также повышается уровень редукции верхних моляров, увеличивается частота бугорка Карабелли и снижается частота дифференцированных форм нижних премоляров. В целом вместо дальнейшего повышения частот одонтологических фенотипов восточной направленности, которого можно было бы ожидать в связи с наблюдаемыми краниологическими трансформациями, у населения из могильника Танай-12 происходит некоторый сдвиг в западном направлении. Различия в одонтологическом составе мужчин и женщин здесь становятся меньше, чем в андроновское время. На дендрограмме (рис. 3) корчажкинские мужчины максимально близки по одонтологическому составу женщинам андроновской популяции из Таная-12, при этом добавление корчажкинских материалов в сравнительный анализ несколько меняет расположение андроновских серий относительно друг друга.

Вместе мужчины корчажкинской культуры и андроновские женщины из Таная-12 сближаются с кластером, в который вошли корчажкинские женщины, носители федоровской культуры Новосибирского Приобья, ирменской культуры лесостепного Алтая и Новосибирского Приобья, андроновские мужчины из могильника Танай-12 и население Томского Приобья (рис. 3).

Выводы

Процесс формирования корчажкинской популяции, оставившей захоронения в могильнике Танай-12, реконструируемый по антропологическим данным, выглядит следующим образом. На закате андроновской эпохи группа андронидного населения, родственного оставшему мо-

гильники Еловского археологического комплекса, мигрирует на территорию Кузнецкой котловины. Здесь это население вступает в брачные связи с местными андроновскими женщинами, в результате чего в одонтологическом составе серии постандроновского времени наблюдается «вторичное» усиление комплекса европеоидных характеристик, свойственных федоровскому населению, при продолжающемся увеличении сходства ее краниологического состава с автохтонным населением. Одновременно происходит и определенная трансформация материальной культуры, позволяющая зафиксировать переход от андроновских традиций к корчажкинским.

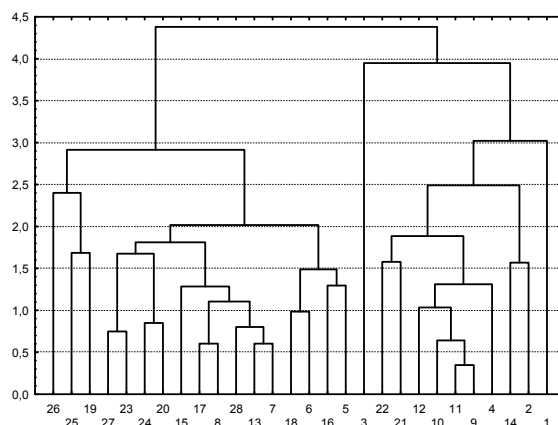

Рис. 3. Результаты сравнения одонтологических характеристик корчажкинской серии из могильника Танай-12 с населением Западной Сибири:

1 — федоровская культура Минусинской котловины; 2 — елунинская культура; 3 — каракольская культура; 4 — окуневская культура (сборная серия); 5 — андроновское население лесостепного Алтая; 6 — федоровская культура Барабинской лесостепи; 7 — андроновское население Томского Приобья; 8 — федоровская культура Новосибирского Приобья; 9 — кротовская культура Барабинской лесостепи; 10 — позднекротовская культура; 11 — одинавская культура Барабинской лесостепи; 12 — усть-тартасская культура Барабинской лесостепи; 13 — еловская культура; 14 — ирменская культура Кузнецкой котловины; 15 — ирменская культура лесостепного Алтая; 16 — постандроновское население лесостепного Алтая (Рублево-VIII); 17 — пахомовская культура Барабинской лесостепи; 18 — ирменская культура Барабинской лесостепи; 19 — ирменская культура Томского Приобья; 20 — ирменская культура Новосибирского Приобья; 21 — окуневская культура (Верх-Аскиз); 22 — окуневская культура (Уйбат-5); 23 — **корчажкинская культура, мужчины**; 24 — **корчажкинская культура, женщины**; 25 — федоровская культура Кузнецкой котловины (Титово-2); 26 — федоровская культура Кузнецкой котловины (Чудиновка-1); 27 — федоровская культура Кузнецкой котловины (Танай-12, женщины); 28 — федоровская культура Кузнецкой котловины (Танай-12, мужчины)

Причиной наблюдаемого «выплеска» населения Томского Приобья в Кузнецкую котловину можно вполне обоснованно считать ухудшение демографической ситуации на финальном этапе существования андроновских популяций Томского Приобья, ярко проявившееся в материалах могильника Еловский-2. В составе населения андроновского времени, оставившего этот могильник, число мужчин было выше, чем число женщин, почти в 1,5 раза [Зубова, 2006], и это создавало сильную демографическую напряженность, спровоцировавшую падение численности населения в постандроновское время. На территории непосредственно Томского Приобья брачные связи потомков андроновского населения были практически полностью переориентированы на местных женщин не андроновского происхождения, но часть мужчин была вынуждена покинуть районы своего обитания. Видимо они мигрировали на территорию Кузнецкой котловины и обратили свое внимание на представительниц местных андроновских популяций, в результате чего поменялся как антропологический состав, так и культурный облик населения этого района.

Вполне возможно, что процессы, повлиявшие на формирование корчажкинской культуры Кузнецкой котловины, могли охватывать и более широкую территорию. Ареал первоначальной миграции позднеандоновского или раннееловского населения мог распространяться и на лесостепные районы Алтая. В пользу этого свидетельствуют как минимум технологические особенности керамического производства на корчажкинских поселениях лесостепного Алтайского Приобья. По данным А.Б. Шамшина, В.А. Борисова и С.А. Ковалевского, керамика поселения Фирсово-XVII по технологическим характеристикам является скорее еловской, чем корчажкинской, корчажкинские материалы памятника Фирсово-XVIII демонстрируют смешение еловских и андроновских традиций [Шамшин и др., 2008, с. 166]. Археологические и палеоантропологические данные в этом случае органично дополняют друг друга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М., 1964. 120 с.
- Бобров В.В., Горяев В.С., Умеренкова О.В. Планиграфические особенности памятника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 229–233.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево 4. Новосибирск: Наука, 1993. 157 с.
- Гинзбург В.В. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1. С. 159–171.
- Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сб.: Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 294–300.
- Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 260 с.
- Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.
- Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-Онлайн, 2006. 72 с.
- Зубова А.В. К вопросу о краниологических различиях населения ирменской и карасукской культур // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 11–19.
- Зубова А.В. Демографические характеристики андронидного населения Западной Сибири (по материалам могильников Еловский-2 и Старый Сад) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII. С. 336–340.
- Зубова А.В. Происхождение населения андроновской (федоровской) культуры Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 2 (17). С. 70–78.
- Зубова А.В. Антропологические материалы андроновского времени из могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013а. Т. XIX. С. 546–550.
- Зубова А.В. Состав носителей ирменской культуры по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013б. № 3 (55). С. 132–139.
- Исмагулов О. Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. Т. 18. С. 153–173.
- Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 46–53.
- Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н. Компонентный состав андроновского (федоровского) населения юга Западной Сибири по результатам исследования палеоантропологических материалов эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). С. 122–142.
- Ковалевский С.А. Культурно-исторические процессы на территории Кузнецкой котловины в эпоху поздней бронзы // Изв. АлтГУ. 2009. № 4–3 (64). С. 92–97.
- Могильников В.А. Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большебереченской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: ИИФ СО АН СССР: АлтГУ, 1988. С. 151–154.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 — памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 125–206.
- Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика карасукской культуры // Вопр. антропологии. 1977. Вып. 57. С. 143–154.
- Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. М., 2007. 198 с.
- Чикишева Т.А. Динамика антропологического состава населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Шамшин А.Б. Поселение Фирсово XVII и проблемы формирования корчажгинской культуры на Верхней Оби // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 155–169.
- Шамшин А.Б., Борисов В.А., Ковалевский С.А. Технология керамического производства лесостепного Алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы // Изв. АлтГУ. 2008. № 4 (60). Т. 1. С. 161–170.
- Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Взаимодействие носителей культур эпохи поздней бронзы в Алтайском Приобье (по материалам поселения Фирсово XVIII) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 213–217.

Новосибирск, ИАЭТ СО РАН
zubova_al@mail.ru

A.В. Зубова

The article is devoted to studying genesis of the population of the Korchazhkinskaya culture from Kuznetsk basin, basing on craniological and odontological characteristics of the series from Tanaj-12 burial ground. The author comes to a conclusion on a possible participation in its formation of the Andronoid population from Tomsk Low Ob' basin, migrated to the territory of Kuznetsk basin under pressure of an unfavourable demographic situation.

The Korchazhkinskaya culture, late Bronze Age, craniology, odontology.

ИЗМЕНЕНИЕ ГЕНОФОНДА СЕВЕРНЫХ ПОПУЛЯЦИЙ: «ЗАКАТ ЭТНОСОВ» ИЛИ ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ АДАПТИВНОЙ ГРУППЫ?¹

А.И. Козлов

Интенсивное межэтническое смешение коренного населения Севера можно расценивать и как угрозу существованию исторически сложившихся генных комплексов, и как благоприятный процесс, ведущий к обогащению и повышению разнообразия генофонда. Проблема рассматривается в свете концепций «экономного генотипа» и «конструирования ниш», на примере генов APOE, LCT и VDR. Высказывается предположение, что у коренных северян России складывается метаболический комплекс, в достаточной мере отвечающий новым условиям жизни и питания.

Коренное население, экономный генотип, конструирование ниш, заболеваемость, APOE, LCT, VDR, лактаза, витамин D.

Введение

Согласно данным переписей, между 2002 и 2010 гг. общая численность представителей 26 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ увеличилась на 2,97 % — с 212 348 до 218 659 чел. (табл. 1). Численность коренных северян возросла на фоне общей депопуляции: население страны в целом в указанный период сократилось на 1,66 %.

Таблица 1

Динамика численности 26 коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока Российской Федерации согласно данным переписей

Народ	Численность по данным переписей, чел.						Прирост/убыль 2010 к 2002, %
	1926	1959	1979	1989	2002	2010	
Алеуты	353	421	489	644	592	482	-18,6
Долганы	650	3932	4911	6584	7330	7885	7,6
Ительмены	4217	1109	1335	2429	3474	3193	-8,1
Кеты	1428	1019	1072	1084	1891	1219	-35,5
Коряки	7439	6287	7637	8942	9077	7953	-12,4
Манси	5754	6449	7434	8279	11 573	12 269	6,0
Нанайцы	5860	8026	10357	11883	12355	12003	-2,9
Нганасаны	—	748	842	1262	879	862	-1,9
Негидальцы	683	—	477	587	806	513	-35,6
Ненцы	17 566	23 007	29 487	34 190	41 454	44 640	7,7
Нивхи	4076	3717	4366	4631	5287	4652	-12,0
Ороки (ульта)	162	—	—	179	432	—	-31,7
Орочи	647	782	1040	883	884	596	-32,6
Саамы	1720	1792	1775	1835	1991	1771	-11,1
Селькупы	1630	3768	3518	3564	4367	3649	-16,4
Тофалары	415	586	576	722	1020	762	-25,3
Удэгейцы	1357	1444	1431	1902	1665	1496	-10,2
Ульчи	723	2055	2494	3173	3098	2765	-10,7
Ханты	22 306	19 410	20 743	22 283	28 773	30 943	7,5
Чуванцы	705	—	—	1384	1300	1002	-22,9
Чукчи	12 332	11 727	13 937	15 107	15 827	15 908	0,5
Эвенки	38 746	24 151	27 941	29 901	35 377	37 843	7,0
Эвены	2044	9121	12 452	17 055	19 242	22 383	16,3
Энцы	—	—	—	198	327	227	-30,6
Эскимосы	1293	1118	1460	1704	1798	1738	-3,3
Юкагиры	443	442	801	1112	1529	1603	4,8
Итого для всех групп					212 348	218 659	2,97

¹ Исследование поддержано грантом 026-Ф ПСР ПГГПУ. Публикация основана на материалах доклада на пленарной сессии 5-й Международной конференции «Алексеевские чтения» (6–8 ноября 2013 г.).

В 1989–2002 гг. на численность коренных северян в значительной мере повлиял демографический фактор. В силу ряда причин потомки от межэтнических браков активно меняли свою формальную национальную принадлежность, регистрируясь как представители народов Севера [Богоявленский, 2005]. Этот потенциал поддержания/увеличения объема северных этносов близок к исчерпанию. Только у эвенов (прирост между 2002 и 2010 гг. +16,32 %) значительный вклад демографического фактора не вызывает сомнений. У остальных 7 народов, увеличивших свою численность к 2010 г., прирост составил в среднем 6,8 % (от +0,51 % у чукчей до +7,69 % у ненцев). Это довольно высокие показатели, но они характеризуют сравнительно многочисленные («в северном измерении») народы: все они, за исключением юкагиров, насчитывают свыше 7 тыс. чел. В малочисленных же группах явно проявилась убыль. Можно предположить, что процесс демографического прироста коренных северян затухает, и его остаточные проявления фиксируются лишь у относительно крупных народов.

Выбор национальности потомком от межэтнического брака зависит от множества социальных, экономических и политических факторов. Но с точки зрения медицинской антропологии, демографический прирост численности группы — одно из проявлений смешения популяций, обмена генами между ними.

Такое смешение, метисация — нормальный для любого биологического вида процесс, происходивший на протяжении всей истории *H. sapiens*. Характерное для современного человечества расширение географического круга брачных связей (среднего расстояния между местами рождения супругов) и распространение межэтнических и межрасовых браков часто расцениваются как показатель целостности и гармоничности общества, интегрированности в него этнических меньшинств. Но эти оценки основаны на гуманитарном, а не генетическом подходе, тогда как у специалистов-генетиков нет единой точки зрения на то, считать ли интенсивное межэтническое смешение положительным или отрицательным явлением. Его можно рассматривать и как угрозу для существования исторически (эволюционно) сложившихся генных комплексов, и как благоприятный процесс, ведущий к обогащению и повышению разнообразия генофонда популяции. Рассмотрению некоторых аспектов этой проблемы и посвящена предлагаемая работа.

Интенсивность генетического смешения коренного населения Севера РФ

Прежде всего, следует оценить, насколько выражен приток иноэтнических генов в популяции коренных северян.

Доля межнациональных браков на Севере сильно варьируется и во многом зависит от численности конкретной группы коренных северян. Однако исследования показывают, что подавляющая часть потомков от этнически смешанных браков регистрируется при рождении как представители коренных народов Севера [Комплексное клинико-генетическое исследование..., 1987; Пузырев, 1991; Карафет и др., 1992; Пивнева, 1999; Козлов, Вершубская, 1999; Богоявленский, 2005; Кольские саамы..., 2008; Козлов и др., 2012; Kozlov et al., 2007b]. Так, у ненцев, самого многочисленного из коренных северян РФ народа (44 640 чел. по переписи 2010), этнически смешанные семьи составляют всего 10–11 % [Волжанина, 2010], тогда как у кольских саамов (1771 чел.) в смешанных браках состоит 90–95 % [Кольские саамы..., 2008]. При этом 80–90 % потомков от межэтнических браков в обеих группах регистрируются как представители народов Севера. В 1985–2005 гг. в ЯНАО доля детей-ненцев из этнически смешанных семей равнялась 9,48 %, т.е. практически совпадала с долей межэтнических браков в группе [Волжанина, 2010, с. 281, табл. 101], — следовательно, подавляющее большинство детей-метисов «записывались» как ненцы. У саамов п. Ловозеро (Мурманская обл.) к 1985 г. 86 % потомков от межэтнических браков были зарегистрированы как саамы [Кольские саамы..., 2008].

Стабильный выбор национальности по одному из «северных» предков — гарантия того, что малочисленные народы Севера не исчезнут с этнической карты страны, по крайней мере, на протяжении наступившего столетия. Но при этом группы, сохраняющие самосознание ненцев, чукчей или манси, в генетическом отношении все больше отличаются от одноименных популяций не только XIX, но и середины XX в. К оценке таких изменений подходят, как правило, с позиций «презюмции опасности». Упоминают о дезадаптивности «новых» генотипов, которые могут стать фактором риска распространения «болезней цивилизации» в аборигенных популяциях, и о вероятности разрушения исторически сложившихся генных комплексов. Рассмотрим эти взгляды в свете концепций, принятых в современной медицинской антропологии.

Повышает ли «экономный генотип» риск развития «болезней цивилизации»?

Адаптация популяций происходит путем отбора генных комплексов, позволяющих отвечать на вызовы со стороны условий среды обитания. При характерном для традиционного арктического природопользования нестабильном поступлении питательных веществ преимущество обеспечивали генотипы, позволяющие быстро утилизировать дефицитные белки, жиры или углеводы, как только те оказывались в доступности. Такие генотипы обозначают как «экономные» или «бережливые» — «thrifty genotypes» [Neel, 1962]. В условиях присваивающего хозяйства они являются адаптивными: риск гибели при периодических и довольно частых нехватках жиров или сахаров выше риска смерти от метаболических расстройств, которые развиваются медленно и меньше влияют на передачу генов следующему поколению, чем элиминация молодых членов популяции в результате голодовки. Соответственно в популяции поддерживалось высокое носительство «экономных» генов.

Однако в современных условиях «экономный генотип» повышает риск развития заболеваний, в основе которых лежат метаболические нарушения. Потребление дефицитных ранее питательных веществ существенно возрастает из-за их стабильной доступности, а редукция повседневного («фонового») уровня физической активности ведет к тому, что питание становится избыточным вследствие дисбаланса получаемой энергии и суточных энергозатрат. В «вестернизированных» группах с возросшей продолжительностью жизни и повысившейся долей представителей среднего и пожилого возраста метаболические нарушения аккумулируются и становятся одной из ведущих причин заболеваемости и смертности [Дильман, 1987].

Приверженцы данной концепции считают «экономные генотипы» фактором риска целого ряда заболеваний — сердечно-сосудистых болезней, сахарного диабета, ожирения [Neel, 1962; Szathmary, 1990; Knowler et al., 1983; Wendorf, Goldfine, 1991; Corbo, Scacchi, 1999; Brune, Hochberg, 2013]. С этих позиций ситуация в арктических группах действительно выглядит тревожной. В частности, для представителей коренного населения Севера характерна высокая (20–40 %) частота носительства аллеля APOE*ε4 — одного из типичных «генов-кандидатов», относимых к группе «экономных». Заболеваемость болезнями системы кровообращения и эндокринной системы у коренных северян в 2006–2007 гг. также превысила общероссийские показатели [Козлов и др., 2011; Козлов, 2012б]. Быстро нарастает распространенность избыточной массы тела и ожирения [Козлов и др., 2012]. Учитывая, что заболеваемость проживающих в городах хантов и манси выше, чем у поселковых жителей [Рабинович и др., 2010], имеющиеся данные можно трактовать как свидетельство в пользу того, что в условиях модернизационного перехода «экономные генотипы» могут повышать риск развития заболеваний.

Однако обратим внимание на следующий факт. По данным мета-анализа [Bennet et al., 2007], отношение рисков развития атеросклероза у носителей аллеля APOE*ε4 по сравнению с другими генотипами $OR =_{0,99} 1,06_{1,13}$, где среднее значение является точечной оценкой отношения шансов, а крайние — верхней и нижней границами 95-процентного доверительного интервала. Это можно расценить как свидетельство только очень слабо выраженной связи между носительством *ε4 и заболеваемостью. Действительно, межэтнические различия в заболеваемости и смертности от сердечно-сосудистых болезней обусловлены как биологически (в частности, исторически сложившимися различиями генофондов), так и влиянием комплекса социальных, культурных и экономических факторов. При этом вклад негенетических факторов может превалировать. Для болезней системы кровообращения это подтверждают, в частности, результаты анализа, включившего данные 16 исследований в различных этнических группах и общинах США [Kurian, Cardarelli, 2007]. Исследования в Пермском крае также показали, что при одинаковой частоте «экономного» генотипа APOE*ε4 заболеваемость болезнями системы кровообращения у высоко урбанизированных русских существенно ниже, чем у сравнительно недавно затронутых процессом урбанизации коми-пермяков [Козлов и др., 2013б].

Согласно данным ряда исследователей, наибольшему риску распространения ассоциируемых с носительством «экономных генотипов» метаболических расстройств подвержены группы, находящиеся на «модернизационном переломе» [Knowler et al., 1983; McElroy, Townsend, 2004; Ebbeson et al., 2005]. Это вполне ожидаемая ситуация: и поведение (в самом широком смысле), и генофонд в условиях современного мира меняются медленнее, чем антропогенная среда. В таких условиях популяция испытывает максимальный адаптивный прессинг, что выражается и в росте заболеваемости. Ситуация улучшается по мере формирования черт поведения, адекватных новым, «вестернизированным» условиям жизни. Они включают целый ряд психологических

и поведенческих изменений, смену типа питания, достаточный уровень физических нагрузок, ориентацию на самосохранительный тип поведения. В этом случае негативный эффект «экономного генотипа» ослабевает [Bernstein et al., 2002, 2003].

Можно заключить, что с позиций концепции «экономного генотипа» потенциально неблагоприятным для коренного населения Севера в современных условиях следует считать не изменение, а, напротив, сохранение относительно высокого носительства генотипов, детерминирующих быструю утилизацию тех или иных нутриентов.

Конструирование новой ниши — этап эпидемиологического перехода?

В несколько ином ракурсе ситуацию можно рассмотреть с позиций концепции конструирования ниш.

Согласно современным представлениям, адаптация к среде обитания — процесс, основанный на формировании обратных связей. Популяция в ходе приспособления модифицирует среду своего обитания, а измененная среда задает новые векторы изменений. Цикличность процесса обуславливает коэволюционные изменения, т.е. совместную эволюцию организмов и формируемой (конструируемой) ими ниши [Odling-Smee, 1988; Odling-Smee et al., 2003]. Поскольку в северных популяциях существенные изменения генофонда происходят на фоне смены образа жизни и питания, подход с позиций концепции Ф. Одлинг-Сми представляется вполне обоснованным.

Одним из наиболее ярких проявлений «модернизационных» изменений является урбанизация «коренных малочисленных народов Севера». В 2002 г. в пределах территорий преимущественного проживания доля горожан среди аборигенов Севера РФ составляла 28,1 %, в 2009 она превысила 30 % [Экономические и социальные показатели..., 2010]. Согласно переписи 2010 г., доля горожан в рассматриваемых 26 этнических группах (в пределах всей Российской Федерации, без учета региона проживания) равна 47,2 %. Практически это означает, что каждый третий или даже второй представитель «коренных северных народов» сегодня живет в городе, а его образ жизни и питания уже далек от традиционного.

Но даже у аборигенов, живущих в «национальных» поселках и во многом ориентированных на местные продукты, питание существенно меняется. Продукция оленеводства, рыболовства, морского зверобойного промысла подвергается воздействию техногенных загрязнителей [Born, Bocher, 2001; АМАР, 2003]. Местные продукты обрабатываются с применением современных технологий (например, микроволновых печей), обеспечивающих специфический температурный режим и ведущих к существенным изменениям на биохимическом уровне. Возрастает потребление покупных продуктов, изготовленных по «усредненным» промышленным образцам, в силу технологического процесса ориентированных на население внеарктических регионов. В результате состав пищи современных северян по вкладу макро- и микронутриентов значительно отличается от традиционных блюд прежних десятилетий, меняется баланс белков, жиров, углеводов, витаминов [Козлов, 2008].

Естественная в современном мире эволюция традиционной кухни также ведет к сближению с «вестернизированным» вариантом питания [Kozlov, 2004; Kozlov et al., 2007a, b]. Это хорошо видно, в частности, на примере потребления сахаров коренным населением Чукотки (табл. 2). С медико-антропологической точки зрения важен не только количественный рост показателя, но и увеличение разнообразия потребляемых сахаров. Колонка «сладости» отражает потребление сложных сахаров, входящих в состав конфет, варений, джемов, печенья и т.п. Усвоение ди- и полисахаридов возможно только под действием специфических ферментов, работа каждого из которых контролируется соответствующим геном. Но в силу естественных причин (малое количество и сезонная доступность природных сахаров, «белково-липидный» тип питания) на протяжении столетий давление отбора в поддержку разнообразия генов, регулирующих активность этих ферментов, в Арктике было ниже, чем в умеренных и тропических широтах. В результате среди коренных северян высока доля индивидов, которые не могут усваивать те или иные сахара (табл. 3).

Таблица 2

Потребление пищевых сахаров [Kozlov et al., 2005]

Группа населения, год обследования	Среднесуточное потребление (г)	
	Столовый сахар	«Сладости»
Чукчи, 1937	30	40
Чукчи, 1989	58	125
РФ в целом, 1990	65	129

В табл. 3 представлены данные о неусваиваемости только трех сахаров, содержащихся в разных продуктах: сахароза — столовый сахар, трегалоза содержится в грибах, лактоза входит в состав молока. Дефицит каждого из соответствующих ферментов (сахаразы, трегалазы, лактазы) приводит к проблемам при употреблении в пищу не просто сахара, как отдельного вещества, но и содержащих его продуктов и целых блюд. При дефиците трегалазы возникают неприятные ощущения и боли в кишечнике после употребления в пищу грибов. Широким распространением трегалазной недостаточности мы объясняем традиционное негативное отношение коренных северян к грибам как продукту питания [Козлов, 2006; Kozlov et al., 2005; Yamin-Pasternak, 2007]. Дефицит лактазы (первичная, генетически детерминированная гиполактазия) приводит к тому, что с возрастом снижается способность усваивать молоко и другие продукты, включающие лактозу. Это распространенный вариант физиологической нормы, который при традиционном образе жизни северян был адаптивно нейтральным: молоко и молочные продукты заметного места в рационе не занимали.

Таблица 3

Частота неусваиваемости дисахаридов в арктических и европейских популяциях (по разным источникам)

Дисахарид	Неусваиваемость, %	
	Коренное население Арктики	Население Европы
Сахароза	5–6,9	Менее 0,5
Трегалоза	10,5	0,25–2
Лактоза	48–97	2–37

Генетическое смешение ведет к изменению ситуации. При обследовании представителей различных этнических групп населения Чукотки мы установили, что у потомков от чукотско-чукотских браков носительство аллеля С гена LCT (детерминант первичной гиполактазии) составляет 0,98, у русского населения региона — 0,65. У идентифицирующих себя как чукчи потомков от этнически смешанных браков, один из родителей которых относится к коренному, а другой — к русскому населению, доля носителей аллеля С равна 0,79, т.е. промежуточна по отношению к упомянутым ранее выборкам [Боринская и др., 2006; Соколова и др., 2007; Козлов и др., 2012]. То же показано на примере ненцев с разным количеством предков, представляющих данную этническую группу [Khabarova, 2013]. Интерпретируя эту популяционно-генетическую ситуацию с точки зрения способности к стабильному употреблению молока на протяжении жизни (т.е. доли носителей аллеля Т, альтернативного С), мы получим следующую картину. Только 3–4 % взрослых чукчей могут употреблять молоко без неприятных последствий (таких, как расстройства работы кишечника, тошнота, боли в области живота), тогда как среди чукотско-русских метисов доля таких индивидов возрастает до 47 %. Следовательно, характерное для современных арктических популяций изменение частот аллелей гена LCT расширяет медико-биологические возможности увеличения разнообразия «северной» кухни.

С позиций концепции конструирования ниш важно отметить, что указанные изменения частот аллелей гена лактазы благоприятны для поддержания минерального обмена в костной ткани в условиях «вестернизированного Севера». С переходом от кочевого или полукочевого образа жизни к посттрадиционному (в поселках) и модернизированному (в городах) в питании аборигенов российской Арктики снижается доля традиционной пищи, богатой витамином D: оленины, пресноводной и морской рыбы, мяса и жира морского зверя. С этим ассоциировано ухудшение D-витаминного статуса «поселковых» и «городских» северян [Блажеевич и др., 1983; Козлов, Атеева, 2011]. Подобна ситуация и в других циркумполярных регионах [Rejnmark et al., 2004; Weiler et al., 2007; Hayek et al., 2010; Johnson-Down, Egeland, 2010]. D-гиповитаминоз ведет к нарушениям минерального обмена, обусловленный им недостаток кальция проявляется на клинико-лабораторном и клиническом уровнях [Красовицкий, 2011].

Но витамин D (кальциферол) осуществляет лишь регуляторные функции, поэтому связывать минеральный статус индивида только с содержанием витамина ошибочно [Ревелл, 1993]. На уровне целостного организма кальциевый баланс определяется целым рядом факторов, включающих, среди прочего, поступление Са с пищей и чувствительность тканей к витамину D (эту способность частично детерминирует ген рецептора витамина D — VDR). Освоение человеком регионов с недостаточным для выработки «эндогенного» кальциферола уровнем ультрафиолетового облучения (а к ним относится вся территория Европы), стало возможным в ре-

зультате адаптивных изменений, затронувших целый комплекс характеристик [Козлов, 2012a]. Они включили не только распространение аллеля Т гена лактазы, благоприятствующего стабильному потреблению молока на протяжении всей жизни и получению содержащегося в молоке сахара. По-видимому, важную роль сыграло и совершенствование D-витаминного обмена, обусловленное формированием специфических полиморфизмов гена VDR, детерминирующего чувствительность тканей к витамину D [Козлов и др., 2013a]. В выборках коми (а также шведов и голландцев) носительство специфических аллельных вариантов FokI и BsmI гена VDR ассоциировано с содержанием костной ткани, тогда как у проживающих в субтропических и тропических регионах европеоидов, а также представителей других расовых групп таких связей не выявлено. Этот факт подтверждает предположение о комплексном характере адаптации к условиям обитания в северных и высокоширотных регионах.

В наши дни обусловленное значительным числом межэтнических браков повышение доли носителей аллеля Т гена LCT в арктических популяциях приводит к тому, что все больший процент этнических северян уже не испытывает неприятных ощущений после употребления молочных блюд. Уменьшается доля носителей генотипа CC гена лактазы, ассоциированного с возрастным снижением минеральной плотности кости [Боринская и др., 2012]. Носители аллеля Т могут получать необходимый кальций с блюдами «европейской» кухни, в определенных пределах компенсируя этим снижение D-витаминного статуса. Приток характерных для «североевропейских» популяций вариантов полиморфизма гена VDR в группы монголоидных по расовой принадлежности северных аборигенов также можно рассматривать как фактор, благоприятный для оптимизации минерального метаболизма в костной ткани.

Можно предположить, что у современных коренных северян России в результате интенсивного генетического смешения с другими этническими группами складывается новый метаболический комплекс, в достаточной мере отвечающий новым условиям жизни и питания.

С позиций концепции конструирования ниш описанную ситуацию можно рассматривать как вариант коэволюционных изменений. «Модернизационные» изменения среды включают не только особенности образа жизни, питания, уровня «фоновых» физических нагрузок и т.п., но также увеличение миграционной активности и расширение круга брачных связей. Сопутствующее этому «размывание» изолятов увеличивает темпы генетических изменений на уровне популяций, причем приток генов осуществляется именно из групп, более адаптированных к той «модернизированной», «урбанизированной» нише, к которой смещается среда обитания северян.

Естественно, что при таком динамичном процессе наблюдается повышенная заболеваемость в такой условно выделяемой группе, как «коренное малочисленное население Севера». Но нужно четко понимать, что этот термин — политический, а не этнологический и тем более не антропологический. Разнообразие генотипов и генофондов, стратегий индивидуального и группового поведения у коренных северян, оказывающихся на «модернизационном переломе», чрезвычайно высоко. Соответственно велико и разнообразие ответов на воздействие новых средовых факторов, и повышение популяционных потерь, которое отражается в уровне заболеваемости.

Трактовка ситуации с позиций концепции конструирования ниш, на наш взгляд, хорошо отвечает представлениям популяционной медицины. Согласно им, в современных условиях уровень заболеваемости и смертности определяется не количеством врачей и распространенностью генетических факторов риска, а позицией, активностью и адекватностью поведения самого населения. Здоровье формируется и поддерживается всей совокупностью условий повседневной жизни. Именно этим в «модернизированном мире» и обеспечен современный эпидемиологический переход, характеризующийся снижением смертности от «болезней цивилизации» (сердечно-сосудистых, эндокринных, метаболических). В аборигенных популяциях черты эпидемиологического перехода пока только формируются.

Заключение

В современных условиях приток генов из других популяций — не синоним «заката этносов». Наоборот, несколько утрируя, можно сказать, что, несмотря на интенсивное генетическое смешение, не мигранты в российское Заполярье ассимилируют коренное население, а аборигены Севера поддерживают численность своих народов путем успешной ассимиляции мигрантов: подавляющее большинство потомков от межэтнических браков избирает своей национальностью «северные этносы».

Изменение генофонда северных популяций: «закат этносов» или формирование...

С этих позиций призывы к «сохранению генофонда коренных народов» и «поддержанию биоразнообразия человечества» следует рассматривать как проявления сегрегации и апартеида, ведущие к росту напряженности в межэтнических отношениях и миноритарному национализму, а не к улучшению здоровья северян. Если в «вестернизированном мире» обогащение национальных кухонь за счет включения в них новых продуктов и блюд рассматривается как положительное явление [Козлов, 2005], то почему в отношении народов Севера в данном случае избирается «двойной стандарт» и речь ведется только об «утере национальной кухни»?

В последние полвека уклад жизни народов северных регионов России, как и других арктических стран, значительно и бесповоротно изменился. Средовая адаптация становится все менее биологической, все более «технологической». Успешность ее больше зависит от культурной ориентации человека (в самом широком смысле, включая признание действенности «западной» медицины: ведь она, а не традиционное знахарство позволила в XX в. как минимум вдвое увеличить продолжительность жизни северян). В современных условиях культурно-антропологическая единица (этническая группа) все менее совпадает с медико-антропологической (популяцией), и генетическое смешение отнюдь не означает катастрофы. Наоборот, приток генов из других популяций может быть вполне благоприятным явлением в плане формирования «новой адаптивной ниши»: «вестернизированного» Севера.

Следует внимательно прислушаться к идее, которую Т.И. Алексеева [1998] выдвинула в одной из последних своих книг: на наших глазах формируется новый, «урбанистический» адаптивный тип. Анализ его соматических, физиологических, генетических характеристик со всеми присущими рисками и преимуществами — важная задача фундаментальных и прикладных исследований в области медицинской антропологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли: Биологические аспекты. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 279 с.
- Блажевич Н.В., Спиричев В.Б., Переверзева О.Г. и др. Особенности кальций-фосфорного обмена и обеспеченности витамином D в условиях Крайнего Севера // Вопр. питания. 1983. № 1. С. 17–22.
- Богоявленский Д.Д. Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 55–61.
- Боринская С.А., Ребриков Д.В. Нефедова В.В. и др. Молекулярная диагностика и распространенность первичной гипоплазии в популяциях России и сопредельных стран // Молекулярная биология. 2006. № 6. С. 1031–1036.
- Боринская С.А., Сафонова А.В., Петрин А.Н. и др. Ассоциация генотипа CC по полиморфизму LCT-13910C/T в регуляторном участке гена лактазы с возрастным снижением минеральной плотности кости // Мед. генетика. 2012. № 10. С. 17–23.
- Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
- Дильман В.М. Четыре модели медицины. Л.: Медицина, 1987. 288 с.
- Карафет Т.М., Посух О.Л., Виле В.П., Сукерник Р.И. Генетическая демография приполярных популяций Сибири // Наследственность человека и окружающая среда. М.: Наука, 1992. Вып. 2. С. 67–78.
- Козлов А.И. Пища людей. Фрязино: Изд-во Век-2, 2005. 272 с.
- Козлов А.И. Вам сколько кусочков сахара, или почему ненцы не едят грибов // Российская наука: Мечта светла. М.: Октопус, 2006. С. 363–369.
- Козлов А.И. Питание морских охотников Чукотки: традиции и современность // Тропою Богораза. М.: Ин-т Наследия, 2008. С. 180–194.
- Козлов А.И. Витамин D и все, все, все // Природа. 2012а. № 3. С. 18–22.
- Козлов А.И. Показатели здоровья коренного населения Севера российской Федерации в первом десятилетии XXI века // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф., Тюмень, 26–30 марта 2012. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012б. Вып. 2. С. 23–26.
- Козлов А.И., Атеева Ю.А. Витамин D и особенности питания различных групп коми // Вестн. МГУ. Сер. XXIII: Антропология. 2011. № 4. С. 25–34.
- Козлов А.И., Боринская С.А., Санина Е.Д. «Экономный генотип» ϵ_4/ϵ_4 по гену APOE и риск метаболических нарушений в популяциях уральских народов // Экол. генетика. 2011. № 2. С. 17–23.
- Козлов А.И., Вершубская Г.Г. Медицинская антропология коренного населения Севера России. М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. 287 с.
- Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Атеева Ю.А. и др. Ассоциация полиморфизма гена рецептора витамина D с антропометрическими показателями в группе этнических коми // Экол. генетика. 2013а. № 2. С. 41–49.

А.И. Козлов

- Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Отавина М.Л. и др. Факторы риска болезней системы кровообращения в различных группах населения Пермского края // Перм. мед. журн. 2013б. № 6. С. 119–127.
- Козлов А.И., Козлова М.А., Вершубская Г.Г., Шилов А.Б. Здоровье коренного населения Севера РФ: На грани веков и культур. Пермь: ПГГПУ, 2012. 160 с.
- Кольские саамы в меняющемся мире / А.И. Козлов, Д.В. Лисицын, М.А. Козлова и др. М.: Ин-т Наследия, 2008. 96 с.
- Комплексное клинико-генетическое исследование коренных народностей Западной Сибири / Н.В. Васильев, В.П. Пузырев, В.Д. Подоплекин и др. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 165 с.
- Красовицкий Р.А. Репродуктивное здоровье и поведение женщин финно-угорской группы: Дис. ... канд. мед. наук. Воронеж, 2011. 203 с.
- Пивнева Е.А. Манси: Популяционная структура, этнодемографические процессы (VIII–XX вв.). М.: ИЭА РАН, 1999. 306 с.
- Пузырев В.П. Медико-генетическое исследование населения приполярных регионов. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 199 с.
- Рабинович В.И., Лимборская С.А., Герасимова Д.В. Анализ некоторых демографических показателей народов ханты и манси в рамках медико-генетического исследования // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2010. № 3. С. 59–60.
- Ревелл П.А. Патология кости. М.: Медицина, 1993. 368 с.
- Соколова М.В., Васильев Е.В., Козлов А.И. и др. Полиморфизм С/Т-13910 регуляторного участка гена лактазы LCT и распространенность гиполактазии в популяциях Евразии // Экол. генетика. 2007. № 3. С. 26–35.
- Экономические и социальные показатели районов проживания коренных малочисленных народов Севера. М.: ФСГС (Росстат), 2010 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_23/Main.htm.
- AMAP Assessment 2002: Human health in the Arctic. Oslo: AMAP, 2003. 137 p.
- Bennet A.M., Di Angelantonio E., Ye Z. et al. Association of apolipoprotein E genotypes with lipid levels and coronary risk // JAMA. 2007. № 11. P. 1300–1311.
- Bernstein M.S., Costanza M.C., James R.W. et al. Physical activity may modulate the effects of APOE genotype on the lipid profile // Arterioscler. Thromb. Vasc. Biol. 2002. № 1. P. 133–140.
- Bernstein M.S., Costanza M.C., James R.W. et al. No physical activity x CETP 1b.-629 interaction effects on lipid profile // Med. Sci. Sports Exerc. 2003. № 7. P. 1124–1129.
- Born E.W., Bocher J. The ecology of Greenland. Nuuk: Ilniisiorfik, 2001. 429 p.
- Brune M., Hochberg Z. Secular trends in new childhood epidemics: Insights from evolutionary medicine. BMC Medicine. 2013. 11:226 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.biomedcentral.com/1741-7015/11/226>.
- Corbo R.M., Scacchi R. Apolipoprotein E (APOE) allele distribution in the world. Is APOE*4 a 'thrifty' allele? // Ann Hum Genet. 1999. № 4. P. 301–310.
- Ebbeson S.O.E., Adler A.I., Risica P.M. et al. Cardiovascular disease and risk factors in three Alaskan Eskimo populations: The Alaska-Siberia project // Int. J. Circumpol. Health. 2005. № 4. P. 365–386.
- Hayek J., Egeland G., Weiler H. Vitamin D status of Inuit preschoolers reflects season and vitamin D intake // J. Nutr. 2010. № 10. P. 1839–1845.
- Johnson-Down L., Egeland G.M. Adequate nutrient intakes are associated with traditional food consumption in Nunavut Inuit children aged 3–5 years // J. Nutr. 2010. № 140. P. 13116.
- Khabarova Y. Adult-type Hypolactasia in North-West Russia: Academic Dissertation. Tampere: Tampere Univ. Press, 2013. 84 p.
- Knowler W.C., Pettitt D.J., Bennett P.H., Williams R.C. Diabetes mellitus in the Pima Indians: Genetic and evolutionary considerations // Amer. J. Phys. Anthropol. 1983. № 6. P. 107–114.
- Kozlov A. Impact of economic changes on the diet of Chukotka natives // Intern. J. Circumpol. Health. 2004. № 3. P. 235–242.
- Kozlov A., Vershubsky G., Borinskaya S. et al. Activity of disaccharidases in Arctic populations: Evolutionary aspects // J. Physiol. Anthropol. 2005. № 24. P. 473–476.
- Kozlov A., Nuvano V., Vershubsky G. Changes in Soviet and post-Soviet Indigenous diets in Chukotka // Etudes/Inuit/Studies. 2007a. № 1–2. P. 103–119.
- Kozlov A., Vershubsky G., Kozlova M. Indigenous peoples of Northern Russia: Anthropology and health. Oulu: Circumpolar Health Supplements, 2007b. 184 p.
- Kurian A.K., Cardarelli K.M. Racial and ethnic differences in cardiovascular disease risk factors: A systematic review // Ethn. Dis. 2007. № 1. P. 143–152.
- McElroy A., Townsend P.K. Medical anthropology in ecological perspective. Boulder; Oxford: Westview Press, 2004. 466 p.
- Neel J.V. Diabetes mellitus: A «thrifty» genotype rendered detrimental by «progress»? // Am. J. Hum. Genet. 1962. № 4. P. 353–362.

Изменение генофонда северных популяций: «закат этносов» или формирование...

Odling-Smee F.J. Niche-constructing phenotypes // *The Role of Behavior in Evolution*. Cambridge, MA: MIT Press, 1988. P. 73–132.

Odling-Smee F.J., Laland K.N., Feldman M.W. Niche Construction: The Neglected Process in Evolution. Princeton: Princeton Univ. Press, 2003. 488 p.

Rejnmark L., Jorgensen M.E., Pedersen M.B. et al. Vitamin D insufficiency in Greenlanders on a westernized fare: ethnic differences in calcitropic hormones between Greenlanders and Danes // *Calcif. Tissue Int.* 2004. № 3. P. 255–263.

Szathmary E.J.E. Diabetes in Amerindian populations: the Digrib studies // *Disease in populations in transition: Anthropological and epidemiological perspectives*. N. Y., Westport CO; L.: Bergin & Garvey, 1990. P. 75–104.

Weiler H.A., Leslie W.D., Krahn J. et al. Canadian Aboriginal women have a higher prevalence of vitamin D deficiency than non-Aboriginal women despite similar dietary vitamin D intakes // *J. Nutr.* 2007. № 2. P. 461–465.

Wendorf M., Goldfine I.D. Archaeology of NIDDM. Excavation of the «thrifty» genotype // *Diabetes*. 1991. № 2. P. 161–165.

Yamin-Pasternak S. An ethnomycological approach to land use values in Chukotka // *Etudes/Inuit/Studies*. 2007. № 1–2. P. 121–142.

НИИ и Музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова
dr.kozlov@gmail.com

An intensive inter-ethnic mixing of northern native population could be treated both as a threat to the existence of historically shaped gene complexes and a favourable process leading to enriching and increasing the diversity of the gene pool. The problem being considered in terms of concepts of «economic genotype» and «framing of niches», by the example of APOE, LCT and VDR genes. It is suggested that the native northern peoples of Russia being object to formation of a metabolic complex adequately meeting requirements of new living conditions and nutrition.

Native population, economic genotype, framing of niches, sickness rate, APOE, LCT, VDR, lactase, vitamin D.

ЭТНОЛОГИЯ

ЖИВОТНОВОДСТВО В ГЛУХИХ РАЙОНАХ ЮЖНОЙ ТАЙГИ: ОПЫТ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В.Н. Адаев

Рассмотрены содержание и механизм адаптационных процессов в животноводческом хозяйстве поселенцев (русские, чуваша, поляки) южно-таежных территорий, удаленных от главных речных артерий. Представлены проблемы доставки животных, кормовой базы, защиты от кровососущих насекомых, соседства диких животных, домашней ветеринарии, содержания племенных быков. Сделан вывод о важной роли крестьянского животноводства в формировании экономически надежного хозяйственного комплекса, ставшего в итоге общим как для переселенческих народов, так и для местных народов Севера.

Таежное скотоводство, переселенцы, хозяйственная адаптация, Демьянка, Туртас, Среднее Прииртышье.

Введение

Вопросы хозяйственной адаптации этнических групп, переселившихся в Западную Сибирь в конце XIX — первой четверти XX в., относятся к привычной проблематике исследований в последние десятилетия [Коровушкин, 2006; Повод, 2006, 2008; Фурсова, 2000; Шелегина, 2005; Шпорт, 1987; и др.]. При этом одному из интереснейших аспектов данной сферы, а именно адаптации производящих отраслей хозяйства в экстремальных условиях глухой тайги¹, не уделялось пока должного внимания. Исключение составляют работы омских специалистов, посвященные опыту освоения белорусскими и немецкими переселенцами урманных территорий Тарского округа [Бережнова, 2009; Бетхер, 2003; Вибе, 1997]². Однако, во-первых, в них рассматриваются не самые удаленные вглубь тайги поселения, а во-вторых, не учитывается, что сам процесс освоения земель не всегда был успешным. По сути дела, белорусы и немцы оказались на северной окраине Тарского округа волей случая, так как получали свои земельные наделы уже в условиях дефицита удобных для заселения участков (см. [Бережнова, 2009, с. 32, 34]). Соответственно неосвещенными остались примеры успешного освоения более удаленных на север и изолированных районов тайги, переход в которые был осуществлен в результате осознанного выбора людей.

В данной работе представлен опыт адаптации животноводческого хозяйства в условиях глухих таежных территорий по притокам Нижнего Иртыша (рр. Демьянка и Туртас), реализованный выходцами из Омского Прииртышья в XX в. Переселенцы относились к разным этническим группам, большинство из которых составляли русские, чуваша и поляки. В местах переселения они сталкивались с весьма сложными условиями для содержания скота: недостаток пастбищ и покосов, высокая активность гнуса, опасность нападения таежных хищников и др. Нередко отдельной проблемой становилась сама доставка животных к местам нового жительства. Тем не менее в 1920–1940-е гг. многие семьи решались на такой переезд: одних к этому подталкивало желание скрыться от глаз властей, других манила перспектива доходного охотничьего и рыболовного промысла. Причем, как ни парадоксально, рассматриваемые далее материалы подтверждают, что промысловая деятельность таежных поселенцев не только вписывалась в единый хозяйственный комплекс со скотоводством, но и могла способствовать его развитию.

¹ Используемые в данной работе термины «глухая тайга», «урманная тайга» удобны в силу своей краткости. Здесь под ними понимаются труднодоступные и значительно удаленные от густонаселенных мест таежные территории.

² Анализу экономики переселенческих хозяйств данной территории было посвящено также несколько работ начала XX в. [Букейханов, 1908а, б; Юферев, 1907].

Животноводство в глухих районах южной тайги: опыт переселенцев из Среднего Прииртышья...

Цель настоящей работы — изучение содержания и механизма адаптационных процессов в животноводческом хозяйстве переселенцев в условиях территорий южной таежной зоны, удаленных от главных речных артерий. В центре внимания находятся коллективы переселенцев из Прииртышья (Усть-Ишимский, Тевризский и Тарский районы современной Омской области), которые, уходя на север, осваивали земли в бассейнах рек Туртас и Демьянка (Уватский район Тюменской области).

Хронологические рамки исследования определены, с одной стороны, начальным рубежом заселения глухих таежных территорий (1920-е гг.), с другой — временем утраты существенной изоляции этих территорий (1960-е гг.).

Одним из важнейших источников для исследования стали полевые материалы, собранные в этнографических экспедициях: в Уватский район Тюменской области (2000, 2002–2004, 2005а, б, 2006, 2007а, б, 2011), Усть-Ишимский, Тевризский (2005, 2010, 2011) и Тарский районы (2012) Омской области. В ходе полевых работ велась запись воспоминаний людей, производилось копирование семейных фотоархивов, с привлечением географических карт уточнялась локализация поселений и направления переселенческих маршрутов.

Заселение территории

Схема на рис. 1 наглядно демонстрирует, что проникновение иртышских жителей в бассейны Демьянки и Туртаса шло с двух главных направлений: западного и южного. С запада, с территории Уватского Прииртышья, заселялись главным образом низовья вышеуказанных рек, с юга, из района Омского Прииртышья, — среднее течение и верховья.

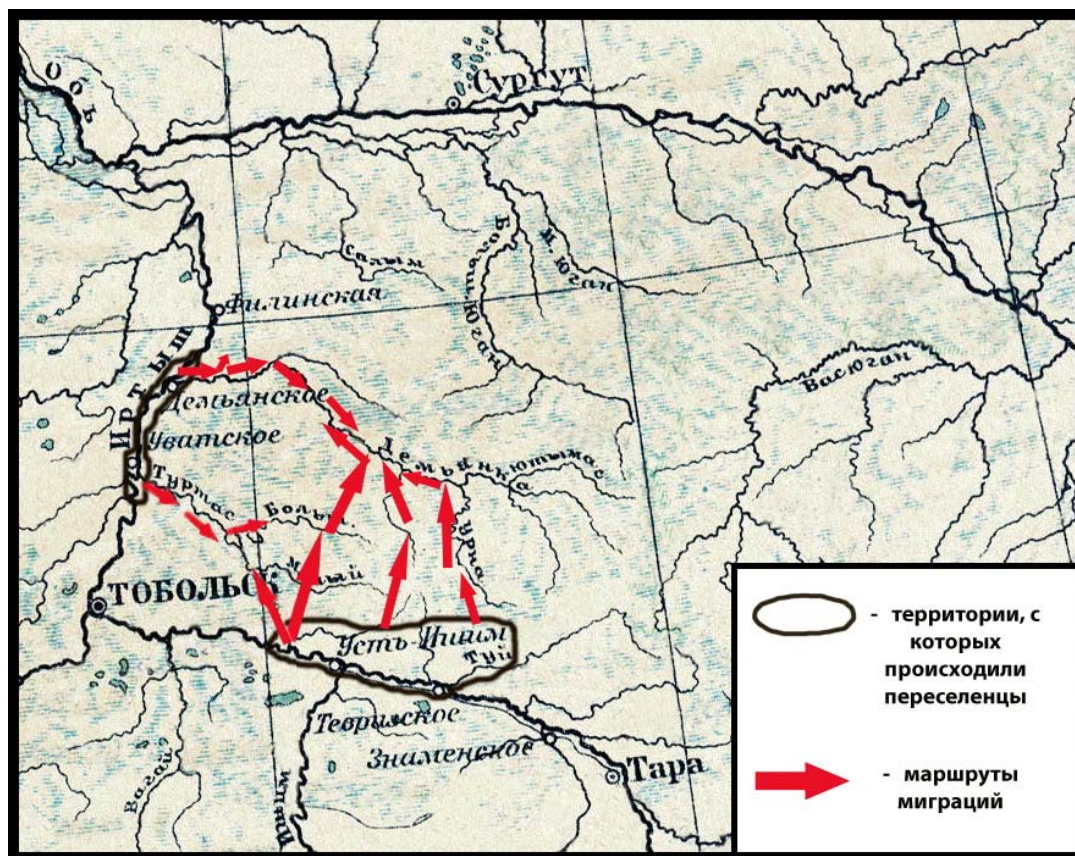

Рис. 1. Схема заселения территории рр. Демьянки и Туртаса жителями иртышских селений в XX в.

В данной работе основное внимание уделяется переселенцам из Омского Прииртышья, так как они осваивали наиболее труднодоступные таежные территории речных долин и сами маршруты, по которым они переселялись и завозили скот, были чрезвычайно сложными. Достаточно сказать, что при освоении низовьев рек жители Уватского Прииртышья с успехом использо-

вали водные артерии (на протяжении нескольких сот километров от устья Демьянка и Туртас являются судоходными), а также веками действовавшие надежные зимники, проложенные в основном по речному руслу и коренной прибрежной части. Население же Омского Прииртышья проникало на северные территории, преодолевая труднопроходимые пересеченные ландшафты вдоль небольших рек и обширные заболоченные ареалы, протяженностью от нескольких десятков до сотен километров. Особенно сложными были условия передвижения в летний (бесснежный) сезон. Подробнее вопрос условий путей сообщения будет освещен далее.

Первая волна переселенцев появилась на Туртасе и Демьянке в 1920–1930-е гг. в связи с отменой территориальных ограничений на промысел в «инородческих вотчинах» [Васильев, 1929, с. 35]. Владельцами «вотчин» были местные представители народов Севера: в низовьях рек проживали южные ханты (туртасские и демьянские соответственно), к тому времени уже в значительной степени ассимилированные русскими, по среднему и верхнему Туртасу кочевали несколько семей эвенкийских оленеводов, а оставшаяся часть Демьянки служила промысловыми угодьями для хантов-олленеводов с р. Большой Юган. Важно отметить, что в низовьях обеих рек переселенцы вступали в острую конкуренцию с местными хантами, фактически вытесняя их с охотничьих и рыболовных угодий, селясь непосредственно в их поселках или по соседству. В среднем и верхнем течении Демьянки и Туртаса ситуация складывалась по-иному. Местные оленеводы и пришлое население занимали «разные экологические ниши»: первые предпочитали селиться на мелких речных притоках и близ озер, расположенных на водораздельных болотах, вторые — по основному руслу рек и их крупных притоков (см. подробнее: [Адаев, 2010]). Кроме того, плотность населения в этой части речных бассейнов была в несколько раз ниже, чем в низовьях.

Первые переселенцы в основном были представлены сибирским старожильческим населением (русские, поляки³), которое с XIX в. активно занималось сезонным промыслом в тех же районах Демьянки и Туртаса. Многие из сибирских старожилов довольно быстро перешли там на охотничье-рыболовецкую модель хозяйствования своих хантыйских и эвенкийских соседей, однако чаще всего, даже отказавшись от земледелия, они продолжали содержать домашний скот. Дополнительным стимулом к переселению людей в тайгу, как указывалось выше, нередко становились опасения репрессий, раскулачивания, нежелание вступать в колхоз и т.п. Основным убежищем в таком случае обычно становилась Демьянка, как наиболее удаленная и практически не контролируемая властями в тот период территория. Именно туда в 1930-х гг. бежали от преследования властей и несколько семей чувашей из Омского Прииртышья. Они поселились в среднем течении реки и практиковали хозяйственную модель, сочетавшую земледелие и скотоводство с охотничье-рыболовецким направлением деятельности.

Отстраненное отношение к советской власти у подобного контингента таежных переселенцев ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда с верхней и средней Демьянки практически никто не отозвался на мобилизационный призыв. Для сбора населения на фронт в 1942–1943 гг. проводились специальные милицейский рейды, во время которых, кстати, у местных жителей конфисковали всех лошадей. Некоторые оставшиеся без мужчин семьи в 1940-е гг. вынуждены были выехать из тайги. В частности, тогда покинули Демьянку жившие там поляки. В 1940–1950-х гг. на Демьянке и Туртасе появилась большая группа поздних славянских переселенцев в Сибирь, которая осела главным образом в низовьях рек. Максимальная численность переселенцев, проживавших в бассейне средней и верхней Демьянки, в 1950-е гг. достигала около 120 чел. Число переселенцев в верховьях и среднем течении Туртаса в это же время составляло не менее 50 чел. В 1970–1980-е гг., с закрытием на реке магазинов, пунктов приема пушнины и школ, большинство населения покинуло обе таежные реки.

Как видим, общая численность переселенцев в глухих таежных районах Демьянки и Туртаса даже на уровне максимальных показателей (около 170 чел. в 1950-е гг.) оставалась крайне невысокой для столь обширной территории (около 40 000 км²). Особенно ярким выглядел этот диссонанс на фоне расположенного южнее густозаселенного Омского Прииртышья, значительная часть которого в 1920–1940-е гг. вместе с примыкающим ареалом средней и верхней Демьянки принадлежала к одной административно-территориальной единице — Тарскому округу. На это обратили внимание в начале 1930-х гг. и исследователи хозяйственно-экономического со-

³ Поляки-переселенцы здесь отнесены к сибирскому старожильческому населению, так как их предки были сосланы в Сибирь еще в 1860-х гг. после очередного польского восстания (см.: [Фатеев, 1996, с. 100]).

стояния Омского Прииртышья. Они писали, что на севере Тарского округа основная масса населения сконцентрирована в узкой 20–30-километровой полосе вдоль Иртыша, в то время как расположенная на самой северной окраине округа система р. Демьянки «представляет собой совершенно необжитую местность, занятую болотами и тайгой» [Проблемы освоения..., 1935, с. 207].

Состав домашних животных

Основными домашними животными переселенцев были коровы, лошади, овцы, свиньи и куры. По воспоминаниям жителей Демьянки⁴, в 1930-е гг. на одно местное хозяйство приходилось в среднем 1–2 коровы и лошадь. Многие держали овец — обычно около 5–10 голов. Значительно реже разводили свиней и кур (известные примеры — 2–3 свиньи и 10–15 кур на один двор). Как правило, это были хозяева, которые еще активно занимались земледелием. Таковых на Демьянке было не более трети, на Туртасе же, судя по косвенным данным, земледелие вообще не получило серьезного развития.

Важно отметить функциональную специфику таежного животноводства: корова в основном ценилась как источник молока и отчасти как тягловая сила, лошадь — в качестве транспортного и тяглого животного; овца — как источник шерсти и шкур для пошива одежды, а также мяса; свинья — источник мяса; курица — яиц.

Приведенные показатели по Демьянке и Туртасу о соотношении коров и лошадей на одно хозяйство в общем близки к данным по таежным поселениям на иртышских притоках Уй и Шиш в Тарском округе за 1900-е гг. [Букейханов, 1908а, с. 6; Юферов, 1907, с. 288–292] (это те, «не самые удаленные в тайгу поселения» округа, которые упомянуты в начале работы). Еще одним сходством ближних и дальних таежных регионов было то, что хозяйства, практиковавшие земледелие, с годами наращивали поголовье коров, и главным стимулом к этому являлась насущная необходимость удобрения полей. Так, одна из семей чувашей-земледельцев на Демьянке перед войной держала уже трех коров и быка, не считая телят, кроме того, у них было около 10 овец и пара лошадей [Сводные материалы...].

Отметим, однако, и существенные отличия скотоводства на Демьянке и Туртасе от скотоводства более южных таежных территорий Тарского округа. Во-первых, земледелие не только не составляло основу благосостояния демьянских и туртасских земледельцев, но и вообще практиковалось лишь меньшинством населения, а следовательно, принципиальная взаимосвязь скотоводства и земледелия была выражена заметно слабее. Во-вторых, скотоводство не имело товарного значения (за пределами внутреннего таежного ареала), а потому получали развитие некоторые направления, в более южных регионах тайги считавшиеся нерентабельными (выращивание овец), и одновременно существенно меньше развивались другие (выращивание свиней). В-третьих, ввиду охотничье-рыболовецкой специализации хозяйств и богатства местных природных ресурсов, мясное направление скотоводства уходило на второй план. В-четвертых, в связи со значительными расстояниями до прииртышских селений (до нескольких сот километров), куда демьянские и туртасские жители выезжали для приобретения товаров и продуктов, а также для сбыта рыбы, мяса, пушнины и кедрового ореха, чрезвычайно важным было наличие в хозяйстве лошади как транспортного животного.

Пользуясь особым, изолированным положением своего места жительства, переселенцы на Демьянке продолжали держать неучтенных государством лошадей и после введения в 1938 г. высокого налога на единоличные лошадиные хозяйства. Однако после 1943 г. лошади в их таежных поселениях практически исчезли. Имевшиеся, как упоминалось выше, были конфискованы для фронтовых нужд, а позднее многие таежники уже опасались их разводить. Прошедшие в 1940-х гг. милицейские рейды показали, что Демьянка стала досягаемой для государственных органов, и давать лишний повод для нового появления представителей власти казалось неразумным. Сама же конфискация лошадей для нужд фронта надолго запечатлелась в памяти таежников как драматическое событие: «*Коней тогда всех собрали, у всех. Сани и коня. У всех забрали. И у Воболесов, и у всех-всех, и у Смирнова, и всех забрали коней. Омская милиция забирала*» [Сводные материалы...].

⁴ Здесь и далее, если не будет указано специально, при упоминании ареалов Демьянки и Туртаса имеются в виду территории среднего и верхнего течения рек.

Не лишним будет добавить, что лошадь — единственное домашнее животное, нашедшее отражение в местной русской топонимии. Одно из озер близ демьянского селения Калемьяга носит название Конное. Известно, что от поселка до водоема была проложена конная дорога, по которой вывозили рыбу, что, возможно, и послужило поводом для названия.

Доставка животных

Основным способом доставки скота в тайгу был перегон по весеннему насту либо по зимникам, известны также случаи водной транспортировки животных на плотках. На расстояния до 15–20 км между таежными селениями скот могли перегонять по тропам и в летнее время, однако полномасштабная доставка животных с территории Омского Прииртышья в дальние районы тайги в бесснежное время была практически нереальной.

Как правило, переезд переселенцев в тайгу осуществлялся в несколько этапов. Предварительно нужно было определить место будущего поселения, расчистить территорию от леса, построить дом и хозяйственные постройки (включая пригоны и стойла), заготовить корм для скота — этот этап мог занять от нескольких месяцев до нескольких лет. Далее, в зимний период, следовало совершить несколько поездок, чтобы доставить гужевым транспортом необходимые вещи и запас продуктов (рис. 2). Только после этого завозили членов семьи и вели скот. Из рассказов переселенцев: *«Брат наш завозил. Он эти — продукты... до нас, мы еще не собрались, а он два раз за зиму и до этого продукты завез. По сколько-то там, на двух лошадях. 27 марта мы пришли. Мы же с коровами — на лошадях и с коровами приехали. Две коровы вели. Тогда у местных у всех лошади были дак, они подъезжали часто рыбу продавать, ягоды ли что — тогда дорога хорошая была. Я почти всю дорогу бежал»* [Сводные материалы...].

Рис. 2. Подводы на Туртасском зимнике, первая половина XX в. (из семейного архива Доброванова С.С.)

Заезд обычно происходил весной (в марте-апреле), при этом старались подобрать время с установившейся невысокой минусовой температурой и без осадков. В случае если часть маршрута пролегала в стороне от наезженных зимников, ждали установления надежного наста, «чтобы скотина поднималась» (т.е. могла идти, не проваливаясь в снег). Поселений на Туртасе жители Омского Прииртышья достигали за 1–2 дня пути, Демьянки — за 3–6 и более дней. На маршрутах через промежутки, соответствующие средним дневным переходам, имелись избышки или поселения, где можно было остановиться на ночлег. С собой обязательно везли большой запас сена, чтобы кормить скот в дороге.

Серьезную опасность представляли переходы через протяженные болотные пространства (были случаи, когда в пургу люди теряли дорогу и погибали), а также оттаявшие или незамерзшие водоемы. Из рассказов об условиях перехода болот: *«Потом дорога по болоту, справа лес стеной стоял. Конца-края не видать. Ехали на лошадях, их распрягали и оглобли привязывали во время ночевки стоймя, чтобы не занесло зимой телегу»* [ПМ Повод, 2005]. В долгой дороге могли произойти разные непредвиденные несчастья. За несколькими скупыми фразами, описывающими один из подобных неудачных переходов, стоит большая трагедия семьи

таежных переселенцев: *«Везли с собой коня и корову. Корова гулять в Зимнике (название поселка. — В. А.) захотела и ушла. Коня утопили»* [Сводные материалы...].

Единичные примеры доставки скота по реке на плотах были связаны с переездами уже внутри таежной территории. Сложность такой транспортировки заключалась в том, что таежные реки изобиловали мелями и завалами, поэтому нередко единственным возможным временем поездки становилось весеннее половодье. Подобные перевозки тоже были связаны с известным риском потерять или травмировать животных в дороге, тем не менее иногда переселенцы решались на такой шаг. Из воспоминаний современных демьянских жителей о своих предках: *«Скот везли на плоту, а Имгит — маленькая речка, тяжело было очень, но шли. Дед привез тогда с собой корову, нетель и двух овец»* [Сводные материалы...].

Летние перегоны коров в соседнее поселение по лесным тропинкам не были редкостью в отдельных районах тайги, и продиктованы они были насущной необходимостью: не в каждом селеении имелся свой бык, поэтому приходилось для спаривания приводить своих коров к соседям.

На этом фоне не менее экзотичной выглядела доставка скота в тайгу и в более поздний период, хотя для этого использовался уже современный транспорт: с 1970-х гг. некоторые таежники завозили в свои поселения телят на самолете или вертолете.

Условия таежного животноводства

В данном разделе будут рассмотрены вопросы, касающиеся кормовой базы животноводства, активности кровососущих насекомых, соседства диких животных, домашней ветеринарии и содержания племенных быков. Приведенные пункты особенно красноречиво характеризуют специфику содержания животных в таежных условиях.

Если рассматривать ситуацию с пастбищами и покосами в широком сибирском ракурсе, то следует отметить, что далеко не всегда скотоводство сталкивалось с большими трудностями в обеспечении кормовой базой в глухих районах таежной зоны. Так, например, в Восточной Сибири, на близких по широте с Демьянкой и Туртасом территориях верховьев р. Нижней Тунгуски, существовали значительные площади речных долин с хорошей травяной растительностью, что вполне благоприятствовало разведению скота русскими переселенцами [Копылов и др., 2009, с. 76–78]. В исследуемом же нами ареале положение было принципиально иным.

С самого начала перед переселенцами на Демьянке и Туртасе остро вставал вопрос о пастбищах и участках для покосов, это во многом определяло выбор конкретного места жительства в тайге. Скот обычно выпасался без присмотра, бродил по близлежащим лесным полянам и берегам водоемов. По шутливому выражению местных жителей, в этом случае *«медведь ластух был»* — домашние животные будто бы сами не разбегались далеко, чувствуя близость хищника. Для защиты от медведя в некоторых поселениях летом без привязи бегали охотничьи лайки. Кроме того, считалось, что зверь не трогает скот с боталом на шее, его, по всей видимости, отпугивает звон металла. Среди домашних животных, пожалуй, наиболее внимательно следили за сохранностью лошадей — их старались во время выпаса не выпускать далеко из поля зрения. Травы на окрестных полянах для скота, как правило, не хватало, поэтому для подкормки приходилось периодически привозить к дому траву, скошенную в других местах. На таежных лугах и полянах преобладали осока, пырей и метлица, представляющие в основном грубый и не самый питательный корм для скота. В некоторых хозяйствах, практикующих земледелие, специально для лошадей сеяли овес, им же подкармливали кур.

Столь же рутинным обстоятельством был недостаток участков для покосов. Из высказывания жительницы среднего течения Демьянки: *«Покосов шибко хороших не было. Потому что лугов заливных там не было, по обе стороны там был дремучий лес»*. Места покосов, особенно у многодворных поселений (от трех и более скотоводческих хозяйств), были известны местным жителям наперечет: это были в основном небольшие заливные долины крупных притоков Демьянки и Туртаса, лога по низинным берегам, поляны и «чистины» от старых горельников, разбросанные по окрестным лесам. В отдельные годы положение могло сильно осложняться из-за большого и длительного разлива рек. В таком случае уходили косить на более отдаленные и неудобные территории. Иногда приходилось подсохшую траву вытаскивать с полян на носилках или с большими сложностями перевозить через реку лошадей, чтобы использовать их для транспортировки копен и т.п. Зимой при отсутствии лошадей копыны могли вывозить к поселку на быках, коровах или собаках. По рассказам, свора собак, запряженных в нарты, могла вывезти на нартах одну копну сена, бык способен был тащить сразу две. В урожайный год

сена старались заготовить побольше, чтобы застраховаться на случай будущего малотравного сезона. Осенью практиковался и вторичный покос, когда выкашивался следующий подрост травы (отава). Наконец, существовали экстремальные способы подкормки скота, когда травы и сена уже не оставалось совершенно. Домашних животных кормили таловой стружкой, мелкими ветками тальника, вербы и пихты. Иногда рубили на болотах мерзлые кочки, которые после запаривания измельчали и также скармливали скоту.

Таким образом, недостаток кормов и их нестабильное состояние являлись серьезным лимитирующим фактором для расширения скотоводческого хозяйства таежников. Лишь немногие семьи решали эту проблему радикальным способом: шли на тяжелейший труд по расчистке от леса новых участков для покоса на незаливных террасах. Исследователь В. Юферев, анализируя сходную ситуацию с дефицитом пастбищ и покосов у переселенцев на р. Шиш, писал, что местные жители, как правило, тоже не рисковали расширять имевшиеся покосы в лесах. Причина заключалась в том, что на расширенных участках из-за изменений условий солнечного освещения происходила постепенная смена видового состава трав. Переходный период занимал 3–4 года, на которые укос с расчищенного места существенно падал. Это временное сокращение сбора сена угрожало гибельно отозваться на состоянии скотоводства переселенцев, и без того крайне стесненных в отношении кормов [Юферев, 1907, с. 283].

Следующий пункт, на котором необходимо остановиться особо,— высокая активность таежных кровососущих насекомых (комар, овод, мошка). Показательно, что русские жители р. Демьянки выделяли в качестве значимых периодов года «комарное» и «оводное» время. Первое длилось с конца мая до середины июня, второе — со второй половины июля до августа [Васильев, 1929, с. 19]. Особое внимание народного календаря к этим периодам было продиктовано в первую очередь удобством промысла лося, обычно прячущегося в эти периоды в водоемах. Однако в отдельные сезоны чрезвычайно большое количество насекомых в сочетании с высокой температурой воздуха и отсутствием ветра становилось серьезной помехой и для домашних животных. Наиболее уязвимыми для атак насекомых были коровы и лошади, в некоторых случаях без помощи человека они могли даже погибнуть. Отсюда становится понятным, почему в глухой тайге получило широкое распространение выращивание овец. Главной защитой от насекомых был дым. Для животных разводили дымокур в местах их дневного отдыха и около стойл. С целью улучшения продуваемости пространства в самом поселении вырубались имевшиеся вокруг кусты и деревья. Сильнее всего скот страдал от укусов овода, коровы и лошади иногда находили дневное укрытие от насекомых в близлежащих озерах либо лежали весь день около дымокура. Так как животные в таких условиях практически не питались, их выпускали на вольный выпас по ночам.

При этом вновь повышалась угроза потери части животных от нападения медведей. Такое периодически случалось во всех селениях; атаковавшего скот хищника старались как можно быстрее убить, так как он обычно не останавливался на первом нападении. Отмечены и совершенно неожиданные помехи скотоводству от соседства с другими дикими животными. Например, старожилы Демьянки рассказывали, что их коров, когда те паслись у озер, распугивали местные бобры, причем делали это намеренно: подплывали поближе и громко шлепали по воде хвостом. Эта особенность поведения бобра лишь закрепляла его репутацию у местных жителей как «вредного животного», так как он нередко повреждал и рыболовные ловушки.

Так как для содержания молочных коров таежникам необходимо было иметь племенных быков (хотя бы одного на несколько близлежащих поселков), они обрекали себя на соседство с опасным животным. На первый взгляд это может показаться преувеличенной проблемой, но в условиях стесненности пространства и свободного выпаса скота угроза жизни и здоровью людей была вполне реальной. Истории об атаках буйных быков на человека и чудесных спасениях записаны в нескольких поселках на Демьянке. Истории эти тесно переплетены с таежным бытом, некоторые из них совершенно анекдотические: *«Бык у нас был сердитой сильно. Кидался. Даже потом привык на выстрел ходить. Вот, в лесу кто-то стрелит. Ага, а он идет искать. Побудаться надо. И вот он как-то один раз меня поймал у этой березы и вот мы с им ходим кругом. Я его палочкой ткну, он опять пока разворачивается, я уже во вторую сторону пройду. А я вспомнил — там шёршни, здоро-овые такие шёршни. Думаю, ведь я счас его обману. Я пробегу сначала, по гнезду ударю палочкой, а он как раз попадет в это место-то. И вот он как поймал, потом как хвост прямо сделал, в лес убежал и вот сутки не было его»* [Сводные материалы...]. Были и другие рассказы, с трагической развязкой: *«В Стариковом Ко-*

Животноводство в глухих районах южной тайги: опыт переселенцев из Среднего Прииртышья...

потилковы старики жили. Старика-то бык забудал — там свой бык. Здоровый мужчина был. Ведь надо же, подбежал, его под спину поднял, прибростил... Вырастили — он на ладонь только ниже коня был, бык-то. Дак смерть себе вырастили» [Сводные материалы...].

В условиях отсутствия профессиональной ветеринарной помощи лечение домашних животных оказывалось всецело в компетенции самих таежных жителей. При этом критичность ситуации нередко подталкивала людей к довольно смелым экспериментам. Так, одна из русских старожилок с гордостью вспоминала, как сумела спасти умирающую от тяжелых родов овцу, самостоятельно проведя хирургические процедуры. В семьях чувашей и русских отмечено также несколько случаев экстренной операционной помощи домашним птицам: *«Григорьева Елена (чувашка с р. Демьянки. — В. А.] делала петуху вот такую операцию. А я услышала. Думаю, ну-ка, раз мои наглотались сена в зоб-то полный... А сухо сено, оно же не свежее, ведь не перерабатываются. Ну-ка, думаю, я им сделаю операцию. Разрезала зобы трем курицам. Тут маленько обтеревила. Разрезала, сено повытаскала, а марганцовки уж приготовила. Промыла, там зоб завязала, зашила, там салом помазала. А через три дня они у меня из коробки стали вылазить. Жили же потом долго курицы-то»* [Сводные материалы...]. Отметим, что в представленном примере среди применявшихся лекарственных средств присутствовал продукт охотничьего промысла: медвежье или барсучье сало (то и другое широко применялось на Демьянке в качестве противовоспалительного средства). Это одно из проявлений органичного сочетания добывающих отраслей хозяйства с крестьянским животноводством.

Сочетание скотоводства с другими видами деятельности

Начать нужно с упомянутой выше тесной взаимосвязи скотоводства с земледелием. При этом второе без поддержки первого в таежных условиях существовать не могло вообще. Чрезвычайно важным для сохранения плодородности почвы было удобрение ее навозом (использовался коровий и овечий), в особенности учитывая, что экстенсивный вариант земледелия с периодической сменой полей для населения глухих таежных районов был абсолютно неприемлемым. Нынешние таежники хорошо помнят рассказы предыдущего поколения о необычайной трудности расчистки участков векового леса и первичной обработки целины. К тому же вспашка земли и некоторые другие полевые работы осуществлялись с использованием домашних животных — лошадей либо быков. С другой стороны, часть продукции земледелия (овес, картофель), а также остатки еды растительного происхождения, очистки и отходы шли на корм скота.

Совмещение животноводства с охотничьим и рыболовным занятиями подразумевало разделение труда в рамках одного домохозяйства. В то время как мужчины уходили на промысел, женщины, подростки и старики оставались в селении, выполняя всю необходимую работу по содержанию скота. Иногда этой работой занимались посменно, так как подростки, а в некоторых семьях и женщины принимали самое активное участие в промысловой деятельности.

Как ни парадоксально, промысловая деятельность таежных поселенцев не только вписывалась в единый хозяйственный комплекс со скотоводством, но и могла способствовать его развитию. Свидетельство этого сохранилось в памяти нынешних потомков бывших переселенцев 1920–1930-х гг.: *«По тем ценам соболя убивали — можно было купить корову»* [Сводные материалы...]. Некоторым образом домашний скот мог использоваться и для промысловых дел. Во многих местах пробовали применять домашних быков для вывоза по снегу добытого лося. Как правило, отмечалось, что быки плохо приспособлены к перетаскиванию тяжелого груза по снеговой целине, но были и удачные опыты. Один из них записан у промысловиков с р. Туртас: *«Мы мясо и на быках вывозили. Охотник лося завалит — надо за санями. Потихоньку ведешь (быка). Пройдет туда, туда-то же он не так уросит (т.е. противится). Прошел — следья застыли. Обратно уже след в след идет»* [Сводные материалы...].

Каждодневный напряженный труд всех членов семьи, сложная система организации и совмещения разных направлений хозяйственной деятельности позволили отдельным семьям наладить вполне комфортный крестьянский быт в далекой тайге. Яркой иллюстрацией служат воспоминания одного из чувашских жителей Демьянки, относящиеся к 1940-м гг.: *«Масла хватало, коров держали, все можно было сделать. У нас мама любила шаньги стряпать. Крахмал... голодно ведь было... картошку мы садили. Со сметаной ли, сливкой ли калачей состряпаешь. Сейчас бы я их поел, если бы стряпали. Из крахмала калачи»* [Сводные материалы...]. Подобных хозяйств на рассматриваемой территории было немного, и их облик разитель-

но отличался от аскетичного уклада жизни соседей, отдававших предпочтение промысловой деятельности.

Животноводство и межэтнические контакты

Органичное вхождение крестьянского животноводства в таежный быт подтверждалось еще и тем, что животноводческая продукция пользовалась все большим спросом среди местных коренных народов Севера — демьянских и юганских хантов, а также эвенков. На базе торгово-обменных связей изначально быстрее устанавливались и крепились межэтнические контакты. Ханты и эвенки приобретали у переселенцев конский волос, овечью шерсть и шкуры, у юганцев пользовались хорошим спросом домашние животные для совершения жертвоприношений.

Первым животноводческим товаром, который изначально вызывал интерес у коренных жителей и подталкивал их к установлению контактов с переселенцами, был белый конский волос. Юганские ханты использовали его в качестве сторожевой нити для ловушек-черканов (волос отличался крепостью и долговечностью, а благодаря белому цвету оставался невидим для пушного зверя на фоне снега). Ханты сами приходили за десятки и сотни километров к таежным селениям, где содержались лошади, что первоначально вызывало у переселенцев удивление. Из рассказа жителя Туртаса: *«Я слышал, что по Демьянке там эти черканы есть. Они все приходили, там на охотстанциях лошадей держали, им волос конский нужен был. Они все у конюха просили. Оттуда, с Кальчи, с Демьянки они ходили»* [Сводные материалы...].

В дальнейшем контакты развивались по нарастающей, и многое зависело от складывающихся личных отношений людей разной национальности. Известно, например, что именно чуваши, переселившиеся на Демьянку, научили семью одного из демьянских хантов выделывать овчины мукой, а женщин-юганок из соседнего поселка — пряхать шерсть и вязать. В настоящий момент уже большинство юганских хантыек на Демьянке владеют навыками вязания (обычно спицами, реже — крючком). Наиболее распространенная вязаная продукция — шерстяные носки.

В памяти русских и чувашей сохранилось много историй о приобретении у них хантами животных (в основном овец, в одном случае — лошади) для совершения жертвоприношений. Сами кровавые сцены, а иногда и кажущаяся бессмысленность убийства домашних животных производили на переселенцев неизгладимое впечатление. Так, чувашки с недоумением рассказывали, что некогда сосед-хант купил у них гнедого коня, продержал его около трех лет, а после принес в жертву на священном месте: *«Коня на богомолье зарезал, на вершине Малой Таморги. На лошади-то так не ездили, а сено ей косил»* [Сводные материалы...]. Популярность овец в качестве жертвенных животных объясняется тем, что они в этой функции выступали для хантов эквивалентом оленя, причем с постепенным сокращением оленьих стад такое положение только закреплялось.

Интересно, что после окончательного исчезновения в 1970-х гг. оленеводства у юганских хантов на Демьянке они через некоторое время стали сами пробовать свои силы в содержании овец. Сегодня в двух из семи своих демьянских селений юганцы разводят овец (в пределах 5–10 голов), мясо которых идет в пищу, а шерсть используется для вязания. Понятно, что для освоения овцеводства хантам понадобилось не только научиться всем работам, связанным с уходом за новым для них домашним животным, но и в существенной степени перестроить всю организацию хозяйства, сблизив ее с переселенческой.

Аналогичные процессы сближения происходили и с другой стороны. Причем некоторые инициативы были весьма смелыми: один из демьянских чувашей в 1950-е гг. имел планы заняться оленеводством. В течение нескольких лет он осваивал необходимые навыки: помогал хантам-оленеводам в осеннем поиске и ловле оленей, протаптывании зимних троп, учился управлять оленьей упряжкой, однако приобрести оленей так и не решился.

На практике итоговая значительная унификация таежного хозяйственного комплекса переселенцев из Омского Прииртышья и народов Севера выразилась в постепенном исчезновении или значительном ослаблении позиций наиболее «полярных» отраслей хозяйства: оленеводства, содержания лошадей и коров, хлебопашества. Сегодня основными видами хозяйственной деятельности для таежников, независимо от национальности, являются охотничий и рыболовный промысел, дополняемые огородничеством и иногда животноводством (овцеводство — самая популярная отрасль), у всех на угодьях есть несколько избышек, в которых люди живут, отправляясь на сезонный промысел. Примечательно, что в первой половине XX в. значительно больше сходства в хозяйственном отношении с местными народами Севера имели не пересе-

ленцы, а сезонные промысловики из Прииртышья. Последние нередко точно так же проводили в тайге продолжительное время (от нескольких месяцев до полугода), не были обременены заботами о домашнем скоте и огороде. Главными причинами сближения, вероятно, стали: 1) значительное снижение территориальной изоляции, которая в свое время подразумевала существенную натуральность хозяйства и интенсивное включение всех доступных этнической группе отраслей деятельности; 2) налаживание и закрепление прочных межэтнических контактов и связей (в том числе брачных).

Заключение

Жизнеобеспечение сибирских старожилов в бытность их в Омском Прииртышье опиралось на земледелие и скотоводство, кроме того, они активно занимались рыбной ловлей и охотой. Те же занятия многие из них продолжили практиковать в урманах Туртаса и Демьянки, но в разившейся со временем форме это был уже существенно отличающийся хозяйственный комплекс. Изменилась не столько его структура, сколько приоритет отдельных направлений, а конкретно для животноводства — и функциональное значение его отраслей. Животноводство, как показывают материалы данного исследования, требовало существенной адаптации для успешного развития в условиях глухой тайги, и масштаб необходимых коррекций в практической деятельности, а также объем новых знаний, которые должны были освоить таежные скотоводы, был достаточно велик.

Важно, что такое преобразование хозяйства, где охотничье-рыболовецкая специализация деятельности успешно сочеталась с крестьянским животноводством (и поддерживаемым им земледелием), обеспечивало надежную экономическую опору для жителей урманных территорий, позволяло избежать голода в случае природных катаклизмов, эпизоотий и неудачных промысловых сезонов. Подтверждением успешности данного хозяйственного комплекса стало его постепенное распространение на все этнические группы, живущие сегодня в рассматриваемом таежном ареале на постоянной основе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Полевые материалы Повод Н.А., Усть-Ишимский и Тевризский районы Омской области, 2005 г.
Сводные материалы полевых сборов по Уватскому району, 2000–2012 гг. / В.Н. Адаев.

Литература

- Адаев В.Н. Этнолокальные модели и индивидуальные стратегии экологической адаптации: (Бассейн р. Демьянка, 1930–1980-е гг.) // УИВ. 2010. № 2. С. 125–135.
- Бережнова М.Л. Первые шаги на новой родине: Новые модели природопользования белорусских переселенцев в урмане // Изв. АлтГУ. 2009. № 4/2. С. 32–36.
- Бетхер А.Р. Традиционное хозяйство немцев Западной Сибири в конце XIX — первой трети XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. 26 с.
- Букейханов А. Переселенцы в Тарских урманах // Сиб. вопр. 1908а. № 11. С. 1–9.
- Букейханов А. Переселенцы в Тарских урманах // Сиб. вопр. 1908б. № 12. С. 7–12.
- Васильев В.В. Река Демьянка: Экономико-этнографический очерк. Тобольск: Тоб. гостипография, 1929. 36 с.
- Вибе П.П. Тарский опыт освоения немцами-колонистами таежных пространств Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Россия и Восток: История и культура: Материалы IV Междунар. науч. конф. Омск, 1997. С. 103–112.
- Копылов И.П., Погудин А.А., Романов Н.Я. Промысловое хозяйство туземного и русского населения в верховьях Нижней Тунгуски. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2009. 148 л.
- Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 200 с.
- Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
- Повод Н.А. К вопросу о влиянии структуры расселения на этнические процессы мигрантов (на примере коми Западной Сибири) // Академ. вестн. № 1. Тюмень: Тюм. гос. ин-т мировой экономики, управления и права, 2008. С. 123–132.
- Проблемы освоения Севера Западной Сибири / Под рук. и общ. ред. С.Я. Эдельмана. Новосибирск: Зап.-Сиб. краев. изд-во, 1935. 262 с.
- Фатеев В. В краю таежном: Очерки истории села Усть-Ишим и Усть-Ишимского района. Омск: Омич, 1996. 208 с.

В.Н. Адаев

Фурсова Е.Ф. Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX — начала XX вв. // Белорусы в Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 102–124.

Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII — начале XX в.: (К постановке проблемы). Новосибирск: Сиб. науч. кн., 2005. 192 с.

Шпорт А.М. Хозяйство и традиционно-бытовая культура украинских переселенцев в Западной Сибири (Тоболо-Иртышское междуречье): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 24 с.

Юферев В. Переселенцы в Тарских урманах // Вопр. колонизации. 1907. № 2. С. 272–300.

Тюмень, ИПОС СО РАН
whitebird4@yandex.ru

The article considers contents and mechanism of adaptation processes in the cattle production economy with new settlers (Russians, Chuvashes, Poles) from south taiga territories remote from the main river arteries. Subject to introduction being questions of animals' delivery, fodder supplies, protection from blood-sucking insects, presence of wild animals, home veterinary medicine, care of breeding bulls. The author comes to a conclusion on an important role of the peasant cattle production in the shaping of an economically reliable household complex which ultimately became the common one both for settlers and local northern peoples.

Taiga cattle-breeding, new settlers, economic adaptation, Demyanka, Turtas, Middle Low Irtysh basin.

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ СИБИРСКИХ ТАТАР ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.Т. Бакиева

На основе анализа полевых материалов рассматривается традиционный свадебный комплекс у сибирских татар юга Тюменской области, включавший в себя сватовство, свадьбу, послесвадебные обряды; раскрывается значение некоторых ритуалов. Перечислены термины родства и свойства. Приведены пословицы и поговорки, отражающие семейно-брачные отношения.

Сибирские татары, обряд, ритуал, сватовство, калым, приданое, свадьба, термины родства и свойства, пословицы, поговорки.

Традиционная свадебная обрядность как одна из форм семейной обрядности является важным элементом национальной культуры. В этнографическом отношении свадебная обрядность представляет собой отражение социальных, правовых, экономических, религиозно-магических норм народа. В ней прослеживаются пережитки архаических форм, обычаев, верований. В традиционной свадьбе проявляются этническая специфика и черты множества наслоений, идущих от глубокой древности и сложившихся под различными историко-культурными влияниями.

В этнографических исследованиях уделялось немало внимания свадебной обрядности сибирских татар. Она нашла отражение в работах Ф.Т. Валеева [1993], Н.А. Томилова [1980], Ф.С. Баязитовой [2002], Д.Б. Рамазановой [2002], Ф.Л. Шарифуллиной [2002], О.П. Коломиец [2004], Г.Ш. Файзуллиной [1997]. Эти ученые писали о свадебном обрядовом комплексе, его состоянии и трансформации на рубеже XIX–XX вв. у томских, курдакско-саргатских, тарских, заболотных татар. Функциям пищи в свадебной обрядности татар Омской области посвящены статьи М.Н. Тихомировой [2006, 2007]. В некоторых из опубликованных нами ранее работ также рассматривались отдельные элементы свадебной обрядности при анализе семейно-брачных отношений у тоболо-иртышских татар в XVIII — начале XX в. [Бакиева, 2009а, б, 2010, 2011].

Задачей настоящей статьи является попытка реконструкции традиционной свадебной обрядности сибирских татар юга Тюменской области. Полевые сборы материала были начаты нами еще в 1990-е гг. и продолжены в начале XXI в. в населенных пунктах Аромашевского, Вагайского, Исетского, Тобольского, Тюменского, Яркового районов Тюменской области, где компактно проживают сибирские татары.

При изучении традиционной свадебной обрядности сибирских татар мы следуем подходу, который предложил А. ван Геннеп. Согласно ему, «всякое изменение в положении человека влечет за собой взаимодействие светского и сакрального. Оно требует регламентации и соблюдения ритуала. Каждое явление перехода сопровождается церемониями, у которых одна и та же цель — обеспечить человеку переход из одного в другое» [2002, с. 9].

Свадебный ритуал насыщен символикой переходности из одного статуса в другой, из одного рода в другой. Вступление в брак имеет большое значение прежде всего в социальном плане. Только женатый человек становится «полноценным», как равный вступает в круг сородичей, включаясь в определенный социум. Брак в традиционном обществе является «основной формой установления межродовых связей и воспроизводства общественных структур» [Сагалаев и др., 1989, с. 187].

У сибирских татар женитьба обозначается термином *өйляну*, букв. «обзаведение домом», выходить замуж — *кияугә цыгу* (*кияу* — зять, *цыгу* — выходить). Для вступления в брак существовали довольно жесткие возрастные рамки. Нижней границей вступления в брак для девушек было достижение 16-летнего возраста, для юношей — 18 лет. Однако отмечены случаи, когда юношу и девушку женили в более раннем возрасте. Например, информант из д. Янтык сообщила нам, что ее выдали замуж в 14 лет, так как она была сиротой, а ее жениху было 16 лет [Сабилова М.Н.]. Выбор супругов представлял собой один из самых ответственных моментов, определявших благополучие создаваемой семьи. Браки заключались преимущественно с жите-

лями своей деревни или соседних деревень, при этом существовал строгий запрет вступать в брак с родственниками до третьего колена включительно. В некоторых локальных группах сибирских татар при выборе брачного партнера учитывалась тугумная принадлежность и запрещалось вступать в брак с членами своего тугума до седьмого колена (*ете луен*) [Бакиева, Квашнин, 2002, с. 403; 2003, с. 85–86]. По обычаям сибирских татар, до тех пор, пока старший брат не женился или старшая сестра не вышла замуж, младший брат или младшая сестра не могли обзавестись семьей.

Обычно браки у сибирских татар заключались между людьми, относившимися к одной этнической или сословной группе. С бухарцами и поволжскими татарами, которые проживали с ними в одних селениях, сибирские татары вступали в браки редко. Преимущественно выбор обуславливался имущественным положением брачного партнера. Потомки бухарцев из юрт Ембаевских и Тураевских рассказывали, что их предки на сибирских татарках не женились, опасаясь «растворения крови» (*кан таралып китате*) [Ашманова Н.Ш., Яминова Ф.С.]. Брачные связи с переселенцами из Поволжья имели место в XVII–XVIII и начале XIX в., в результате чего поволжские татары были практически полностью ассимилированы местным сибирско-татарским населением [Бакиева, Квашнин, 2013, с. 160, 162].

Брачные контакты с русскими и представителями других нетюркоязычных этносов в прошлом не зафиксированы. Единичные случаи стали отмечаться лишь с 1950-х гг. Со временем межнациональные браки участились в тех местах, где сибирские татары и русские (рускоязычное население) проживали смешанно.

Заключение брака у сибирских татар было возможно в нескольких формах: брак по сватовству (*теляп цыгу*), брак путем похищения (*кыс урлау*), брак «убегом» (*кацып цыгу*), сватовство малолетних детей; «колыбельный сговор» (*балалап алу*); брак, заключенный по обычаю левирата (*балдыз алу*); брак, заключенный по обычаю сорората (*еснэляп бару*). Доминирующей формой брака у сибирских татар был брак по сватовству [Бакиева, 2009а, с. 124; 2010, с. 85].

Сватовство (*теляп/тимляу, кыс сурау; кыс сауцылау*) — первый этап в свадебном церемониале. В качестве свата (*сауцы/салцы/яуцы*) отправлялся родственник (отец) или односельчанин жениха, красноречивый и бойкий на язык человек. В некоторых случаях сваты отправляли вперед пожилую женщину (*яуцы карцык*), с тем чтобы она предупредила об их визите [Абайдуллина Г.Т., Тимканова Х.Х.]. Свата (сватью) сопровождали родственники жениха. По информации Г.Ш. Файзуллиной, полученной у заболотных татар, число всех сватов должно было быть четным [1997, с. 240].

Наши информанты в разных населенных пунктах отмечали такую особенность: сват, приходя в дом родителей девушки, выпускал одну штанину поверх сапог и садился под матицу (*аркалык*). Для хозяев дома это было знаком того, что человек пришел свататься. Сват держал в одной руке продукты, завернутые в головной платок, в другой — палку, к верхнему концу которой был привязан носовой платок. Начиная разговор на отвлеченные темы, сват вскоре переходил к цели визита, которая выражалась в иносказательной форме: «У нас голова, у вас — клеть» (*баш песнең келәт сесең*) или «с меня голова, с вас сабля» (*баш миннән, кылыц сестән*) [Бакиева, 2010, с. 85]. Затем сват приступал к восхвалению жениха, описывая его достоинства. Потом говорил о невесте. Например, «в вашем доме окна большие (маленькие)» (под окнами подразумевались глаза девушки); «печка большая (маленькая)» — нос девушки; «двери большие (маленькие)» — рот девушки; руки девушки сравнивали с коромыслом. В такой же форме высказывались и о семье невесты. Если хотели сказать, что семья гостеприимна, говорили: «ворота большие», если недостаточно гостеприимна — «маленькие». Состоятельность семьи сравнивали с «жирной лошастью», бедность — с «худой». Сторона невесты не оставалась в долгу, отвечала, тоже иносказательно, соглашаясь или не соглашаясь со словами свата [Абайдуллина Г.Т.].

По словам информантов, считалось неприличным давать свое согласие сразу. Обычно сват приходил до трех раз, прежде чем получал согласие родителей девушки. В д. Индери (Вагайский р-н) одна из информантов сообщила интересный факт: одну из ее родственниц сватали 14 раз (!), а вышла она замуж только в 30 лет [Рафикова М.Р.].

Получив согласие, сваты оставляли небольшой подарок родителям невесты — отрез на платье и сладости. После достижения согласия назначался день сговора (*ярашу*), на котором обсуждались условия предстоящего брака, в том числе обговаривалась сумма калыма (тюрк. остаток — одна из форм брачного выкупа). Сам договор о калыме назывался *гакыд* (от ар. *акд* —

Особенности традиционной свадебной обрядности сибирских татар юга Тюменской области

двустороннее соглашение о взаимных обязательствах), заключение которого являлось основным действием при совершении брака.

Калым выступал пережитком древних обычаев, сохранившимся у многих народов, принявших ислам. По словам информантов, у сибирских татар выкуп за невесту назывался терминами *калым*, *мәр*, *салым*, *саум*, *пирья* (в зависимости от местности). Он включал в себя определенную сумму денег (*тарту*), одежду, обувь, головные уборы для невесты, корову, теленка, овец на забой для свадьбы (*аус елтыш*; *туй сугым*); лошадь (*баш ат*) для отца невесты; отрез ткани для матери невесты (*инә тун*); продукты на свадьбу (мясо, муку, масло). В сборе калыма участвовали родственники, иногда не только близкие, но и дальние. Денежная составляющая калыма зависела от социального статуса и достатка семей жениха и невесты [Бакиева, 2009а, с. 125; 2010, с. 87].

В 1861 г. И.Н. Юшков, имея в виду тобольских татар, писал, что калым устанавливается «смотря по достоинствам невесты и состоянию ее отца, бывает ценой от 30 до 500 руб. серебром и более и выплачивается деньгами, скотом или товарами» [1861]. Сохранились различные нарративные и архивные материалы, в которых содержатся сведения не только о бытовании института калыма у сибирских татар, но и о конкретных суммах, которые они выплачивали при вступлении в брак [Бакиева, 2009а, с. 126; 2011, с. 82–83].

Свадьба не устраивалась до тех пор, пока жених полностью не доставлял все составные части калыма в дом невесты. Часто с момента сватовства до свадьбы проходило от нескольких месяцев до года, а иногда и больше. В это время жених мог тайно время от времени посещать свою невесту. По сведениям наших информантов, у бухарцев юрт Ембаевских и Тураевских в начале XX в. еще бытовал обычай *кияуляу* (от *кияу* — зять), заключающийся в том, что жених после религиозного обряда *никах* посещал свою невесту до тех пор, пока калым полностью не будет уплачен. У тюменских татар термином *кияуляу* назывался период нахождения жениха в доме невесты со дня, когда проводился *никах*, и до перевоза невесты в дом жениха (*куц куцери*), обычно продолжавшийся 2–3 дня [Бакиева, 2009а, с. 126].

Иногда по соглашению сторон определенная часть калыма могла быть уплачена после свадьбы. Однако в таком случае муллы могли запретить молодым проживать вместе.

Важную роль в хозяйстве молодоженов у сибирских татар играло приданое (*бирнә*, *инце*), хотя оно и не являлось обязательным условием брачного договора. Родители девушки, как правило, готовили его задолго до предстоящего замужества. Оно состояло из следующих частей: скота (коровы, овец), домашней утвари (постельных принадлежностей, посуды), личных вещей невесты [Бакиева, 2009а, с. 126–127]. Как отмечали информанты, в богатых семьях старались обеспечить дочь приданым, в состав которого, кроме всего прочего, входила одежда (платья, платки, пальто и т.д.) в количестве 40 шт. [Рафикова М.Р.]. Приданое было полной собственностью женщины, при разводе она уносила его с собой. Невеста должна была также подготовить до свадьбы подарки жениху — рубашку (*кияу көләк*), тюбетейку (*кияу көвәц*), брюки (*кияу цалвар*), пояс (*кияу пильвау*). Пояс заказывали мастеру, и он делал его разноцветным [Ихсанова М.А.]. В д. Индери Вагайского р-на невеста должна была подарить жениху либо хорошую лошадь, либо меховую шапку, либо сапоги. Вещи складывались в специально сшитый мешок и передавались жениху во время его приезда [Рафикова М.Р.]. Кроме того, сторона невесты готовила подарки родственникам жениха (*сил*). Конкретный состав родственников, кто должен получить подарки, обсуждался во время сговора (*ярашу*), и во время обряда *никах* невеста раздавала их родне жениха. Обмен подарками женихом и невестой происходил во время следующего предсвадебного этапа (*кингәш*). Подарки жениха невесте включали в себя платки, шали, рукавицы и другую одежду. Данный комплект подарков назывался у сибирских татар термином *калам*. Жених также доставлял в дом невесты постельные принадлежности и полог для кровати (*цымылтык*). На *кингәш* доставлялись стороной жениха продукты для свадьбы, в том числе лошадь или корова, предназначенные для убоя (*туй сугым*).

В некоторых местностях (дд. Тарханы, Юртобор, Карбаны Яркового р-на) в доме жениха перед свадьбой проводили вечеринку (*цеггэй туй*; *цеггэй* — муха, *туй* — свадьба), целью которой являлся сбор средств для предстоящей свадьбы [Камалова Р.Н.].

В целом предсвадебные обряды (сватовство, сговор) имели большое социальное значение. На данном этапе стороны жениха и невесты ближе знакомились друг с другом, договаривались об условиях заключения брака. От того, насколько успешно проходили эти мероприятия, зависело благополучие создаваемой семьи, внутри- и межсемейные отношения. В предсвадебных об-

рядах участвовал широкий круг родственников, соседей и односельчан. Невеста и жених, являясь главными действующими лицами, принимали в предсвадебных мероприятиях пассивное участие.

Следующий этап — собственно свадьба (*туй*). Она проводилась как в доме невесты, так и в доме жениха. В некоторых аулах, как говорили информанты, свадьба проводилась только в доме невесты, в других — только в доме жениха. Само торжество обычно происходило пышно и в течение нескольких дней. В богатых семьях на свадьбу приглашали гостей из соседних деревень. Такие свадьбы продолжались до семи дней (*оллы туй* — большая свадьба). В день свадьбы устраивались скачки, борьба, состязания в беге. Иногда мирные состязания переходили в рукопашные столкновения родственников жениха и невесты, поэтому перед свадьбой хозяева предусмотрительно заколачивали окна изнутри, чтобы в случае драки они сохранились в целостности [Назырова М.Р.].

На свадьбе выбирали главную повариху, отличавшуюся умением готовить (*казан паш*). В благодарность после свадьбы поварихе дарили отрез на платье или готовое платье, а также передник, которые специально шили на свадьбу [Алимханова Ф.С.].

На свадебный стол сибирские татары подавали вареное мясо (баранина, говядина, конина), плов (*пылау*), пельмени (*шешпурэ, пильмэн*). Также готовилось много блюд из теста: *баурсак, парамец*, пироги с мясом (*пәлиц*), ягодами (*мушник*), с рыбой (*эритник*). В богатых бухарских семьях д. Ембаево на свадьбу готовили блюдо наподобие солянки (*куллама*). Данное блюдо состояло из мяса (чаще конины), картошки, кусочков теста, кишок, капусты, лука, лаврового листа, перца [Ашманова Н.Ш.]. Из слабоалкогольных напитков на свадебный стол ставили *бузу*¹ или пиво (*сыра*), которое сибирские татары покупали у русских. Постепенно в обиход вошла водка.

Рождение новой семьи имело большое значение для общины в целом. Свидетельством значимости брака являлось, в частности, то, что на свадьбе у татар присутствовали практически все жители деревни, что можно рассматривать как признание новой семьи со стороны общества. Община принимала участие в материальной поддержке создаваемой семьи. Кроме подарков, непосредственно преподносимых на свадьбу (*саум*), односельчане оказывали материальную помощь в пред- и послесвадебных обрядах. В доме жениха устраивался обряд «блюдо жениха» (*кияу тавак*), в котором принимали участие родственники и односельчане. В деревнях Тобольского и Вагайского районов блюдом жениха назывались кедровые орехи, которые выносили на подносе во время свадьбы, и каждый из гостей должен был взять горсть орехов. По материалам Ф.Т. Валеева, блюдо жениха состояло из 12 видов кушаний (плов, вареное мясо, жареный гусь, пельмени, баурсаки и др.) [1993, с. 137]. По информации М.Н. Тихомировой, у курдакско-саргатских и тарских татар блюдо жениха, или *кияу аш*, включало чак-чак и мясной пирог (*пәлиц*) [2007, с. 279]. Несмотря на отличия, общим для всех групп сибирских татар, где проводился *кияу тавак*, было то, что после угощения выносили поднос для присутствовавших гостей, в который они клали деньги по принципу «кто сколько может». Деньги, вырученные за блюдо жениха, передавались молодым.

В заранее назначенный день жених в сопровождении дружков (*нугэрлэр*) отправлялся в дом невесты. Перед отъездом исполнялась обрядовая песня «проводы жениха» (*кияу типсәу*) под аккомпанемент *тип (тәп, даб, даф)* — средневековых конусообразных барабанов. Слова этой песни были зафиксированы еще В.В. Радловым. Эта песня и соответственно обряд, по мнению Ф.В. Ахметовой-Урманче, сохранялись вплоть до середины XX в. [Ахметова, 2002, с. 228; Ахметова-Урманче, 2002, с. 343]. В ауле жениха свадебный кортеж трижды объезжал кладбище (*зиярат*). Считалось, что духи-предки строго следят за чистотой своего рода, и поэтому необходимо было получить «санкцию» на принятие в род «чужого» человека. При въезде в село, где проживала невеста, молодежь устраивала различные препятствия жениху: протягивали поперек дороги веревку или перекрывали дорогу санями. Дальнейший проезд кортежа был невозможен без выкупа. Обычай выкупа инсценировал протест сородичей девушки против предстоящего увоза ее из родного дома, аула.

Во дворе невесты жениха водили по кругу, при этом его держали под руки, напевая обрядовую песню «*Вайцан, ниман*» (перевод не известен). Шея жениха обвешивалась длинным отрезом (информанты называли длину ткани в 12 аршин) [Казымова М.С.]. Ткань символизировала «протяженность, длительность, способность соединять разрозненное, а с другой стороны, подверженность разрыву, небеспредельность, неминуемость обнаружения конца» [Байбурун, 1993, с. 22]. Круг в традиционном сознании ассоциировался с границей между «своим» и «чу-

¹ Буза́ (тюрк. *боза*) — хмельной напиток из ячменя, овса, проса или кукурузы.

Особенности традиционной свадебной обрядности сибирских татар юга Тюменской области

жим». Жених осваивал чужое пространство; только освоив его и став «своим», он может увидеть невесту. В некоторых местностях в это время исполнялась свадебная песня «*Биршахи*» (вероятно, от двух слов: тюрк. *бир* — давать, даровать, вручать и перс. *шахи* — мелкая монета 1/20 дирхема). Это песня-обращение окружающих к жениху, чтобы он шел скорее к своей возлюбленной, которая ждет его, как роза соловья. При этом жених должен был выкупить путь к ней — делать подарки охранявшим двери невесты людям [Валеев, 1993, с. 142]. В некоторых местностях жениха несли на руках к невесте, которая находилась в это время за занавеской.

В доме невесты в день приезда устраивались смотрины жениха (*кияу курештеру*). Церемонии в доме невесты имели значение посвящения для жениха и проводились с целью продемонстрировать причастность мужчины к роду своей жены. В доме невесты устраивался и религиозный обряд бракосочетания (*никах*). После прочтения муллой молитвы *хутьба* жених и невеста становились мужем и женой. Изменение статуса молодой сопровождалось завязыванием головы платком свекровью. С данного момента для молодой женщины действовал запрет показывать волосы всем, кроме мужа (*никэхнең пашен курсәтмә*). После религиозного обряда устраивалось угощение. У тобольских татар на стол, кроме прочего, ставилось ритуальное блюдо — сливочное масло (*лешем май*). После угощения присутствующие клали на стол деньги, которые передавались невесте. Аналогичное угощение проводилось и в других районах проживания сибирских татар. По материалам М.Н. Тихомировой, у тарских и курдакско-саргатских татар была трапеза *майгатаба/май табак* (*май* — масло, *табак* — тарелка) [2007, с. 277].

Следующим этапом свадьбы являлся перевоз невесты в дом жениха (*куц куцери*). По словам информантов, для перевоза молодой запрягали всех лошадей, которые были в деревне, украшали их колокольчиками и лентами. Для перевоза молодых готовили специальную свадебную повозку (*мугәлтәк/мугәтәк*), которую также украшали. Перед выходом из дома невесту сажали на порог, и жених трижды приподнимал ее над порогом. Данный обряд символизировал разрыв невесты со своим родом, с духами предков. С этой же целью молодые посещали кладбище и трижды объезжали его. Невеста прощалась не только с духами предков, но и родным аулом, односельчанами, подругами. Вместе с молодыми в свадебной повозке находились жена/жены старших братьев жениха (*енгәлек*), обеспечивавших защиту молодых от воздействия злых сил. С момента перевоза и до конца свадебной церемонии *енгәлек* сопровождала невесту. Для того чтобы отогнать злые силы, защитить от порчи, при въезде свадебной повозки во двор жениха стреляли из ружей, повозка переезжала через костер *алас сикери* (*алас* — слово-заклинание; *сикери* — перепрыгивать — обряд очищения огнем свадебной повозки). Во время обряда участники приговаривали: «Алас, алас, защити от всех напастей» (*Алас, алас, әр пәләтән калас*). Кроме того, невесте под ноги бросали горящую бересту (*тус*), обвивали конопляным прутком (*кинтер пелән елвәу*) [Пикеева Л.Х.]. Данный комплекс ритуалов и обрядов, предназначенных для оберегания от зла (порчи, сглаза), получил в этнографической литературе наименование апотропических или апотропейных (от гр. *αποτροπαιον* — отводящее порчу).

Особое место в свадебной обрядности у сибирских татар занимали протрепетические или продуцирующие магические обряды, которые должны были способствовать плодородию, благополучию и счастью новообразуемой семьи. К ним относились такие обряды, как осыпание молодых сладостями, монетами (*куршеу хатасе*), подача молодым молока матерью жениха, окунание рук невесты в муку. При въезде во двор жениха на колени невесте сажали ребенка (чаще мальчика). Перед первой брачной ночью проводился обряд *утау-пасыу*. Он заключался в следующем: на приготовленную постель для новобрачных садились семейные пары, жившие в любви и согласии длительное время [Яминова Ф.С.]. В ю. Чикча Тюменского р-на данный ритуал назывался *тушәккә утеру* (*тушәк* — постель, *утеру* — садиться) и заключался в том, что гости на постель молодых клали деньги [Якупова Б.М.]. В некоторых местностях с целью пожелания молодым рождения детей на постель молодых сажали двух младенцев, обычно мальчика и девочку.

При входе в дом жениха невеста разрывала ткань, протянутую над порогом двумя девочками. Данным обрядом подчеркивался переход невесты из «своего» в «чужое». Перейдя границу между двумя пространствами, невеста окончательно «умирает» для своей семьи, рода и становится членом другого, «чужого» для нее коллектива. В доме жениха молодая находилась за занавеской (*цымылтык*), чаще — за двойной, рядом с ней были ее подруги, *енгәлек*, или бабушка жениха. Жених находился среди гостей, иногда посещая свою невесту.

Требование соблюдения невинности невесты до свадьбы у сибирских татар было распространено повсеместно. То, что молодая оказалась не целомудренной, старались продемонст-

ривать одним из следующих действий: с нее срывали монисту и бусы, матери молодой отдавали пуговицу или дырявую монету, разбивали на глазах у всех родственников стеклянную или керамическую миску. В некоторых местностях *енгәлек* после первой брачной ночи снимала простыню с постели и демонстрировала ее гостям [Хабибуллина М.Н.].

Рано утром *енгәлек* топила для молодоженов баню. Молодые обливались водой с ног до головы, «чтобы сухого места не осталось». Ритуальное омовение демонстрировало полное освобождение молодых от прежнего состояния и переход в новый статус. После данной процедуры проводилось утреннее угощение (*иртәге чай* — букв. утренний чай), на котором молодая уже сама ухаживала за гостями. После угощения устраивались испытания для молодой — подметание пола, разжигание печи, приготовление и нарезание лапши для супа.

Заключительным этапом свадебных обрядов являлся обычай *турген* — посещение молодыми родителей молодой. В д. Ново-Аптулла Аромашевского р-на аналогичный обычай назывался *кайтарма* (от тат. *кайту* — возвращаться). Пребывание это было недолгим — два-три дня [Якупова С.А.]. Женщина возвращалась в родительский дом уже в новом статусе и только в качестве гостя.

В некоторых местностях после свадьбы проводили вечеринку (*тубалак*) для тех, кто работал на свадьбе, а также односельчан, которые не были приглашены на свадьбу [Камалова Р.Н.].

Вкратце рассмотрим термины родства и свойства, которые бытовали у сибирских татар в прошлом и которые они продолжают использовать в повседневном общении. Система терминов родства и свойства выражает одну из сторон традиционной культуры общения этноса. По мнению филолога М.А. Сагидуллина, термины родства, используемые у сибирских татар, содержат наряду с эндемичными (собственно сибирско-татарский пласт) общетюркский, кыпчакский, огузский пласты. Словообразовательная специфика сибирско-татарского обозначения родственников заключается в использовании формантов — аффикса *-у/әу*: *әннәу, иннәкәу, нәнәу, атау, тәтәу, әткәу, онау, җәңкәу* и т.д. [2011, с. 94–95].

Сибирские татары различают кровных родственников по отцовской и материнской линиям, а также по возрасту и полу. Существуют локальные различия обозначения родственников. Например, родителей в разных местностях называют терминами *ата, әткә, әткәу, тәтә, әти, аттау* (отец) и *инә, инәу, инәкә, әннә, әннәу* (мать). Родители обращаются к своим детям, используя термин *балам, улым, ул* (мой ребенок, мой сын) и *кызым, кыс пала, кысцак* (моя дочь). Муж и жена у сибирских татар не называли друг друга по имени. Муж обращался к жене *инәсе* — «мать детей», а жена к мужу — *атасә* — «отец детей». Жена в разговоре с третьими лицами называет мужа *ирем* — «мой муж», а муж ее — *минең пицәм* — «моя жена». У заболотных татар муж в отношении своей жены использует также термин *өй кеше* — «хозяйка дома». Люди старшего возраста обращаются друг к другу *картым* — «старик», *корткаяк* — «старуха».

Приведем другие термины родства и свойства, распространенные у сибирских татар:

бабушка — *әннәу, әннәкә, картнә, оннака, онна, нәнә, мамá*;
старшие сестры матери, или старшие сестры отца, или вообще все женщины старше отца или матери — *апай, җәңи мамау, җәңинә*;
дедушка — *олау, картата, баба/паба, тәтә*;
прадедушка — *оллы тәтә*;
двоюродный дедушка, старший брат отца, старший брат матери — *җәңи баба, турә баба*;
старшая сестра — *әвә, апа, апау, апака, әптә, җиңә*;
младшая сестра — *сеңел, сеңлем, сеңелкәш, кеңегәм*;
старший брат — *әкә, куца, куцәкә*;
младший брат — *әнәм, кеңегәм*;
внук, внучка — *онок, паламныңы паласы (кысы)*;
сноха, невестка, жена любого родственника — *килен, киленцәк*;
зять, муж любой родственницы — *кияу, кияу пала*;
жена старшего брата, жена младшего брата отца или матери — *йенкә, йенкәңә*;
муж старшей сестры, любой старшей родственницы — *йеснә, йестә*;
свекор, тесть — *каината, кайны, кайын*;
свекровь, теща — *кайна, кайенә*;
старший брат мужа — *кайын ага, кайын әкә*;
старшая сестра мужа — *пигә, мулла пигә, олло пигә*;
младшая из старших сестер мужа — *кинцә пигә*;
младшая сестра мужа или жены — *палтыс*;

Особенности традиционной свадебной обрядности сибирских татар юга Тюменской области

младший брат мужа, жены — *йорцы*;
родственницы обеих сторон по отношению друг другу — *котаца*;
сват — *кота*;
сваха — *котагай*;
свояк — *паца*.

Приведем некоторые пословицы и поговорки, касающиеся различных аспектов семейно-брачной сферы у сибирских татар. Они дополняют наши представления о природе взаимоотношений супругов, отражают многогранные, порой непростые, взаимоотношения между родственниками мужа и невесткой, родственниками жены и зятем.

Красота — для свадьбы, взаимопонимание — на каждый день (*матурлык туйта, татулык кентә кәрәк*).

Песня — спутница невестки (*ер — киленең юлташы*).

Некрасивый блин у невестки (*кыйтык көймак киленнеңке*).

Невестка на положении щенка в доме (*килен кеше ким кеше — көчек пелян тин кеше*).

Выходишь замуж — как топор утони (наставление невестке) (*парасың ян — палта шикеле патып кит*).

Голова разобьется — пусть в платке останется, рука сломается — в рукаве останется (наставление невестке) (*пашың ярылса — яулык эцентә пулсын, кулың сынса — ең эцентә пулсын*).

У молодого (мужа) за пазухой платка, а у старого — калач (*яш куйнынта камцы пар, карт куйнынта калац пар*).

На Иртыш не опирайся, мужу не верь (*Иртекшә таянма, иргә ышанма*).

Собаки злой бойся, а жены — ленивой (*этнең яманыннан, пицәнең ялкавыннан курык*).

Женщина и любовь дает, и разорение (*сөйтөргән тә хатын, пөлтөргән дә хатын*).

Изменившая мужу — в мир не войдет (*ирен саткан илгә сыймас*).

Взять жену не порок, предать жену — не мужество (*хатын алу — кимлек тугел, хатын сату — ирлек тугел*).

Дом зятя меньше могилы, дом зятя как осенний день (*көяу өе куртән тар, көяу өе көс көне пелән пер*).

Зять должен со всем мириться (букв. «зять поднимает тяжелое, мхом заросшее, бревно») (*көяу — соулы ятык кутәрәте*).

От вдовца не отставай, за разведенного не выходи (*хатыны улгәнән калма, хатынан аерханка парма*).

Истина от отца и матери — истина от Тэнгри (*ата-ана хақы — Таңрә хақы*).

У жены язык будет короче, у мужа — руки (*хатынның теле осайса ирнең кулы осар*).

В заключение отметим, что, несмотря на утрату большинства обрядов и ритуалов традиционной свадебной обрядности сибирских татар, продолжают бытовать некоторые ее элементы, такие как сватовство, религиозный обряд бракосочетания *никах*, блюдо жениха (*кияу тавак*), подарки молодым (*саум*), осыпание молодых сладостями, монетами, подача молодым молока матерью жениха.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахметова Ф.В. По следам В.В. Радлова // Сибирские татары. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 223–231.

Ахметова-Урманче Ф.В. Звучание дастанов В.В. Радлова // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 340–345.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Бакиева Г.Т. Положение женщины в семье сибирских татар в XIX — начале XX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009а. № 10. С. 122–129.

Бакиева Г.Т. Семейное право у сибирских татар в XVIII — начале XX века // ЭО. 2009б. № 4. С. 158–171.

Бакиева Г.Т. Брак у тоболо-иртышских татар в конце XVIII — начале XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. Т. 41. № 1. С. 83–90.

Бакиева Г.Т. Обычай и закон: Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII — начале XX века. Новосибирск: Гео, 2011. 214 с.

Бакиева Г.Т., Квашнин Ю.Н. К вопросу о тугумах у «заболотных» татар // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 402–404.

Бакиева Г.Т., Квашнин Ю.Н. Тугумы у некоторых групп сибирских татар (Тобольский, Вагайский, Ялуторовский районы Тюменской области) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. С. 85–87.

Бакиева Г.Т., Квашнин Ю.Н. Поволжские татары в Западной Сибири: особенности расселения и этнокультурного развития // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 3 (22). С. 156–164.

Баязитова Ф.С. Свадебный обряд и его терминология в контексте народно-разговорного языка сибирских татар // Сибирские татары. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 205–222.

Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.

Валеев Ф.Т. Сибирские татары: Культура и быт. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 208 с.

Коломиец О.П. Свадебная обрядность татар Среднего Прииртышья (конец XIX — XX вв.): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Омск, 2004. 24 с.

Рамазанова Д.Б. Термины родства в говорах сибирских татар // Сибирские татары. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 165–188.

Сагалаев А.М., Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. 240 с.

Сагидуллин М.А. Мужские и женские термины родства сибирских татар в этногенетическом аспекте // Сулеймановские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. А.П. Яркова. Тюмень: Альфа принт, 2011. С. 93–96.

Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: Проблемы формирования и этнокультурных связей. Омск: Наука, 2006. 232 с.

Тихомирова М.Н. Символическая функция пищи в свадебной обрядности татар Омской области // История и культура Сибири. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. С. 276–287.

Томилов Н.А. Свадебная обрядность. Сибирские татары // Семейная обрядность народов Сибири: (Опыт сравнительного изучения). М.: Наука, 1980. С. 31–35.

Файзуллина Г.Ш. Обряды переходного цикла у заболотных татар // Народы Сибири: Сиб. этногр. сб. Кн. 3. М., 1997. С. 230–268.

Шарифуллина Ф.Л. Особенности традиционной свадебной обрядности татар в сельских поселениях Тюменской и Омской областей // Сибирские татары. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 144–164.

Юшков И.Н. Сибирские татары // Тоб. губерн. ведомости. 1861. № 45.

Список информантов:

Рафикова Марвар Рафиковна, 1947 г.р., д. Бегитино, Вагайский р-н.

Ашманова Наригуль Шахимардановна, 1927 г.р., д. Ембаево, Тюменский р-н.

Алимханова Фирдаус Салимовна, 1954 г.р., д. Ембаево, Тюменский р-н.

Мустаева Айникамал Тухватулловна, 1917 г.р., д. Якуши, Тюменский р-н.

Якупова Бибисара Мухаметзяновна, 1915 г.р., д. Чикча, Тюменский р-н.

Сабирова Магзума Нурулловна, 1909 г.р., д. Янтык, Тюменский р-н.

Назырова Мавлиха Речаповна, 1927 г.р., с. Тураево, Тюменский р-н.

Яминова Фатима Сирачевна, 1926 г.р., с. Тураево, Тюменский р-н.

Тимканова Хакима Хабибулловна, 1918 г.р., д. Нижние Аремзяны, Тобольский р-н.

Абайдуллина Галия Тухватулловна, 1941 г.р., д. Исенево, Тобольский р-н.

Хабибуллина Махмуда Назретдиновна, 1928 г.р., д. Епанчино, Тобольский р-н.

Казымова Мархуба Суючбаковна, 1917 г.р., д. Епанчино, Тобольский р-н.

Абушева Тайра Алтынбаевна, 1910 г.р., д. Осиновская, Вагайский р-н.

Пикеева Латифа Хусаиновна, 1925 г.р., д. Вершины, Вагайский р-н.

Маматуллина Майра Шабановна, 1935 г.р., д. Одиарская, Вагайский р-н.

Ихсанова Мурида Ахметкиреевна 1928 г.р., д. Верхний Ингал, Исетский р-н.

Рафикова Сабира Сабировна, 1940 г.р., д. Верхний Ингал, Исетский р-н.

Камалова Рауза Нуреевна, 1926 г.р., д. Чечкино, Ярково-Исетский р-н.

Абитдинова Фаузия Айниатовна, 1953 г.р., д. Ново-Уфимка, Аромашевский р-н.

Якупова Сарвар Ахмадиевна, 1934 г.р., д. Ново-Аптулла, Аромашевский р-н.

Тюмень, ИПОС СО РАН
gulsifa-bakieva@yandex.ru

Basing on analysis of field materials, subject to consideration being a traditional wedding complex with Siberian Tartars from the south of Tyumen Oblast including match making, wedding and post-wedding rites, disclosing the meaning of certain rituals. Subject to enumeration being terms of kinship and in-law relations, quoting proverbs and sayings reflecting family-and-conjugal relations.

Siberian Tartars, rite, ritual, match making, bride-wealth, marriage portion, wedding, terms of kinship and in-law relations, proverbs, sayings.

ЭТНИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ ТАТАР РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Э.В. Камалеев

Описаны традиционные маркеры и архаичные представления в свадебной обрядности татар Республики Башкортостан конца XIX — начала XX в., их символика и значение. Верования и магические представления традиционной свадебной обрядности татарского народа уходят корнями в этногенез тюркоязычных народов, но в современном высокотехнологичном и индустриальном обществе утратили свое значение.

Этнические маркеры, свадебная обрядность татар, архаичные представления, этногенез.

Со свадебным обрядом связан важнейший этап жизни, который у многих народов отождествляется с переходом в новое состояние. Девушка обретает статус замужней женщины и покидает семью родителей, а юноша становится мужчиной — главой новой семьи. Поэтому в свадебном обряде татар присутствуют ритуалы, призванные защитить молодую семью от негативного воздействия, в том числе потусторонних сил.

Наблюдения об обрядности казанских татар накапливались еще во второй половине XIX и в первые десятилетия XX в. благодаря трудам К.Ф. Фукса, А. Сперанского, Г.Н. Ахмарова, М.Н. Пинегина, И.-Г. Георги и др. [Фукс, 1844; Сперанский, 1914; Ахмаров, 1907; Пинегин, 1891; Георги, 2005]. Работы С.Г. Рыбакова, Б. Зорина посвящены приуральским татарам [Рыбаков, 1894; Зорин, 1912]. В XX столетии, особенно во второй его половине, появились работы не только о казанских, но и о территориальных группах татар [Валеев, Томилов, 1996; Уразманова, 1983; и др.]. Изучение свадебного обряда различных территориальных групп связано с именами известных казанских этнографов, сотрудников Института истории АН РТ Р.К. Уразмановой и Ф.Л. Шарифуллиной. Итогом совместной научной работы данных авторов явилась серия статей по структурному исследованию свадебного обряда казанских, сибирских, приуральских и других групп татар [Уразманова, 1984; Шарифуллина, 2000, 2002].

В Башкортостане оставалась слабо изученной не только свадебно-обрядовая культура, но и в целом история и культура татарского населения. Особенностью приуральских татар, большую часть которых составляют проживающие в Республике Башкортостан, является то, что в процессе тесных контактов с башкирами, чувашами, русскими, марийцами, удмуртами, мордвой и другими народами на территории республики сформировалась особая группа со своеобразной региональной культурой. Тесные контакты с упомянутыми народами оставили заметный след в культуре, быте, разговорном языке татарского населения. С конца XIX в. здесь выделены четыре этнографические группы татар: казанские (казанлы), мишари (мишэр, томэн), кряшены (крэшен, нагайбак) и тептяри (типтэр) [Кузеев, 1992].

Целью данной статьи является попытка анализа архаичных верований и представлений, их значения и происхождения у татарского населения Республики Башкортостан, выраженных в свадебных ритуалах и сохранившихся до наших дней, на основе полевых материалов 2007–2013 гг., собранных автором в 40 районах республики.

Свадебный обряд татар Башкортостана начинается с прихода сватов, в манере общения, поведении и отличительных деталях одежды которых проявляются первые сакральные элементы, обязательные на любой татарской свадьбе конца XIX — начала XX в. Одним из атрибутов сватов (*димче*, *яучы*) в традиционном свадебном обряде татар Республики Башкортостан этого времени была выпущенная из сапога правая штанина, а также в некоторых районах палка, на которую опирались сваты по дороге к дому невесты. У татар-кряшен Уфимской губернии пели такую песню (в переводе):

Олы юлны □ маягы,
Ак жукагач таягы.
Чыгарыгыз кызыгызны,
Аксак түгелме аягы?

Маяк большой дороги,
Белая липовая палка.
Выводите вашу дочь,
Не хромя ли она? [Исхакова-Вамба, 1997, с. 51].

Указанные элементы маркировали свата (димче), но также указывали родителям невесты на основную цель визита гостя. Палка в свадебном обряде отмечена у башкир, коми и многих других народов, имеет архаичные корни и, вероятнее всего, связана с фаллической символикой. В то же время значение ее как символа плодородия раскрывается в обряде у башкир: «фактически свадебный ритуал в его плодородной символике также завершается символическим жестом с палкой» [Султангареева, 1998, с. 79].

Сваты, заходя в дом, переступали порог с правой ноги, как и невеста во время переезда в дом мужа. У многих народов правая сторона, рука, нога и т.д. отождествляет положительное начало, поэтому вход в дом с «правильной» стороны является залогом благоприятного исхода мероприятия. Обычай объезжать, обходить знаковые места или селение девушки только слева направо (т.е. по ходу солнца) также отмечен у многих народов, например у алтайцев: «Гости объезжали тальник по ходу солнца три раза... сваты объезжали новый аил по ходу солнца» [Тадина, 1995, с. 61]. Данные представления, сохранившиеся в современной свадебной обрядности, выражаются, например, в движении свадебного поезда до дома невесты, а затем и ЗАГСа с поворотом только в правую сторону.

Войдя в дом, «сваты оставались стоять у дверей, не проходя дальше линии матицы жилища» [Бусыгина, Шарифуллина, 1990, с. 29]. Такое расположение соответствует представлению многих народов о центральности, основе матицы как дома, так и семьи. «Подобная ориентация не только символизировала вторжение в упорядоченное пространство (дом) в лице сватов иного мира, а и его “торжество”» [Семенов, 1992, с. 52]. Поэтому переход через матицу или иное расположение сватов трактуется как проникновение во внутреннее пространство дома семьи невесты и проявление тем самым неуважения к ним, что предполагает неудачу в сватовстве.

В современном свадебном обряде отсутствуют какие-либо запреты в пространственной ориентации родственников жениха и невесты в доме их родителей. Лишь в традиционном мусульманском обряде «никах» соблюдается взаимное расположение мужской и женской половины гостей за праздничным столом соответственно по правую и левую руку от муллы (рис. 1).

Рис. 1. Мусульманский обряд «никах», с. Мустафино, Бакалинский р-н, Республика Башкортостан, 2010. Фото Муфаздалова И.И.

В качестве соединительно-магических, призванных не только объединить роднящиеся семьи, но и создать чувство единства внутри новой семьи, у татар можно рассматривать обычаи приглашать на свадьбу парное, четное число гостей, чтобы молодые всегда были парой, в таком же количестве готовить блюда, а на приданое невеста обязательно дарит жениху 2 рубахи, 2 полотенца, 2 пары обуви и т.д. (с. Улькунды Дуванского р-на). Ягудина Рамзита Равкатовна сообщила, что, будучи в разводе, она не получила приглашение ни на никах, ни на свадьбу на стороне жениха, так как в деревне было принято приглашать гостей парами [ПМА. Сообщение Ягудиной Р.Р., 1962 г.р.]. В свою очередь, нечетное количество повозок в свадебном поезде и людей является залогом счастливой жизни у русских, коми и др. [Плесовский, 1968, с. 55]. Количество окон, выходящих на улицу у русских — обычно нечетное, у башкир и татар — четное [Галиева, 2012, с. 36]. Таким образом, принцип соединения двух основ — мужского и женского, в свадебном действе распространяется на четное, парное количество атрибутов и элементов татарского обряда.

Новое, неизвестное другим территориальным группам явление в свадебной обрядности татар Республики Башкортостан — *борондок эти* и *борондок эни*, которые у многих народов име-

Этнические маркеры в свадебном обряде татар Республики Башкортостан

нуются как посаженные родители (*морондок*, *кыяматлык* — у башкир, *хэйматләх* — у чувашей, *пуртымобава-ача* — у марийцев, *мурундук*, *мурындык* — у узбеков и каракалпаков и др.). Ритуальное значение данных лиц заключается, по мнению А.К. Байбурина, в следующем: «повсеместно считается, что в это “безвременье” (период между сватовством и переездом в дом жениха. — Прим. автора) жених и невеста наиболее уязвимы <...>, они лишены всех тех атрибутов “нормального” человека, которые обеспечивают его “социальную защищенность”. <...> именно этим обстоятельством во многом определяется роль “дружины” в свадьбе» [1993, с. 76]. Очевидно, что данная трактовка восходит к архаичным представлениям об институте посаженных родителей, в том числе у тюркских народов, и, вероятнее всего, традиция *борондок*, будучи заимствованной у башкир [Фатхутдинова, Камалеев, 2012] в позднее время, имеет более практическое значение. Заключается она в том, что, утрачивая связи с родительским домом, невеста нуждается в поддержке, которую ей предоставляют *борондок эти* (посаженный отец) и *эни* (посаженная мать).

С очистительной магией у татар связано обязательное посещение молодыми бани после первой брачной ночи. Топили баню обычно близкие родственники либо соседи с самого раннего утра. Первыми посещали баню именно молодожены, которые после купания оставляли подарок или деньги на лавке или подоконнике, а «посещение бани сразу после новобрачных считалось очень почетным» [Народы Башкортостана..., 2002, с. 160].

Помимо очистительной функции, исследователи усматривают более глубокий религиозно-магический смысл в посещении свадебной бани. По мнению Ф.В. Плесовского, купание молодых в воде связано с солярным мифом [1968, с. 136], где солнце купается в воде, чтобы освежиться для следующего своего светоносного шествия по миру [Афанасьев, 1864, с. 14–15]. Данное толкование вполне укладывается в рамки магического представления татар об очищении баней после первой брачной ночи, ведь сразу после купания молодых обязательно угощают блинами, которые у многих народов являются солярным символом. Исходя из этой точки зрения мы считаем вполне логичным объяснение прокалывания блина женихом в случае, если невеста не была невинной.

В советский период, а также в конце XX — начале XXI в. произошло переосмысление традиционных элементов свадебной обрядности татар. В новых условиях баня уже не является сакральным местом и лишь в сельской местности ее посещают во время свадебных гуляний.

Толкование банного ритуала, предложенное Е.Г. Кагаровым: «“банное действие” является пережитком старинного ритуала бракосочетания невесты с духом бани, банником, которому она приносила в жертву свою девственность с целью обеспечить себе плодovitость» [1927, с. 171], — считается универсальным и распространяется на подобные элементы свадебных обычаев у многих народов. Но по отношению к татарам и, очевидно, другим тюркским народам оно не совсем справедливо. Дело в том, что в банном ритуале татар не наблюдается разнообразия действий и актов, предшествующих бане и непосредственно совершению купания, которые отмечаются у финно-угорских народов и, к примеру, у русских. То есть определенные верования и ритуалы, которые должны были возникнуть в свадебном обряде у татар в рамках взаимоотношений невеста → дух бани, в реальности просто отсутствуют. Основной довод заключается в том, что у тех же финно-угорских народов и у русских банный обряд совершается до бракосочетания совместно с подружками невесты, а у тюркских народов — непосредственно после свадьбы и первой брачной ночи.

Мы усматриваем архаичные корни у банного обряда, который на каждом из ответственных этапов в жизни человека (рождение — свадьба — смерть) подразумевает перерождение человека в новом для него статусе. Подтверждение данным выводам мы находим в схожих элементах в свадебной и похоронно-поминальной обрядности различных тюркоязычных народов, в том числе у татар.

У тюркских алтайцев известен обряд, когда при переезде в аул жениха «невеста едет на лошади, особым образом взнузданной для этой цели, между двух спутников жениха. Каждый из них держит перед собой в седле маленькую березку с прикрепленным к ней пологом, натянутым перед невестой» [Тадина, 1995, с. 59]. Далее автор сообщает, что «невеста считалась священной, чистой (*байлу*), потому ее прикрывали занавесом, и никто не должен был видеть ее лица, пока она не приобретала облик замужней женщины. Только лишь после обряда переодевания и заплетения волос невесты она в новом качестве представала перед своими родственниками по браку» [Там же]. Аналогия указанному выше представлению алтайцев усматривается в похоронно-поминальной обрядности пермских башкир: «Опускали покойника в могилу на руках

или на полотенцах. Если опускали женщину, то над ней держали занавес» [Фатыхова, 1997, с. 97]. Подтверждение данным выводам находим в причитаниях у касимовских татар:

Платок, что на моей головушке,
Кажется мне сине-зеленым,
Не покрывай, тетушка, этим покрывалом,
Кажется оно саваном [Бусыгина, Шарифуллина, 1990, с. 29].

На самом деле платок не кажется саваном, а с точки зрения глубинных семантических представлений различных народов, по сути, таковым и является. С другой стороны, более позднее значение данного элемента, к примеру, видится в ином символе «Сакральный атрибут одевания невесты на чувашской свадьбе — большой свадебный платок-покрывало пёркенчэк... основное предназначение головного покрывала, согласно народным представлениям,— это защита невесты от сглаза и порчи» [Петров, 2008, с. 151–153].

Таким образом, усматривая параллели в купании в свадебной бане и в ритуальном омовении покойного, полагаем, что и в том и другом случае происходит «очищение» для перехода в новый статус замужней женщины и представления души человека перед «Всевышним судом».

К скрывающим обрядам следует отнести избегание молодой отца жениха или мужчин в доме жениха, также переезд молодых в крытой повозке. Аналогии данному элементу имеются в свадебном обряде башкир, казахов, узбеков и у многих других народов [Кисляков, 1969, с. 112–113; Бикбулатов, Фатыхова, 1991, с. 74].

К продуцирующим обрядам на татарской свадьбе, имеющим соединительное значение, относится обмен подарками (*бирнә*) между родственниками, а также обязательный подарок невесты (полотенце) в знак согласия на брак.

Еще одним элементом татарской свадьбы, который сохраняется по сей день и у многих других народов, является традиция осыпания молодых зерном, пухом, монетами, призванная принести в семейную жизнь счастье, богатство, благополучие и достаток, а угощение медом и маслом и вставание молодой на подушку означает пожелание сладкой и спокойной, «мягкой» семейной жизни (рис. 2).

Рис. 2. Встреча невестки в доме жениха, г. Стерлитамак, 2009. Фото Арсланова Р.Ф.

Интересное толкование осыпания зерном и его воплощения в виде свадебного каравая дается в монографии А.К. Байбурина: «Для посада невесты главной является идея надления невесты плодородной силой, воплощением которой является дежа и зерно» [1993, с. 71]. В унифицированной модели современной свадьбы обязательно присутствуют элементы, связанные с осыпанием молодых. Гости устраивают живой коридор и осыпают молодых конфетами, «чтобы жизнь до старости сладкой была», мед предназначен, «чтоб до старости никогда не болеть», пшено — «для благополучия и достатка», хмель — «для веселой жизни» [Галиева, 2013].

Этнические маркеры в свадебном обряде татар Республики Башкортостан

С пожеланием достатка связан следующий обычай: во время переезда в дом мужа молодые должны были подержаться или опереться на подаренное им животное (бычок, баран). Как магический элемент плодородия и деторождения используют детей, которым дают посидеть на брачном ложе молодых, либо замужнюю и счастливую в браке женщину.

К умиловительным обрядам и действиям, связанным с испытанием молодой, относится, например, обряд *су юлы* (показ молодой источника воды) (рис. 3). Таким образом невеста приобщается к локусу жениха, в котором она должна знать местонахождение источника воды. А.К. Байбурин также усматривает в данных испытаниях, совершаемых с переездом невесты в дом жениха, более глубокое семиотическое значение: «Выполнение этих действий означает “возвращение” к невесте утраченных ею в начале свадьбы свойств живого человека» [1993, с. 87]. Во время совершения обряда *су юлы* локально наблюдаются различные магические представления, а именно подход к реке — против течения реки, а возвращение домой — по течению. Информаторы трактуют данное представление как покорность и смирение невесты с жизнью в новой семье и новом доме.

Рис. 3. Обряд «су юлы» (показ молодой источника воды), с. Раевка, Республика Башкортостан, 2012 г.

Современный свадебный обряд татар Башкортостана, в отличие от периода конца XIX — начала XX в., фактически не имеет традиционных этнических маркеров. Результатом изменений в свадебном обряде татар в советский период, а также в конце XX — начале XXI в. стала утрата его сакральности, а также видоизменение и отмирание не актуальных уже традиционных элементов татарской свадьбы. Сегодня в бракосочетании татар Республики Башкортостан сохраняются лишь в сельской местности традиция *су юлы* и обрядовая баня и обязательно проводится как в городе, так и в селе мусульманский обряд *никах* (рис. 4).

Рис. 5. Мусульманский обряд «никах» в мечети, г. Учалы, 2013 г.

Палитра ритуалов и обрядов традиционного периода сменилась лаконичной современной татарской свадьбой, в которой материальная сторона и празднично-игровая манера проведения возобладали над магическими верованиями (рис. 5).

Рис. 5. Современный свадебный обряд татар, г. Уфа, 2010 г.

В то же время в конце XX — начале XXI в. у татар Башкортостана наблюдается стремление к возрождению традиционных элементов в свадебном обряде. Мы отмечаем появление татарских свадеб в национальных костюмах, с соблюдением определенной символики и ритуальной стороны (рис. 6), а также безалкогольных мусульманских свадеб, которые получают распространение в среде верующих и соблюдающих основы ислама татар и башкир.

Рис. 6. Мусульманский обряд «никах» в доме родителей, с. Ново-Медведево, Илишевский район РБ, 2012 г.

Данная тенденция характерна для многих народов и выражена не только в стремлении возродить традиции исторического прошлого, но и во внутренней потребности человека проявить национальные традиции своего народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афанасьев А.Н.* Сказка и миф. Воронеж: Тип. В. Гольдштейна, 1864. 68 с.
Ахмаров Г.Н. Свадебные обряды казанских татар. Казань, 1907. 10 с.
Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. М., 1991. 189 с.
Бусыгина Е.П., Шарифуллина Ф.Л. Традиционная свадьба касимовских татар XIX — начала XX вв. // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья. Казань, 1990. С. 28–38.

Этнические маркеры в свадебном обряде татар Республики Башкортостан

- Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: История и культура. Новосибирск, 1996. 158 с.
- Галиева Ф.Г. Этнографические исследования русского населения Башкортостана. Уфа: Гилем, 2012. 168 с.
- Галиева Ф.Г. Общее и локальное в современной семейно-обрядовой культуре башкир и русских Башкортостана // Современные исследования социальных проблем. Электрон. журн. 2013. № 1 (21). Режим доступа: www.sisp.nkras.ru.
- Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Перепечатано с изд. 1799 г. с испр. и доп. СПб., 2005. 816 с.
- Зорин Б. Свадебные обычаи и обряды у татар Оренбургской и Уфимской губерний // Вестн. Оренб. учеб. округа № 2. Уфа, 1912.
- Исхакова-Вамба Р.А. Татарское народное музыкальное творчество: (Традиционный фольклор). Казань: Тат. кн. изд-во, 1997. 190 с.
- Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // МАЭ. Л., 1927. Т. VIII. С. 152–193.
- Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 240 с.
- Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992. С. 250.
- Народы Башкортостана: Историко-этнографические очерки. Уфа: Гилем, 2002. 504 с.
- Петров И.Г. Знаково-символические функции одежды и предметов быта в свадебной обрядности чувашей Урало-Поволжья // ЭО. М., 2008. Вып. № 1. С. 145–162.
- Пинегин М.Н. Свадебные обычаи казанских татар. Казань, 1891.
- Плесовский Ф.В. Свадьба народов коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968. 128 с.
- ПМА. Сообщение Ягудиной Римзиты Равкатовны, 1962 г.р. С. Улькунды, Дуванский р-н, Респ. Башкортостан. Август 2010 г.
- Рыбаков С.Г. Этнографическая характеристика татар, тептярей. Песни уральских инородцев башкир // Отчет РГО. СПб., 1894.
- Семенов В.А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: К реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 152 с.
- Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа: Гилем, 1998. 243 с.
- Сперанский А. Казанские татары: Историко-этнографический очерк. Казань. 1914.
- Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность XIX–XX вв. Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. кн. изд-во, 1995. 214 с.
- Уразманова Р.К. Традиционные общественные праздники и свадебные обряды // Пермские татары. Казань, 1983. С. 118–136.
- Уразманова Р.К. Современные обряды татарского народа. Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. 144 с.
- Фатыхова Ф.Ф. Традиционная похоронная и поминальная обрядность башкир Пермской области // Традиционная народная культура населения Урала: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1997. С. 95–98.
- Фатхутдинова А.И., Камалеев Э.В. Традиция борондок (посаженные родители) у северо-восточных татар Республики Башкортостан // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. Вып. 3 (20). С. 26–29.
- Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844
- Шарифуллина Ф.Л. Традиционная свадебная обрядность татар Приуралья конца XIX — нач. XX в. // Этнос и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа: Гилем, 2000. С. 304–315.
- Шарифуллина Ф.Л. Особенности традиционной свадебной обрядности в сельских поселениях Тюменской и Омской областей // Сибирские татары. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 144–164.

Уфа, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН
kamaleev-ilvir@mail.ru

Subject to description being traditional markers and archaic notions in wedding rites with Tartars from the Republic of Bashkortostan in the late XIX — early XX c., their symbols and importance. Beliefs and magic notions of traditional wedding rites with Tartar people being rooted into ethnogenesis of Turk-language peoples, though in the modern high tech and industrial society they have lost their importance.

Ethnic markers, wedding rites with Tartars, archaic notions, ethnogenesis.

НИТЬ, СВЯЗЫВАЮЩАЯ МИРЫ (к проблеме воплощения идеи всеобщей связи в мифоритуальной традиции сибирского шаманизма)¹

Е.В. Нам

Утверждается ключевое значение архетипической идеи всеобщей связи в модели мироздания сибирского шаманизма. Анализируются представления, воплощенные в мифологическом образе нити, связывающей миры. Делается вывод о значении данной идеи в становлении шаманского мировоззрения, где зримые и незримые образы нити связывают шамана с миром духов и миром людей, символизируют его особые способности восстанавливать разорванные связи.

Шаманизм, нить, волос, душа, жизнь.

Основу мировоззрения аборигенных народов Сибири составляет сложная система взаимоотношений двух реальностей: сакральной и обыденной. В соответствии с этим вся жизнедеятельность человека зависит от милости и помощи духов, любая жизненная ситуация есть результат их влияния. Сибирский шаманизм вплетен в систему традиционного мировоззрения и представляет собой наиболее сложный вариант взаимодействия мира людей с миром духов.

Осмысление двойственности бытия предполагает его символическую интерпретацию, осуществляющуюся с помощью мифа и ритуала. К демонстрации познавательных возможностей этого подхода обращались многие поколения исследователей. Так, позиция рассмотрения человеческого сознания с точки зрения его символической функции была представлена в сочинениях Э. Кассирера. Удвоение реальности, с его точки зрения, было связано с невозможностью открыть человеком свой внутренний мир иначе, чем через мифологические образы, которые и были ранними символическими формами [Кассирер, 2002, с. 206]. Понять механизмы создания символов и их функционирования в культурном пространстве архаических, а также современных обществ помогает наличие архетипической структуры в психике человека, открытой и проанализированной в аналитической психологии К. Г. Юнга. Очень продуктивная методика рассмотрения мифа как бинарной структуры, а также логического инструмента разрешения противоречий была предложена К. Леви-Стросом. В рамках семиотических исследований (Ю. Лотман, В.Н. Топоров и др.) символическая интерпретация культурных феноменов получила дальнейшее развитие и позволила выделить и проанализировать некоторые универсальные (архетипические) культурные формы и категории, из которых строится уникальная модель мира.

В модели мироздания сибирского шаманизма ключевой является архетипическая идея связи сакрального мира (мира духов) и мира обыденного (мира людей). Эта идея получила зримое воплощение в мифологических образах и одновременно в конкретных материальных предметах, репрезентирующих эти образы. Веревка, нить, цепь, коса, волос — таков неполный перечень предметов, воплощавших идею связи миров в традиции сибирского шаманизма. Исследователи, занимавшиеся изучением шаманизма у различных сибирских народов, подчеркивали значимость вышеуказанных образов и их ритуальных аналогов в мифах и ритуальной практике. Однако до сих пор они не являлись объектом отдельного научного исследования, охватывающего материалы по различным народам Сибири. В данной статье рассматривается комплекс представлений, связанных с идеей нити, соединяющей миры, в традиции сибирских народов, с опорой на символическую функцию мифа как наиболее раннего примера осмысления и символизации человеческого опыта взаимоотношений с реальностью. При написании статьи были использованы материалы по шаманизму тюркских народов (якуты, тувинцы, хакасы, алтайцы, щорцы, телеуты, долганы), тунгусо-манчжурских (эвенки, нанайцы, ульчи, эвены), самодийских (селькупы, нганасаны), финно-угорских (ханты, манси), чукотско-камчатских (чукчи, коряки), а также отдельные сюжеты по бурятам и кетам. В качестве важной методологической посылки используются научно обоснованные идеи о неразрывной связи мифа и ритуала, о мифологиче-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14 В25.31.0009.

Нить, связывающая миры (к проблеме воплощения идеи всеобщей связи...)

ской природе шаманского мировоззрения и о том, что именно мифологическое сознание порождает особый тип психоментальной активности — шаманскую практику.

Мифологические образы представляют собой развернутую картину смыслов, которые заключены в архетипах. Они часто имеют сквозной характер (как и архетип), проходя через различные срезы культуры, и могут воспроизводиться в культурных пластах, возникающих в разное время и имеющих различное содержание. Архетипическое ядро мифологического образа, как правило, архаично и восходит к периоду становления мифологического сознания. Космогонические мифы представляют собой объективацию этого процесса, предполагают введение знаковости, придание определенного значения элементам мира и формирование структуры космоса, основанной на противопоставлениях (подробнее см.: [Топоров, 2010, с. 11–24, 263–289]). Ю.М. Лотман считал, что в самой идее культуры лежит существование другого, противостоящего ей мира. В алфавите культуры этот мир может получать разные названия, например природы или враждебных существ (покойников, злых духов и т.д.) [1992, с. 9]. Поэтому становление культуры можно рассматривать как нарушение изначальной непрерывности пространства, придание определенного значения элементам мира, формирование структуры космоса и установление в нем различных границ. Человек постоянно стремится отгородиться от чуждого пространства посредством магических обрядов и магических знаков. Но иной мир, хаос, чужое пространство — это не только враг космоса и своего пространства, но еще и его постоянный резерв [Там же]. Именно там находятся истоки культуры, ее мифологический фонд, и именно там человек ищет сакральные основы собственной жизнедеятельности. Человек отвоевывает свой «малый», ограниченный мир у безграничного пространства вселенной, но постоянно помнит о своей тесной связи с ним. «Невидимое — есть наполнитель жизни, оно создает душевный климат живущих» [Леви-Брюль, 1998, с. 341].

Идея связи между Небом и Землей, воплощенная в мифах о дереве, веревке, горе, лестнице, мосте была достаточно подробно проанализирована в трудах М. Элиаде. Он считает, что эта идея является универсальной доктриной, утверждающей существование свободного сообщения между мирами во времена мифические. Вследствие какой-то катастрофы связь прервалась (нить была порвана, дерево срублено и т.п.). Эта катастрофа изменила структуру Космоса и человеческое существование. Произошло разъединение сакрального и обыденного пространств, человек стал смертен, т.е. познал разъединение души и тела. Только душа после смерти человека может подняться на небо [Элиаде, 1998, с. 287–288]. После «падения» связь с Небом стала уделом лишь отдельных людей — избранных (царей, жрецов, шаманов). «Нить рассматривается как лучшее средство достижения Неба для встречи с богами» [Там же, с. 288]. В действительности символика нити и ее аналогов значительно сложнее вышеописанной схемы. Сам М. Элиаде подчеркивал это. И сибирский материал дает нам возможность углубленного рассмотрения заявленной проблематики.

Идея связи, воплощенная в образе нити и ее коррелятов, говорит нам, прежде всего, об осознании носителями традиционного мировоззрения разорванности, неполноты существования, о нарушении целостности бытия человека и необходимости постоянно налаживать и поддерживать определенную систему отношений с потусторонним, нечеловеческим миром. Одной из важнейших составляющих этой системы отношений было осознание человеком своей смертности, хрупкости своего бытия, непрочности связи как с сакральной, так и с обыденной реальностями. Дыхание, жизнь, душа, мысль, тень и т.д. — это то, что дает человеку возможность жить в мире людей, одухотворяет его тело, но связано с миром духов и со смертью тела покидает человеческий мир. Традиционное сознание очень чувствительно к внетелесным, или просто невидимым, компонентам бытия, которые, тем не менее, определяют жизнь и судьбу человека.

У нганасан существовало представление о том, что при появлении ребенка на свет, как только он открывает рот для первого вдоха, Луна-мать сбрасывает ему сверху нить *мэтэ*, которая через рот попадает в сердце и там как бы привязывается, прирастает. По другим данным, нить, связывающая людей с Луной-матерью, называется *бини* (букв. веревка). Нить может также связывать человека с Солнцем-матерью [Грачева, 1983, с. 58]. Жизнь человека и в значительной степени его судьба определяются тем, насколько прочной и длинной является эта нить. Считалось, что, если нить толстая, крепкая, «двойная, четырехмотанная», человек проживет долго, «120 и больше лет жить будет», если умрет молодым — «тонкая нить была у него». «Про умершего младенца скажут, что его нить была совсем короткой, по-русски это звучит так: мягкая была душа» [Там же, с. 61]. У чукчей роль хранителя человеческих душ выполнял

«дух кашля» (Тегги). Это старик, который разъезжает на белом олене и жестоко кашляет. По сведениям В.Г. Богораза, на одном рисунке он изображен с веревкой, на которой навязаны души смертных, приносящие ему в виде выкупа оленей [1939, с. 16]. По верованиям коряков, души умерших людей подвешиваются на шнурках из сухожилий в жилище Высшего существа, затем они снова возвращаются на землю для новой жизни [Там же, с. 39].

У норильских и вивинских эвенков было выявлено понятие о душе *маин*, «которая в виде невидимой нити тянется от головы человека вверх, где хэвэки (дух-хозяин Верхнего мира) держит в руках нити всех тунгусских *маин* (душ) и тянет за них всех тунгусов. Стоит почему-либо оборваться нити, тунгус начинает болеть и умирает. Хэвэки сам может порвать или ослабить ее. Злой дух может перекусить *маин*, а иногда похитить целый кусок ее [Василевич, 1969, с. 226]. Поэтому глагол *этыргэ* (умереть) в говорах этих эвенков обозначал буквально «оторваться» [Там же, с. 227].

Аналогичный мотив звучит в текстах камланий алтайских шаманов:

Сус спеленутого ребенка,
Сус громко ржущего скота,
К священной березе чтобы спустились,
По золотой нитке спустились.
В берестяную колыбель, чтобы качаться,
Чистое пламя, чтобы кут охраняло
Священный Йыйык чтобы охранял,
По шелковой нитке чтобы спустился,
В берестяной колыбели чтобы качался (колыхался)... [Потапов, 1991, с. 62].

Взаимозаменяемые слова *сус* и *кут*, вероятно, отражают представления о жизненной силе, заключенной в зародыше, который даруется божеством для рождения детей и размножения скота [Там же]. Типичная для алтайского фольклора метафора *тын тибектый* — «душа/дыхание как шелчинка» [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 85]. Душа *тын* у тюрков Саяно-Алтая традиционно ассоциировалась с дыханием. У нганасан нити, даваемые божеством, тоже отождествлялись с дыханием *бач*. Это же название *бач* употреблялось по отношению к пару, который выходит изо рта человека во время дыхания [Грачева, 1983, с. 59]. Если человек тяжело заболел и плохо дышит, нганасаны говорят: «Душа близко стала, к горлу подошла», употребляя слово *бач* [Там же, с. 62]. В момент смерти Луна отрывает нить от сердца и этим прекращает дыхание. Нить сама истончается, либо ее перегрызают существа мира нго, которые охотятся за людьми [Там же, с. 61].

В Хакасии также было зафиксировано представление о душе — *тын* в образе белой ниточки. «Когда человек умирает, на стол ставят стакан с чистой водой. Тын вылетит из человека в виде короткой белой ниточки, окунется в воде и улетит вверх, а если грешный, то вниз» [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 85]. Северные алтайцы считали, что человек может слышать, как прерывается у умирающего душа/дыхание. Поэтому у них существовало бранное выражение: «Твоя душа пусть сделает щелчок», т.е. порвется [Там же, с. 86]. Телеуты в злобном настроении могли сказать: «Жизнь твоя пусть порвется» [Анохин, 1997, с. 203]. Н.П. Дыренкова писала, что «представление о том, что при смерти душа человека обрывается, рвется, отмечено у всех алтайских тюрков» [1940, с. 380].

Идея хрупкости человеческой жизни была закреплена у алтайцев в эпитете души — «нитяная», т.е. непрочная [Анохин, 1924, с. 3]. В качестве противовеса человеческой душе выступают души богатырей. В шорском сказании «Кан Тес» говорится: «Кара Казан и Кара Картыга — два брата хана есть. Чтобы отрезать — душ у них нет, чтобы краснее течь — крови у них нет» [Дыренкова, 1940, с. 35]. Таким образом, происходит противопоставление жизненной силы людей и богатырей. С другой стороны, как ни прочны души богатырей, и они могут порваться, что сближает их с миром людей. «Чистая душа (богатыря) сияла как солнце в виде белой нитки и тянулась к небу» [Там же, с. 381]. Интерпретация души богатыря в фольклорной традиции позволяет увидеть его двойной статус, как существа, принадлежащего и человеческому, и божественному миру. О душе Кара Казана говорится: «Казалось бы, не оборвется душа, как ударил — оборвалась, казалось бы, не сломится стан его, как ударил — переломился» [Там же, с. 57].

С представлением о нити, связывающей человека с сакральным миром и дающей ему жизнь, тесно соприкасается известный у многих народов мотив о клубке ниток, который герой

получает от божества и который выводит его к дому. В селькупской мифологии такой клубок ниток имеет Ирра — старик, распорядитель всего живого на земле, субститут небесного бога Нома [Мифология селькупов, 2004, с. 127]. Клубок ниток, владельцем которого является Ирра, представляет собой все ту же связующую нить, дающую и отнимающую жизнь у смертных, а также актуализирующую тему возвращения героя. В традиционном мировоззрении народов Сибири зафиксирована идея о том, что невозможность возвращения героя равносильна его смерти. Проклятие: «Да будет тебе дорога, чтобы идти, да не будет дороги для возвращения» — равнозначно пожеланию смерти [Традиционное мировоззрение..., 1988, с. 72].

Мифоритуальными аналогами нити, восходящими вместе с ней к единому архетипу, являются волос, а также солнечный луч. Г.Н. Грачева предположила возможность реконструкции того, что волосы представляли собой отчасти материальное воплощение нитей, тянувшихся к Солнцу [1983, с. 59]. Волосы обладают широким семантическим полем. Они могли выступать как временным местом для души, так и ее заместителем. У различных групп эвенков исследователи наблюдали, как во время болезней, например эпидемий, срезали пряди волос и отдавали их на хранение шаману [Василевич, 1969, с. 224]. Нганасанский шаман мог проглотить душу человека, которую он изрыгал потом в виде клубка волос. Если этого не сделать, то человек, у которого шаман украл душу, умрет [Попов, 1984, с. 110]. У манси существовало представление о душе *лили*. Это душа-дыхание, душа-имя, которая живет в волосах. Если *лили* покидает человека, он становится усталым, бессильным и робким [Мифология манси, 2001, с. 70]. Волосы могли служить показателем особой шаманской силы. Героем одной селькупской шаманской легенды является Старик с семьей косами, завистливый и злобный, но обладавший большой шаманской силой [Мифология селькупов, 2004, с. 263].

В отношении волос существовала строгая обрядность. Нганасаны предпочитали не стричь волосы, а расчесывание волос приурочивать ко времени непогоды. Иногда расчесывали к ремешкам, украшавшим спинку меховой одежды [Грачева, 1983, с. 59]. Г.Н. Грачева предположила здесь возможность связи ремешков с нитями жизни, так как к их концам прикрепляли блестящие предметы, «притягивающие» лучи Солнца [Там же]. Я. И. Линденау в XVIII в. наблюдал у удских эвенков интересный обряд. Во время похорон муж укладывал срезанную прядь своих волос под мышку покойной жены, жена делала то же самое, кладя прядь на грудь покойного мужа. Считалось, что благодаря этому они не расстанутся в мире мертвых [Василевич, 1969, с. 224]. При лечении больного эвенкийский шаман также мог использовать волосы. Он срезал прядь волос у больного, сжигал ее и давал ему понюхать [Там же]. Материал, собранный исследователями у теленгитов, указывает на тесную связь волос, особенно распущенных, с потусторонним миром. Раньше теленгиты избегали стричь волосы, выпавшие волосы собирали в течение всей жизни и никогда не выбрасывали. Затем их сплетали в косу и клали в могилу покойному. Считалось, что *жула* — душа человека после его смерти обязательно собирает все волосы и забирает их с собой [Традиционное мировоззрение, 1989, с. 59]. С распущенными волосами нельзя было выходить на улицу ночью, так как злые духи могли схватить и унести человека [Там же]. Возможно, что распущенные волосы являются универсальным признаком траура (смерти) [Там же]. И тогда в символике волос можно увидеть амбивалентность жизни и смерти, мира богов и мира мертвых, света и тьмы. Волосы использовались в любовной магии. Так, к долганскому шаману мог обратиться молодой человек. Шаман просил его принести девять волос с головы понравившейся девушки. Затем он клал эти волосы себе под подушку и, выспавшись, возвращал молодому человеку, который пришивал их к своей одежде возле сердца. Тогда девушка должна была полюбить его [Попов, 1981, с. 259].

Волосы как вместилища души, или жизненной силы человека, могли ассоциироваться также с солнечным лучом, приносящим на землю жизнь. В мифологии селькупов именно с солнечным лучом старуха-прародительница, покровительница всего живого Ильнта — Кота внедряет в утробу беременной женщины душу-жизнь — *ильсат* [Мифология селькупов, 2004, с. 119–120]. По мнению Л.П. Потапова, представление о солнечном луче, посылаемом божеством для передачи зародыша жизни человека, было известно еще древним тюркам [1991, с. 63]. Мотив зачатия от света известен во многих традициях. В «Сокровенном сказании» монголов прародительница многих монгольских родов, в число которых входит и род Чингисхана, мать Алан-гоа говорит: «Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево...» [Козин, 1941, с. 81]. В легенде о происхождении бурятских родов Иханат и Зунгар рассказывается,

как незамужняя дочь Улаан хана, которая жила в юрте и ни с кем не общалась, забеременела от лучей света, проникавших в юрту через небольшое отверстие [Шаракшинова, 1980, с. 29]. По представлениям нганасан, лучи солнца являются нитями, посредством которых духи-хозяева растений общаются с солнцем и испрашивают у него разрешение на рост нового растения [Попов, 1984, с. 47]. «С солнечными поводьями за спиной» — обычный эпитет, характеризующий обитателей срединной земли в якутском фольклоре. Это значит, что светлые божества управляют людьми при помощи лучей — поводьев [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 103].

Для носителей традиционного мировоззрения нить — это не только связь человека с высшими божествами, подателями жизни, определяющими ее длительность, а также счастье человека, его судьбу. Она является также связующим звеном в череде поколений, определяя отношения с родственниками и предками. Так, для нганасан *тынсе* — не только душа, дыхание или жизнь. Это еще и нить, связывающая ближайших кровных родственников между собой. «Если человек умирает, значит, умершие ранее отец или мать “потянули” его к себе за тынсе, и она уходит к ним иногда задолго до фактической смерти, например, за полгода» [Грачева, 1983, с. 58]. В мировоззрении ульчей нить могла представлять собой зримую связь людей с миром мертвых. Ульчи протягивали нитку из могилы. Одним концом ее привязывали к косе или шапке умершего, другим — к дереву. На дерево вешали берестяную коробку, в которую клали пищу. И таким образом в течение недели ежедневно приходили на могилу и кормили умершего через нитку [Смоляк, 1991, с. 156–157]. В системе религиозных представлений нганасан есть образ семи кишок, протянутых от мамы месяца и связанных с семьей народами, проживающими по соседству друг с другом. Этот образ тесно связан с шаманской традицией. «Одна крайняя кишка остяцкую орду родит, еще кишка русскую орду родит, еще кишка юраков родит, еще кишка самоедов родит, еще кишка долганов родит» [Попов, 1984, с. 90]. Эти кишки являются аналогом нитей, которыми с небом связаны не только души отдельных людей, но и целые народы, а также шаманскими дорогами.

Описанная выше система представлений сыграла большую роль в становлении шаманского мировоззрения и шаманской ритуальной практики. В ситуации развития человеческой индивидуальности и отхода от ранних коллективных представлений появляется фигура шамана, чей мистический опыт носит отличный от коллективного, индивидуальный характер, но служит именно целям адаптации коллектива к определенным культурным реалиям. Не случайно С.М. Широкогоров назвал шаманизм «предохранительным клапаном или саморегулирующимся механизмом психической сферы» [Ревуненкова, Решетов, 1999, с. 28]. Фактически в лице шамана произошло замещение архетипической мифологемы посредников, способных войти в жизнь первобытного коллектива, реальным лицом, социально значимой фигурой, способной оживлять миф, осваивая архетипические уровни сознания, и встраивать жизнь социума в систему отношений со сферой сакрального бытия.

В мировоззренческой системе сибирского шаманизма центральную роль играет идея невидимой связи между различными мирами, что позволяет шаману налаживать контакты и строить сложную систему отношений с обитателями иномирья. Известны различные способы реализации этой связи. Среди них наиболее известными являются дерево, пронизывающее миры, дым от огня (часто погребальный или жертвенный костер), поднимающийся вверх, река, текущая в подземный мир, гора, достигающая до небес. В рамках данного дискурса наибольший интерес представляют нить, коса, солнечный луч или цепь (веревка). Герой одной чукотской сказки использует иголку и нитку для того, чтобы проникнуть в верхний мир. Он кидает иголку вверх, она втыкается в небо, и герой взбирается по нитке, как по канату, что можно рассматривать как аналогию шаманского путешествия на небо [Богораз, 1939, с. 41]. В другой чукотской сказке девушка становится женой Солнца, которое увозит ее вверх на белых оленях. «Покочевали по солнечному лучу, достигли неба...» «Пошли рассеять скуку к тестю, спустились вниз по солнечному лучу» [Богораз, 1900, с. 176–178]. Солнечный луч выступает в данном случае в виде дороги из Среднего мира в Верхний и обратно. Еще одна чукотская сказка говорит, что верхний человек, решив взять земную девушку себе в жены, использовал веревку из жил, на конце которой привязал крючок. Затем он зацепил ее за пуп и вытянул наверх [Там же, с. 185]. Здесь появляется образ пупа, пуповины, которая также рассматривается в традиционных культурах Сибири как вариант связи с иномирьем. Перерезание пуповины символизирует переход из потустороннего мира в мир людей. Во время посвящения нганасанского шамана Семюена Нгонджа духи учат его расшифровывать собственные видения, имеющие символический смысл: «Ты говоришь, что нитяная сеть, а это пуповина

Нить, связывающая миры (к проблеме воплощения идеи всеобщей связи...)

ребенка; рыба — это не рыба, она с икрой, это беременная женщина, это начало рождения людей» [Попов, 1984, с. 101]. Нганасанский шаман может подниматься на небо по кишке, спущенной с месяца, которая является еще и шаманской дорогой. «Вот по кишке месяца вверх стали подниматься... Вот мы теперь по кишке месяца станем идти» [Там же, с. 90].

Верховная богиня-мать мансийского пантеона Калтась-эква обладает удивительными волосами. Когда золотая Калтась-эква распускает свои волосы, «они развеваются как семикратная Обь вместе устьем, из кос расходится дневной свет, и в них возникает лунный свет». В песне манси говорится, что по одной из кос Калтась-эквы «поднимается живой соболь, по другой спускается бобр» [Мифология манси, 2001, с. 70]. Коса божества олицетворяет в мифологии манси устойчивую связь между различными сферами бытия [Там же]. Нуми-Торум, верховный бог и брат Калтась-эквы, имеет железную цепь, по которой в случае надобности он спускает своих посланников в мир людей [Там же, с. 101]. В шорском сказании «Ак Кан» говорится о волосяной косе, связывающей дворец богатыря с небесной сферой:

Среди белого скота,
Посреди платящего дань народа,
Золотой дворец был,
Солнцем и луной освещаемый.
Волосяная коса, наверху (дворца) [находящаяся],
Выше трех миров качается [Дыренкова, 1940, с. 159].

Если все люди, согласно мировоззрению сибирских народов, связаны невидимыми нитями с представителями сакрального мира, подателями жизни, определяющими длину жизненного пути каждого человека, то несомненно, что связь шаманов с сакральным миром должна быть более крепкой, иметь дополнительные характеристики и особенности. Вышеописанными способами связи с обитателями иномирья могли воспользоваться только шаманы и различные категории шаманствующих лиц, воспроизводившие те или иные варианты шаманской практики. При анализе доктрины божественной нити М. Элиаде акцентировал свое внимание на том, что в некоторых видах шаманизма «божественный выбор» заявляет о себе в форме видения, в котором избраннику является нить, спускающаяся с небес [1998, с. 290]. В связи с этим он выделяет ключевые положения шаманского прочтения доктрины божественной нити: 1) мистическое призвание является результатом божественного выбора; 2) выбор этот передается через видение нити, спускающейся с небес на голову будущему шаману; 3) спускающаяся нить несет в себе фатальное известие: будто судьба вдруг открылась перед этим человеком; 4) избранник чувствует, что он потерял свою личную свободу, он чувствует себя «прикованным», как «пленник», связанный волей другого [Там же, с. 291].

Посвящение нганасанского шамана Семюена Нгонджа сопровождалось связыванием его духами. Он сам обращался к духам со следующими словами: «Свяжите меня. Если я вошел в чум духов начала сумасшествия, то завязки останутся на месте, если в обычный чум вошел, завязки отпадут». Через сколько-то времени проснулся, лежит связанным [Попов, 1984, с. 99]. Другой нганасанский шаман, Черие, рассказывал, что шаман имеет веревку от доброго верхнего божества. Если шаману предстоит совершить что-то недоброе, его притягивают за веревку, не допуская до этого [Там же, с. 96]. Во время камлания телеутский шаман называл своего шамана-предка «имеющим нить»:

...Кама отпрыск я
Имеющего нить семья я...
...Я тот, который от кама
Саргадана был притянут [Функ, 1997, с. 156].

Шаман может иметь невидимые нити, которые не только связывают его с призванным божеством, но являются средством взаимодействия с потусторонним миром, а также могут представлять собой дороги шамана. Так, нанайские старики говорили: «Когда в самом начале шаман сидит и слегка ударяет в бубен, в это время от него, благодаря его мыслям, направленным в сторону украденной души, как будто протягиваются связующие нити (до 9 нитей), их нанайцы называют *сирэктэ* (нитка)» [Смоляк, 1991, с. 183]. По словам шаманки Г.Г., они у нее бывают разных цветов. Они показывают шаману путь. Нанайцы говорили: «Сирэктэ — это путь, дорога шамана» или «Сирэктэ — это думы шамана» [Там же]. Ульчская шаманка Алтаки Ольчи рассказывала: «У каждого шамана есть дороги. Они как нити, идут в землю, воду, небо, у всех разные» [Смоляк, 1991, с. 214].

Шаманское посвящение давало шаману особое свойство видеть и определенным образом воздействовать на жизненные нити простых смертных. Данное умение легло в основу лечебной практики сибирских шаманов. У нганасан первостепенное значение при камлании над больным имела прочность нитей. Шаман потягивал за них, проверяя их прочность, и медлил начинать камлание, если нити были недостаточно натянуты [Грачева, 1983, с. 59]. Если нить все-таки рвется и душа покидает тело, то именно шаман может вернуть ее назад. Для этого нганасанские шаманы осуществляли сложное и тяжелое камлание в землю мертвых, где шаман в чуме умерших родственников больного пытался найти его заблудившуюся *бачу*. В случае удачи шаман должен был снова вложить ее в рот, и больной должен был ее проглотить [Там же, с. 63]. А.А. Попов отмечал, что у нганасан нет слова для обозначения лечения или лекарств в нашем значении. Зато есть слово *солюптю* «оживи», отсюда *солюптюсату* «оживлял», в нашем значении — лечил [Там же].

Большую роль играла нить у нанайцев в другом виде шаманского лечения, подробно описанного А.В. Смоляк. В данном случае болезнь наступает не в результате ухода души, а в результате внедрения злого духа. Чтобы выманить его, проводилось специальное камлание. Из сухой травы изготовлялась большая фигура, которую подвешивали к потолку или ставили на трех ногах около окна снаружи дома. От больного к фигуре протягивали нитку. Одни нанайцы говорили, что такие фигуры изготовляли при лечении человека, заболевшего в результате козней чужого шамана, другие — что при лечении человека, раненного самострелом. Все присутствующие кричали «га», чтобы устроить духа. Шаман в это время изгонял духа, кусая тело больного в живот, грудь, шею и т.д. Злой дух (амбан) метался в теле больного и наконец выходил через рот. Вырвавшись из тела больного, амбан бежал по нитке (все видели, как она дрожала) и попадал в травяную фигуру. После этого фигура начинала прыгать «сама по себе» так сильно, что ее с трудом удерживали за веревки здоровые мужчины. Затем все били ее палками, убивали злого духа, а фигуру выкидывали в тайгу [Смоляк, 1991, с. 167–168].

С помощью нити или веревки осуществлялась связь шамана с его духами, и это еще один вариант использования символической нити для связывания представителей различных миров. К шаманской шапке селькупского шамана прикреплялась коса, представлявшая собой полосу из ровдуги и символизировавшая дорогу, по которой к шаману снизу вверх идут духи Нижнего мира [Мифология селькупов, 2004, с. 235]. У васюгано-ваховских хантов к шаманской шапке сзади были пришиты длинные подвески из бисера, по которым духи входили в шамана [Кулемзин, 1976, с. 112]. Нанайская шаманка Г.Г. говорила во время камлания своим духам: «Привяжитесь ко мне веревкой» [Смоляк, 1991, с. 182]. Шаман Моло Онинка, вызывая духов на камлание для больного, «привязывает их веревкой к себе, и они идут все вместе...». «Дух-помощник *Ливэнэ диулин* держит конец веревки, как рулевой» [Там же, с. 212].

Если в костюмах шаманов имелись важные детали, способствующие вступлению шамана в контакт с духами и символизировавшие его крепкую связь с ними, то не менее важными были и детали, которые должны были закреплять связь шамана с миром людей. В этом получила свое материальное и символическое выражение идея двойного статуса шамана, а также лиминальности, т.е. принадлежности его к разным мирам и пограничного состояния его бытия и сознания. Так, у нанайцев к шаманскому поясу *янган* прикрепляли длинный ремень (3,5–4,5 м) *соона* из лосиной кожи. Во время обряда больших поминок *каса* несколько человек держали шамана за этот ремень, чтобы он не улетел, когда изображал поездку в загробный мир. «Если не держать за ремень, шаман не вернется из *буни*, умрет» [Смоляк, 1991, с. 226]. А.А. Попов отмечал, что в костюмах нганасанских шаманов, предназначенных для камлания в верхний и в нижний миры, на спине к медному кольцу прикреплена длинная железная цепь *м^орсы быны* «веревка плеч», длиной 226 см. За нее держат или ею привязывают шамана во время камлания [Попов, 1984, с. 123]. У якутских шаманов на костюмах на спине имелся *тэсиин* — ремень, укреплявшийся на двух кольцах и напоминавший поводья. Этот ремень также служил для удерживания шамана при наибольшем экстазе во время камлания [Алексеев, 1975, с. 150].

А.В. Смоляк подробно описала нанайский обряд посвящения молодого шамана, в котором представлен еще один семантический разворот идеи связи, осуществляемой с помощью нитей. Это символическая связь старого и молодого шаманов, обеспечивающая ритуальную обоснованность непрерывности всей шаманской традиции. «Утром в доме нового шамана совершался специальный обряд. Впереди становился старый шаман в полном костюме, с ритуальными стружками на сгибах рук и ног. К его поясу сзади привязывали узкий ремень (*соона*) длиной в

Нить, связывающая миры (к проблеме воплощения идеи всеобщей связи...)

две сажени и прикрепляли к нему фигурку аями (духа, призвавшего шамана). К этой фигурке привязывали второй длинный ремень, идущий к поясу посвящаемого... Он держался обеими руками за ремень». Иногда шаман был в расслабленном состоянии и его поддерживали за руки. Позади шел человек с бубном. Еще один человек поддерживал фигурку аями, чтобы она всегда была обращена лицом к посвящаемому. Процессия несколько раз обходила вокруг комнаты, затем следовала на улицу и обходила дома в селении [Смоляк, 1991, с. 133–134]. В данном обряде обращает на себя внимание двойная связь. Шаман, будучи привязан к изображению своего духа покровителя, следует за ним. Но на первом этапе всех ведет старый шаман, находящийся с ними с одной связке. На следующем этапе старый шаман отвязывался, и неофит следовал лишь за фигуркой аями, которую нес один из присутствующих на обряде.

Важную роль в шаманской традиции играл мотив связывания, опутывания, опоясывания, который получал различные культурные интерпретации. Повязки из нитей могли служить своеобразными лекарствами. Эвены использовали в качестве повязок нити из сухожилий дикого оленя, окрашенные в красный цвет, веревки, сплетенные из подшейной шерсти оленя чисто белой масти и т.д. Для придания им магической силы шаман подвязывался ими во время камлания, мог прикреплять к бубну или к колотушке, а затем передавал больному или сам повязывал их ему на больное место [Попова, 1981, с. 245]. Во время рассекания будущего шамана у якутов, т.е. в период его посвящения духами, ему обвивали голову веревкой, свитой из белого волоса и увешанной кусочками материи, которую меняли каждый день [Ксенофонов, 1992, с. 38]. Возможно, предполагалось, что тем самым облегчаются страдания посвящаемого. Шаману также приписывалась способность освобождаться от любых пут, которые налагали на него люди. Во время камлания в темном чуме селькупский шаман мог освободиться с помощью духов-помощников от веревок, которыми его связывали двое из присутствующих. Веревка, которой связывали шамана, швырялась в лицо людям, связавшим его [Мифология селькупов, 2004, с. 162].

Нити, связывающие человека с потусторонним миром, могут быть не только животворящими, но и губительными. И здесь перед нами раскрывается важнейшая характеристика архетипов, воплощающихся в конкретных мифологических образах,— их амбивалентность. Так, если у человека неожиданно начинались судороги, шла пена изо рта и он чернел, кеты предполагали, что он попал на крючок шамана. Чтобы освободить его, размахивали в воздухе ножами, пытаясь тем самым перерезать невидимую леску [Алексеев, 1981, с. 118]. У якутов шаманы проводили обряд разрезания веревки в случае, если у женщины умирали дети. Главная сущность обряда состояла в том, что на полу юрты проводился ожигом (возможно, кочергой (устар.)) — Прим. авт.) тройной круг. В середине становилась женщина, ее опоясывали в трех местах волосяными шнурками — по поясу, бедрам и голеникам. После определенных ритуальных действий шаман резал каждую опояску в трех местах. Опояски с ножом помещались в укромном месте в лесу [Алексеев, 1975, с. 172].

На основе анализа представленного материала можно выделить достаточно устойчивые семантические ряды:

Нить — волос — солнечный луч — дыхание/душа — зачатие — зародыш — жизнь — судьба.

Нить — волос (коса) — солнечный луч — пуповина — дорога между мирами — шаманская дорога.

Нить — веревка — путы — шаманское призвание — болезнь — смерть.

Нить — связь с духами — борьба с духами — связь с божеством (подателем жизни) — связь с предками — связь с соплеменниками — связь с миром людей.

Проанализированный в статье материал позволяет сделать вывод о глубине и всесторонней разработанности в традиционном мировоззрении народов Сибири, и в частности в шаманизме, идеи нити как всеобщей связи, четко определяющей место человека в мироздании. Нить, веревка, волос, солнечный луч и т.д., воплощающие связь с божеством, являются универсальной основой и формой жизнетворного начала, определяющего все стороны жизни человека. Они осуществляют связь между мирами, а также с родственниками и соплеменниками, живыми и умершими. Особую роль идея нити сыграла в становлении шаманского мировоззрения, где зримые и незримые образы нити связывают шамана как с миром духов, так и с миром людей, символизируют его особые способности восстанавливать разорванные связи в мире людей. Платой за это является духовная несвобода, неспособность распоряжаться собой по своему усмотрению, несущая в себе трагичность существования.

 БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — нач. XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 199 с.
- Алексеев Е.А. Шаманство кетов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам вт. пол. XIX — нач. XX вв.). Л.: Наука, 1981. С. 90–128.
- Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л.: Изд-во Российской Академии Наук, 1924. 152 с.
- Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // Д.А. Функ. Телеутское шаманство: Традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. М.: Изд-во РАН, ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997. С. 196–215.
- Богораз В.Г. Чукчи. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I: Образцы народной словесности чукоч. СПб.: Тип. императорской академии наук, 1900. 417 с.
- Богораз В.Г. Чукчи. Ч. II: Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 195 с.
- Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — нач. XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX–XX вв.). Л.: Наука, 1983 г. 174 с.
- Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.
- Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университет. кн., 2002. 280 с.
- Ксенофонтов Г.В. Шаманизм: Избр. тр.: (Публикации 1926–1929 гг.). Якутск, 1992. 299 с. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://vk.com/gvksenofontov>.
- Козин С.А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1. 620 с.
- Кулемзин В.М. Шаманство васюгано-ваховских хантов (к. XIX — н. XX вв.) // Из истории шаманства. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. С. 3–155.
- Леви-Брюль Л. Мистический опыт и символы первобытных людей // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: Антология. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 334–358.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
- Мифология манси. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 196 с.
- Мифология селькупов. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 382 с.
- Попов А.А. Шаманство у долган // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам вт. пол. XIX — нач. XX в). Л.: Наука, 1981. С. 253–264.
- Попов А.А. Нганасаны: Социальное устройство и верования. Л.: Наука, 1984. 152 с.
- Попова У.Г. Пережитки шаманизма у эвенков // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам вт. пол. XIX — нач. XX в). Л.: Наука, 1981. С. 233–252.
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.
- Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров, как исследователь шаманизма // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: Материалы междунар. конгр. Ч. 1. М.: ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1999. С. 23–30.
- Смоляк А.В. Шаман: Личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
- Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.
- Функ Д.А. Телеутское шаманство: Традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. М.: Изд-во РАН, ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997. 268 с.
- Шаракшинова Н.О. Мифы бурят. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. 168 с.
- Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб.: Алетейя, 1998. 375 с.

Томский государственный университет
n.elvad@yandex.ru

The article asserts the key value of an archetypical idea of the universal link in the model of the universe in Siberian shamanism. Subject to analysis being notions embodied in a mythological image of the thread connecting the worlds. The author comes to a conclusion that this idea being meaningful in the development of shaman's world outlook where visible and invisible images of the thread tend to connect a shaman with the world of spirits and the world of people, symbolizing his special ability to restore broken relations.

Shamanism, thread, hair, soul, life.

ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ БЕЛОРУССИИ — РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ И БЕЛОРУСОВ В XX — НАЧАЛЕ XXI в.¹

Е.Ф. Фурсова

Работа посвящена сравнительно-историческому исследованию русских старообрядцев-переселенцев из Белоруссии начала XX в. по данным о поминальной обрядности. Исследование выполнено на основе новых полевых материалов экспедиции 2013 г., проведенной совместно с белорусскими учеными — этнографами и фольклористами. Показаны некоторые локальные особенности поминальной обрядности этой группы на фоне других старообрядческих групп Сибири, Урала и Европейской России, прослежены взаимовлияния со стороны соседей — белорусов православного вероисповедания.

Поминальные обряды восточно-славянских народов Западной Сибири, межэтнические взаимовлияния, локальные традиции русских старообрядцев и белорусов Васюганья, поминальная трапеза.

Изучение поминальной обрядности как части похоронного ритуала находится в этнографии на стадии накопления материала и систематизации основных структурных элементов. Тем важнее сравнительно-историческое исследование старообрядческих групп, сосредоточивающих в своей традиционной культуре архаичные обычаи и обряды как дохристианского, так и раннехристианского происхождения вплоть до настоящего времени. За последние десятилетия достаточно полно были исследованы старообрядческие группы ряда районов Европейского Севера, Урала и Сибири [Фурсова, 1983; Макашина и др., 1989; Бардина, 1990; Мотузная, 2004; и пр.], что позволяет осуществить анализ на широком этнографическом поле. Значительный интерес представляет сопоставление старообрядчества и носителей официального православия — белорусов с одних со старообрядцами территорий, практически одновременно переселившихся в Сибирь в начале XX в.

Летом 2013 г. Институтом археологии и этнографии СО РАН совместно с Белорусским культурным центром Новосибирской области и Институтом культуры Беларуси (г. Минск) была проведена экспедиция в Северную Барабу и Васюганье (Северный и Кыштовский р-ны Новосибирской обл.) с целью изучения фольклорно-этнографических традиций переселенцев из Белоруссии (рис. 1). Компактная группа русских старообрядцев мигрировала в Сибирь из губерний Российской империи, административно относящихся ныне к Белоруссии, Литве и Латвии, из-за недостатка земель в 1903–1919 гг. [Фурсова и др., 2003, с. 33–41]. При анализе этнографического материала автор исходит из предпосылки, что обычаи и обряды логично рассматривать как реальность исследуемого времени, как элемент культуры развивающегося во времени и в пространстве народа, его образа жизни, а «не только как пережиток, причем, такого отдаленного прошлого, когда народ еще и не существовал как этническая общность» [Терюков, 1990, с. 3].

Типологически поминальная обрядность является завершающим этапом в череде обрядов, связанных с погребением умершего человека. Они проходят сразу после захоронения в доме умершего, а также в определенные дни после смерти (9-й, 40-й и пр.). Основная цель поминальных обрядов, по мнению ученых, заключается в обеспечении лояльности мертвых к живым, покровительстве со стороны умершего (предка) и обеспечения постоянно функциональной связи между живыми и мертвыми [Там же, с. 15]. По мнению французского этнолога А. Геннепа, коллективные трапезы непосредственно после похорон и трапезы последующих поминок совершаются ради восстановления связи между членами сообщества живых и покойным вследствие утраты одного из звеньев жизненной цепи [2002, с. 134, 138].

Идущие из глубины веков поминальные обряды известны и до сих пор исполняемы старообрядцами Васюганья, почему в процессе экспедиционных исследований удалось зафиксировать их этнокультурную специфику. В этой связи для нас весьма важно было услышать от носителей традиций, каковы причины исполнения и как они интерпретируют ритуалы. Именно та-

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 12-21-01000.

Е.Ф. Фурсова

кой принцип был положен в основу сбора этнографического материала. Из сообщений современных информаторов следует, что, заботясь о достойных похоронах и поминках усопшего, родственники думают, что тем самым «угождают ему» и помогают войти в Царствие Божие. Жители Северного района не только вспоминают дедовские традиции похоронно-поминального цикла, но могут их продемонстрировать (рис. 2, 3).

Рис. 1. Беседа со старообрядцами п. Северное Новосибирской обл. 2013 г. (здесь и далее — фото автора)

Рис. 2. С.Г. Осипов показывает, каким образом носили икону на кладбище во время похорон

До настоящего времени в старообрядческих деревнях сохраняется развитый ритуал поминок, сведения о котором мы имеем возможность сравнивать с данными, полученными нами в этих же деревнях в 1991–1993 гг. Возвратившись с кладбища, все участники похорон перед трапезой обязательно моют руки: «Стоит (рукомойник) с водой, все моют руки, полотенцем вытирают. Стол накрывают полотном». Еще одно сообщение: «Даже в ворота когда заходят, в калиточку, руки моют. В калиточке моют, пошли» (Ф.К. Пудова). У васюганских старообрядцев, как и в целом ряде других этнокультурных групп, отсутствовала или считалась греховной поминальная трапеза с хмельным угощением. Сейчас этого правила придерживаются пожилые люди, которым отдельно накрывают стол без алкогольных напитков и с постным угощением, если поминки приходятся на постные дни.

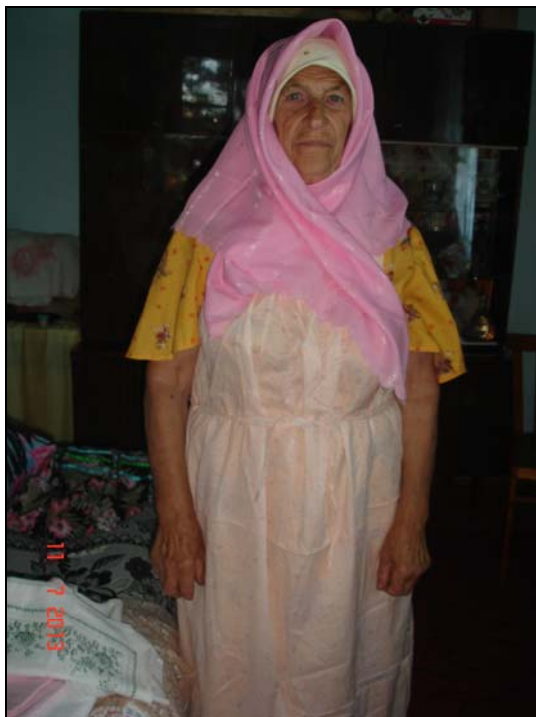

Рис. 3. В.Х. Атопкина показывает погребальный костюм

Последовательность усаживания за поминальный стол стойко сохраняется до сих пор: первых усаживают копальщиков могильной ямы, потом знакомых и соседей, за последним столом садятся родственники. Это свидетельство в пользу того, что поминки проводились в качестве жертвенного обеда с целью угощения по возможности большего числа людей, включая неродственников. Если относительно первоочередности копальщиков за поминальными столами расхождения мнений не наблюдалось, то по отношению к остальным участникам можно услышать разные трактовки. «Копальщики первые. Родственники садятся за последний стол. Мужчины и женщины садились вместе», «Нет, в одном уголке мужики, в другом женщины садятся», «Обычно говорят: “Давайте, сначала накормим мужиков, копальщиков”. Они садятся, кто где сядет». Приведем еще высказывания на этот счет: «В принципе, они садились с одной стороны, друг с другом, а с другой стороны садились те, которые свободные мужчины, но не близкие родственники. Ну, знакомые, если место есть. Если места нет, то женщины садились потом вторым заходом» (Е.В. Демчихина).

Качественный состав пришедших на поминки во многом зависел от половозрастной принадлежности покойника. Если хоронили пожилых людей, то не приглашались и не участвовали в трапезе дети или подростки, если хоронили ребенка, то малолетним друзьям умершего собирали отдельный стол. Аналогичным образом на поминки молодого парня или девушки приглашались его сверстники. Приведем примеры высказываний на этот счет: «Нет, пятилетнего вперед не посадят, а молодежь, она обычно не идет за стол поминать... Дети не поминали за столом никогда. Детям поменьше выносили в деревнях родственники умерших конфеты, блинчики, постряпушечки, и всё. Это вот в моей деревне, где я жила, так было. У нас детей за стол не садили. А другое дело, когда кто-то из детей умирал, маленькие дети. Там для детей накрывался отдельный стол. А со взрослыми никогда не садились» (Е.К. Прокофьева). Или: «Ну, а сейчас садятся молодые парни, поминают молодого парня. Его друзья. А если поминают старую бабушку, молодые там не ходят» (Ф.К. Пудова).

Поминальный стол, в отличие от повседневного использования «для живых», застилали скатертью («скатерка») наизнанку, «на наличку». Заметим, что если эта же, предназначенная для праздников, вышитая скатерть использовалась на свадьбе, то клалась «на лицо», т.е. орнаментом вверх (И.Г. Осипов). На поминальном столе должен присутствовать набор блюд, считающихся обязательными: пшеничная кутья, ягодный кисель, блины (раньше из гороховой му-

ки), яичница («яишница»). Начинается трапеза после того, как духовные наставники прочтут поминальные молитвы и сядут за стол. Перекрестившись, каждый говорит слова молитвы² и берет по три ложки кутьи³ (больше считалось нельзя). Кисель варят густым, поэтому едят его ложками, а подают на стол в общих чашках. Обычай приготовления густого киселя фиксируется в других старообрядческих группах, например, Северного Урала, Русского Севера [Макашина и др., 1989, с. 301]. Как и встарь, во времена единоличного хозяйствования, сегодня сидят за трапезой молча и едят угощение, не употребляя ножей. Ждут, пока все поедят, и выходят все вместе, как и садились, со словами благодарности «Спаси, Господи».

Сразу после трапезы убирают посуду. Если поминальный обед состоит из нескольких столов, то ставят чистую посуду для вновь прибывших помянуть. Последними остаются родственники и люди, убравшие столы. «А последний заход, хозяева моют, родственники остаются. Остаются обслуга и убирают столы» (С.Г. Осипов).

По словам В.Х. Атопкиной, раньше, когда некоторые люди жили бедно, они довольствовались подаренными («поданными») им вещами умершего. Вещи раздавали в первую очередь готовившим поминальный обед, читавшим молитвы у гроба и пр. «Если люди жили бедно, то за стол почти не садились, а давали вещи. Если умерла бабушка, у нее есть несколько платков. Тем, кто сидел у гроба, давали какими-то вещами. Кто готовил — тоже. Платки да вещи какие-то» (В.Х. Атопкина). Или такое сообщение: «Какая-то шубейка⁴ осталась, какая-то муфта. У нашей мамы шубейка — это праздничная, а рабочая была юбка и блузка холщовая, рабочая» (Е.В. Демчихина). Предметы одежды, обуви, как и разные другие принадлежности костюма, согласно общерусской традиции, издавна употреблялись в качестве жертвенных приношений [Зеленин, 1913, с. 13, 15]. Тот факт, что жертвоприношением часто становилась старая обувь, интерпретируется в том смысле, что она предназначалась «для перехода покойников в потусторонний мир» [Там же, с. 14]. В полевой практике нам встречались случаи, когда вместе с умершим клали в гроб обувь или иные принадлежности одежды, но для другого, прежде умершего человека. Однако это делали только тогда, когда во время похорон забывали что-либо надеть или испытывали беспокойство во сне («приходил, просил согреть» и т.п.). Информаторы вспоминали, что когда однажды хоронили мужчину, то теща надела ему новые лакированные ботинки, но после этого он стал ей сниться и «жаловаться, что обувь жмет ноги». Старообрядческие наставники (были «попы» «Цыкуниха», «Сазониха», Ульяна), узнав, что при жизни зять носил кроссовки, посоветовали положить их на могилу и прикопать землей (или положить в гроб очередному покойнику). Возможно, коллективная трапеза и раздача одежды умершего наделялись синонимичными свойствами в качестве жертвы со стороны родственников.

Заметим, что в исследуемой группе старообрядцев, как и повсеместно у русских, придерживались обычая упрощения похоронных и поминальных обрядов человека, ушедшего из жизни в результате трагического события или самовольно, т.е. «не в свой срок». «Когда человек утоп или повесился, о нем никто не поет, не отпевает. Ну, там свои похоронили, и все» (Ф.К. Пудова). Некоторые информаторы утверждали, что такие покойники не только лишались многочелюстных почестей, поминок, но их и хоронили на кладбище отдельно. По мнению Д.К. Зеленина, настороженное отношение к «заложным покойникам вызвано тем, что с самого часа своей смерти те находятся в распоряжении у нечистой силы... кое-кто становится кикиморами, русалками, лешими, водяными...» [1917, с. 399] (об этом же: [Неклепаев, 1903, с. 228]). В старину такая категория умерших лишалась не только поминовения, но даже погребения, потому как, в представлениях древних славян, «Земля гневалась и не принимала нечистый труп» [Зеленин, 1917, с. 402, 403]. Согласно христианскому вероучению, умершие неестественной смертью, особенно самоубийцы, совершают смертный грех и не имеют права на поминальные обряды в церкви. По народным представлениям, таким покойникам разрешался поминальный день только в троицкую субботу, однако есть старообрядцы, которые придерживаются мнения о невозможности каких-либо поминок в этих ситуациях.

Видимо, категория покойников-утопленников представляла собой не только особую опасность для живых, но и в контексте симпатической магии была связана с бездождем, так как в

² Молитва: «Упокой, Господи, душу раба Божьего».

³ Кутью или коливо, в соответствии с Церковным уставом, готовили из пшеницы с медом, допускалась замена на рис [Нефедов, 2002, с. 250].

⁴ Шубейка — здесь женский сарафан на узких лямках. — Е. Ф.

случае засухи васюганцы поливали их могилы водой. Приведем рассказ на этот счет: «А еще и сейчас сохранилась традиция или обычай: если долго нет воды, дождя, то нужно принести с речки или там ложкá сорок ведер воды и полить на утопленника, на могилу утопленника, но чтоб не разговаривать. Надо прийти в двенадцать часов ночи на кладбище, а у нас в Бергуле рядом с кладбищем ложк. И я знаю, у меня мать несколько раз ходила с соседками, и они на утопленника сорок ведер (выливали). И действительно, потом шел дождь. И молчали, должна быть “молчальная вода”» (С.Г. Осипов). Содержание этого не единожды записанного нами обычая неясно информаторам [Фурсова, 2013, с.533]. Представления о том, что «нечистые», или «заложные», покойники, будучи похоронены на кладбище («чистом месте»), вызывают бездождие, урожай, мор, были широко распространены не только у славян, но и у многих других народов [Толстой, 2003, с. 101].

Среди пожилых старообрядцев с Северное распространено мнение, что в последние два-три десятилетия появились новые обычаи, направленные на увеличение поминальных дней (в домашней обстановке). К старинным поминальным дням после похорон и «сороковинам» (на 40-й день) прибавились поминки на девятый день, полгода и год. «Схоронили, помянули, горячий обед — всё. Никаких девяти дней. И до сорока дней, вот, сороковины. Только сороковины делали. А теперь и полгода делают, и год делают. Когда захотел, тогда и помянул». Старообрядцы считают, что увеличение поминальных дней связано не с намерением почтить память умерших и облегчить им участь на «том свете», но, скорее, с желанием лишний раз угоститься, принять горячительные напитки. Церковный устав упоминает о поминовении в 3-й, 9-й, 40-й дни по кончине; иногда выделяется как особый поминальный 20-й день [Нефедов, 2002, с. 258].

В Северном и Кыштовском районах Новосибирской области по соседству со старообрядцами проживают этнические переселенцы-белорусы православного вероисповедания. По нашим наблюдениям, несмотря на общность прежних территорий проживания, между этими группами переселенцев из Белоруссии наблюдается довольно много различий в области поминальной обрядности. Так, первые поминки после похорон белорусы устраивали и продолжают устраивать на могильном холме (при этом застилают скатертью). Раньше пели «погребальные песни» (не сохранились), ходили на кладбище на второй день после захоронения — этим они отличались от старообрядцев. Ощутима также разница в атмосфере дома, где умер человек: у белорусских крестьян допускались шутки, смех. По этому поводу информаторы поясняли: «Вечером приходят, поят чаем их. Чай попоили, посадили и сидят. Сидят и поют, и молитвы читают, и анекдоты щас уже. Смех там и слезы... Нет, не выпивали. Пили чай» (П.М. Сенцова). В нестарообрядческих семьях меньше уделяли времени чтению молитв: «Пять часов отмолятся и пошли домой. Кто-то маленько отдохнет, кто-то управляться со скотиной уходит. Остается одна родня» (П.К. Буркова). Возможно, в этих обычаях сохранились рудименты древнеславянской «стравы» — разгульной поминальной трапезы язычников [Котляревский, 2011, с. 245]. Твердо установленными поминками были 3-й, 9-й, особенно 40-й день, что соответствует старинным обычаям славян и Церковному уставу⁵. В качестве поминального блюда, помимо кутьи, подавали «ладки (здесь: олады. — Е. Ф.) в сметане».

Полевые этнографические материалы позволяют осуществить сравнительно-историческое исследование, т.е. выявить сходство и различия в деталях поминальных обычаев разных старообрядческих групп. Например, в одних старообрядческих группах поминали кутьей и блинами, где-то одной кутьей. Кроме того, взаимно заменялись жидкие блюда: в одних местах это были кисели, в других — компоты или квасы [Макашина и др., 1989, с. 296; Мотузная, 2004, с. 288; Белорусы в Сибири..., 2011, с. 86]. Еще в середине XX в. васюганцы выделялись сокращенным вариантом поминальных сроков, включавших поминки только на 3-й и 40-й день после смерти. Заметим, что, несмотря на Церковный устав и тот факт, что дни поминовения усопших происходят из первохристианской древности, эти поминки различались по разным регионам порой довольно значительно (не везде отмечали 20-й день, полгода, три года и пр.). Этим рассматриваемая группа отличалась от старообрядцев Северного Урала, Алтая, Русского Севера (ср. [Куликовский, 1894; Макашина и др., 1989, с. 296; Мотузная, 2004, с. 288; Логинов, 2010, с. 366, 384]. Вместе с тем, и это следует особо отметить, общих обычаев между старообрядческими группами наблюдается значительно больше: приоритет «благочестивых трапез» без пи-

⁵ А.А. Котляревский пишет, что, согласно данным Воуе (VII в.), поминки древних славян по усопшим совершались на 3-й, 6-й, 9-й и 40-й дни [2011, с. 249].

тия (не всегда соответствует реальности), приготовление поминальных блюд (кутья), жертва «милостыня» одеждой умершего и полотенцами и пр. Причем различное отношение к обстоятельствам смерти, согласно православной традиции, было настолько велико, что это влияло на тот или иной вариант не только погребального обряда, но и поминальной трапезы без почестей. Белорусским влиянием можно считать присутствие поминальных яств в виде бобов и гороховых блинов в качестве основных (например, в Полесье бобовые варили на медовой сыте) [Котляревский, 2011, с. 249].

Таким образом, в поминальных обрядах сохраняются остатки культа мертвых, культа предков, ранних христианских традиций и предписаний. Повторяемость многих нехристианских обычаев в разных локальных группах русских свидетельствует, что они не принадлежали к узкой традиции, а некогда имели общерусское распространение. Сегодня понять исконный смысл многих обрядов невозможно, но у исследователей имеется реальная возможность расспросить современных информаторов об их содержании.

Вероятно, многое можно будет прояснить при сравнении похоронно-поминальной обрядности как можно большего числа различных старообрядческих групп Сибири, Урала и европейской части России. «Есть все основания предполагать,— справедливо писала этнограф И.А. Кремлева,— ...что обычаи и воззрения, составлявшие местное своеобразие бытовой культуры отдельных групп населения, восходят к некогда общему для всего русского народа древнему культурному пласту и в силу этого могут рассматриваться как черты, свойственные дохристианской религии русских или, может быть, всех восточных славян» [1989, с. 250].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бардина П.Е. Материалы о похоронно-поминальном обряде русского населения Среднего Приобья в конце XIX — первой четверти XX в. // *Обряды народов Западной Сибири.* Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 166–178.

Белорусы в Сибири: Сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.

Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.

Зеленин Д.К. Русские народные обряды со старой обувью // *Живая старина.* 1913. Вып. I–II. С. 13–15.

Зеленин Д.К. Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // *Изв. АН. Пг., 1917. № 7.* С. 399–414.

Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. 1868. Переизд. М.: Красанд, 2011. 304 с.

Кремлева И.А. Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских // *Русские: Семейный и общественный быт.* М.: Наука, 1989. С. 248–264.

Куликовский Г.И. Похоронные обряды Обонежского края // *Олонец. сб.* 1894. Вып. 4. С. 411–422.

Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: Обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Ун-т Дм. Пожарского, 2010. 424 с.

Макашина Т.С., Кремлева И. А., Листова Т.А. Семейные обряды // *На путях из Земли Пермской в Сибирь.* М.: Наука, 1989. С. 222–308.

Мотузная В.И. Похоронная обрядность населения Солонешенского района // *Солонешенский район: Очерки истории и культуры.* Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 288–291.

Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края: Этнографический очерк // *Зап. Зап.-Сиб. отдела император. РГО.* 1903. Кн. XXX. С. 29–230.

Нефедов Г. Таинства и обряды Православной Церкви. М.: Паломник, 2002. 319 с.

Терюков А.И. Похоронно-поминальная обрядность коми-зырян (вторая половина XIX — начало XX в.): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Л., 1990. 24 с.

Толстой Н.И. Вызывание дождя в Полесье // *Очерки славянского язычества.* М.: Индрик, 2003. С. 89–125.

Фурсова Е.Ф. Женская погребальная одежда русского населения Алтая // *Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири.* Новосибирск: ИИФ СО АН СССР, 1983. С. 73–87.

Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И., Фурсова М.В. Старообрядцы Васюганья: Опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск: АГРО-СИБИРЬ, 2003. 275 с.

Фурсова Е.Ф. Массовые моления белорусских переселенцев юга Западной Сибири в XX веке // *Проблемы археологии, этнографии и сопредельных территорий.* Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 533–536.

Источники. Список информаторов

Атопкина Варвара Харитоновна, 1938 г.р., п. Северное Новосибирской обл. Из смешанной, русско-белорусской семьи.

Буркова Прасковья Киреевна, 1932 г.р., род. в д. Колбаса Кыштовского р-на Новосибирской обл.. Родственники из Белоруссии (по отцу) и Калужской губ. (по матери).

Поминальная обрядность переселенцев из Белоруссии — русских старообрядцев и белорусов...

Демчихина (дев. Хмелева) Евдокия Васильевна, 1935 г.р., п. Северное Новосибирской обл. Русская.

Осипов Иван Григорьевич, 1942 г.р., род. в д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Русский.

Осипов Сергей Григорьевич, 1957 г.р., род. в д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл. Русский.

Прокофьева (дев. Степанова) Евдокия Карповна, 1914 г.р., род. в д. Макаровка Кыштовского р-на Новосибирской обл. Интервью 1991 г. Русская.

Пудова (дев. Иванова) Феодосья Конофеевна, 1910 г.р., род. в д. Макаровка Кыштовского р-на Новосибирской обл. Интервью 1991 г. Русская.

Сенцова Полина Михайловна, 1958 г.р., род. в д. Колбаса Кыштовского р-на Новосибирской обл. Белоруска.

Новосибирск, ИАЭТ СО РАН
mf11@mail.ru

The paper is devoted to a comparative-historical investigation regarding Russian old-believers — settlers from Byelorussia in early XX c., basing on materials of funeral rites. The investigation is made on the basis of new field data obtained by expedition-2013 undertaken together with Byelorussian scientists — ethnographers and folklorists. The published data allowed to demonstrate certain local features of funeral rites with the said group against other old-believers' groups from Siberia, Urals and European Russia, tracing the mutual influence on the part of their neighbours — Orthodoxal Byelorussians.

Funeral rites of East Slavic peoples from West Siberia, inter-ethnic mutual influences, local traditions of Russian old-believers and Byelorussians from Vasyugan area, funeral repast.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ (ДЕ)МОДЕРНИЗАЦИИ

М.Г. Агапов, Р.О. Поплавский, М.С. Черепанов

Предложены концептуальные рамки исследования социокультурных сообществ как агентов (де)модернизации. Отправной точкой наших рассуждений является теория культурной модернизации Р. Инглхарта — К. Вельцеля, согласно которой изменения в культурной сфере представляют собой промежуточный механизм, связующий изменения в социально-экономической и политической сферах. Социокультурные сообщества определяются как коммуникации по поводу формулирования схем восприятия и оценивания окружающего мира. В аналитическом отношении связующими звеньями (де)модернизации и социокультурных сообществ выступают формы социального капитала, характер связей внутри сообщества и производящиеся/воспроизводящиеся образцы и идеалы.

Теория культурной модернизации Р. Инглхарта — К. Вельцеля, социокультурные сообщества, социальный капитал.

В зависимости от области применения и сферы научных исследований термин «модернизация» может трактоваться различными способами. Как политическая доктрина модернизация представляет собой установку на мощный, прежде всего экономический, рывок в развитии страны. Большинство модернизаций в мировой истории были модернизациями догоняющими [Травин, Маргания, 2004, с. 63] и далеко не всегда успешными. Во всяком случае, не столь успешными, как того хотелось их вдохновителям. Поэтому всякий раз, когда страна второго эшелона провозглашала собственную программу модернизации, последняя тут же становилась популярной темой местных научных публикаций и форумов, однако по мере осознания всех трудностей избранного пути первоначальный оптимизм часто сменялся разочарованием, риторика модернизации вытеснялась риторикой реакции [Хиршман, 2010].

Взятая в плане историко-социологической теории, модернизация представляет собой один из подходов к осмыслению природы социальных изменений (наряду с эволюционной и циклической теориями) [Штопка, 1996, с. 170–173]. Как всякая большая теория, она строится на объемном материале, в данном случае — на анализе исторического опыта множества стран, прошедших с большим или меньшим успехом путь модернизации в период XVII–XX вв. Провалы конкретных модернизационных проектов не отменяют теорию модернизации, ведь они, чаще всего, случаются на коротких исторических дистанциях, тогда как аналитическая оптика теории модернизации настроена на глубокую историческую перспективу.

Любое социальное изменение предполагает наличие движущих сил — агентов, или акторов. В зависимости от выбранной социальной парадигмы в качестве таковых могут рассматриваться общество целиком, отдельные социальные движения, сообщества, отдельные личности. Целью данной статьи является разработка концептуальных рамок исследования социокультурных сообществ как агентов (де)модернизации. Под агентностью понимается способность субъектов деятельности «вмешиваться в серию событий таким образом, чтобы изменять их курс», т.е. порождать социальные изменения. Последние возникают благодаря непрерывному воспроизводству различных форм социального поведения в пространстве и времени и практически всегда являются результатом непреднамеренных последствий преднамеренных действий [Гидденс, 2005, с. 15, 50–51].

Отправной точкой наших рассуждений является теория культурной модернизации Р. Инглхарта — К. Вельцеля. Выбор последней среди множества существующих теорий модернизации обусловлен, во-первых, ее комплексным характером — Р. Инглхарт и К. Вельцель анализируют социально-экономическое развитие, изменения в сфере культуры и демократизацию в рамках единого процесса человеческого развития (human development) — и, во-вторых, опорой на уникальную базу эмпирических данных World Values Survey, всемирного научно-исследовательского проекта, нацеленного на изучение формирования ценностных ориентаций

Социокультурные сообщества в условиях (де)модернизации...

людей¹. Всесторонний анализ данных World Values Survey позволил Р. Инглхарту и К. Вельцелю обнаружить нелинейный характер зависимости социокультурных изменений от экономического развития: «Процесс индустриализации несет с собой рационализацию, секуляризацию и бюрократизацию, но возникновение “общества знаний” оборачивается изменениями иного порядка, идущими в новом направлении, — повышается роль личной независимости (individual autonomy), самовыражения и свободы выбора. Утверждение ценностей самовыражения (self-expression values) преобразует модернизацию в процесс человеческого развития, формируя тем самым гуманистическое общество нового типа — в центре его находится человек» [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 10]. Результатом тридцатилетних исследований изменений ценностей в модернизирующихся обществах стала единая модель социальных изменений, в которой «на удивление четко... широкий спектр представлений укладывается в рамки всего двух главных измерений: одно связано с поляризацией между *традиционными* и *секулярно-рациональными* ценностями, другое — с поляризацией между *ценностями выживания* и *самовыражения*» [Там же, с. 17] (рис. 1).

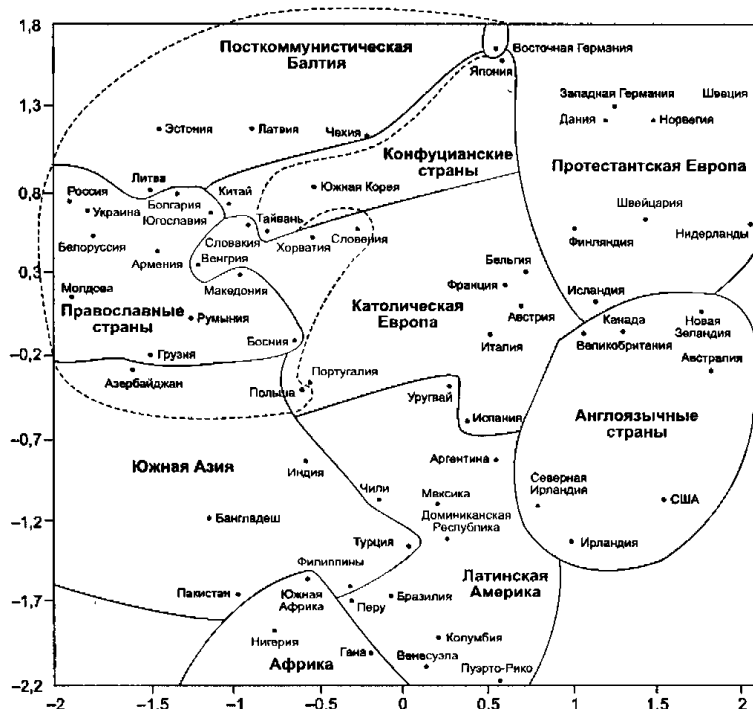

Рис. 1. Культурная карта мира с учетом основных цивилизаций (конец 1990-х гг.).
Источник: [Инглхарт, 2002, с. 113]

Именно сфера культуры, под которой Р. Инглхарт и К. Вельцель подразумевают «основополагающие ценности» (basic values) [2011, с. 10], служит ««мостиком» между экономическим развитием и демократической свободой». Изменения в культурной сфере представляют собой «промежуточный механизм», связующий изменения в социально-экономической и политической сферах [Там же, с. 241]. Для раскрытия этого тезиса авторы теории культурной модернизации используют метафору геотектонических процессов: «ценности движутся в виде *ровного подземного течения*, на что права реагируют *дискретными поверхностными разрывами*» [Вельцель и др., 2012, с. 12]. Модель «тектонической системы» социальных изменений отображена в табл. 1.

¹ Проект World Values Survey осуществляется с 1981 г. и является единственным источником эмпирических данных, охватывающих большую часть населения мира (около 90 %). WVS измеряет, отслеживает и анализирует: поддержку демократии, толерантность, поддержку гендерного равноправия, роль религии и изменение религиозности, влияние глобализации, отношение к окружающей среде, работе, семье, политике, национальной идентичности, культуры, отсутствию безопасности и субъективного благополучия. К настоящему времени проведено 6 волн опросов. WVS использует метод семплирования в качестве способа сбора данных, систематический и стандартизированный подходы к сбору информации посредством репрезентативных национальных опросов почти в 100 странах [World Values Survey].

«Тектоническая система» социальных изменений*

Типы процессов социальных изменений	Причины социальных изменений	Факторы социальных изменений	Форма социальных изменений
Краткосрочные процессы (обратимые)	Непосредственные (ближайшие) причины социальных изменений (например, смены политических режимов)	Особенности текущей социально-экономической и политической ситуации + возможное внешнее влияние	Коллективные действия, управляемые элитами и контрэлитами, т.е. стратегия и тактика политической борьбы (представления об имеющихся вариантах действий носят культурно обусловленный характер)
Долгосрочные процессы (устойчивые)	Глубинные условия социальных изменений	Социально-экономическое развитие	Формирование массовых ценностей, побуждающих акторов действовать именно так, а не иначе
		Культурно-зональная константа ²	

*Таблица составлена по: [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 304–333].

Важно заметить, что теория культурной модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля относится к числу «больших теорий», авторы не ставят своей целью анализ конкретных механизмов формирования и трансформации ценностных ориентаций людей. Однако возможно ли выявить и проследить социокультурные изменения на среднем и микроуровне посредством методов качественной социологии, исторической и культурной антропологии в координатах теории культурной модернизации? Думается, мы можем дать на этот вопрос положительный ответ, опираясь на положения социокультурной теории.

Базовые понятия социокультурной теории были концептуализированы представителями гарвардской социологической школы — П. Сорокиным и Т. Парсонсом на основе органической метафоры и языке функционалистской логики. Общими положениями в их концептуализациях «социокультурного» является: 1) аналитическое различие «социального» и «культурного» как разных аспектов единого «социокультурного мира»; 2) представление о том, что социокультурная система находится в процессе постоянного становления. У обоих теоретиков *социокультурный мир* человека — это генерализация высшего уровня. При этом сорокинская концептуализация социокультурного является по существу биологической (в духе Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева), парсоновская — структурно-функционалистской. Парсонс выделяет четыре подсистемы социального действия (табл. 2).

Таблица 2

Подсистемы социального действия*

Подсистема	Элементы подсистемы		Преимущественные функции
Социокультурная	Социальная	Совокупность образцов поведения, социальных норм, социальное взаимодействие (интеракция) и социальные роли (интеграция)	Интеграция
	Культурная	Культурные ценности и традиции	Воспроизводство образца
Базисная	Личностная	Система личности («эго»): мотивационная структура индивида	Целедостижение
	Поведенческий организм	Биологический организм (индивидуальное психологическое состояние человека, включая инстинкты и биологические потребности, влияющие на поведение человека)	Адаптация

* Таблица составлена по: [Парсонс, 1998, с. 16–17].

Как видно, организм и система личности вместе образуют базисную структуру и представляют собой совокупность индивидуальных потребностей и диспозиций. Социальная и культурная подсистемы вместе образуют социокультурную систему. Очевидно, что социокультурная система не является простой суммой социальной и культурной подсистем. Это обстоятельство Парсонс подчеркивает особо: «Никакая *культурная система* не институционализируется сама по себе; для

² «Культурно-зональная константа была выведена из результатов первых трех волн опросов, проводившихся в 1981–1997 годах, и отражает степень отклонения страны с тем или иным историческим наследием от показателей, спрогнозированных на основе других компонентов модели» [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 121]

этого она должна быть интегрирована с *социальным окружением*, которое обеспечивает удовлетворение функциональных потребностей реального общества (или нескольких обществ)» [1998, с. 46]. Итак, социокультурная система есть результат интеграции социальной и культурной подсистем, осуществляющийся посредством институционализации культурных элементов.

Использование данного подхода нацеливает исследователей на изучение комбинации и взаимодействия социального и культурного компонентов в жизни общества. Однако, как показал критический анализ использования дефиниции «социокультурный» в трудах современных отечественных исследователей, единая, опирающаяся на общепризнанный классический текст трактовка понятия «социокультурный» еще не сложилась [Попков, Тюгашев, 2012; Темницкий, 2011]. Как правило, экспликация лексемы «социокультурный» ограничивается указанием на связь социального и культурного. Так, под социокультурным развитием общества понимается смена «нравственных программ воспроизводства» [Ахиезер, 1995, с. 14]. Определяя регион как социокультурное сообщество [Аванесова, Астафьева, 2004; Замятин, 2006; Регионы в России..., 2009], социокультурную систему [Николаенко, 1999] или социокультурный локалитет [Ганопольский и др., 2010], авторы говорят о некоей культурной идее, объединяющей данный социум. Разработка комплексной социокультурной теории является актуальной задачей и для современной зарубежной социологии [McBride, 2011; Wertsch, 1991]. В частности социокультурные факторы выделяются как аспекты социальной среды, являющиеся результатом пересечения между культурными основаниями общества и механизмами его организации [Shier et al., 2011].

Уже П. Сорокин и Т. Парсонс убедительно показали, что социокультурные явления есть продукты человеческого взаимодействия, иначе говоря, они (вос)производятся в процессе повторяющихся целенаправленных межличностных коммуникаций [Сорокин, 2006, с. 33–34, 552–555; Парсонс, 1998, с. 17, 145]. Коммуникации отличаются друг от друга по основанию (*предмету*) коммуникации. Так, *бизнес-коммуникации* выстраиваются по поводу производства, распределения, обмена и потребления благ; *политические* — по поводу участия во власти или оказания влияния на распределение власти; (*социо*)*культурные* — по поводу формулирования схем восприятия и оценивания окружающего мира. Важно заметить, что у каждого конкретного эпизода коммуникации всегда может быть только одно основание, или магистральная линия (*main track*) коммуникации. «Если человек вообще действует, он обязательно создает магистральную линию своего поведения (*main track*), где все открыто внешнему наблюдателю, и одновременно подчиненные, вспомогательные линии, назначение которых состоит в том, чтобы управлять основным действием (и одновременно быть управляемыми), при этом вспомогательные линии не смешиваются с основными» [Гофман, 2003, с. 577]. Это обстоятельство позволяет, с одной стороны, классифицировать коммуникации аналитически, а с другой — выявлять их практически посредством наблюдения, включая те многочисленные случаи, когда коммуникацию одного вида пытаются представить коммуникацией другого вида³. В центре нашего внимания, таким образом, оказывается коммуникация или, как это определяет Р. Коллинз, «общность человеческих коммуникативных операций» (*generality of human communicative operations*) [Collins, 2000, p. 875] или «цепочки интерактивных ритуалов» (*interaction ritual chains*) [Collins, 2004].

Высокая интенсивность коммуникаций порождает в соответствующих зонах взаимодействия комплексы разной степени устойчивости, которые в дальнейшем мы будем именовать сообществами [Вахштайн, 2014; Парк, 2008; Поплавский, Черепанов, 2012; Blackshaw, 2010; и др.].

Наибольший интерес для нас представляют социокультурные сообщества, поскольку именно они являются фабриками по производству «основополагающих ценностей». Так, развивая идеи Ж.-Л. Нанси и М. Бланшо о сообществе как «бездонной основе» любой коммуникации, Е. Петровская определяет его прежде всего как «способ критического осмысления того, что происходит в демократических обществах, путем деконструкции реально действующих процедур и институтов, а также провозглашаемых в них целей, ценностей и норм» [Петровская, 2011, с. 93]. Социокультурное сообщество — это коммуникация на основе *текста*, являющегося *сакральным* (в дюркгеймовском

³ Классический пример представлен в лекции М. Вебера «Наука как призвание и профессия». Вебер прямо говорит, что индивид является ученым лишь до тех пор, пока он занят «установлением математического или логического положения вещей или внутренней структуры культурного достояния»; как только он сворачивает с этого магистрального пути, например начинает отвечать на «вопрос о ценности культуры и ее отдельных образований и, соответственно, на вопрос о том, как следует действовать в рамках культурной общности и политических союзов», он перестает быть ученым, пусть даже в это время он выступает с кафедры перед студентами и даже получает за это зарплату [2013, с. 530]. С точки зрения коммуникационной теории невозможно быть в один и тот же момент времени ученым и общественным деятелем — либо одно, либо другое.

смысле этого слова, т.е. экзистенциально значимым) для участников коммуникации, по поводу формулирования схем восприятия и оценивания окружающего мира. Аналитически представляется возможным выделить четыре типа социокультурных сообществ (табл. 3).

Таблица 3

Типы социокультурных сообществ

Разновидность социокультурной коммуникации	Сакральный текст	Цель коммуникации	Основные формы коммуникации
Религиозная	Откровение	Исполнение воли божества	Действия, осмысливаемые через призму религиозных предписаний (молитва, проповедь, мобилизация и др.)
Интеллектуальная	Наука	Достижение научной истины	Диспут ⁴
Идейно-политическая	Утопия	Формирование и отстаивание общественно-политических позиций	Общественно-политическая, партийная дискуссия, пропаганда, мобилизация
Художественная (творческая)	Искусство	Творческое самовыражение	Действия, осмысливаемые через призму образов искусства

Каждой разновидности социокультурной коммуникации присуща своя модель поведения или, используя парсоновские категории,— «социокультурный образец взаимодействия и скрытого регулирования напряжений» [Парсонс, 1998, с. 229]. Парсоновская идея «социокультурных образцов» является в основе своей дюркгеймианской. Э. Дюркгейм утверждал, что в основе любого «порядка коммуникации» лежат глубоко укорененные в нашем личном опыте модели/порядки взаимодействия, такие как игра, разговор, обмен и проч. Таким образом, изучение социокультурных сообществ есть во многом выявление и изучение их «социокультурных образцов».

Концептуальная рамка для анализа образцов и идеалов включает в себя следующие элементы. Во-первых, образцы и идеалы делятся нами по сущности на схемы восприятия и оценивания, ценности и правила. Во-вторых, образцы и идеалы отличаются друг от друга с точки зрения своей предметной направленности: мир личности, социальный мир, сверхчувственный мир (табл. 4).

Таблица 4

Концептуальная рамка для анализа образцов и идеалов

Жизненные миры человека	Схемы восприятия и оценивания	Ценности	Правила
Мир личности	Принципы восприятия и оценивания человека	Критерии значимости/незначительности тех или иных потребностей личности. Критерии значимости/незначительности, желательности/нежелательности тех или иных качеств человека. Критерии значимости/незначительности, желательности/нежелательности тех или иных жизненных стремлений/стратегий	Предписания, разрешения/запрещения действовать соответствующим образом для удовлетворения определенных потребностей, реализации жизненных стремлений/стратегий
Социальный мир	Принципы деления социального мира (выделение в нем определенных отношений и групп). Представления, касающиеся иерархии этих отношений и групп. Представления о собственном месте в этих отношениях и соотношении себя с теми или иными группами	Критерии значимости/незначительности, актуальности/периферийности тех или иных социальных отношений. Критерии желательности/нежелательности тех или иных форм, устройств, проявлений социальных отношений. Критерии значимости/незначительности, желательности/нежелательности тех или иных социальных констелляций	Предписания, разрешения/запрещения действовать определенным образом внутри группы. Предписания, разрешения/запрещения действовать определенным образом в отношении внешних групп. Предписания, разрешения/запрещения действовать определенным образом в конкретных видах социальных взаимодействий. Предписания, разрешения/запрещения действовать определенным образом в конкретных социальных ситуациях
Сверхчувственный мир	Представления относительно существования/несуществования сверхчувственного мира. Принципы структуризации сверхчувственного мира. Представления относительно связей сверхчувственного, личного и социального мира	Критерии значимости/незначительности, желательности/нежелательности тех или иных аспектов, проявлений сверхчувственного мира	Предписания, разрешения/запрещения действовать определенным образом в отношении сверхчувственного мира (догматико-обрядовые предписания)

⁴ Комплексная модель коммуникаций данного типа представлена в работе Р. Коллинза [Collins, 2000].

Социокультурные сообщества в условиях (де)модернизации...

Согласно теории культурной модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля, восприятие и оценивание окружающего мира осуществляется в координатах: традиционные — секулярно-рациональные ценности и ценности выживания — ценности самовыражения. Выделим два полюса «социокультурных образцов», между которыми находятся конкретные исторические социокультурные сообщества. Первый — «материалистический», расположенный в координатах традиционных ценностей и ценностей выживания, второй — «постматериалистический» — в координатах секулярно-рациональных ценностей и ценностей самовыражения (рис. 2). С точки зрения прогрессивистской версии человеческого развития «материалистический» полюс может быть соотнесен с индустриальным обществом, тогда как «постматериалистический» — с постиндустриальным обществом.

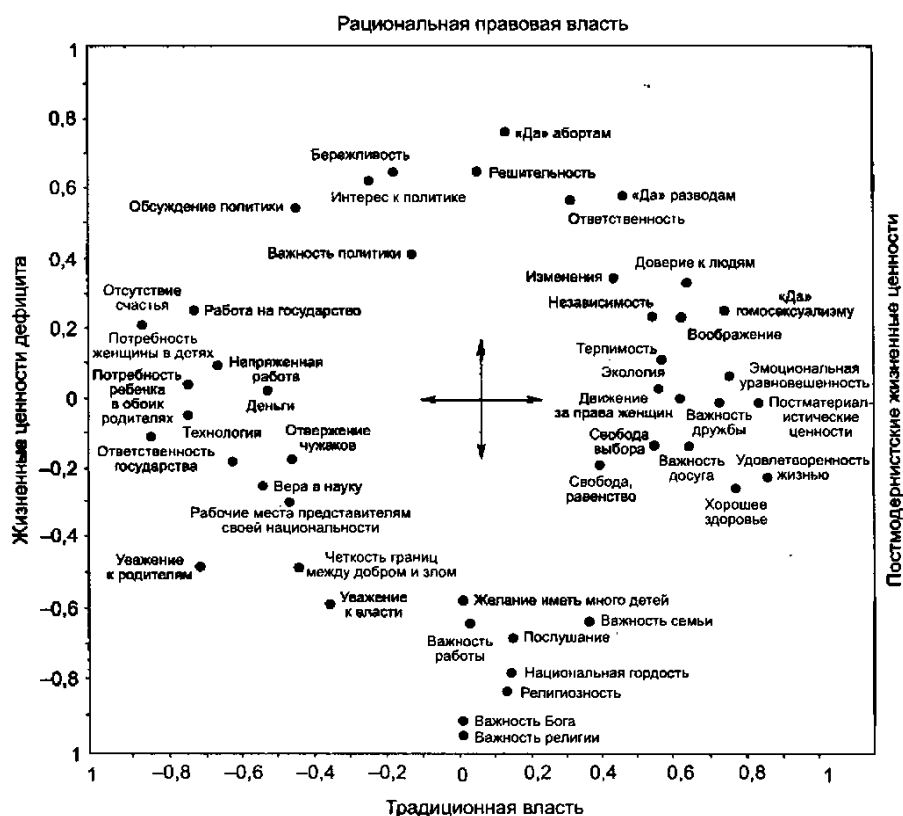

Рис. 2. Карта социальных и политических ценностей. Источник: Р. Инглхарт [1996, с. 21]

Изменения в сфере ценностей обуславливаются прежде всего накоплением и критическим осмыслением индивидуального опыта конкретных социальных взаимодействий, в процессе которых акторы варьируют свое поведение, основанное на приписывании другим индивидам определенных отличительных свойств и качеств. Разумеется, что движение между полюсами «материальных» и «постматериальных» ценностей может происходить в обоих направлениях. Именно это обстоятельство делает необходимым в целом ряде случаев употребление приставки «де» перед словом «модернизация».

Для определения места конкретно-исторических социокультурных сообществ на «карте социальных и политических ценностей» целесообразно использовать следующие показатели:

1. Формы социального капитала⁵. Для сообществ, тяготеющих к полюсу «материальных» ценностей, характерны «скрепляющие» (bonding) формы социального капитала, существующие в виде интровертных сетей отношений, в рамках которых люди не эмансипируются, а подвергаются давлению со стороны своей группы. Для сообществ, тяготеющих к полюсу «постматериальных» ценностей, характерны «наводящие мосты» (bridging) формы социального капитала.

⁵ Р. Инглхарт и К. Вельцель определяют социальный капитал как любой общественный ресурс, позволяющий людям координировать свои действия (функционирование социальных сетей, скоординированных коллективных действий и гражданского сотрудничества) [2011, с. 174–175].

Они ослабляют зависимость людей от интровертных групп, одновременно вовлекая их в систему менее жестких, но более разнообразных форм взаимодействия друг с другом. «Наводящие мосты» связи создают социальный капитал большего охвата, чем «скрепляющие» связи, что повышает способность общества к самоорганизации [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 211–212].

2. Характер связей внутри сообщества. «Вертикальные связи» являются определяющими в сообществах, принадлежащих миру «материальных» ценностей. Примерами объединений, построенными по такому принципу, выступают церковь, традиционные политические партии, профсоюзы. Напротив, в сообществах, относящихся к сектору «постматериалистических ценностей», происходит «переход от контактов, навязываемых извне через механизмы социального контроля, к контактам, устанавливаемым самими людьми, по собственной воле» — превалирующее значение здесь получают «горизонтальные связи», налаживаемые в результате самоорганизации граждан в форме различных низовых инициатив [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 177].

3. Доминирующие ценностные установки. На «материалистическом» полюсе и в зоне его влияния таковыми являются конформистские ценности, на противоположном — «постматериалистическом» — эмансипационные ценности. Если в первом случае во главу угла ставятся интересы коллектива, то во втором свобода личности обладает приоритетом над дисциплиной коллектива, разнообразие — над соответствием групповой норме, гражданская независимость — над государственной властью. В последнем случае «самовыражение приобретает ценность само по себе, а не как способ достижения каких-либо конкретных результатов» [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 73].

Таковы основные параметры различения социокультурных сообществ согласно координатам приведенной выше карты социальных и политических ценностей Р. Инглхарта. Что касается параметров описания сообществ, точнее — производящих сообщества коммуникаций, то таковые были предложены В.С. Вахштайном [2014, с. 24–25]:

1. Структура коммуникативных обменов. Кто, с кем и как взаимодействует? Это параметр плотности контактов между членами сообщества и сила коммуникативных связей между ними же.

2. Событийная архитектура. Сообщества событийны, потому что событийна коммуникация. Сообщества порождаются событиями коммуникации; можно выделить сообществоустанавливающие события и события рутинные, ординарные. И те, и другие участвуют в производстве сообществ, но в случае рутинных событий коммуникации речь должна идти о воспроизводстве, тогда как учреждающие события являются абсолютными и перформативными.

3. Коды коммуникации. На каком «языке» происходит коммуникация? Каковы встроенные в него способы описания мира? Как именно используемая в данном языке метафорика позволяет сообществу ответить на вопрос о себе и о своем положении в мире?

Таким образом, основными понятийными границами разрабатываемой концептуальной рамки являются термины: (де)модернизация и социокультурные сообщества. Под модернизацией вслед за Р. Инглхартом и К. Вельцелем понимается процесс человеческого развития, проявляющийся в виде последовательных переходов от аграрного общества к индустриальному, а затем — от индустриального к постиндустриальному. Данные общества отличаются друг от друга в трех сферах: социально-экономической, культурной и политической. С ростом экономического благосостояния ценностные установки трансформируются: при переходе к индустриальному обществу растет уровень секулярности, при переходе к постиндустриальному обществу появляется новый вид ценностей — самовыражения или автономии личности в противоположность ценностями выживания. Эти изменения опосредованы культурой.

Социокультурные сообщества определяются как коммуникация на основе текста, являющегося *сакральным* (в дюркгеймовском смысле этого слова, т.е. экзистенциально значимым) для участников коммуникации, по поводу формулирования схем восприятия и оценивания окружающего мира или повторяющаяся целенаправленная межличностная коммуникация, сложившаяся по поводу производства образцов и идеалов и/или сознательно воспроизводимая в рамках образцов и идеалов.

В аналитическом отношении связующими звеньями (де)модернизации и социокультурных сообществ выступают: формы социального капитала, характер связей внутри сообщества и производящиеся/воспроизводимые образцы и идеалы (схемы восприятия и оценивания, ценности, правила).

В этой связи фокусом исследования социокультурных сообществ в условиях (де)модернизации становится:

Социокультурные сообщества в условиях (де)модернизации...

- выявление социокультурных сообществ на основании фиксации повторяющихся коммуникаций;
- классификация социокультурных сообществ исходя из сущности оснований (предмета), относительно которого выстраивается коммуникация (воспроизводится сообщество);
- описание значимых параметров социокультурного сообщества (производящихся/воспроизводящихся схем восприятия и оценивания, ценностей, правил, форм социального капитала, характера связей внутри сообщества);
- соотнесение параметров социокультурных сообществ с координатами социокультурных образцов, соответствующих тем или иным этапам человеческого развития, представленных в теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля.

Данное исследование, на наш взгляд, задает движение к осмыслению роли конкретно-исторических социокультурных сообществ в процессе (де)модернизации, с одной стороны, и прояснению содержания процесса (де)модернизации в когнитивных и структурно-коммуникативных проявлениях на локальном уровне — с другой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аванесова Г.А., Астафьева О.Н.* Социокультурное развитие российских регионов: Механизмы самоорганизации и региональная политика. М.: РАГС, 2004. 314 с.
- Ахиезер А.С.* Россия: Некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 3–57.
- Вахштайн В.С.* К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности или работа над ошибками // Социология власти. 2014. № 3. С. 8–26.
- Вебер М.* Наука как призвание и профессия // М. Вебер. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 529–546.
- Вельцель К., Инглхарт Р., Александер Э., Понарин Э.* Распутывание связей между культурой и институтами на примере эмансипации человечества // Журн. социологии и социальной антропологии. 2012. № 4. С. 12–43.
- Ганопольский М.Г., Цибульский В.Р., Литенкова С.П., Федоров Р.Ю.* Социокультурное пространство Тюменской области: Опыт структурно-коммуникативного анализа // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 202–208.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академ. проект, 2005. 528 с.
- Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 752 с.
- Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
- Инглхарт Р.* Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Междунар. журн. социальных наук. 1996. № 12. С. 9–41.
- Инглхарт Р.* Культура и демократия // Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харисона и С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2002. С. 106–128.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Нов. изд-во, 2011. 464 с.
- Николаенко Д.В.* Пространственно-временная динамика процессов социокультурного освоения территорий: Дис. ... д-ра геогр. наук. Харьков, 1999. 399 с.
- Парк Э.* Социология, общество и сообщество // Вопр. социальной теории. 2008. Т. 2. С. 227–231.
- Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
- Петровская Е.* Сообщество: Идея без истории // Интеллектуальный язык эпохи: История идей, история слов. М.: Нов. лит. обозрение, 2011. С.83–94.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Социокультурное движение в гуманитарном сообществе и социокультурный подход // Вестн. НГУ. Сер. Философия. Т. 10. Вып. 3. 2012. С. 58–63.
- Поплавский Р.О., Черепанов М.С.* В поисках «реального» сообщества: Оценка численности прихожан мечетей города Тюмени // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3. С.153–158.
- Регионы в России: Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Ин-т философии РАН; Сост. и общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2009. 808 с.*
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. ст. и коммент. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
- Темницкий А.Л.* Социокультурное: От нерасчлененного понятия к дуальным оппозициям // Вестн. Ин-та социологии. 2011. № 3. С. 141–163.
- Травин Д., Маргания О.* Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. 1. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 665 с.

Хиршман А.О. Риторика реакции: Извращение, тщетность, опасность: Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 208 с.

Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер с нем. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

Blackshaw T. Key concepts in community studies. L.: SAGE Publications LTD, 2010. 220 p.

Collins R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge (Mass.); L.: Harvard Univ. Press, 2000. 1098 p.

Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton & Oxford: Princeton Univ. Press, 2004. 464 p.

McBride D.F. Sociocultural Theory: Providing more structure to culturally responsive evaluation // New Directions for Evaluation, Autumn 2011, No 131. P. 7–13.

Shier M.L., Jones M.E., Graham J.R. Sociocultural Factors to Consider When Addressing the Vulnerability of Social Service Users: Insights from Women Experiencing Homelessness // Affilia. 2011. Vol. 26, No. 4. P. 367–381.

Wertsch J.V. Voices of the Mind: A Sociocultural Approach to Mediated Action. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1991. 169 p.

World Values Survey [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.

Тюмень, ИПСО СО РАН
magapov74@gmail.com
roman.poplavskiy@gmail.com
maximcherepanov@yandex.ru

The article proposes concept frames regarding the investigation of sociocultural communities as agent of (de)modernization. A starting point of our arguments is a theory of cultural modernization by R. Inglehart — Chr. Welzel according to which changes in cultural sphere represent an intermediate mechanism, linking changes in socioeconomic and political spheres. Sociocultural communities are defined as communications in connection with formulating patterns of perception and evaluation of the surrounding world. In the analytical respect, what serve connecting links of (de)modernization and sociocultural communities being forms of social capital, the character of relations in the community, and producing/reproducing patterns and ideals.

A theory of cultural modernization by P. Inglehart — Chr. Welzel, sociocultural communities, social capital.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ПРИРОДНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ДОЛИНЕ МОСКВЫ-РЕКИ МЕТОДАМИ ПАЛИНОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ

Е.Г. Ершова*, Н.А. Кренке**

Представлены результаты археолого-палеоботанических исследований в долине Москвы-реки, направленных на изучение особенностей хозяйственной деятельности и пространственной организации землепользования в железном веке (VIII–VI вв. до н.э. — V в. н.э.). Подробно рассмотрена специфика формирования пыльцевых спектров в культурном слое Дьякова городища, не позволяющая использовать их для реконструкции растительности региона в целом. Установлено, что признаки развитого земледелия и долговременных антропогенных изменений ландшафтов фиксируются спорово-пыльцевым методом только в зонах интенсивного хозяйственного освоения вокруг городищ и почти не заметны за их пределами. Выдвинуто предположение о том, что, несмотря на густую заселенность долины Москвы-реки в железном веке, окультуренные участки ландшафтов имели «очаговый» характер с устойчивыми границами. Это существенно отличало их от средневековых, когда значительно большая, чем в железном веке, территория была вовлечена в сельскохозяйственный оборот.

Железный век, дьяковская культура, долина Москвы-реки, культурные ландшафты, погребенные почвы, система землепользования, спорово-пыльцевой анализ.

Городища дьякова типа, особенно такие как Дьяково, Успенское, Круглица, являются самыми крупными археологическими памятниками в долине Москвы-реки после средневековых городов — Москвы, Коломны, Звенигорода и Можайска (рис. 1). Мощные стратифицированные напластования культурного слоя на отдельных городищах дьякова типа достигают 3 м (при том, что верхняя часть напластований повсеместно разрушена). Один вид этих памятников и их разрезов (рис. 2) говорит о длительности жизни людей на одном месте. Судя по радиоуглеродным датировкам [Кренке, Сулержицкий, 2006] и археологическим находкам [Кренке, 2011], период непрерывного существования городищ достигал тысячи лет. Флотация культурного слоя Дьякова городища и сходных с ним памятников показала, что он насыщен зернами культурных злаков [Гунова и др., 1996], их отпечатки встречаются и на керамике. На целом ряде памятников железного века в долине Москвы-реки проводившимися в разное время палинологическими исследованиями культурных слоев также обнаружено высокое содержание пыльцы культурных растений, сопутствующих им сорняков и других индикаторов долговременной и интенсивной хозяйственной деятельности [Спиридонова, Алешинская, 2004]. На основании этих данных высказаны предположения, что естественные ландшафты долины были полностью преобразованы в агроландшафты, значительно отличающиеся от зональных [Кренке, 2007].

В то же время на опорных региональных спорово-пыльцевых диаграммах, отражающих динамику растительности юга лесной зоны европейской части России, антропогенные изменения эпохи железного века (первой и второй части субатлантического периода) почти не отражены. Ярко выраженные признаки повсеместного сведения коренных лесов и развитого земледелия во всех диаграммах появляются только с начала II тыс. н.э. — с периода славянского заселения. Однако, несмотря на большое количество палеогеографических данных, позволяющих реконструировать в целом динамику растительности Европейской равнины в голоцене, опорной спорово-пыльцевой диаграммы озерных отложений именно для Московского региона мы пока не имеем¹. Единственная озерная колонка, которую условно можно считать региональной, получена из отложений оз. Долгое, расположенного в 50 км к северу от Москвы; к сожалению, она

¹ Для Московской области имеется ряд пыльцевых диаграмм торфяников. Однако эти торфяники либо расположены на достаточно большом удалении от района исследований, либо не имеют подробных радиоуглеродных датировок, либо в силу небольших размеров и локальных особенностей не могут быть использованы как источник информации об общерегиональной растительности.

опубликована лишь частично [Kremenetski et al., 2000]. Согласно этой диаграмме, с конца суббореального периода и вплоть до середины II тыс. н.э. зональным типом растительности для региона были елово-широколиственные леса, повсеместно уничтоженные лишь в средние века. Подъема кривых сосны и березы, которым отмечается начало субатлантического периода на более северных диаграммах лесной зоны Европейской России [Хотинский, 1977; Еремеев, Дзюба, 2010], здесь не выявлено. Никаких ярко выраженных признаков антропогенных изменений растительности в период бытования в долине Москвы-реки культуры городищ дьякова типа на региональном уровне выделить не удастся.

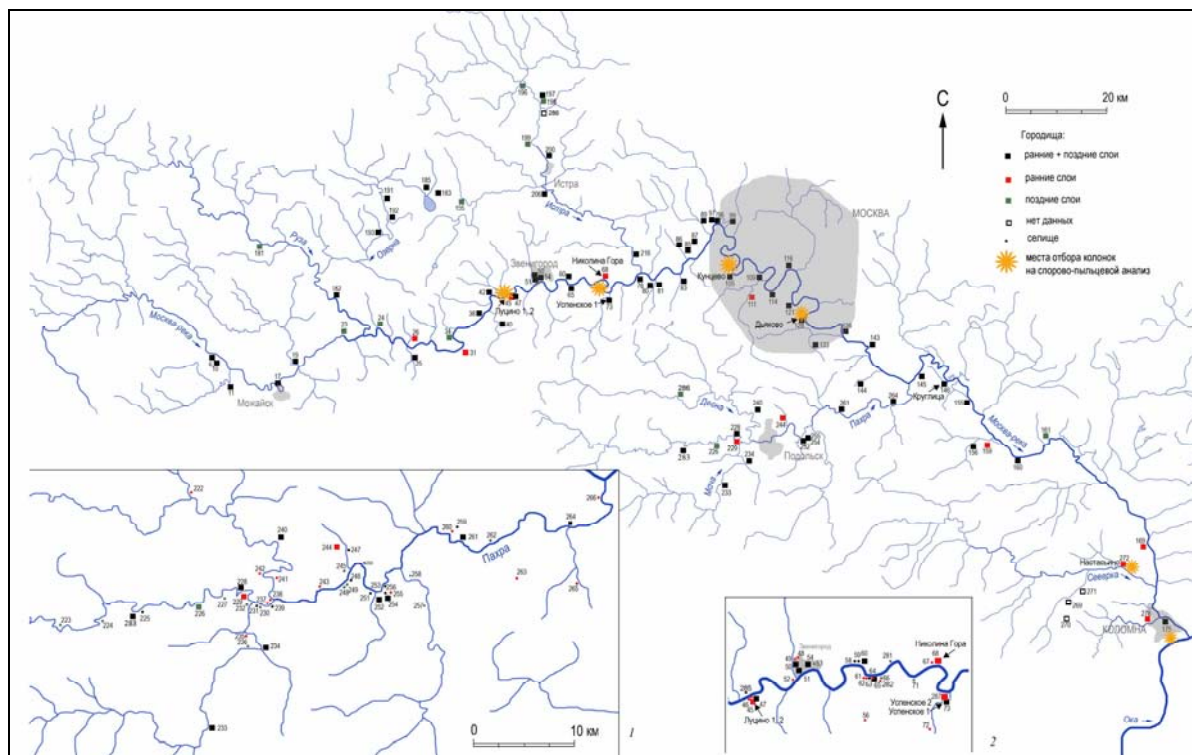

Рис. 1. Карта района исследований. Номера памятников даны по [Кренке, 2011]

Таким образом, реконструкция культурных ландшафтов железного века в долине Москвы-реки остается актуальным вопросом. Необходимо прояснить, насколько были сильны преобразования растительности, вызванные деятельностью человека, каковы были масштабы сведения лесов вокруг городищ, слились ли окультуренные участки ландшафтов в пределах долины в единое целое. В данной статье мы приводим результаты палеоботанических исследований, проведенных в разное время на разных памятниках железного века, позволяющие дать некоторые ответы на поставленные вопросы. Объектами исследований явились отложения разного генезиса, имеющие свои локальные особенности в аккумуляции пыльцы. Это культурные слои поселений железного века, погребенные почвы, как естественные, так и нарушенные хозяйственной деятельностью, а также небольшие торфяники, расположенные на разных уровнях долины Москвы-реки и на разном удалении от городищ. Сравнение их между собой и с региональными пыльцевыми диаграммами, как нам представляется, может дать наиболее объективную информацию о масштабах антропогенно измененных ландшафтов в железном веке и об их распределении в пространстве. Однако такие материалы пока немногочисленны, и выводы, сделанные на основании их анализа, можно считать лишь предварительными.

Материалы и методы

Палеоботаническими методами были исследованы отложения культурных слоев, погребенных почв и торфяников, обнаруженных при археологических раскопках и разведках в долине Москвы-реки. Лабораторная обработка, ботанический и спорово-пыльцевой анализ были проведены в лаборатории естественно-научных методов в археологии Института археологии РАН

Изучение природных и культурных ландшафтов железного века в долине Москвы-реки...

и на кафедре геоботаники биологического факультета МГУ. При обработке образцов использовались стандартные методики (ацетолизный метод для торфа, сепарационный метод В.П. Гричука для минеральных отложений). Подсчет пыльцы и спор проводили до 400–500 п.з. на образец для торфа и до 200 п.з. для бедных пылью минеральных отложений. Диаграммы составлены при помощи программ TILIA, TILIA GRAPH [Grimm, 1991].

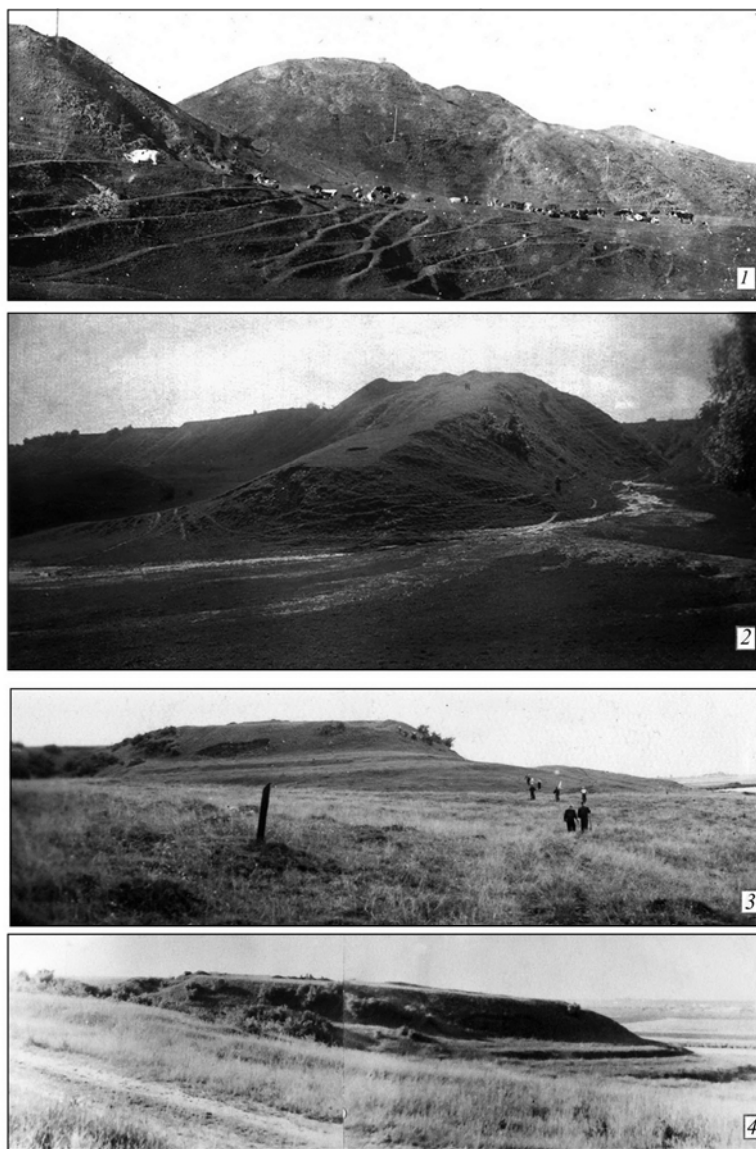

Рис. 2. Виды городищ железного века дьякова типа в долине Москвы-реки: 1, 2 — Дьяково (фото И.Ф. Барщевского 1935 г.); 3, 4 — Долгий бугор, или Круглица (фото Л.И. Пимакина 1956 г.)

Результаты и обсуждение

1. Дьяково городище, культурный слой

Городище представляет собой отдельно стоящий высокий холм (рис. 2, 1, 2). Его напластования — это трехметровая свита прослоек, образовавшихся из руин сменявших друг друга построек, бытового мусора, отложившегося в ходе многовековой жизнедеятельности (рис. 3, 1, 2). Очевидно, что культурный слой городища дает очень специфичную картину аккумуляции пыльцы. Пожалуй, лишь пыльца растений, которые росли по склонам и на площадке холма, а также принесенная ветром (городище очень хорошо «продуваемо», в чем мы убедились при раскопках) является компонентом природного генезиса, попадавшим в культурный слой независимо от

человека. Очевидно, что часть пылицы попадала в культурный слой в результате хозяйственной деятельности. На городище приносился материал для построек, взятый из покровных суглинков коренного берега, речной песок из склоновых обнажений и поймы, тростник, солома с полей для подстилок; ветки деревьев для топлива и сооружения домов. Несмотря на сложность этого материала для интерпретации, он представляется чрезвычайно заманчивым, прежде всего потому, что культурный слой имеет очень большую мощность, и, таким образом, время в нем «растянуто». При самом грубом усреднении получается, что 3 см культурного слоя накапливалось за 10 лет (на самом деле процесс был неравномерен во времени).

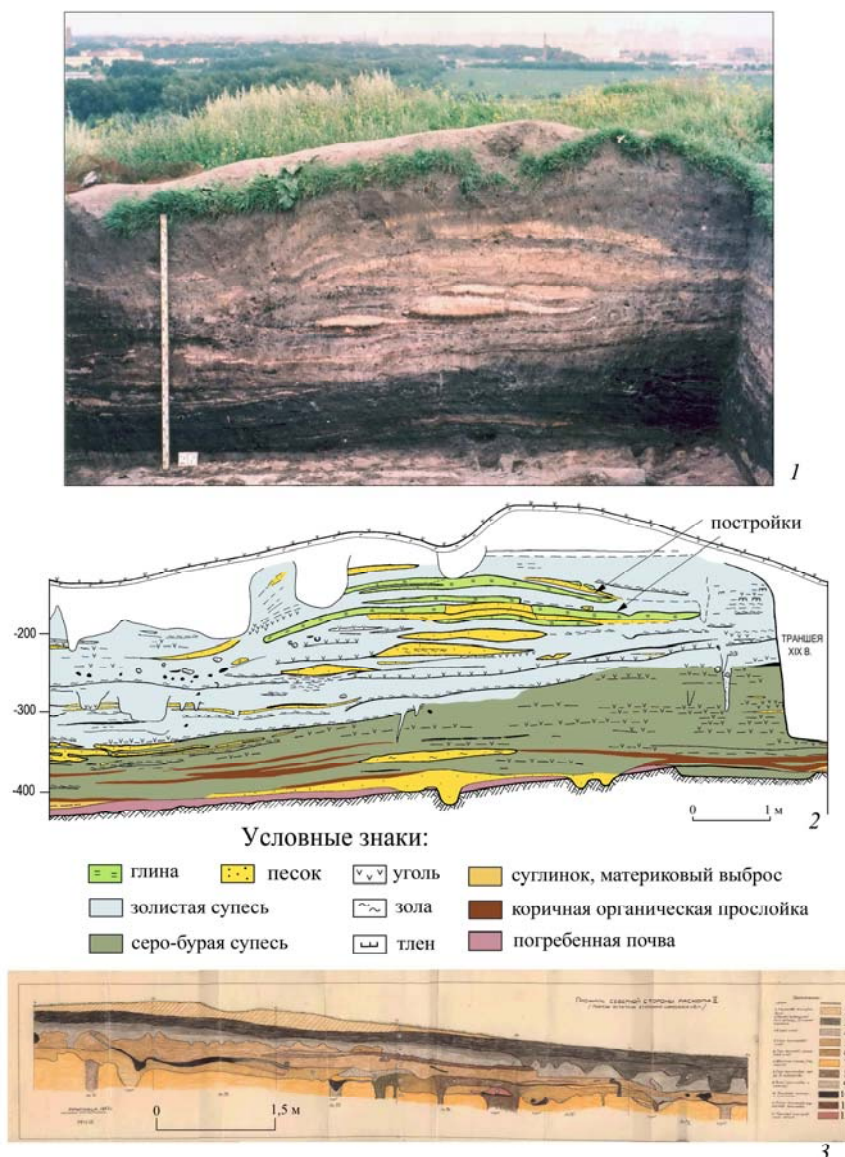

Рис. 3. Разрезы культурных слоев городищ железного века:
1, 2 — Дзяково, раскоп 1984 г.; 3 — Круглица (по отчету Л.И. Пимакина 1956 г.)

На Дзяковом городище трижды отбирались колонки для спорово-пыльцевого анализа. Наиболее детальный отбор был произведен в 2007 г. Из трехметрового культурного слоя было взято 84 образца. Аналитическая работа была выполнена Е.А. Спиридоновой и ее коллегами — А.С. Алешинской и М.Д. Кочановой [Кренке, 2011]. Смысл повторного обращения к этому материалу заключается в том, чтобы посмотреть на него под несколько иным углом зрения, с учетом происхождения и характера прослоек культурного слоя, из которых отбирались образцы.

Изучение природных и культурных ландшафтов железного века в долине Москвы-реки...

Мы приводим полученные коллегами данные для наглядности в несколько модифицированном виде — как упрощенную кумулятивную диаграмму, а рядом — фотографию и чертеж, отражающие стратиграфию (рис. 4, А). В диаграмму вошли только основные, наиболее представленные типы пыльцы.

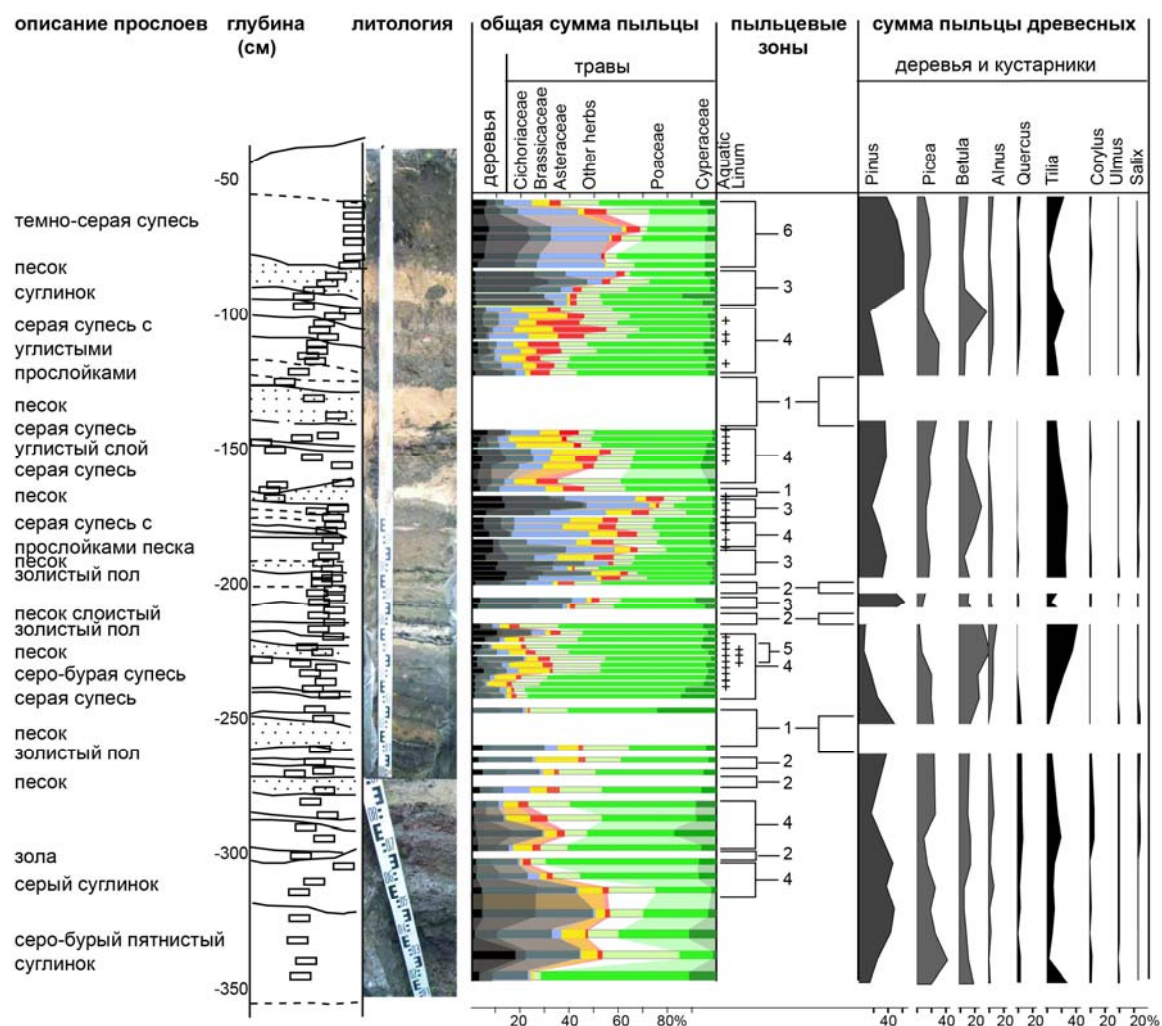

Рис. 4. Спорово-пыльцевая диаграмма культурного слоя Дьякова городища, разрез 2007 г., анализ Е.А. Спиридоновой:

А — объединенная пыльцевая диаграмма; Б — диаграмма пыльцы древесных (в % от суммы древесных)

Как видно на рисунке, пыльцевые спектры культурного слоя отличаются очень большой пестротой, что отражает, на наш взгляд, специфику вмещающих пыльцу отложений. Так, участие пыльцы деревьев колеблется от 5 до 50 %, иногда даже в пределах одного горизонта мощностью в первые десятки сантиметров, или, другими словами, отложившегося всего за десятки лет. По-видимому, соотношение пыльцы деревьев и трав в большинстве спектров определяется не составом окружающей растительности и площадью лесных и безлесных пространств, а искусственными причинами, связанными с происхождением слоя (привезенный песок, солома, навоз, сено, дрова и т.д.), условиями его накопления (открытое или закрытое помещение).

Дело в том, что за длительную историю существования поселения характер застройки его площадки принципиально менялся. В период формирования нижнего слоя почти вся площадка была занята стоящими параллельно друг другу длинными домами, свесы двускатных крыш которых, возможно, соприкасались. Свободного пространства почти не было. В период отложения верхнего слоя дома имели уже иную планировку и конструкцию. Теперь это были отдель-

ные небольшие «хатки», стоявшие на небольших возвышениях, образовавшихся при разрушении построек предыдущих этапов. В ложбинах между возвышениями откладывался мусор, и, очевидно, росли сорняки. Это изменение в условиях накопления пыльцы отчетливо отразилось на диаграмме культурного слоя. Так, пыльца цикориевых (растений-апофитов, характерных для зарастающих обочин, окраин полей, пустырей и т.п.) почти не встречается в нижней части культурного слоя, формировавшегося во внутренней части длинных домов, но в изобилии представлена в верхней части, формировавшейся на открытом воздухе — между постройками.

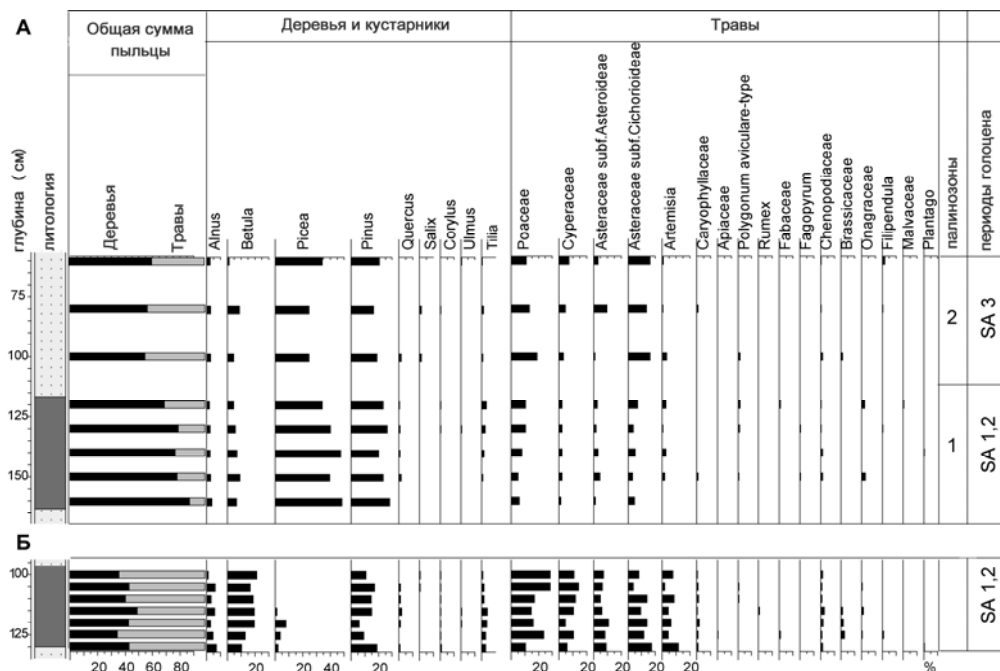

Рис. 5. Спорово-пыльцевые диаграммы разрезов погребенной в пойменном аллювии почвы субатлантического времени (почвы 2), анализ Е.А. Спиридоновой:
 А — разрез «пойма РАНИС», 1,7 км от городища Николина Гора, 1,9 км от городища Успенское (по: [Спиридонова и др., 2009]); Б — разрез «Крылатское», 1 км от Кунцевского городища.
 Участие всех типов пыльцы рассчитано от общей суммы пыльцы

Кроме того, на диаграмме ясно выделяются несколько однотипных групп пыльцевых спектров, приуроченных к слоям определенного состава и отражающих, по-видимому, особенности их происхождения. Опишем некоторые из них.

- 1, 2. Палинологически стерильные прослои — *очажный песок* (1), *«золистый пол»* (2).
3. *Песчаные прослои*, сложенные, по-видимому, песком из прибрежной части поймы. Их пыльцевые спектры наиболее близки к естественным луговым спектрам, подобным тем, что зафиксированы в разрезе «Крылатское» (см. далее). Доля древесных в них составляет 40–50 %, остальное — злаки, осоки и разнообразные луговые травы.
4. *Слои серо-бурой супеси*, как правило перекрывающие «золистый пол». Это, по-видимому, грязь, принесенная людьми и перемешанная с бытовым мусором, прослои подсыпок и подстилок полов жилищ. Пыльцевые спектры этих слоев выглядят наименее естественно: доля древесной пыльцы составляет менее 20 % (чаще менее 10 %), большая часть спектров представлена пылью злаков, в том числе культурных, и сопутствующих им сорняков (особенно много крестоцветных). По-видимому, это слои, частично вместившие пыльцу из разнообразного мусора растительного происхождения (соломы, пищевых отходов, настилов) в сочетании, с пылью рудеральных растений, растущих непосредственно рядом с жильем. Интересно, что в этих слоях встречается также пыльца водных растений (камыша, стрелолиста, кубышки и др.), возможно, она была занесена с тростником, использовавшимся для хозяйственных нужд.
5. Слой песка и серо-бурой супеси на глубине 225 см, содержащий пыльцу льна. По-видимому, это — результат хранения льна внутри жилой постройки.

Изучение природных и культурных ландшафтов железного века в долине Москвы-реки...

6. Почва, сформировавшаяся из верхней части культурного слоя после прекращения функционирования городища. Ее пыльцевые спектры отличаются однообразием, «осредненностью» и обилием пыльцы цикориевых, что характеризует открытые рудеральные сообщества, формирующиеся на эродированных грунтах.

Отдельным объектом исследования явились тонкослоистые прослойки органики, характерные для нижнего слоя городища. Эти прослойки были зафиксированы в первый раз в 1875 г. Г.Д. Филимоновым, сравнивавшим их с торфом [1876]. При раскопках 1980-х гг. было установлено, что прослойки коричневой органики микрослоистой структуры залегают на периферии площадки городища между оборонительными стенами и постройками. Было выдвинуто предположение, что данные прослойки являются слежавшимся материалом, использованным при обустройстве или ремонте длинных домов. На площадке городища данные прослойки представляли особый микробиотоп: именно здесь выплаживались жуки-бронзовки (опр. Р.Д. Жантиева, биофак МГУ).

Наличие горизонтальных микрослоев позволило сделать детальный ботанический и палинологический анализ части прослойки с шагом не в сантиметры, а в миллиметры. В табл. приведены результаты этого анализа.

Результаты ботанического и спорово-пыльцевого анализа коричневой органической прослойки (КОП) из нижней части культурного слоя Дьякова городища

№ образца	Мощность	Растительные остатки	Пыльца	Аналитик
1	1 мм	Уголь, зола, фрагменты семенных чешуй <i>Hordeum vulgare</i> L.	Пыльца злаков, входящих в группу <i>Hordeum</i> -type, единично пыльца <i>Betula</i> , <i>Scirpus</i> , <i>Cannabis/Humulus</i>	Ершова Е.Г.
2	1 мм	Сильно разложившиеся остатки древесных тканей, фитоциты и кутикулярные слепки луговых трав	Пыльца <i>Filipendula ulmaria</i> L. и сем. <i>Onagraceae</i> , единично <i>Picea</i> , <i>Tilia</i> , <i>Alnus</i> , <i>Salix</i> , <i>Artemisia</i> , <i>Urtica</i> , <i>Poaceae</i> , <i>Polypodiaceae</i>	Ершова Е.Г.
3	2 мм	Остатки <i>Phragmites australis</i> (Cav.) Trin. ex Steud. (фрагменты эпидермиса корневища и стебля)	Пыльца <i>Poaceae</i> (<i>Phragmites</i>), единично <i>Nuphar</i> , <i>Sparganium</i> , <i>Hydrocharis</i> , <i>Scirpus</i>	Абрамова Л.И.

Как показал анализ, каждая миллиметровая прослойка образована растительным материалом разного происхождения. Контрастность полученных при анализе «микрослоев» палеоботанических результатов подтверждает предположение об искусственном происхождении резких колебаний в составе пыльцы всего культурного слоя.

Таким образом, очевидно, что формирование пыльцевых спектров культурного слоя Дьякова городища шло не столько за счет регионального «пыльцевого дождя», сколько за счет разнообразных локальных источников пыльцы. Поэтому реконструкция общей картины растительности и тем более климата по таким спектрам не может быть корректной. Однако некоторые заключения о характере ландшафтов окрестностей городища данные пыльцевого и ботанического анализа позволяют сделать. Так, обращает на себя внимание тот факт, что ни в одном спектре, даже самом «естественном», доля деревьев не превышает 50 %. Это, на наш взгляд, однозначно отражает отсутствие леса на территориях, окружавших городище на протяжении всего периода формирования культурного слоя. Пыльца, фитоциты и макроостатки разнообразных луговых и прибрежных растений свидетельствует о наличии поблизости лугов и тростниковых плавней. Присутствие пыльцы культурных злаков, льна и пашенных сорняков, а также остатки соломы и обугленных зерен пшеницы, ячменя и проса [Кренке, 2011] свидетельствуют о развитом земледелии. Несмотря на пестроту и разнообразие пыльцевых спектров, состав пыльцы древесных оказался практически неизменным на всем протяжении разреза — это сосна, ель, береза, липа, ольха, дуб в одних и тех же соотношениях (рис. 4, Б). Таким образом, никаких признаков временного запустения и восстановления лесов на территории городища за все время формирования культурного слоя по данным пыльцевого анализа выявить не удастся. По видимому, система хозяйствования населения городища и ландшафты, созданные в результате этой деятельности, не изменялись значительно в течение длительного периода времени.

2. Пойма Москвы-реки

В отложениях аллювия в пойме Москвы-реки выделяется серия погребенных почв. На глубине около 1 м от современной поверхности хорошо прослеживается так называемая почва 2 [Александровский и др., 2004]. В большинстве разрезов эта почва имеет признаки лесного гене-

зиса. В некоторых случаях прослеживается два этапа ее истории — на лесную почву накладывается луговая. Судя по радиоуглеродным датировкам и археологическим находкам, начало формирования почвы 2 приблизительно совпадает с рубежом суббореального и субатлантического периода (2500–2800 лет назад), а ее верх был перекрыт аллювием примерно в XIV в. после наступления «малого ледникового периода». Мощность гумусового горизонта почвы 2 достигает в некоторых случаях 30 см. Из толщи почвы 2 были отобраны колонки образцов в нескольких местах.

Разрез «Крылатское» находится на бровке обрыва высокой поймы правого берега в 1 км к северу (выше по течению) от Кунцевского городища — многослойного памятника дьяковской культуры (рис. 1). Погребенная почва не имела подзолистого горизонта, ее лесной генезис маловероятен.

На рис. 5Б представлены результаты спорово-пыльцевого анализа погребенной почвы 2 (анализ Е.А. Спиридоновой). Как видно на диаграмме, все пыльцевые спектры гумусового слоя почвы сходны по составу. Пыльца древесных составляет всего 40–45 % от общего спектра, состав их постоянен, это преимущественно высоколетучая пыльца сосны и березы (по 15–20 %), единично представлены ель, дуб, липа, вяз, ольха и орешник. Состав трав разнообразен, доминируют злаки, в том числе культурные, осоки, сложноцветные, полыни, цикориевые. Присутствуют также другие луговые и рудеральные виды (гвоздичные, таволга, зонтичные, герань, бобовые, василистник, маревые, подорожник, щавель, кипрей, мальвовые, горец, крестоцветные). Состав пыльцы однозначно свидетельствует об открытости пойменного ландшафта, отсутствии леса в сегменте правобережной поймы, примыкавшей к Кунцевскому городищу, и господстве луговой и рудеральной растительности. Однообразие пыльцевых спектров на протяжении всего гумусового слоя погребенной почвы может свидетельствовать о длительности существования в пойме открытых антропогенных ландшафтов.

Разрез «пойма РАНИС» расположен на бровке правого берега высокой поймы Москвы-реки посередине между двумя городищами — Николина Гора и Успенское. Расстояние до первого 1,7 км, до второго — 1,9 км.

На спорово-пыльцевой диаграмме разреза (рис. 5, А; анализ Е.А. Спиридоновой) железному веку соответствует локальная палинозона 1, включающая пыльцевые спектры погребенной почвы 2, формировавшейся в начале и середине субатлантического периода, когда поверхность поймы не заливалась весенними паводками и на ней шло формирование почв зонального типа. С точки зрения почвенных характеристик погребенная почва 2 здесь имеет лесной генезис [Александровский, 2009].

Пыльцевые спектры почвы 2 в пойме РАНИС также однозначно свидетельствуют о ее лесном происхождении. В них преобладает пыльца древесных (70–80 % от общего спектра), среди которых доминирует ель (около 40 %). В то же время в почве 2 заметны некоторые очевидные признаки хозяйственной деятельности: единично представлена пыльца луговых трав, пашенных сорняков и рудеральных видов (полынь, маревые, горец, щавель, гречиха, мальвовые, иван-чай, орляк). В самом верхнем горизонте почвы также заметно некоторое сокращение участия ели. Однако мы не можем однозначно сказать, к какому периоду относятся отмеченные признаки хозяйственной активности, поскольку погребенная почва 2 формировалась длительное время (более 1500 лет), в течение которого не было накопления аллювия, но происходили разнообразные почвенные процессы, влияющие на сохранение и перемещение пыльцы в почвенных горизонтах. Весьма вероятно, что все антропогенные индикаторы относятся уже к самому последнему этапу формирования почвы 2 — средневековому.

От палинозоны 1 резко отличается палинозона 2, соответствующая мощному слою песчаного аллювия, отложившемуся в результате возобновления весенних паводков в течение XVII–XIX вв. и перекрывшему погребенную почву 2. В пыльцевых спектрах этой зоны много спор папоротников, плаунов и зеленых мхов, что часто связано с размывом и эрозией почв. Пыльцы древесных всего 50 %, это, скорее всего, занесенная издалека (с водоразделов) пыльца сосны и ели. Половину пыльцевого спектра составляют луговые и рудеральные травы. Зона соответствует периоду, во время которого пойма была безлесна и занята преимущественно заливными лугами. Очень высокая доля цикориевых, отличающая эту зону, может быть свидетельством того, что из-за паводков и отложения ила на данном участке поймы постоянно создавались участки открытого грунта, зараставшего растениями-апофитами.

Таким образом, результаты пыльцевого анализа свидетельствуют, что уже начиная с суббореального периода низкие уровни поймы РАНИС были заняты смешанными лесами с доми-

Изучение природных и культурных ландшафтов железного века в долине Москвы-реки...

нированием ели. В период функционирования городищ железного века уровень воды в Москве-реке был значительно ниже современного, современная поверхность поймы была надпойменной террасой, на которой под еловыми лесами сформировались хорошо развитые лесные почвы. Несмотря на относительную близость городищ железного века, имевших по археологическим данным весьма развитое хозяйство, явных признаков массового сведения леса и распашки поймы, относящихся именно к этому периоду, в спорово-пыльцевой диаграмме не наблюдается. Согласно пыльцевым данным, в пойме РАНИС естественные еловые леса сохранялись вплоть до средневековья, когда они были вырублены под пашни и луга.

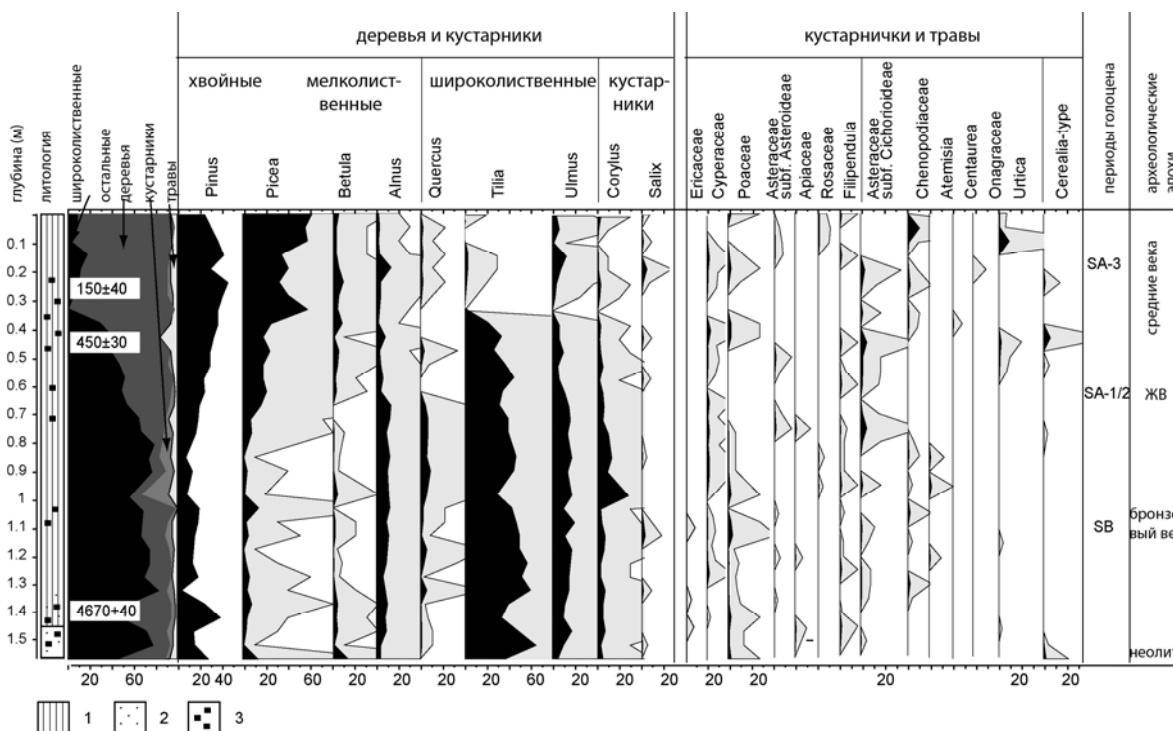

Рис. 6. Спорово-пыльцевая диаграмма торфяника Андреевский родник, 500 м от городищ Луцино-1 и Луцино-2. Участие пыльцы древесных рассчитано от суммы пыльцы древесных, участие пыльцы трав — от общей суммы пыльцы

Андреевский родник — маленький (50 м в диаметре) лесной торфяник, расположенный в блюдцевидном понижении на оползневой террасе крутого склона Москвы-реки, под дачей Андреевых, в 500 м к западу от городищ железного века Луцино-1 и Луцино-2 (рис. 1). Начало торфонакопления в нем датируется 4670 ± 40 л.н. (ГИН-14635). Как видно на диаграмме (рис. 6), растительность склона заметно отличалась от растительности нижней части поймы — здесь с конца атлантического периода доминировали широколиственные деревья, преимущественно липа и вяз², к которым в конце суббореального периода присоединилась ель. Эти широколиственные леса почти не претерпели изменений на протяжении всей второй половины голоцена, вплоть до даты 450 ± 30 л.н. (ГИН-14745). Выше состав спектров радикально меняется: широколиственные деревья сменяются хвойными, появляется пыльца трав и культурных злаков, а также уголь, что свидетельствует о полной вырубке (выжигании) вязово-липового леса. Важно отметить, что первое появление пыльцы антропогенных индикаторов, угля и признаков осветления леса четко датируется XV–XVI вв., т.е. только поздним средневековьем. Несмотря на близость городищ Луцино-1 и Луцино-2, никаких признаков антропогенных изменений растительности в эпоху железного века в данной диаграмме не наблюдается.

² Хотя пыльца разных видов вяза трудно различима в ископаемом виде, в данном случае мы можем утверждать, что это был вяз шершавый, или ильм (*Ulmus glabra* Huds). Небольшая популяция этого вида, в настоящее время редко для Подмосковья, сохранилась вокруг торфяника и была обнаружена П.Ю. Жмылевым во время археологических разведок.

3. Верхние уровни долины

Для реконструкции истории водораздельной растительности было проанализировано спорово-пыльцевым методом несколько торфяников на правом берегу Москвы-реки на удалении 1–3 км от русла реки. Это маленькие переходные болота, реже — окраины верховых болот, сохранившиеся после торфоразработок. Все они имеют менее 100 м в диаметре, небольшой по мощности слой торфа, часто облесены и имеют собственную, болотную растительность. В пыльцевых спектрах таких торфяников большую долю составляет локальная пыльца, и их диаграммы, таким образом, в значительной степени отражают динамику растительности самих болот, их окраин и их ближайшего окружения, т.е. в основном растительности водоразделов.

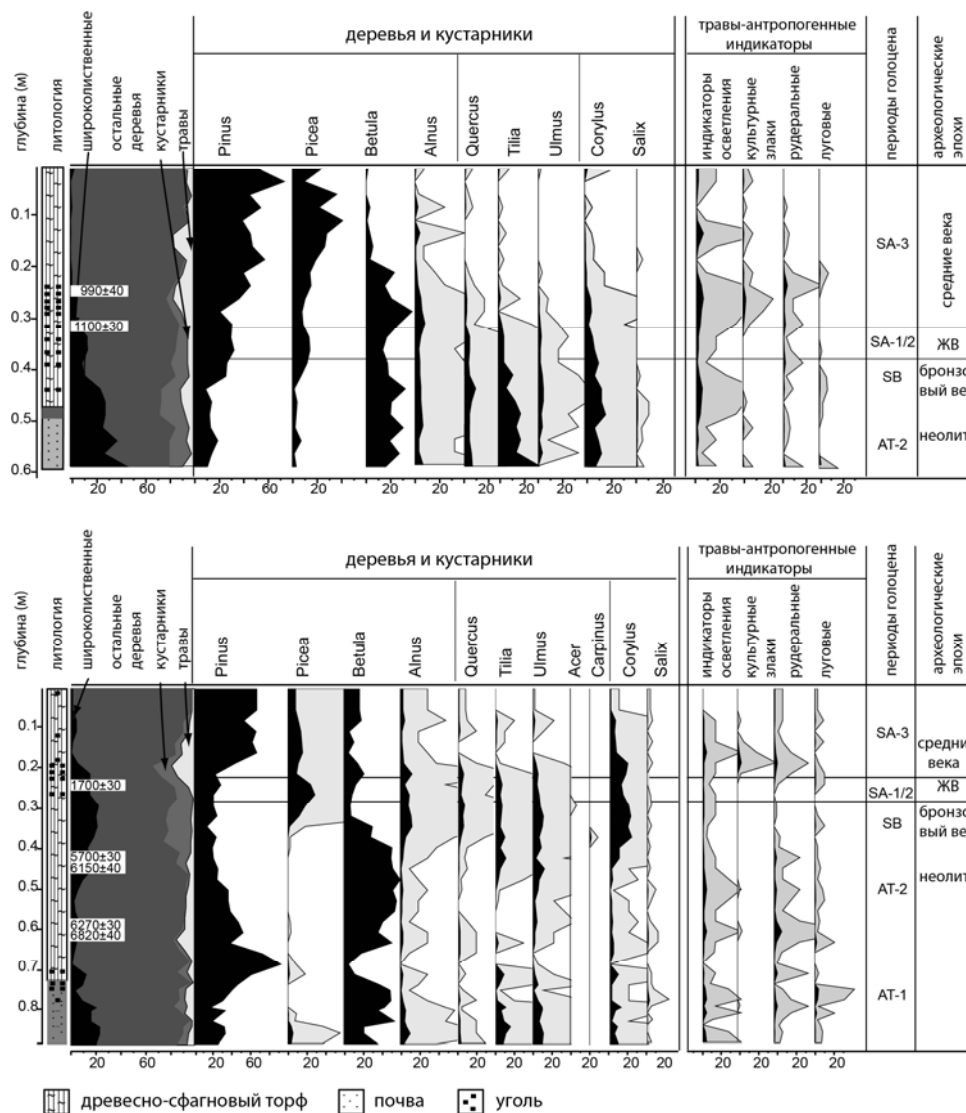

Рис. 7. Сокращенные спорово-пыльцевые диаграммы водораздельных торфяников:

А — Луцинское болото (1 км от городищ Луцино-1 и Луцино-2); Б — Карьер Сима (1 км от Бушаринского городища). Пыльца древесных представлена в % от суммы древесных. Группы антропогенных индикаторов (по [Behre, 1981, 1986; Poska et al., 2004]): 1) общие индикаторы осветления: *Apiaceae*, *Asteraceae liguliflorae*, *Asteraceae tubuliflorae*, *Caryophyllaceae*, *Rosaceae*, *Rosaceae*, *Melampyrum*, *Labiatae*, *Pteridium*; 2) культурные растения и пашенные сорняки; 3) рудеральные растения: *Brassicaceae*, *Plantago*, *Rumex acetosa-type*, *Urtica*, *Artemisia*, *Chenopodiaceae*, *Onagraceae*; 4) луговые: *Fabaceae*, *Galium type*, *Helianthemum sp.*, *Ranunculaceae*, *Campanula*, *Achillea-type*, *Alchemilla-type*, *Cirsium-type*, *Hypericum spp.*, *Thalctrum*

Во всех водораздельных торфяниках было отмечено крайнее замедление или прекращение торфонакопления в суббореальном периоде, что выразилось в формировании «переходно-

го горизонта». В начале субатлантического периода (SA-1, SA-2) торфонакопление возобновилось, но скорость его была очень низкой. Поэтому палинологические зоны, соответствующие эпохе железного века, на имеющихся спорово-пыльцевых диаграммах сильно укорочены по сравнению с последующей эпохой (SA-3). Тем не менее для двух торфяников были получены радиоуглеродные даты, близкие к времени функционирования поблизости городищ железного века (Луцинского и Бушаринского), что позволяет реконструировать в общих чертах растительность этого периода.

Окраина Луцинского болота, сохранившаяся после торфоразработок и последующего осушения окраина торфяника, расположена в 1 км к югу от русла Москвы-реки и от городищ Луцино-1 и Луцино-2. Жизнь на данном комплексе памятников началась не позднее VI в. до н.э. и продолжалась, возможно, с перерывами до первых веков новой эры.

Торфонакопление в Луцинском болоте началось около 7000 л.н. Эпохе железного века (позднедьяковская культура) на спорово-пыльцевой диаграмме (рис. 7, А) соответствует пыльцевая зона IV (SA-1, SA-2) с радиоуглеродной датой 1740 ± 30 (ГИН-14632). Для спектров этой зоны характерно абсолютное доминирование пыльцы древесных (95–97%). Именно в этой зоне участие ели достигает максимума (35 % от общей суммы), но одновременно велика доля широколиственных пород — дуба, липы, вяза, клена (до 20 %) и орешника (до 15 %). Данная палинозона отражает господство вокруг болота елово-широколиственных лесов с густым подлеском из орешника. Никаких признаков осветления леса не отмечается. Количество пыльцы антропогенных индикаторов минимально.

Палинозона IV резко контрастирует с палинозоной V, соответствующей времени средневековья (SA-3). В ней отмечается резкое падение общей доли древесных, сокращение ели и широколиственных пород при росте доли березы и сосны, появление угля, пыльцы культурных злаков, сорняков и многочисленных индикаторов осветления леса, вырубок и пожаров.

Карьер Сима представляет собой край верхового торфяника, сохранившийся после торфоразработок начала XX в., он расположен в 1 км к юго-востоку от Бушаринского городища. Этот памятник существовал длительный период начиная с середины I тыс. до н.э.; на нем же была найдена римская монета IV в. н.э.

Торфяник образовался на окраине мелкого заболоченного водоема, начало его образования относится к концу атлантического периода [Березина и др., 2001]. На спорово-пыльцевой диаграмме эпоха железного века отражена палинозой IV, расположенной ниже радиоуглеродной даты 1100 ± 30 л.н. (ГИН-14629) (рис. 7, Б). По данным ботанического анализа, это начало переходной стадии развития болота. Так же как и в Луцинском болоте, палинозона IV карьера Сима отличается абсолютным преобладанием пыльцы древесных (90–95 %), среди которых доминируют ель и широколиственные породы (дуб, липа, вяз) при значительном участии орешника. В отличие от Луцинского болота, здесь отмечено единичное присутствие пыльцы некоторых антропогенных индикаторов (полынь, маревые, цикориевые, некоторые луговые виды). Однако общее участие пыльцы трав в спектрах этой зоны крайне невысоко и очевидные признаки сведения леса или распашки отсутствуют.

В палинозоне III с датами 1100 ± 30 (ГИН-14629) и 900 ± 30 (ГИН-14628) л.н., соответствующей периоду средневековья, наоборот, отчетливо видны признаки пожаров, вырубок и распашки — резкое падение доли пыльцы деревьев за счет ели и широколиственных пород, увеличение доли березы, появление пыльцы культурных злаков, пашенных сорняков и угля.

Таким образом, несмотря на близость к пойме и городищам железного века Луцино-2 и Бушаринскому, пыльцевые данные водораздельных мелких торфяников полностью совпадают с данными региональной колонки (оз. Долгое) и не фиксируют серьезных признаков нарушений естественной лесной растительности в этот период. Очевидные признаки интенсивной хозяйственной деятельности (сведение леса, пожары, распашка) отмечаются только с начала славянского заселения долины Москвы-реки, т.е. с XI в.

4. Дьяковский культурный слой под курганом у д. Волково

Погребенная почва, содержащая керамику раннего железного века (возрастом около VI в. до н.э.), была обнаружена в 1940 г. при раскопах древнерусских курганов XII в. на правом берегу Милеевского оврага возле д. Волково под Звенигородом (рис. 1). В 2011 г. из почвы были отобраны образцы на спорово-пыльцевой анализ, результаты которого представлены на рис. 8. Спорово-пыльцевая диаграмма делится на три зоны, отражающие этапы формирования слоя.

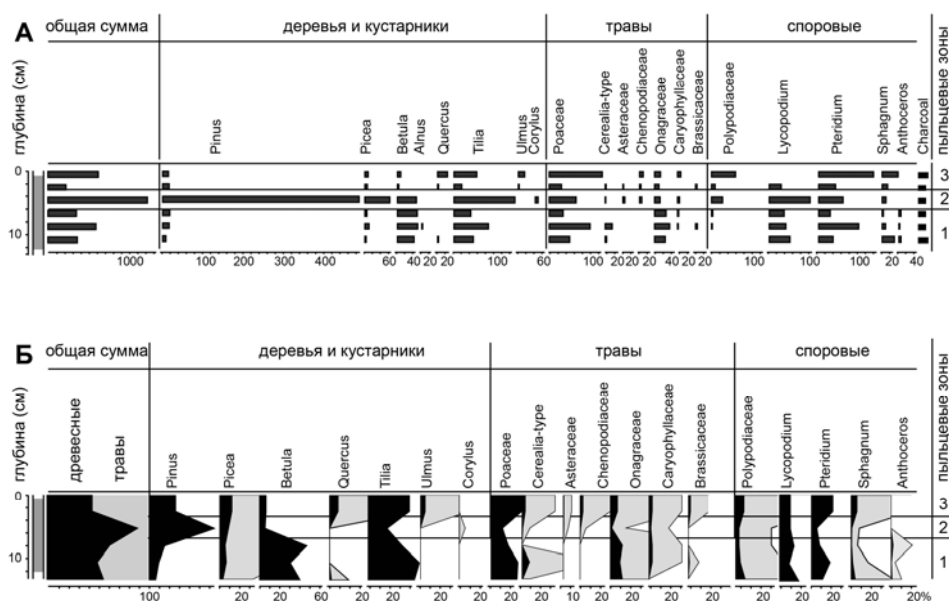

Рис. 8. Спорово-пыльцевые диаграммы погребенной почвы с культурным слоем железного века под курганом у д. Волково:
 А — концентрация пыльцы (п.з./см³); Б — участие пыльцы деревьев и кустарников в % от суммы древесных; участие трав и споровых в % от общей суммы пыльцы и спор

Зона 1. Деревья составляют всего 45–50 % от общего спектра, хвойные практически отсутствуют, доминируют липа и береза. Из трав много злаков, в том числе похожих на культурные. Очень много также пыльцы иван-чая, спор орляка и антоцеровых мхов. Характер спектров говорит об уничтожении леса вокруг дьяковского поселения и господстве растений, характерных для нарушенных почв, зарастающих вырубок и пожарищ.

Зона 2 резко выделяется как высокой концентрацией пыльцы, так ее составом. В нем много пыльцы деревьев вообще (до 90 % от общего спектра) и сосны в особенности (до 65 % от древесных), что позволяет предположить некоторый период, когда на месте поселения восстановился лес — в основном сосновый, но с некоторым участием ели и липы.

Зона 3. Деревья составляют всего 38–45 % от общего спектра, при этом они представлены преимущественно только липой, отсутствуют не только хвойные, но и береза. Из трав преобладают злаки, в том числе культурные (рожь), присутствуют также некоторые луговые и рудеральные травы, иван-чай и орляк. Спектры свидетельствуют о повторном сведении леса, наличии полей и рудеральной растительности. По-видимому, они соответствуют времени, предшествовавшему сооружению кургана, т.е. уже периоду славянского заселения.

Таким образом, анализ погребенной почвы свидетельствует в данном случае не только о локальном сведении леса в раннем железном веке, но и о том, что между периодами функционирования дьяковского и раннеславянского поселений, возможно, был период запустения и естественного восстановления лесов.

Заключение

Культурные ландшафты железного века характеризуют вторую стадию формирования антропогенного (культурного) ландшафта долины Москвы-реки (первая стадия относится к эпохе неолита и бронзового века). Эта стадия охватывает финальный бронзовый и железный век (эпоха городищ).

Согласно полученным палеоботаническим и археологическим данным, в это время вокруг городищ сформировались довольно обширные по площади локальные участки (несколько квадратных километров каждый) открытых пространств лугов и полей с устойчивыми границами. Имеются свидетельства сведения леса не только в пойме, но и по долинам малых притоков, довольно значительно удаленных от Москвы-реки (участок Волково). Пыльцевой и ботанический анализ образцов, отобранных в пределах зоны интенсивного освоения, особенно из

Изучение природных и культурных ландшафтов железного века в долине Москвы-реки...

культурных слоев, фиксирует признаки отсутствия леса и развитого земледелия, иногда на протяжении весьма длительных промежутков времени (Дьяково городище). Соотношение «деревья/травы» в пыльцевых спектрах таких отложений часто дает значения, не отражающие региональной ситуации в целом. Участие пыльцы трав в них завышено за счет обилия локальной, а иногда и искусственно принесенной с различными материалами пыльцы луговых, культурных и рудеральных растений.

Почвенные и пыльцевые данные свидетельствуют также, что, хотя долина Москвы-реки была густо заселена в железном веке, между участками окультуренных ландшафтов в пойме и на террасных склонах сохранялись не тронутые вырубками лесные массивы. Несмотря на примеры локального сельскохозяйственного освоения в железном веке некоторых участков верхних уровней долины, спорово-пыльцевые диаграммы большинства водораздельных торфяников, так же как и региональные диаграммы, почти не отражают следов антропогенных изменений. Они свидетельствуют о сохранении основной массы коренных водораздельных елово-широколиственных лесов вплоть до начала славянского освоения долины Москвы-реки.

Результаты археолого-палинологических исследований показывают, что в железном веке фактически была заложена основа агроландшафта, который стал типичным лишь тысячелетие спустя — в XII–XIII вв. Окультуренные участки ландшафта во время бытования дьяковской культуры имели «очаговый» характер с устойчивыми границами, что существенно отличало их от средневековых. Судя по археологическим и палеобиологическим данным, границы антропогенно измененных ландшафтов в эпоху средневековья стали более подвижными, гораздо большая по площади территория, сравнительно с железным веком, была в той или иной мере вовлечена в сельскохозяйственный оборот. Коренные елово-широколиственные леса были в основном вырублены под луга и пашни и частично замещены вторичными сосняками и березняками. Эти различия в характере воздействия на окружающую среду проявились в значительной степени из-за смены форм хозяйства, так как численность населения в регионе в XII в. относительно железного века принципиально не изменилась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Александровский А.Л.* Погребенные почвы в разрезе поймы р. Москвы у поселка РАНИС // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. 2009. Вып. 4. С. 344–346.
- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А., Янишевский Б.Е.* Пойменный ландшафт в долине Москвы-реки в железном веке и средневековье // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты / Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. М.: Наука, 2004. Т. 1. С. 189–202.
- Березина Н.А., Гольева А.А., Кривохарченко И.С.* К вопросу об истории растительности Звенигородской биостанции МГУ // Тр. Звенигород. биол. станции. М.: Изд-во МГУ, 2001. Т. 3. С. 38–60.
- Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А.* Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. 1996. № 4.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М., 2011. 546 с.
- Кренке Н.А.* Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к средневековью // РА. 2007. № 1. С. 64–78.
- Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д.* Хронология городищ «дьякова типа» в бассейне Москвы-реки в свете результатов радиоуглеродного датирования // РА. 2006. № 2. С. 121–133.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д.* Результаты палинологических исследований в пойме реки Москвы у поселка РАНИС // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. 2009. Вып. 4. С. 347–356.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Динамика природной среды Волго-Окского междуречья с I тысячелетия до н.э. по II тысячелетие н.э. // РА. 2004. № 3. С. 33–43.
- Филимонов Г.Д.* Краткое известие о раскопках Чертова городища под Москвой // Вестн. О-ва древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1876. Вып. 11–12.
- Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 200 с.
- Behre K.E.* The interpretation of anthropogenic indicators from pollen diagrams // Pollen et Spores. 1981. 23. P. 225–245.
- Behre K.E.* Anthropogenic Indicators in Pollen Diagrams. Rotterdam: AA Balkema, 1986. 245 p.
- Grimm E.C.* TILIA and Tilia graph: Springfield, U.S.A., Software available from Illinois State Museum, 1991.

Е.Г. Ершова, Н.А. Кренке

Kremenetski K.V., Borisova O.K., Zelikson E.M. The Late Glacial and Holocene history of vegetation in the Moscow region // *Paleontological J.* 2000. Suppl. 1. P. S67–S74.

Poska A., Saarse L., Veski S. Reflections of pre- and early-agrarian human impact in the pollen diagrams of Estonia // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology.* 2004. 209. P. 37–50.

*МГУ им. М.В. Ломоносова
eershova@rambler.ru

**ИА РАН
nkrenke@mail.ru

The paper presents results of archaeological and paleobotanical investigations in the valley of the Moskva-river, aimed at studying features of economic activity and spatial organization of land use in the Iron Age (VIII–VI cc. B.C. — V c. A.D.). Subject to detailed consideration being the specificity of formation of pollen spectra in the cultural layer of Dyakovo settlement, preventing from using those for general reconstruction of the regional vegetation. It was established that, using spores and pollen method, the signs of presence of developed agriculture, together with long-term anthropogenic changes in the landscapes, could be fixed only in the areas of intensive economic development immediately around the settlements, practically unnoticeable beyond their bounds. It is suggested that despite dense population in the valley of the Moskva-river in the Iron Age, the cultivated parts of the landscapes were of a «focused» character with stable boundaries. This considerably distinguished them from the medieval ones, when it was a much bigger territory, compared with the Iron Age, involved into agricultural circulation.

Iron Age, the Dyakovo culture, valley of the Moskva-river, cultural landscapes, buried soils, system of land use, spores and pollen analysis.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике и рубрикации «Вестника...». Основные разделы журнала — «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» — включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника». Иные материалы могут быть опубликованы в «Вестнике...» только по специальному решению редакционной коллегии. Ограничивать тематику публикуемых работ в территориальном и хронологическом отношениях редколлегия в ближайшем будущем не намерена. Однако при прочих равных условиях приоритет будет отдаваться работам, написанным на материалах Тюменского региона, Западной Сибири, Урала и сопредельных областей.

2. Рукопись должна быть представлена в редакцию «Вестника...» в печатном и электронном (на диске) вариантах. И печатный, и электронный варианты рукописи должны включать:

- а) основной текст статьи (рекомендуется выделять введение, основную часть, обсуждение результатов, заключение);
- б) библиографический список;
- в) иллюстрации и подрисуночные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями);
- г) список сокращений;
- д) аннотацию;
- е) список ключевых слов;
- ж) сведения об авторе (авторах) статей с обязательным указанием ФИО (полностью), места работы, должности, телефона, e-mail.

Непременным условием принятия рукописи к публикации является абсолютная идентичность ее печатного и электронного вариантов. Печатный вариант статьи направлять по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Статьи, отправленные только на электронный адрес, без дублирования печатного текста по обычной почте, не рассматриваются.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л. не рассматриваются.

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- форматировать заголовки, текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), черно-белые и цветные фотографии (последние будут воспроизведены в черно-белом виде), а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Фотографии должны быть контрастными, с хорошо проработанными деталями.

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). На обороте каждой иллюстрации следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. На обратной стороне иллюстраций с неясной ориентацией необходимо уточнить, где находится их верхняя часть, а где — нижняя.

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрису-

ночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

7. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих литер: а, б, в и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984б, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 4–11 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984а. Вып. 177. С. 29–37.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984б. С. 3–23.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: new evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

10. В аннотации средним объемом 500 печатных знаков необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы. Для облегчения перевода аннотаций на английский язык следует пояснить, от каких географических названий образованы встречающиеся в тексте наименования археологических культур, периодов, типов и т.п., приведя после наименований в скобках соответствующие топонимы в именительном падеже единственного числа. **В конце аннотации необходимо привести ключевые слова.**

11. Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.

12. **Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.**

Полное соблюдение правил оформления статей будет способствовать максимально быстрому выходу в свет присылаемых материалов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68. E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ — Академия наук Республики Татарстан
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИИФФ СО АН СССР — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭЧ СО РАН — Институт экологии человека СО РАН
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН — Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
КИГИ РАН — Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПМА — Полевые материалы автора
РА — Российская археология
РАГС — Российская академия государственной службы
РАН — Российская академия наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
УАЭ — Уральская археологическая экспедиция
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН

Журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (26)

2014

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 3.09.2014. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 21,2. Формат 84×108 1/16. Гарнитура «Arial». Тираж 300 экз.
Заказ №

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Сибирском предприятии «Наука» АИЦ РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.